

Максим АЛЕКСАШИН

«НАДЕЖДА» И «НЕВА»

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ЧИТАТЕЛЬСКАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ:

Дегтярева Алина Геннадьевна	культуролог, этнограф
Евдокимов Ростислав Борисович	член Союза писателей России, историк
Колесов Владимир Викторович	д.ф.н., профессор Санкт-Петербургского университета, филолог
Маковкин Лемир Филиппович	член Союза писателей России, переводчик
Морозов Глеб Александрович	библиотекарь-библиограф
Никитин Александр Дмитриевич	студент СПбГПУ
Никитина Елизавета Васильевна	филолог
Саранцев Михаил Кузьмич	полковник в отставке, садовод-любитель
Слевич Евгений Семенович	пенсионер
Соколов Юрий Борисович	ст. научный сотрудник Государственного музея политической истории России
Хайдоров Александр Дмитриевич	к.т.н., доцент
Шелов-Коведяев Федор Вадимович	к.и.н., профессор факультета политологии ГУВШЭ

КАКИЕ ГЕРОИ? КАКИЕ ЭПОХИ? КАКИЕ СТРАНЫ?
Присоединяйтесь к читательской редколлегии,
присылайте свои предложения!
Ваше участие определит состав серии
исторических романов.
E-mail: history@lovetoread.ru

Максим Иванович
АЛЕКСАШИН

Максим Алексашин

«НАДЕЖДА» И «НЕВА»

Москва
«Вече»

Алексашин, М.И.

А46 «Надежда» и «Нева»: роман / Максим Алекса-
шин. — М.: Вече, 2014. — 416 с. — (Серия историче-
ских романов).

ISBN 978-5-4444-2391-2

Знак информационной продукции 12+

Неудержимое желание служить России сводит вместе камергера двора Его Величества Николая Петровича Резанова и солонго морского волка Николая Хвостова, морского офицера Ивана Крузенштерна и его однокашника Юрия Лисянского, молодого мичмана-поэта Гаврилу Давыдова и эксцентричного авантюриста Федора Толстого. Душа их живет среди волн и ветра. Впереди — Атлантика и Бразилия, Камчатка и Япония, Америка и Алеутские острова.

Роман Максима Алексашина повествует о сложной драматической судьбе участников первого русского кругосветного путешествия.

УДК 821.161.1-311.6

ББК 84(4Рос)

ISBN 978-5-4444-2391-2

© Алексашин М.И., 2014

© Оформление. ООО «Метрпресс», 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

ОБ АВТОРЕ

Максим Иванович Алексашин родился в 1976 году на Буковине, в г. Черновцы — литературном центре Украины. Яркая книга о Куликовской битве — первая из прочитанных будущим писателем и публицистом — произвела на шестилетнего мальчика неизгладимое впечатление и предопределила дальнейшую литературную жизнь. Свое первое произведение в стихах автор написал уже в восемь лет, а в одиннадцать состоялась проба пера в жанре прозы. Погружение в литературу расширило кругозор ребенка, норма чтения которого составляла не менее 100—150 страниц в день. Научная фантастика, книги по спорту и политике, детективы и приключения — казалось, ничего не ускользнуло от взора будущего писателя, но любимым жанром так и осталась история. С годами жажду знаний уже невозможно было удовлетворить чтением исключительно книг, многие из которых порождали вопросы, ответы на которые автору пришлось выискивать самому. Так книга-воспоминание Евгения Крамаренко «Против “мессеров” и “сейбров”», в которой автор поднял вопрос о несправедливой исторической оценке личности Василия Сталина, заставила взяться за перо, чтобы рассказать о том, каким же на самом деле был сын «отца народов». Несколько лет кропотливой работы в архивах, встречи с однополчанами и друзьями опального летчика-генерала вылились в дебютную книгу «Последний бой Василия Сталина». Тогда же автор окончательно определился с жанром документально-исторического романа.

В течение года с небольшим из-под его пера выходит диалог «Шаги за горизонт», первую книгу которой вы, уважаемый читатель, сейчас держите в руках. Романтическая история любви калифорнийской красавицы Кончиты д'Аргуэльо и русского камергера Резанова и предвзятая оценка их личностей современниками подтолкнула на поиски истины. Автор собрал огромное количество материала, охватывавшего период с 1789 по 1821 год, на базе которого и была написана книга. В ней Резанов выступает не в роли героя-любownika, а в роли устроителя новых земель, расширившего влияние России до

Калифорнии и Гавайских островов, а Курильско-Сахалинский рейд кораблей «Юнона» и «Авось», организованный Резановым, позволил закрепить за Россией весь Курильский архипелаг. Настоящее научное изыскание, к которому удалось подключить американских и немецких ученых-историков, а также их российских коллег, расшифровка малоизученных документов и перевод книг спутников камергера с немецкого и английского позволили по-иному взглянуть на личность Резанова в разрезе его деяний.

Библиография М. Алексашина пока что скромна, всего несколько книг, но трудолюбие и педантичность, с которой автор подходит к вопросам истории, позволяют надеяться на плодотворность его литературной деятельности. На сегодня практически завершена очередная книга, посвященная вопросам начала проникновения России в Закавказье. Это первая книга трилогии, главными героями которой выступают полковник Павел Михайлович Карягин и его егеря П.С. Котляревский и Д.Т. Лисаневич, чьи имена некогда вызывали восхищение как в самой России, так и в стане ее врагов. К сожалению, ныне они забыты, а ведь некогда А.С. Пушкин называл Котляревского «Бичом Кавказа», а поход полковника Карягина изучается в военных вузах США и стран Ближнего Востока. Также заложен фундамент и проводится сбор материала для очередного проекта, посвященного семье Бутаковых, каждый член которой является легендарной личностью.

На сегодняшний день автор проживает в городе Севастополе. Диапазон его увлечений широк. Кроме литературных изысканий в круг его интересов входят альпинизм, авиационный спорт, судомоделизм. Кроме того, он занимается поэзией, пишет сценарии.

Избранная библиография Максима Алексашина:

- «Последний бой Василия Сталина» (2007)
- «Надежда» и «Нева» («Замысел камергера») (2013)
- «Юнона» и «Авось» («Ответ камергера») (2014)
- «Врата Кавказа» (2014)

Глава 1 ХВОСТОВ, ДАВИДОВ И ТОЛСТОЙ

Были петербуржцы — станем сыктывкарцы.
На снегу дуэльном — два костра.
Одного — на небо, другого — в карцер!
После сатисфакции — два конца!
Но пуля врезалась в пулю встречную.
Ай да Давыдов и Хвостов!
Враги вечные на братство венчаны.
И оба — к Резанову, на Дальний Восток...

А. Вознесенский

Воскресенье, 4 апреля 1802 года, выдалось необычайно теплым для просыпающегося от зимней спячки Петербурга. Набережная Мойки, еще недавно шумная, к вечеру совсем опустела. Люди спешили по домам, чтобы отдохнуть и погасить пену, переполнявшую бокал эмоций. Невиданное доселе в России чудо — воздушный шар, летевший над улицами Петербурга, безумства молодого поручика Преображенского полка и испуганные вопли инженера Гарнерена, притащившего из Франции свой «аттракцион», — все это не могло оставить равнодушным столичный город с патриархальным укладом жизни. А пока именитые горожане за вечерним ужином обсуждали увиденное, сам виновник торжества, Федя Толстой, уединился в полуподвальном кабаке, где его вряд ли кто мог узнать. На ужин в казармы полка молодой человек никак не поспевал, так что кусок холодной ветчины с хлебом и кружка вина

были как никогда кстати. Федор ел не спеша, периодически замирая. Он то встряхивал головой, как бы пытаясь освободить ее от ненужных воспоминаний, то невольно улыбался, в очередной раз «переживая» свой полет.

А ведь день начинался скучно. После утреннего построения офицеры, не несшие вахту, шумной гурьбой отправились в город. Преображенские казармы опустели и погрузились в дремоту, как бы отдыхая от молодых щеголей, чьи фамилии были всегда на устах старших офицеров. Извергая свою кипучую энергию на проходивших мимо мещан и ремесленников в виде сальных шуточек и импровизированных розыгрышей, офицеры добрались до Мойки, где их взору предстало чудо современной техники — воздушный шар. Порывистый ветер болтал его в разные стороны, что, видимо, и было причиной беспокойства козла Васьки, которого для наглядности водрузили в корзину, судя по неистовому блеянию, против его воли. Борт корзины был настолько высок, что бедному животному не представлялось никакой возможности выбраться оттуда, к тому же те два метра, что отделяли корзину от земли, не сулили козлу ничего, кроме сломанных конечностей. Так что несчастному Ваське, купленному здесь же за несколько целковых у крестьянина, шедшего на ярмарку, не оставалось ничего другого, как сотрясать пространство своими воплями. И неизвестно, как скоро бы охрип козел, если бы со стороны замороженных зрителей не пришла неожиданная «помощь» в мундире офицера-преображенца. Бедное животное и знать не могло, что Федя Толстой, решивший сменить его в корзине, подарит ему неожиданную свободу. Правда, свобода оказалась недолгой. Федины сослуживцы тут же набросили на козлиные рога портупею и привязали Ваську к дереву.

Француз Гарнерен, хозяин воздушного шара, не сумевший объяснить все выгоды своего изобретения военному министру Франции, приехал пытать счастье в России, где в Военную коллегия его просто не пустили. Учитывая огромные расходы, которые Гарнерен понес во время путешествия, нетрудно понять, что денег на обратную дорогу у него не осталось. Так что единственным спасением для несчастного иностран-

ца, имени которого в России никто не мог выговорить, был аттракцион с его воздушным шаром. Знал бы Гарнерен, что этот весенний день так резко изменит его жизнь, что уже через сто лет все его потомки будут считать себя исконно русскими, а сам он примет православие, наверное, бежал бы из России бегом, бросив свою затею с попыткой заработать деньги на сомнительном аттракционе. Но судьба в лице поручика Преображенского полка в высоких ботфортах сама взобралась на борт его шара и саблей молодого красавца перебила крепежный канат как раз в тот момент, когда Гарнерен забирался в корзину, чтобы объяснить молодому поручику, как нужно себя вести во время подъема. Естественно, француз не успел предупредить Федора, бравирующего своей молодешкой удалью перед многочисленными дамами, которые восторженно махали платочками и периодически падали в обморок, о том, что крепежный канат ни в коем случае нельзя отвязывать. Удар Фединой сабли по канату избавил француза от длительных инструкций и нотаций. Жена Гарнерена, помогавшая в организации полета, едва успела заметить, отвернувшись на миг от аэростата, как исчез ее суженый, оставив несчастную женщину посреди незнакомого большого города в окружении хохочущих друзей Толстого.

В следующий момент порыв ветра, резко подбросив шар вверх, понес не на шутку испугавшихся юношу и инженера в сторону Крестовоздвиженского собора. И неизвестно, насколько плачевно окончился бы первый полет в небе России для смельчаков, если бы на пути движения шара не выросла колокольня монастыря, за крест которой и зацепилась корзина аэростата. Оцепеневший от страха, Гарнерен впился в ивовые прутья корзины с такой силой, что прибывшей через час пожарной команде пришлось вырубить часть борта, чтобы снять его. И сколь велико было удивление пожарных и настоятеля монастыря, когда Гарнерен пытался убедить их, что летал он не один и всему виной сумасшедший офицер, которого и след простыл. А произошло следующее. В момент, когда корзина врезалась в крест, несколько фал шара не выдержали и треснули, безжизненно свесившись почти до земли. Не растеряв-

шись, Федор как раз ими и воспользовался, покинув корзину шара и пригрозив напоследок Гарнерену, что, если он проговорится кому-нибудь о том, с кем ему довелось летать, не сносить французам головы. Этот аргумент, а также то, что спас его жизнь как-никак православный крест, за который зацепилась корзина, и стало последней каплей для бедного француза, чтобы принять решение сменить веру. Хотя, по правде говоря, теперь-то Гарнерену, в одночасье потерявшему все, точно некуда было идти.

Федора Толстого заботило теперь только одно — успеть бы добраться до казарм к вечернему построению. Но судьба, с которой он так лихо заигрывал, распорядилась иначе, приведя его в ночной кабак неподалеку от того места, где у Федора начался этот безумный день.

Юноша мрачным взглядом обвел помещение. Суетливый толстый кабатчик услужливо бегал между столами, пытаясь угодить немногочисленным постояльцам, среди которых Федор увидел группу офицеров в морской форме. Один из них, совсем молодой, безусый паренек, с трепетом внимал второму — экспрессивному и громкому собеседнику. Федор с любопытством вслушался в разговор.

— Друг мой, я отправляюсь в Америку! — произнес тот, что постарше. — Хотел бы видеть тебя рядом! Гаврила, мы пройдем с тобой путем Беринга и Чирикова, нашими именами назовут острова и заливы! Ты мечтал служить России и преумножить ее славу! Вот он шанс! Решайся!

Гаврила Давыдов, мичман Военно-морского флота России, уже давно не был в море. Его оппонент — Николай Хвостов, напротив, считался просоленным морским волком, прошедшим Русско-шведскую войну, побывавшим не в одном сражении и отличавшимся особой храбростью, о чем свидетельствовала золотая медаль на лацкане его мундира. Стол, заставленный опорожненными бутылками, указывал на то, что разговор был длительным, но серьезным. Третий из сидевших за столом, лейтенант Головачев, друг и сослуживец Хвостова, также опытный морской офицер, оказался не столь силен в выпивке, как его друзья, потому мирно посапывал, положив

голову на стол, только изредка мешая сонным бормотанием позднему разговору.

От столь заманчивого приглашения у Гаврилы захватило дух. К нему, больному то ли простудой от хандры, то ли хандрой от простуды, из глухой псковской деревни, загоняя по пути лошадей, примчался его друг, и только лишь для того, чтобы предложить совместное путешествие на край света! Такой поступок Николая наполнил душу Гаврилы теплом и верой в людей. Перед глазами молодого мичмана прошла вся его скромная и не отмеченная сколько-нибудь весомыми событиями жизнь...

Родился Гаврила Давыдов в эпоху русской экспансии в южном Причерноморье. Это было время славы адмирала Ушакова и генералиссимуса Суворова. На одиннадцатом году жизни, в 1795 году, он был определен в Морской кадетский корпус, в коем пробыл три года. Под конец пребывания в Корпусе он совершил плаванье на учебном судне в Англию, Данию и Швецию. В 1798 году четырнадцатилетний Давыдов был произведен в офицеры и оставлен в том же Корпусе, а через год, в 1799 году, был послан на Балтийский флот, который занимался переброской десанта в Голландию, и провел зиму в Эдинбурге. В 1801 году он был переведен из Корпуса на флот и с тех пор жил в Петербурге. На Рождество отправился навестить родителей, заболел, да так и остался до весны на родительском попечении. Где-то в глубине души Гаврила завидовал своему другу Николаю, который, будучи ненамного старше его, уже успел отличиться.

Лейтенант флота Николай Александрович Хвостов, сын статского советника Александра Ивановича Хвостова и Екатерины Алексеевны Хвостовой, урожденной Шельтинг, родился 28 июля 1776 года. На службу в Морской кадетский корпус был определен в 1783 году. Получив звание гардемарина, Николай тут же попал на войну со Швецией. К своим четырнадцати годам юноша уже успел побывать в двух крупных морских сражениях и получить золотую медаль.

После заключения мира со Швецией в 1791 году он был произведен в офицеры и после нескольких походов в Балтий-

ском море в 1795 году отправился в Англию в составе эскадры, посланной для охраны английских берегов, где состоял под начальством вице-адмирала Ханькова. Через год эскадра отправилась обратно в Россию, но по ее прибытии в Копенгаген часть кораблей под начальством контр-адмирала Макарова была опять возвращена в Англию. Так Хвостов вторично попал в Туманный Альбион. Еще через год контр-адмирал Макаров привел свою часть эскадры в Кронштадт. Летом 1797 года эскадра была вооружена вновь для совместных действий с английским флотом против общего противника — Франции и ее союзников. Руководство эскадры взял на себя возведенный в звание вице-адмирала Макаров. Хвостов не упустил случая в третий раз отправиться в Англию. Эта кампания затянулась на долгие три года. Когда английская эскадра, состоявшая под начальством вице-адмирала Митчеля, захватила голландский флот близ Текселя, которым командовал контр-адмирала Стори, в ее составе находилось два русских корабля — «Мстислав» и «Ретвизан». На последнем находился Хвостов, успевший дослужиться до лейтенанта. Тут-то и произошла неприятность с некоторыми английскими кораблями и нашим «Ретвизаном». Идя круто к ветру на всех парусах, несколько кораблей налетели на мели. Командами были приняты все меры для спасения судов. Командовать спасением «Ретвизана» Хвостов вызвался лично, так как скорое приближение ночи грозило гибелью кораблю и его команде. Начался шторм. Перед тем как принять последнюю попытку к спасению судна, лейтенант Хвостов записал в дневнике: «Состояние наше весьма несносно, все корабли проходят мимо нас, а мы стоим на мели и служим им вместо бакена! Вся надежда наша быть в сражении и участвовать во взятии голландского флота исчезла, в крайнем огорчении своем все мы злились на лоцмана и осыпали его укоризнами, но он и так уже был как полумертвый. Английский корабль “Америка” стал на мель, сие принесло нам некоторое утешение. Хотя и не должно радоваться чужой напасти, но многие причины нас к тому побуждают: по крайней мере англичане не скажут, что один русский корабль стал на мель, и может быть, Митчель без двух кораблей не

решился дать баталин, а мы между тем снимемся и поспеем разделить с ними славу».

Так и случилось. Вице-адмирал Митчель встал на рейд в ожидании двух судов и, не зная, что с ними произошло, не решился дать бой ослабленной эскадрой. Каково же было его удивление, когда на горизонте появился «Ретвизан» и, ломая строй голландской флотилии, без фока, с потрепанным такелажем и сильно протекая, дал первый залп в гущу неприятеля. Его дружно поддержала английская флотилия...

По возвращении в Россию Николай Хвостов за свою смелость получил золотую медаль, однако после вынужден был около полутора лет провести на одном месте, так как новых задач морскому офицеру пока не находилось. Все это время он жил в кругу семьи под Петербургом, в деревне Кежево, недалеко от эстляндской границы. Стоит заметить, что отношения в семье Хвостовых были построены на любви и взаимоуважении и являлись собой образчик, на который равнялись соседи-помещики. Они любили бывать в уютном особняке обедневшего семейства, когда глава дома Александр Иванович Хвостов со своими детьми устраивал чаепития. Особый интерес соседей вызвал приезд Коленьки — теперь уже лейтенанта Российского флота Николая Хвостова — который по вечерам с увлечением рассказывал о своей морской службе и подвигах, на которые способны русские моряки. С его уст не сходили фамилии Макарова и Ушакова, чью тактику он так удачно применил во время боя с голландцами на потрепанном «Ретвизане». Вскоре Николай заметил, что особо часто в доме стала бывать семья Волковых с дочерьми. И если старшая, Ольга, не проявляла интереса к рассказам Коли, то младшая, Анечка, с замиранием сердца ждала каждой встречи с отважным моряком. Николай начал очень красиво, с цветами и стихами, ухаживать за пятнадцатилетней Анечкой. Родители двух молодых людей были рады. Казалось, судьба Николая складывалась как нельзя лучше, но его ночные бдения в отцовской библиотеке и все большая отрешенность от окружающего мира насторожили отца, а затем переживания передались и матери. Как ни любил молодой моряк своих отца, мать, братьев и сестер, как ни радовался возможности быть

с ними вместе, однако, не привыкший к спокойной и праздной жизни, не удовлетворенный рутинной береговой службой, Николай только и ждал случая проявить свои незаурядные способности прекрасного морского офицера.

В своих мечтах, которые вернее было бы назвать жизненными планами, юноша видел себя капитаном судна, а возможно, и флотилии, дающей генеральное сражение противнику. Он всегда побеждал, во снах и наяву, поэтому шел к своей мечте с уверенностью человека, знающего будущее, смело ступающего, спешащего вперед. И вот настал тот день, какой бывает в жизни каждого человека. Это был день выбора своей судьбы, когда она предлагает столько заманчивых вариантов, и только один, иногда нелогичный и непредсказуемый, оказывается верным. Этот шанс нельзя осознать разумом, его можно только почувствовать, когда терпкий ком подкатывает к горлу и человек рвет свои корни, чтобы противостоять вызовам и невзгодам, которые сам для себя выбрал. Однако для Николая выбор оказался очень тяжел. Чрезмерная привязанность к родным и беспредельная любовь к славе были двумя главными свойствами его души. Но жизнь сама сумела свести эти две черты мужского характера в случай, который окончательно решил судьбу молодого лейтенанта.

Как-то вечером, сидя в отцовской библиотеке, Николай услышал тихие шаги за спиной. Казалось, кто-то, стараясь не привлекать к себе внимания, крадется по комнате. Николай обернулся и увидел отца, открывающего свое бюро на письменном столе и что-то достающего оттуда.

— Двадцать лет государю верой и правдой, — слышалось бормотание старика. — России-матушке... А дочерям даже приданого не насобирал.

Николаю, всей душою любившему отца, тяжело было слышать подобное.

— Отец...

У рабочего стола послышалась суетливая возня.

— А, сынок, это ты здесь. Не заметил. Что ж ты, сердешный, не спишь? Али думы про Анечку, соседку нашу, сон твой молодецкий гонят прочь? Что бродишь, полуночник?

Улыбающийся Александр Иванович обнял за плечи сына. Затем, взяв из его рук тяжелую монографию, взглянул на титульную страницу и дружески похлопал сына по плечу.

— Понимаю, Коленька, не девичьи слезы, а море — слезы земли — не дают тебе покоя.

— Бапашка, а что вы бормотали себе под нос, когда вошли?

— Не хочется огорчать тебя сынок, но...

— Продолжайте, папенька!

— Еще при покойной императрице Екатерине мы с Колей Резановым выполняли различные миссии, о коих и ныне я не вправе распространяться. Одним словом, Родине мы служили! Матушка-императрица Екатерина Великая Колину удаль и мою смекалку шибко любила. Птенцами Удачи-птицы называла нас. Вот хоть бы и твой кумир — адмирал Ушаков. Это, сынок, мы с Резановым вперед его шли и с англичем договаривались. Без наших побед в кабинетах чужих правителей чего бы стоили победы на полях брани? А уж как покойный император Павел это понимал! Не то что нынешний... С корсиканским выскочкой замирился! Ушакова — в деревню, Суворова — в деревню, и я за компанию с ними угодил. Павел любил людей дела. Александр же любит тех, кто болтает много. А ведь папенька сыночку самую лучшую армию в мире подготовил, на Север, Восток и Юг смотрел смело. Окрестные моря на ладошках выложил... Царь наш Александр Павлович либералом себя называет. Ишь ты, слово красивое выискал! А по мне, либералом в миру себя называет тот, кого во время войны трусом и предателем считают. Договариваться надо уметь обязательно. Но до боя, а во время боя — бить. Во время боя уговоры некогда вести. Да ты и сам эту науку нехитрую уже прошел. Коля Резанов помоложе — ко двору пришелся, а меня даже пенсии — и той лишили. Чиновники сказали — реляций нет, чем себя прославил? За что пенсию платить? Им не сказал, а тебе, сынок, отвечу (терять-то мне нечего) — Мальту под свое крыло Россия взяла благодаря резановскому и моему слову, а Павел-император покровительством своим тамошний Орден умилиствовал. Англия-союзница не при делах оказалась, в то время как Россия в центре Средизем-

ного моря свой форпост обосновала. Какие же реляции по этому поводу писать? Напишешь тут, так не дай господь, за Павлом-императором угодишь. Так меня не забыли, все припомнили, отправили в глушь деревенскую. Добро, дарованное Екатериной-матушкой и Павлом, отобрали... Хорошо, хоть Колю Резанова, ученика моего по дипломатии, не тронули.

Старик-отец подошел к окну и что-то еще долго бормотал, вглядываясь в кромешную тьму. Коля, боясь побеспокоить отца, только по обрывкам фраз догадался, что Александр Иванович Хвостов прожил сложную и непростую жизнь, в которой было много таких моментов, о которых он впервые, видимо, решил заговорить. Вдруг отец снова обернулся к сыну:

— Люди разные, сынок. Ты это поймешь. Не стоит оценивать человека по его действиям на людях. Он может куртизанить и пьянствовать, может мышью тихой сидеть с видом мрачным, а может попросту кулаком тебе промеж глаз зарядить. Но все это вовсе не говорит о его дурных наклонностях. Если хочешь понять человека, надо знать, каков он в одиночестве. Может, пьет человек от горя, а по ночам в подушку воет. Или хмурый весь день, серьезный, а домой придет, деток к груди прижмет — и нет прекраснее человека на всей земле. А тот, что ударить хочет — не на тебя, а на себя злобу в драке вымещает. Он, может, во хмелю или по дури зол, а как протрезвеет — раскаяния и прощения просит. Жизнь сложна, и люди недалекие быстро на обочине оказываются. Да и далекие могут так нахитрить, что с собою не знают, что сотворить потом. Сам себе уже не нравится, а поменяться не может, потому как соблазны не дают обратно к облику человеческому вернуться. Вот я тебе про жизнь рассказываю, а у самого гроша за душой нет. «Что ж ты, умный такой, денег не накопил», — спросишь ты меня? А потому, сынок, что службу свою служил Родине, а чин свой нес выше подношений. А подносят кто? Предатели! Человеку честному и так все делается, коли на душе, на совести да в бумагах лад. Честь мне не позволяла за деньги против совести идти! Вот так и остался с одной честью.

По щекам молодого лейтенанта катились слезы. Он вспоминал детство с редкими наездами отца, который не баловал по-

дарками, но одаривал всех детей радостью и любовью. Ему хотелось сделать что-то, что изменило бы бедственное положение семьи, о котором он и не догадывался. Однако, будучи человеком твердого характера, Николай быстро взял себя в руки и, обняв за плечи отца, предложил:

— Отец, моего жалованья хватит вам с маменькой и сестрами на полгода. А дальше я придумаю, как вам помочь!

— Коленька, ты молодой. Деньги тебе самому нужны. Жениться захочешь, так мы с мамой не помощники. Оставь себе. Мы уж как-то сами. А коли дела настоящего хочешь, отправляйся-ка, сынок, в столицу, к дяде своему, вице-адмиралу Шишкову Александру Семеновичу¹. У него связи большие. Он введет тебя в Адмиралтейств-коллегию, а уж там — все планы России как на ладони, все морские проекты. Александр Семенович — большой поклонник русского языка, ты не вздумай с ним по-французски разговаривать — выставит за дверь и не посмотрит, что родственник! Он член Императорской Российской академии, которая противопоставляет себя Академии наук, управляемой преимущественно иностранцами. Раз в неделю Александр Семенович проводит литературные вечера. Там все: Державин, Румянцев, Мордвинов. Помнишь, в детстве я читал тебе книги из «Детской библиотеки» Кампе? Дядя твой перевел. Державин Александра Семеновича называет «самым русским» из известных ему людей. Бывает у него и твой тезка, Николай Резанов. Не забывает меня, старика, письмо вон прислал, тобой интересовался. Встал Резанов в голову Российско-Американской компании и ищет моряков, но не лихоимцев, хотя и платит Компания хорошо. Ищет он людей дела. Америку освоить хочет. А какая же колонизация без торговли морской, без флота военного, готового интересы России в океанах отстаивать? Вот и понадобились Компании хорошие моряки, правильные люди. А о твоих, Коленька, под-

¹ Шишков А.С. (1754–1841) – адмирал, крупный политический деятель, известный российский литератор, член Императорской Российской академии, славянофил, издатель. Он был супругом родной тетки Николая Хвостова. Благодаря усилиям А.С. Шишкова в 1810 году увидела свет книга Гавриила Давыдова «Двукратное путешествие морских офицеров Хвостова и Давыдова в Америку».

вигах Николай Петрович наслышан. Хотел бы он видеть тебя на службе морской.

— Поеду, отец! Как есть поеду! Мне радость от плаваний, да и вам подмога! А где же мне поселиться в столице?

— Остановишься у моего двоюродного брата — Александра Семеновича Хвостова. С приходом царя Александра он вернулся на службу. Возвышен и в милости. У нас в семье все герои. Помнишь, я рассказывал о мальчишке, первым при штурме Измаила взобравшемся на крепостную стену и поднявшем русский флаг? Так вот это он и есть! Герой, и тоже много пишет. Кстати, литературные вечера Шишков проводит в его доме.

— Отец, вы дали мне более того, что мог бы ожидать от вас! А самое главное — дали жизнь и славное имя. Клянусь не посрамить род и отдать жизнь на подвиг, Отчизне обещанный!

— Не сомневался я, сынок, в тебе. Не сомневался... А теперь ступай спать и с Анечкой перед отъездом не забудь попрощаться. Я же пока ответ Резанову напишу. С ним и благословлю тебя в дорогу.

Вернувшись в Петербург, Николай подался к своим влиятельным родственникам, с помощью которых, не уведомив о том родителей, Николай Хвостов выхлопотал аудиенцию у самодержца всероссийского, императора Александра. Не сильно отличаясь возрастом, царь и лейтенант его флота быстро нашли общий язык. Александр I оказался человеком, не лишенным положительных качеств. Кроме внутреннего спокойствия и какого-то особого сосредоточения, царь Александр был умен и продвинут в военных науках. И когда молодой лейтенант рассказывал о своих приключениях, Александр часто прерывал его, интересуясь подробностями. С присущим молодости максимализмом император и моряк строили планы на будущее, и кружила их головы будущая слава России, добытая на неведомых берегах. Когда разговор коснулся прошлого России, ее славных побед, Николай заговорил об отце и сообщил, в каком бедственном положении находится его семья. Стоя на коленях, молодой лейтенант попросил все свое жалование переправлять родителям, оставляя себе денег только на

мундир и пропитание. Александр, удивляясь, что видит перед собой в подобном положении морского офицера, и думая, что он по бедности просит его о собственной своей нужде, приказал ему встать и успокоиться.

Возмущенный услышанным и увиденным, юный самодержец позвал Николая Петровича Резанова и велел выдать лейтенанту тысячу рублей ассигнациями. Коля Хвостов наотрез отказался брать деньги, заявив, что он получает жалование и не имеет никакой надобности в деньгах и не из-за собственных нужд осмелился утруждать его величество, а ради разоренных отца и матери. Александр, проникшись чувствами к молодому лейтенанту, приказал ему все-таки принять эту тысячу рублей. Когда лейтенант покинул залу для аудиенций, Александр, наведя у Резанова, наблюдавшего за этой сценой, справки о Хвостове-старшем и узнав, что статские советники Резанов и Хвостов-старший некогда пересекались по службе (при этом догадываясь, насколько важными для страны были дела, которыми они занимались при Павле), велел определить старику, за которого так горячо заступался сын, тысячу рублей ежегодной пенсии. Так впервые встретились люди, которым дано было определить судьбу России на далеких американских берегах: юный император Александр I, обер-прокурор Сената и глава Российско-Американской Компании Николай Петрович Резанов и морской офицер, жаждущий славы России — Николай Хвостов.

Вечером в доме его дяди, известного в столице поэта, Александра Семеновича Хвостова, состоялся литературный вечер. Открывал вечер сам хозяин очередным своим шедевром эпистолярного жанра. Признаться честно, в литературных кругах Санкт-Петербурга таланты Александра Семеновича ставились под сомнение. Над ним даже тайком посмеивались, но обилие произведений, выходивших из-под его пера, невольно заставляло уважать по крайней мере трудолюбие автора. Впоследствии слово Александра Семеновича стало более отточено, а слог радовал слух. Молодой Гаврила Державин обрел в его лице тактичного критика и помощника на литературном поприще.

Когда мэтры русской словесности ознакомили собравшихся со своими новыми произведениями, свет канделябров озарил лицо безусого мальчишки в мичманской форме, осмелившегося прочесть свои стихи в кругу именитых литераторов. Точно не известно, что именно — морская форма или яркий слог юного дарования — привлекли внимание дремавшего до этого другого флотского офицера, но в тот же вечер адмирал Шишков, который также представил свои литературные опыты, познакомил лейтенанта Николая Хвостова и мичмана Гаврилу Давыдова. И в тот самый момент, когда молодые моряки, позабыв о тематике вечера, горячо спорили о применении новых артиллерийских морских систем на судах, к Николаю подошел Шишков и, отведя в сторону, сообщил, что с ним хочет пообщаться его старый друг, дипломат и царедворец, господин Резанов. Хвостов, вспомнив прекрасные отзывы отца о камергере, тут же удалился из залы и в дверях нос к носу столкнулся с высоким человеком, который весь вечер провел здесь, наблюдая за лейтенантом, и сейчас вызвал к себе для разговора.

— Здравствуйте! Я — Резанов! — представился царский сановник. — Мы, кажется, виделись с вами на приеме у императора? Не так ли?

— Совершенно верно! — подтвердил Хвостов, протягивая Резанову рекомендательные письма. — Очень рад, милостивый государь, Николай Петрович! Отец о вас много рассказывал! Для меня большая честь — видеть вас!

— Полно, лейтенант! Не забывайте, перед вами не просто чиновник, а друг вашего отца.

Оглядев статную фигуру лейтенанта, Резанов задумчиво заметил:

— Вырос-то как! Я ж ведь тебя совсем мальчишкой помню! — Затем, оглядевшись, с улыбкой спросил: — Не тесновата каюта?

— На суше много ли места надо моряку? Мне дела настоящего не хватает, моря!

— Как раз с этим, друг мой, я к тебе и зашел. Но сначала поручение императора...

Пригласив царедворца в комнатку, которую Хвостов ангажировал у дяди на Канатной, и усадив его за стол, Николай

выложил перед гостем те угощения, которыми мог побаловать себя русский моряк, а именно: сельдь, штоф водки, краюху хлеба и зеленый лук, купленный по случаю в порту у голландского купца. Считая, что и так слишком многим обязан дяде, молодой лейтенант не злоупотреблял его гостеприимством и обеспечивал пропитание себе сам. Когда гость сел, Николай заметил, что Резанов при всем своем благодушии чем-то сильно удручен, но скрывает это под маской спокойствия. Выпив за здоровье императора Александра, Резанов изложил суть вопроса, с которым прибыл:

— Ты очень хороший сын, Коля. Хотел бы я, чтобы и мой сынишка так же заботился обо мне в старости. Я впервые видел Государя Императора таким растроганным. Его порадовали и удивили твое бескорыстие и сила семейных чувств. Высочайшим указом твоему отцу, Александру Ивановичу Хвостову, пожалована пенсия за труды его ратные в размере одной тысячи рублей ежегодно.

Чувственный юноша едва сдержал в себе радость. Его лучезарная улыбка стала лучшей благодарностью Резанову. Настроение Николая Петровича улучшилось, но тяжелые мысли о недавно скончавшейся двадцатидвухлетней жене Анечке, оставившей ему маленького сына и крошечную дочь, не позволили царедворцу в полной мере проявить радость за Хвостовых. И хотя молодой император взял под свою опеку все семейство Резановых, легче от этого не становилось...

Сам Николай Петрович Резанов родился в обедневшей дворянской семье 28 марта 1764 года в Петербурге. Через некоторое время его отец был назначен председателем гражданской палаты губернского суда в Иркутске — тогдашней столице Восточной Сибири, включавшей в себя территории от Енисея до Тихого океана. Получив хорошее домашнее образование и отличаясь природными лингвистическими способностями, к четырнадцати годам Резанов знал пять европейских языков.

В 1778 году Николай покинул Иркутск и поступил на военную службу в артиллерию, служил в лейб-гвардии Измайловском полку, отвечая за охрану Екатерины II во время ее поездки в Крым в 1780 году, но вскоре военную службу оставил

и отправился служить в Псковский гражданский суд. Через какое-то время Резанов становится начальником канцелярии у графа Чернышева. Такой резкий служебный взлет Резанова произошел благодаря его незаурядным деловым качествам, которые позволили погасить конфликт между крымскими татарами и русскими моряками. Императрица Екатерина оценила молодого человека по достоинству и, по сути, открыла ему дорогу ко двору. Для обычного чиновника не из дворян или из провинциальных незнатных дворян такие «прыжки» по служебной лестнице «через две ступеньки» были чем-то из ряда вон выходящим. Начав службу с низшего, 14-го класса «Табели о рангах», иной мог дорасти до титулярного советника¹ или до коллежского асессора² лишь к старости.

В 1791 году после назначения Гавриила Романовича Державина секретарем для доклада по «сенатским мемориям» (документам, представленным Сенатом на утверждение) Николай Петрович Резанов переходит к нему на службу в качестве правителя канцелярии. Это открывает Резанову двери кабинетов и домов самых высокопоставленных вельмож. Иногда ему приходится выполнять даже личные поручения императрицы, что еще более ускоряет карьеру молодого человека. Державин знакомит юношу с семейством Хвостовых. Вместе с Александром Ивановичем Хвостовым, имя которого мало известно из-за рода его деятельности, Резанов участвует в операциях, которые сейчас принято именовать контрразведывательными. Через некоторое время он входит в штат нового фаворита императрицы — Платона Зубова. Но тот, опасаясь возможной замены себя в «должности» фаворита государыни молодым красавцем, под благовидным предлогом избавляется от Резанова. Так, в 1794 году Резанов по поручению Зубова отправляется в Иркутск инспектировать деятельность компании купца Григория Ивановича Шелихова, претендующей на монопольное право заниматься пушным промыслом у тихоокеанского побережья России. У этого странного поручения

¹ 9-й класс «Табели о рангах» — обер-офицерский чин.

² 8-й класс «Табели о рангах» — чин, дающий право на потомственное дворянство.

были неизвестные молодому Резанову мотивы. Дело в том, что Зубов заподозрил Шелихова в спекуляциях и финансовых махинациях. На самом же деле, завидуя Шелихову, Зубов рассчитывал нанести удар по его промысловой компании и прибрать к рукам его капиталы. Честному и неподкупному Резанову отводилась роль десницы Правосудия. Вместе с духовной миссией архимандрита Иоасафа, следующего на Алеутские острова, Николай Петрович отправляется в Сибирь. На протяжении совместного путешествия священника и чиновника между ними устанавливается полное взаимопонимание. Резанов в беседах с архимандритом постигает глубины веры. Набожность и христианская кротость Николая Петровича послужат впоследствии примером для окружающих.

В Иркутске, зарывшись в деловые бумаги Шелихова и разобравшись с его делопроизводством, Николай Петрович начинает понимать не только размах предприятия, но и перспективы расширения и укрепления государства на завоевываемых промышленниками землях. Исходя из этих соображений, Резанов предлагает Шелихову свое покровительство при дворе в обмен на участие государственных чиновников, а в их лице и самого государства, в делах купца. Интерес к капиталам Шелихова в верхах сделал свое дело. По замыслу Шелихова и Резанова задуманное ими предприятие должно было превратиться в крупную монополию, часть капитала которой принадлежала бы высшей знати. Это была самая надежная страховка на тот случай, если кто-то захочет нанести удар по будущей монополии.

С пятнадцатилетней Анечкой Шелиховой будущий камергер познакомился в то самое время, когда отец ее, мореход и промышленник Григорий Иванович Шелихов, «хозяин Сибири», решил основать Российско-Американскую компанию. Влюбившись в Анну, Резанов не посмотрел ни на ее простое происхождение, ни на то, что сам Шелихов считал его ухаживания за дочерью дворянской блажью. Николай с прямоотой, на которую способны только влюбленные люди, заявил, что если Шелихов не даст своего благословения, он обратится в Сенат или к Государыне-матушке Екатерине. Видя такую на-

стойчивость своего будущего зятя, Шелихов не устоял. Среди современных историков бытует мнение, что это был брак по расчету, и любовь тут ни при чем. При этом они забывают, что, по тем временам, Резанов решился на немыслимое — взять в жены девушку недворянского происхождения, рискуя навлечь на себя неудовольствие двора и опалу императрицы. Любовь к купеческой дочке могла запросто поставить крест на его блистательной карьере. Если кто и выигрывал от этого брака, так это Шелихов, заимевший в лице Резанова не просто обеспеченного и видного жениха, но и особу, приближенную ко двору, без двух минут прокурора Сената, то есть чиновника самого высшего уровня, готового открыть любые двери и реализовать самые немыслимые проекты. Шелихову Резанов нравился еще и тем, что он не был корыстолюбив. Свой чин Резанов рассматривал как обязанность перед Россией, возложившей на него бремя власти не для того, чтобы «сосать соки» из народа, а чтобы с помощью власти своей защищать интересы страны и реализовывать ее устремления. «Чиновника властью наделил Бог, русский народ и император, которым я обязан всем. Делами своими эти обязательства и выполняю. Они — мои судьи», — любил говаривать Резанов. Заручившись поддержкой Резанова, Григорий Шелихов и его компания основали одну из первых монополий в России, обеспечив постоянные финансовые вливания со стороны государства в исследование Сибири и промысел на Крайнем Севере. Однако результаты своей деятельности Шелихову не суждено было увидеть. Через полгода после свадьбы дочери промышленник скоропостижно скончался при загадочных обстоятельствах, передав управленческие дела своей расторопной семье. В тот тяжелый для семейства Шелиховых день трое английских купцов, в течение года ошибавшихся в Иркутске, поспешно выхлопотав подорожную, исчезли в неизвестном направлении.

А что же Зубов, предопределивший дальнейшую судьбу Резанова? Последний фаворит России с приходом к власти императора Павла I попал в опалу и исчез с политической арены страны, правда, ненадолго. Ему еще предстояло изменить ход российской истории убийством Павла I. Однако

Российско-Американской компании, набравшей обороты, эти изменения не коснулись.

Анечка Шелихова боготворила суженого. Семь с половиной лет они прожили душа в душу. Анна родила Резанову сына и готовилась к появлению на свет дочери, и тут вдруг случилось несчастье. Нежный организм не вынес родовых мук, и через двенадцать дней после рождения ребенка Анна Григорьевна Шелихова скончалась. «Восемь лет¹ супружества нашего дали мне вкусить все счастье жизни сей как бы для того, чтобы потерю ее отравить наконец остаток дней моих», — напишет впоследствии Резанов в своих записках...

После кончины жены Резанов совсем пал духом. Но теперешнее его знакомство с Колей Хвостовым позволило на время отвлечься от мрачных мыслей и заняться построением совместных планов.

— Это не все новости, Николай! — заговорил Резанов после непродолжительной паузы. — Российско-Американской компании, которой я имею честь управлять, нужны моряки. Мы сильно продвинулись на восток, но земли эти необходимо обеспечивать почти всем, от простой веревки до инструмента. А самое главное — новым землям нужен хлеб, который из-за суровости климата не произрастает в тех широтах. Наслышан о твоём морском искусстве и отваге! Ты мечтал о подвигах во славу русского флага? Есть возможность проявить себя. В Охотске строят новые корабли, а вот плавать на них некому. Всего-то требуется: сухим путем добраться до Охотска и оттуда на судах Российско-Американской компании идти в Америку...

Вряд ли нужно было повторять дважды подобное предложение. Не дав договорить Резанову, Хвостов прервал его на полуслове и в сердцах выпалил:

— Слово даю за Русь-матушку живот положить, коли в командование хотя бы шлюпку дадите! Я — русский моряк! Моя душа живет среди волн и ветра. А здесь тесно! Чувствуете,

¹ На момент смерти ей было 22 года, 8 месяцев и 3 дня. Резанов немного «набавлял» возраст супруги, говоря о 23 годах, видимо, считая, что несколько месяцев, которые Анна не дождала до 23-летия, не играют особой роли.

Николай Петрович? Мы ж в болоте погрязли! Мне свершения нужны, открытия, бои. Единственное желание имею — Родина служить! Вся эта суэта светская мне ни к чему! Вы же, Николай Петрович, мне свободу от затхлых столиц дарите...

— Ах, молодость! Как же ты горяча и самозабвенна, энергична и стремительна! Я рад, господин Хвостов, что нашел в лице вашем человека честного и мужественного! Иного ответа я и не ожидал. А потому расширю в поездке ваши полномочия, но и от вас потребуется всевозможная отдача, поскольку не только морскими делами заниматься будете, но и дипломатическими. Россия должна укрепиться на Севере и Востоке. Нашими землями в Америке управляет господин Баранов. Более верного делу, Государю и Отчизне человека сыскать трудно, но он один, а недоброжелателей слишком много. Бостонцы, так же как и мы, имеют виды на Аляску, англичане уже локти кусают, что не стали осваивать сей богатейший край первыми, Япония наверняка промысел ведет. Наша задача — не просто закрепиться на Аляске, но и стать центром северной культуры, чтобы у дикарей в первую очередь симпатию завоевать. Николай, все, что ты услышал сейчас, останется между нами. Сам знаешь, у России врагов слишком много, а друзей нет. Никто нас не любит. И не за то, что мы обладаем дурными качествами или свойствами характера, а за то, что мы не боимся никого. За силу нашу нас не любят. И ненавидят нас за умение любить. Ты, Коля, как флотский офицер должен не просто выполнять распоряжения вышестоящего начальства, но и понимать, с чем в сердце и за что ты идешь на риск.

— Николай Петрович, ваше превосходительство, да только за те возможности, которые вы открываете передо мной, я готов и в огонь, и в воду. Хотя в воду, конечно, приятнее. Однако, позвольте полюбопытствовать, каким образом я смогу быть отстранен от своей нынешней службы? Кто меня отпустит?

— Неужто ты не слышал об именном указе Государя, позволяющем морским офицерам, не выходя из военной службы, вступать в службу торговых обществ, и предоставляющем им полную в том свободу? Я за тебя похлопотал. Бумаги уже готовы. Адмирал Макаров ох и цепко за тебя держится. Но ввиду

отсутствия морских войн я одолжил тебя на время. «Хвостов России славу и себе неприятности всегда найдет!» — напутствовал старик. Так что собирайся, раз такой прыткий. Сколько времени тебе нужно?

— Готов хоть уже! Прошу только сроку пять дней съездить в деревню, проститься с отцом и матерью.

— Воля твоя, лейтенант! Зайди перед отъездом ко мне: бумаги Баранову кое-какие передать надо, и в особенности одно письмо. За почту головой ответишь, Коля. Сам погибни, но почта должна попасть в руки Баранова до нашего к нему прибытия. Про плавание кругом света слыхал? Государь-император повелел возглавить сию затею. На деньги Российско-Американской компании и с ее интересом. Так что, даст Бог, свидимся! За сим не смею более задерживать тебя, Николай! Послезавтра жду у себя!

На следующий же день Хвостов сообщил друзьям по службе о своих намерениях попасть на Аляску и пригласил вечером в кабак отметить отъезд. Здесь Федор Толстой и застал их, ведущих громкие беседы и строящих грандиозные планы. В тот момент, когда поручик, расстроенный своей дневной неудачей, переступил порог кабака, изрядно подвыпившие и уставшие сослуживцы Хвостова в своем большинстве разъехались по домам, и единственным собеседником, который воспринял слова Николая серьезно, оказался семнадцатилетний мичман Давыдов. Рядом с ним, посапывая, уронив голову на стол, спал лейтенант Головачев.

— Знаешь, Коля, я планировал попасть в экспедицию вокруг света, которую организывает Российско-Американская компания. Капитан Лисянский уже отплыл в Британию для покупки двух судов...

Хвостов не дал договорить другу:

— У тебя есть знакомые в Компании?

— К сожалению, нет!

— Эх, Гаврила, повезло же тебе с друзьями! Есть у меня кое-какие связи...

— Уж не сам ли Государь-император?

— Мой отец некогда служил вместе с господином Резановым, который сейчас возглавляет Российско-Американскую

компанию и ищет капитанов для службы на ее судах. В кругосветном плаваньи интересно, но великие дела дано вершить иным. Я же хочу сам управлять своей судьбой и судьбами вверенных мне матросов, а не слушать немцев, которыми будет укомплектован экипаж в кругосветной экспедиции. Крузенштерн, фон Коцебу, фон Левенштерн, фон Беллинсгаузен, Берх... Единственный русский, вон, наш друг Головачев. Ох, и тяжело же ему придется, я этих курляндцев знаю. Думаешь, в их компании тебе местечко найдется? Ой, сомневаюсь, Гаврила! Поехали со мной! Только ты, я, тайга да моря северные! Я за тебя словечко замолвлю перед господином Резановым. Мы увидим весь свет! Сибирь, Великий океан, Америку. Но самое главное — вернемся на море! Ну, кто ты здесь? Причислен офицером к Морскому корпусу, а моря не видишь. Надеяться на очередную войну не приходится — наш батюшка-царь замирился со всеми, с кем только можно. Фрегаты и линейные корабли гниют у причалов. Твой Лисянский... Купит ли он корабли? Да и капитанами на них не нам с тобою быть. А на Север нам хоть бот, но поручат водить. На русских кораблях, с русской командой, под российским флагом русские капитаны будут познавать неведомое...

Внезапно из-за темного угла кабака послышалось движение, и к столу морских офицеров подошел молодой военный.

— Федор Толстой, поручик Преображенского полка! — представился юноша. — Разрешите присоединиться к вашей компании, господа? Интересно рассказываете, лейтенант. А гвардейцы вашему предприятию, случайно, не нужны? Я превосходно стреляю из пистолета, фехтованию учил меня сам Севербек¹, которого по пылкости своей имел честь ранить на прошлой неделе, к тому же отлично рублюсь на саблях. Мне нравится ваш пыл, и я готов ринуться хоть на край земли, лишь бы нашлось дело, достойное моего нрава.

Представившись в ответ, моряки предложили поручику место за столом. Полчаса совместной беседы сблизили столь разных по характеру, но близких по горячности души и бла-

¹ Севербек был известным в Санкт-Петербурге учителем фехтования.

городству устремлений людей. Договорившись встретиться у дома Резанова поутру, едва знакомые друг с другом молодые люди разошлись по домам далеко за полночь с ощущением давней и крепкой дружбы.

Но так случилось, что утром троице не суждено было встретиться. А произошло следующее: вернувшись ночью в казармы полка, поручик Толстой собрал в своей комнате друзей, встретивших восторгом и похвалой его рассказ о приключениях в воздухе. Тяжелое утро ничего, кроме муштры, не предвещало. Федор ненавидел маршировки и построения. Утренний церемониал вызывал еще большее раздражение, резко контрастируя с его вчерашним приключением. В отличие от Толстого, командир Преображенского полка полковник Георг Вильгельм фон Дризен, выходец из обрусевших немцев, просто обожал муштру и всякое неповиновение и проявление своенравия воспринимал как личное оскорбление. Легко представить, какие чувства вызвал в нем небритый молодой поручик в неопрятной форме, от которого разило перегаром, ибо вечером в кабаке, успокаивая страх после пережитого, Федор хлебнул изрядно. Немецкая чопорность не смогла понять широты русской души, стесненной мундиром и дисциплиной. Конфликт был неотвратим. Лихой поручик, окончательно уверившись в своем героизме после вчерашних событий, сам пошел на его обострение. Не явившийся на вечернее построение нарушитель дисциплины не стал до конца выслушивать очень яркую, но малопонятную тираду своего командира на смеси русского и немецкого языков с остзейским акцентом, а попросту, на виду у всего строя, плюнул фон Дризену в лицо, которое вмиг побагровело от гнева, как перезревший томат. С огромным трудом полковник сдержался, чтобы не застрелить наглеца на месте. На свое горе он вызвал Федора на дуэль, хотя, по правде говоря, и выбора у него особого не было. Трудно сказать, о чем думал полковник, вызывая лучшего дуэлянта обеих столиц к барьеру, но гордость не позволяла ему поступить иначе. Попытка примирить двух офицеров силами полка почти возымела успех, и, более того, окончательно отрезвевший Федор принёс извинения Дризену, но, развернув-

шись, услышал в спину бормотание полковника по поводу «этого дьявольского русского безумства». Эти слова стали приговором карьере полковника и едва не стоили ему жизни. Толстой, обладавший недюжинной силой, взвыл и, с трудом сдерживаемый однополчанами, заявил, что не позволит оскорблять русских у себя на Родине, в России. Дуэль была назначена на шесть вечера, за полчаса до построения. Но Дризену не суждено было принять строй. Единственный выстрел изменил судьбы обоих дуэлянтов. Федор был опасным соперником. Храбрый юноша, невзирая на пылкость характера, оставался хладнокровным и в сражении, и на поединке. Тяжелораненого полковника Дризена отнесли в лазарет, а Федора Толстого взяли под стражу. Он был приговорен к заключению в Петропавловскую крепость, и казалось, дороги наших героев, Хвостова и Давыдова, навсегда разошлись с этим горячим поручиком. Однако судьба любит побаловать нас случайными встречами, и жизненные пути давно потерявших друг друга из виду друзей порой сходятся в самые неожиданные, но очень важные моменты.

Итак, морские офицеры, не дождавшись незадачливого дуэлянта, решили идти к Резанову вдвоем. Поравнявшись с кварталом, в котором располагались казармы Преображенского полка, молодые люди отыскали дом, в котором проживал Резанов¹, и нанесли ему визит. Решительность и отважность Давыдова понравились камергеру, и оба молодых моряка были приняты в Российско-Американскую компанию.

Не мешкая и памятуя обещание, данное Резанову, Хвостов тут же отбыл в деревню. Можно себе представить удивление и печаль его родных, и особенно матери, горячо любившей своего первенца, когда Николай сообщил им новость о своем отъезде. Расставание было тяжелым и слезным. Будучи сам чувствительным и сильно любя своих родителей, Николай внутренне огорчился, но как человек сильный мужественно держал себя в руках. Щадя родительскую нежность своей матери, он шутил, притворяясь веселым, внешне ничем не выдавая своих чувств. Анечка, узнавшая о его приезде, прибыла на простой крестьянской телеге в надежде не опоздать и пови-

дать иррационального ей юношу. Когда Николай уже ядел в стремя ногу, намереваясь вскочить на лошадь, девушка взяла его за плечи. Затем, не стесняясь своих чувств, она крепко обняла молодого лейтенанта. С двух других сторон его обняли отец и мать. С трудом вырвавшись из объятий, Николай вскочил в седло и дал шенкелей. Не оглядываясь, юноша гнал галопом коня, пока тот не начал задыхаться. Оставшись один посреди поля, лейтенант упал в обморок, а придя в чувства, горькими рыданиями заплатил за сдержанность при расставании.

Недолго мешкая перед отъездом, взяв с собой только самые необходимые вещи для длительного и неисполненного опасностями путешествия, в одиннадцать часов ночи молодые люди, окруженные шумной ватагой друзей, покинули столицу. Лейтенант Головачев, уже зачисленный в команду одного из судов первого русского кругосветного плавания, только и успел крикнуть напоследок:

— В Америке свидимся, друзья...

На распутии у заставы, простившись с друзьями, Хвостов и Давыдов сели на перекладную телегу, ударили по лошадам и поскакали... в Америку.

Глава 2 РЕЗАНОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Мне сорок, но успокоения нет —
Всю жизнь бегу за призраком свободы.
В мои-то годы нет иной заботы!

А. Вознесенский

Служба в Пантелеймоновской церкви в этот день выдалась особенно тяжелой. Медленно двигаясь сквозь промозглое утро к своему особняку по Пантелеймоновской улице в сторону Литейного проспекта, Николай Петрович Резанов был погружен в невеселые мысли. Бессонная ночь, проведенная за ворохом бумаг, наконец-то

¹ Современный адрес дома Н.П. Резанова в Санкт-Петербурге — угол Литейный пр., д. 24 и ул. Пестеля, д. 27.

закончилась, и мелькнула надежда на то, что можно будет немного отвлечься от дел. Но, несмотря на место у самого амвона, выбранное Резановым в церкви, сосредоточиться на проповеди батюшки никак не удавалось. Государственные дела уже давно стали частью личной жизни. Да и была ли она, эта личная жизнь?

Подумать только, всего несколько лет назад он был мелким клерком в провинции. Карьерный взлет Николая Петровича злые языки приписывали его родству с купеческим домом Шелиховых. Так выглядела ситуация со стороны. На самом же деле, благодаря женитьбе на дочери отчаянного путешественника, промышленника Шелихова — Анне, Резанов прикоснулся к делам компании, которую нашел на грани банкротства. Только неукротимая энергия Резанова позволила превратить это не приносящее доход дело, к тому же раздираемое внутриродовыми распрями, в мощного экономического гиганта с далеко идущими планами. Он сумел сломать мелко-стечковое мышление всей семьи Шелиховых и придать делу государственный размах. И Анечка, его милая и единственно любимая Анечка, или, как он называл ее ласково — Анюша, была верной подмогой во всех начинаниях и неизменно становилась в семейных спорах на его сторону.

До Литейного проспекта Резанов дошел быстро. На углу красовался новенький белоснежный особнячок с колоннами. Два года назад к Рождеству 1800 года он сделал подарок Анюше. Подарок, которым не успела насладиться ни жена, ни он сам. Белый цвет особняка после смерти Анечки напоминал ему погребальный саван, и во всем доме любимым местом оставался только рабочий кабинет.

У самых дверей дома разыгралась сцена, к которой сердобольный Николай Петрович остаться равнодушным не смог. Стайка местных мальчишек глумилась над нищим, задирая его кафтан и крича: «Баба, баба!» Зимние холода в этом году были особенно люты, а этот несчастный был совершенно бо-
сой. Судя по потрепанному и почти истлевшему камзолу, бедолага был из бывших военных.

Резанов решительно бросился наперерез пацанье, и самого шустрого задиру чувствительно огрел тростью. Стайка мальчишек кинулась врассыпную, оставив несчастного посреди улицы. Приглядевшись к зеленому камзолу, Резанов увидел на нем остатки золотого шитья, свидетельствовавшего о том, что его хозяин носил высокий офицерский чин. Резанова переполнял гнев. Как смели эти маленькие сорванцы издеваться над офицером, за спиной которого, возможно, были Хаджибей и Измаил, Очаков и Крым...

— Чем могу помочь, милостивый государь? — поднимая с земли немощного старика, спросил Резанов.

К удивлению, ответ прозвучал юным и, как показалось ему, девичьим голосом:

— Нам с вами, батюшка, Бог помощник!

— Как величать вас, сударь?

— Андреем Федоровичем.

— Андрей Федорович, извольте пройти ко мне в дом. За упокой моей новопреставленной жены отобедайте у меня. Да и камзол ваш поистрепался. У меня гардероб немалый — подберете, что понравится. Хоть весь забирайте! К чему он мне, коли любви моей единственной нет более на свете? Перед кем щеголять? Что в комодах — людское...

Нищий не дал договорить, прервав Резанова своим мелодичным голосом:

— Она ждет тебя! Но Господь сперва наградит тебя самыми лютыми испытаниями: властью, деньгами, славой и новой любовью. Все ты пройдешь, кроме последнего испытания. Но и этот грех ты искупишь самой своей жизнью. Прости меня, мил человек, но не пойду я к тебе в дом, потому как нищему у нищего нечего взять. А богатства наши одинаковы.

— Кто ты, юродивый? — по спине Резанова прошелся холодок. Он вдруг догадался, что вовсе не разорившийся отставной офицер повстречался ему на пути.

— Тот, кто молиться за тебя будет в дальнем пути! По разным тропам, но в один день мы попадем к Господу и вместе утолим жажду из Господней десницы. А сейчас же у каждого свой путь.

— Я не знаю, кто ты, но без обеда не отпущу и обувку дам. Если нам вместе к Господу являться, то мое невнимание к тебе может ускорить этот срок. Простынешь еще ненароком. Будь милостив, Христом Богом прошу, отобедай у меня!

Нищий нехотя приглашение принял. У входа простая деревянная клюка встала рядом с богато инкрустированной тростью командора. Слуга Резанова, Иван, брезгливо фыркнул, подавая на золоченом фарфоре горячие блюда и закуски. Ему было непонятно, почему барин так обхаживает этого старого солдата. Но в тот момент, когда гость снял с головы капот и на его плечи упали густые седые волосы, когда подняв ясные карие глаза, он взглянул на Резанова, стало понятно, что гостем является не старый солдат, а женщина.

Петербург трепетно хранил ее историю. Лишившись мужа, тогда еще молодая девушка, раздала все свое состояние друзьям и знакомым и, надев военную форму супруга, подвизалась на подвиг юродства. За столом у Резанова сидела блаженная Ксения¹. Несмотря на свои преклонные года и славу юродивой, Ксения отлично разбиралась как в происходящих в Российской империи процессах, так и во внешней политике государства. Резанов пригласил Ксению в кабинет и приказал Ивану подать кофе. Он рассчитывал на долгий интересный разговор...

Кофе давно уже остыл, Иван спал в своей коморке. Исчезновение блаженной Ксении, так же, как и ее появление в жизни Резанова, так и остались загадкой. Более всего Николая Петровича досадовало то, что блаженная Ксения так и ушла босой. Оставшись один в своем кабинете, Николай Петрович Резанов склонился над рабочим столом. Писать приходилось много, особенно сейчас, когда планы Российско-Американской компании по освоению Сибири, Дальнего Востока и Америки совпали с геополитическими чаяниями России. А впрочем...

¹ После смерти мужа, придворного певчего Андрея Федоровича Петрова, избрав путь юродства, юная Ксения облачилась в костюм мужа и стала всех уверять, что Андрей Федорович вовсе не умирал, а умерла его супруга, Ксения Григорьевна, и уже потом никогда не откликалась, если ее называли Ксенией Григорьевной, а отзывалась, только если ее называли Андреем Федоровичем.

Он, Резанов, государственник до корней волос, никогда не ставил свои частные коммерческие интересы выше интересов страны. Компании повезло с ним. На исторической сцене России он появился вовремя и, правильно оценив обстановку, сумел расширить государственные границы России за счет капитала частной компании. Случай в истории беспрецедентный. Русские чиновники на деньги промышленников готовят экспедицию, основной целью которой является экспансия государства на Восток и закрепление границ на новом материке. Резанов, с одной стороны, крупный чиновник, с другой — компаньон и зять крупного российского промышленника Шелихова, преемник его идей, стал живым мостом между частным капиталом и государственной системой управления. Много позже именитые историки напишут целые тома о том, что идея первой кругосветки принадлежит Крузенштерну, опираясь на его проект, найденный в архивах, и мало кто из них упомянет, что он был лишь одним из нескольких десятков вдохновителей этой экспедиции и поспел не ко времени, зато к месту.

На рубеже восемнадцатого века необходимость укрепления России на Дальнем Востоке и на Аляске уже воспринималась как нечто само собой разумеющееся. И первым об этом задумался вовсе не капитан Крузенштерн, а царь Петр I, посылавший своих лучших моряков исследовать морские пути в Азию, в том числе и Северный морской путь. В 1732 году появился первый проект кругосветного плавания, составленный Николаем Федоровичем Головиным. Но это плавание не состоялось. Следующая попытка организовать русскую кругосветку относится к временам правления Екатерины II. 22 декабря 1786 года императрица подписала секретный указ, в котором говорилось следующее: «...нашей Адмиралтейской коллегии отправить из Балтийского моря два судна, вооруженных по примеру употребленных капитаном английским Куком и другими мореплавателями для подобных открытий, и две вооруженные же шлюпки морские или другие суда по лучшему ее усмотрению, назнача им объехать мыс Доброй Надежды, а оттуда, продолжая путь через Зондской пролив и оставив Японию в левой стороне, идти на Камчатку». На

основании этого указа Адмиралтейств-коллегия разработала специальное наставление для снаряжения «Восточной экспедиции». Адресовалось оно капитану 1-го ранга Григорию Ивановичу Муловскому, назначенному начальником экспедиции. Капитан — образованнейший офицер русского флота — в совершенстве владел французским, немецким, английским и итальянским языками, был знаком с плаваниями иностранных путешественников, знал о последних достижениях в области исследования Мирового океана.

Екатерина II приказала отобрать лучших моряков, всем участникам плавания назначила двойное жалованье, установила льготы для их семей. Муловскому обещала дать орден Святого Владимира 3-й степени после того, как он обогнет мыс Доброй Надежды, чин генерал-майора — при достижении Японии и орден Святого Владимира 2-й степени — по прибытии на Камчатку. Но осуществить «Восточную экспедицию» не удалось: началась война со Швецией. В Эландском сражении начальник экспедиции, капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский, командовавший кораблем «Мстислав», погиб. На этом же корабле служил Адам Йоханн фон Крузенштерн...

К ужину в доме Резанова появилась чета Крузенштернов. Приятельские отношения между Резановым и Крузенштерном сложились давно. Их первая встреча состоялась тогда, когда предприимчивый барон Крузенштерн, стремясь обеспечить свою небогатую семью, решился на покупку акций Российско-Американской компании. Так как свободные акции еще отпечатаны не были, три акции по тысяче рублей продал ему управляющий делами Компании Резанов. Адам фон Крузенштерн, уверовав в счастливую звезду Российско-Американской компании, стал ее концессионером. Судя по сохранившимся письмам, отношения между Резановым и Крузенштерном до начала совместного плавания были приятельскими, если не дружескими. Крузенштерн познакомил Резанова с Лисянским, и два библиофила сошлись на общем интересе к книгам. Некогда совместные вечера супружеских пар Крузенштернов и Резановых радовали сердца и наполняли дом весельем. Юлия Крузенштерн и Анна Резанова музи-

цировали, пока их супруги решали дела. Поэтому, когда перед Морским министерством встал вопрос о том, кого назначить капитаном флагмана Первой российской кругосветной экспедиции, Резанов настаивал на двух кандидатурах — Сарычева и Крузенштерна. Морской министр Мордвинов готов был утвердить только Сарычева, но в этот момент Резанов использовал припасенный заранее козырь: он напомнил Мордвинову о записке Крузенштерна, которая не так давно легла под сукно министра.

— Кто, как не автор этого труда, может лучше представлять ситуацию с торговлей в Америке? Да и мотивация успешности экспедиции у него личная: Крузенштерн — держатель акций Российско-Американской компании на крупную сумму. Кто, как не он, более заинтересован в успехе экспедиции?

— Опять немец? — скривился Мордвинов.

— Нет, Николай Семенович, Крузенштерн из курляндских шведов. Обрусевший. Верный защитник и слуга российскому императорскому престолу.

Мордвинов открыл толстенную папку, предусмотрительно приготовленную Резановым. В ней были собраны подробности жизни будущего кругосветного путешественника.

Адам Йоханн фон Крузенштерн появился на свет в родовом эстонском имении Хаггуд в 1770 году. Хаггуд был одним из самых маленьких, довольно бедных рыцарских поместий с неплодородными землями. Дед Крузенштерна, шведский офицер Эверт Филипп, проведя после окончания Северной войны двадцать два года в сибирском плену, вернулся на разоренную землю и посвятил остаток жизни восстановлению разрушенного хозяйства на своих землях, ставших тогда уже частью Российской империи. Более или менее ожившее родовое гнездо он оставил своему старшему сыну, Йоханну Фридриху, отцу Крузенштерна, имевшему шестерых детей. Получив неплохое домашнее образование, в 1782 году двенадцатилетний Адам Йоханн вместе со своим братом Карлом Фридрихом поступили в рыцарскую домскую школу в Ревеле. Крузенштерну было неполных пятнадцать лет, когда он впервые приехал в Кронштадт. Будучи на два года старше боль-

шинства своих товарищей, Крузенштерн поступил в Морской кадетский корпус. Шестилетняя программа Морского корпуса делилась на два курса: кадетский и гардемаринский, каждый по три года. О тяжелых условиях пребывания Крузенштерна в этом учебном заведении красноречиво свидетельствует тот факт, что в основном кадеты Корпуса были заняты борьбой за выживание. Например, чтобы зимой не мерзнуть в спальне, приходилось затыкать подушками окна и сбегать через забор в город, чтобы набрать дров для импровизированной печки, установленной в казарме. В этих сложных условиях 27 мая 1787 года Крузенштерн досрочно окончил общий кадетский курс и был произведен в гардемарины, то есть получил право носить офицерский мундир и иметь при себе саблю без темляка. Поводом для такого решения послужила начавшаяся новая война со Швецией. В том же году Крузенштерна назначили на корабль «Мстислав», которым командовал Григорий Иванович Муловский, рассказавший ему о намечавшейся «Восточной экспедиции». По обычаю, идущему от далеких петровских времен, при поступлении на флотскую службу иностранцы меняли свои имена на привычные слуху русского моряка православные. Так Крузенштерн стал Иваном Федоровичем, получив самое распространенное на Руси имя, а отчество он «позаимствовал» у своего нового друга, с которым познакомился в учебном плаванье на «Мстиславе», — Юрия Федоровича Лисянского.

1788 год был очень сложным для России: на юге страна была связана войной с Турцией, и это позволило шведскому королю Густаву III нагло заявить, что он сотрет Санкт-Петербург с лица земли, не пощадив ни одного памятника, кроме «Медного всадника», на котором напишет свое имя. Екатерина подобного оскорбления стерпеть не могла. Против шведов был мобилизован весь Балтийский флот вплоть до перевозчиков угля и дров, превращенных в плавучие батареи. Огромному флоту понадобилась целая армия матросов и офицеров. И если с матросами вопрос решался просто: во флот «сгребали» крепостных — обычная практика тех времен, то с офицерами дело обстояло сложнее. Их нехватку компенсиро-

вал указ о выпуске из Морского корпуса всех гардемарин, даже не окончивших курса, если они хоть раз выходили в море. Благодаря этому Крузенштерн был выпущен раньше срока в чине мичмана, хотя фактически право носить саблю получил только через год. Он был определен в эскадру адмирала Грейга на линкор «Мстислав» — тот самый, на котором проходил морскую практику под началом Муловского.

Муловский мечтал совершить плавание вокруг света. Этой идеей он заразил молодого мичмана Крузенштерна, воевавшего два года под началом Григория Ивановича. Однако гибель Муловского в Выборгском сражении поставила крест на амбициозных планах о кругосветном вояже. Правда, после гибели командира Крузенштерну выпала честь подняться на вражеский корабль и взять в плен шведского адмирала Лейонакера. Узнав фамилию офицера, пленившего его, шведский адмирал сообщил, между прочим, что в составе команд его кораблей находится еще четыре Крузенштерна, которые, по-видимому, приходится русскому Крузенштерну родственниками. «Мстислав» был потрепан и требовал капитального ремонта, девятнадцатилетний Крузенштерн был наконец-то произведен в лейтенанты и... столкнулся с перспективой остаться на берегу без дела. Война со Швецией закончилась, а других военных кампаний на Балтике Россия не вела.

Но вдруг дорога Крузенштерна в большой мир делает неожиданный поворот: по существовавшему между Россией и Англией соглашению российские офицеры могли, выражаясь современным языком, пройти стажировку на английском флоте, самом передовом и совершенном в то время, плавая на наиболее современных судах. 1 ноября 1793 года английский корабль с весьма неблагозвучным названием «Фэнни оф Лондон» принял на борт 16 молодых российских офицеров, отправлявшихся служить в Англию. Среди них были Иван Крузенштерн и его однокашник по кадетскому корпусу Юрий Лисянский, также принимавший участие в войне со Швецией. Первое знакомство с большим миром продолжалось без малого шесть лет. 4 мая 1794 года на фрегате «Фетида» под командованием капитана Кохрейна он отправился в Северную Аме-

рику. Задачей английских моряков, которые на любых морских просторах чувствовали себя полными хозяевами, была охота по всему Восточному побережью Северной Америки за французскими торговыми судами и, конечно, за военными кораблями сопровождения. В условиях борьбы за новые территории и учитывая очевидные профранцузские и откровенно антибританские настроения в Соединенных Штатах, дело это не только считалось славным, но и было довольно прибыльным. Крузенштерн оказался единственным офицером на борту, свободно говорившим по-французски, и имел успех в качестве переводчика на переговорах с пленными французами. Сегодня эту страничку в биографии Крузенштерна можно охарактеризовать одним словом: Крузенштерн пиратствовал. Но при этом, будучи, безусловно, человеком умным и дальновидным, от своих братьев по оружию юноша отличался разительно: раздавая свою долю награбленного команде, он вел астрономические наблюдения и оставил на борту «Фетиды» тома рукописей, освещавших самые разнообразные темы. У берегов Канады корабль сел на мель, в результате чего ему потребовался капитальный ремонт. Это обстоятельство предоставило Крузенштерну относительную свободу действий, которой он воспользовался, чтобы познакомиться с Соединенными Штатами — страной, совсем недавно ставшей независимой и переживавшей период бурного развития. Он отправился в Нью-Йорк, а затем в Филадельфию, тогдашнюю столицу, где был принят первым президентом Соединенных Штатов. Джордж Вашингтон предложил молодому офицеру даже принять участие в создании американского военного и торгового флота, от чего Крузенштерн деликатно отказался.

Затем было плавание в Юго-Восточную Азию, где, став свидетелем того, насколько быстро и с какой огромной выгодой был распродан в китайском Кантоне мех, доставленный с берегов Аляски стотонным английским бригом, Крузенштерн вспомнил о планах своего первого капитана.

Вернувшись в 1799 году на родину, Крузенштерн подал вице-президенту Адмиралтейств-коллегии, адмиралу Григорию Григорьевичу Кушелеву, свой проект путешествия из

Кронштадта на Аляску вокруг света, являвшийся копией неосуществленного плана своего бывшего командира, Муловского. Но Кушелев отказал, сочтя экспедицию преждевременной. В 1801 году на посту президента Адмиралтейств-коллегии Кушелева сменил адмирал Николай Семенович Мордвинов. Тогда Крузенштерн вновь подал ранее отклоненный проект кругосветного путешествия Мордвинову. Записки Крузенштерна рассмотрены не были, однако была замечена его заинтересованность в осуществлении этой идеи, благодаря чему, не без усилий со стороны Резанова, он и был назначен командиром одного из судов экспедиции — «Надежды».

Капитан «Невы» — второго судна кругосветки — Юрий Лисянский еще за год до путешествия и не предполагал, что станет участником исторического рейса. К тому времени он занимался переводом с английского книги Джона Клерка «Движение флотов» и, невзирая на обещание Адмиралтейств-коллегии подать труд Императору как особо ценный для развития флота, ни на что, кроме финансового вознаграждения, не надеялся. Вице-президент Коллегии Николай Семенович Мордвинов обещание выполнил: книга попала на стол Александру I и, возможно, стала отправной точкой экспедиции, так как благодаря своим трудам Юрий Лисянский как крупный специалист в области мореплавания был послан в Англию для покупки судов, на которых должна была отправиться первая русская кругосветка.

Принято считать, что в России в то время не было подходящих для экспедиции кораблей, но это не совсем соответствует истине. На рубеже XVIII—XIX веков Россия вела бесчисленные морские войны. Усилиями адмирала Ушакова на Черном море появился собственный Черноморский флот, на Балтике, благодаря стараниям адмиралов Грейга, Карцова и Макарова, возрождался и гремел славой флот Балтийский. А для путешествия к берегам Аляски двух шлюпов не нашлось? Ответ здесь кроется в другом. Суда были, но из-за постоянной боевой нагрузки вывести из состава действующего флота два корабля Россия позволить себе не могла. На севере бряцала оружием Швеция, на западе — Франция. Вторая же причина, почему надо было посылать Лисянского в Англию за кораблями, заклю-

чалась в том, что действующие суда были изрядно потрепаны. Петербургская верфь с заказами от Морского ведомства не справлялась, и строящиеся русские корабли были не готовы войти в строй к назначенному сроку. Николаевская верфь — далеко, Онежская — пережила пожар и только возрождалась. Поэтому и было принято единственно верное решение — купить новые корабли, построенные на лучших верфях мира. Побывав на немецких верфях, ничего не нашли и отправились в Англию. В итоге 5 июня 1803 года Юрий Лисянский привел суда на Кронштадтский рейд, но... корабли были неновые и нелучшие. К сожалению, этому суждено было вскрыться позже, посреди Атлантики, когда французские моряки опознали в «Неве» и «Надежде» британские корабли «Леандр» и «Темзу», которые, к слову, на момент покупки уже побывали во французском плену, и это открытие поставило Лисянского в весьма неловкое положение. Ему придется несколько часов объясняться перед камергером Николаем Петровичем Резановым, пославшим его за границу и, фактически, выделившим на это собственные средства. Резанов вскипит. Как чиновник, представитель государства он спросит с капитана Лисянского за подлог, ставящий под угрозу как само путешествие, так и дипломатическую миссию в Японию (суда сильно текли, гнилой рангоут не выдерживал нагрузок). Как представитель Российско-Американской компании, на средства которой снаряжалась экспедиция, Резанов задаст простой вопрос: «Где деньги?», чем навсегда настроит против себя капитана «Невы», который до этого в спорах с Крузенштерном принимал сторону Резанова и относился к камергеру как подчиненный к начальнику. На покупку судов было выделено 25 000 рублей золотом, а заплачено 17 000 рублей золотом. В оправдание Лисянский расскажет, что 5000 рублей пошли на починку судов, и это при том, что суда покупались как новые, а оставшиеся 3000 рублей — пошли на взятки британским чиновникам, которые подмахнули более «свежие» даты постройки судов. Многие детали этой сделки выяснятся уже в Петербурге по возвращении из плавания, но победителей не судят, и Лисянского простят.

Впрочем, это будет позже, а 25 января 1802 года Лисянский делился с Крузенштерном следующим: «За новость тебе скажу, что Николай Семенович Мордвинов хочет сделать экспедицию морем в Камчатку. Гавриле Андреевичу Сарычеву приказано дать план, каким образом доставить разные потребные материалы в Охотск, на что он и написал, что нужно иметь 4 судна (которые бы ходить могли на 10 и 11 фут), которые, погрузив нужные вещи, могут их доставить гораздо дешевле, нежели сухим путем. Признаюсь, что эта экспедиция будет весьма интересна, и я очень хотел бы в ей участвовать, но не могу, ибо суда эти должны остаться в Камчатке, следовательно, возвратиться должно сухим путем, чего я не в состоянии учинить. Ежели дадут вооруженное судно или фрегат, которой Сарычевым полагается для конвоя вышеозначенных малых судов (которой воротится назад), то я с радостью. Весь этот план я сегодня видел и все кажется довольно хорошо, ежели не пожалеют денег для сбережения как офицеров, так и команды...». Это письмо ставит крест на официальной версии, согласно которой Крузенштерн является главным организатором и вдохновителем первой русской кругосветки. Ведь выходит, что «организатор» и «руководитель» экспедиции Крузенштерн о готовящейся им экспедиции узнает из частного письма своего друга Юрия Лисянского, который и вовсе не планирует никуда отправляться, а если и планирует, то на особых условиях. Выходит, что книга Лисянского и письма-предложения Крузенштерна стали лишь своего рода рекомендательными бумагами при выборе капитанов кораблей, и кругосветная экспедиция — это не реализованный от начала до конца замысел Крузенштерна, как принято считать. Будущий капитан «Надежды» впоследствии сумеет убедить всех, что он один своим волевым решением продвигал проект первой русской кругосветки по коридорам власти, пока не дошел до самого императора. Однако все было несколько иначе. Если проанализировать переписку Крузенштерна 1800—1802 годов, вряд ли можно догадаться о том, что через год ему предстояло возглавить столь значимое для России путешествие. Причем значимым для государства оно станет уже после свос-

го завершения, а вначале задумывалась торговая экспедиция частной компании, и так уж Россия расположена географически, что плыть вокруг земного шара проще, чем возвращаться по уже пройденному маршруту. В письмах другого будущего участника кругосветки — фактически первого управляющего Российско-Американской компанией, — Резанова, мы находим простую, экономически обоснованную мысль о необходимости доставки товаров в Охотск морским путем. К тому времени акционерами Компании стали министр коммерции Румянцев и капитан-командор Сарычев, с которыми Резанов многократно обсуждал этот вопрос. Более того, он даже видел в Сарычеве будущего капитана «Надежды»¹. Когда же в состав акционеров вошел император Александр I со всем своим семейством, наконец-то забрезжила реальная перспектива осуществления намеченного коммерческого вояжа, с целью снабжения отдаленных российских земель. «Перевод главного правления [в столицу. — *Авт.*] скорее ознакомил соотичей с пользами его предприятий и во дни Александра I-го общество сие совсем уже другой вид приняло, — делился новостями со своим другом, одним из директоров Компании, Михаилом Булдаковым, Николай Петрович Резанов. — Новый покровитель ее и вся императорская фамилия благоволила звание акционеров украсить высочайшими их именами. Сему последовали знатнейшие особы дворянства и купечества, и в начале 1802 года в самое короткое время из 17 членов, всю Компанию составлявших, возросло число более 400 членов.

Такое монаршее попечение государя о распространении торговли было счастливою для Компании эпохой. Она, не упущенная временем, возобновила у престола подаваемые мною неоднократно от ее имени представления о затруднительном доставлении из Якутска в Охотск тягостей, о дороговизне провозных цен, год от году возрастающих, и о средствах,

¹ Предложение Резанова возглавить морскую часть предстоящего кругосветного путешествия Сарычев отклонил, так как уже занимался более важным для России на тот момент гидрографическим исследованием морского дна Балтийского моря. Сарычев оказался по-своему прав: Шведская война 1808—1809 годов была выиграна во многом благодаря новым картам Балтики, составленным им.

к удобнейшему доставлению оных в Америку из европейских портов. Как ходатай Компании вызван я был из Выборга, где тогда по высочайшим поручениям находился и нашел уже проект сей в руках министра коммерции, который, уважая столь смелое предприятие, восхищался случаем, дающим ему столь полезно звание службы его соединить с обязанностями истинного Россиянина.

Граф Н.П. Румянцев немедленно доложил императору, представление апробовано, способы облегчены, Компания в том же году определила купить два судна для вояжа сего; а бывший тогда министром морских сил, адмирал Мордвинов, с равной деятельностью приступил к назначению офицеров. Капитан-лейтенант Крузенштерн, подававший некогда сходный с представлением Компании проект, о удобности торгова в Кантоне, был назначен начальствующим морской частью, а капитан-лейтенант Лисянский на другом судне командиром. Оба сии офицера были из числа посланных от короны в Индию на судах английских.

В том же 1802 году посланы от главного правления, для покупки судов и заготовления запасов, в Гамбург директор Шелехов, капитан-лейтенант Лисянский и корабельный подмастерье Разумов; но два последние, не одобряя в Гамбурге судов, отправились в Лондон и купили «Леандра» и «Темзу». Первое о 16 пушках и грузом в 430 тонов, переименовано акционерами «Надеждою», а второе, о 12 пушках грузом в 270 тонов, «Невою».

То есть существовало, как минимум, несколько проектов русской кругосветки: Муловского, Сарычева, Крузенштерна и Российско-Американской компании. Идея не просто витала в воздухе, а настойчиво нуждалась в реализации. Но если Резанов пишет об этом легко и просто, как непосредственный организатор, разбирающийся в тонкостях дела, то у Крузенштерна мы не найдем ни строчки о проекте Компании.

18 февраля 1802 года капитан-командор Сарычев представил вице-президенту Адмиралтейств-коллегии адмиралу Мордвинову донесение о состоянии русской торговли в Охотском крае и перспективах развития русско-японских экономических отношений.

В своей манере, без лишних экивоков, бывший комендант Охотского порта предложил морскому министру:

— Вашему высокопревосходительству известно, в каком расстроенном положении Охотский порт поступил ныне из-под начальства губернаторов иркутских в ведомство Адмиралтейской коллегии. Донеся вашему высокопревосходительству о затруднениях и великих издержках предполагаемого в Охотске построения транспортных судов, осмеливаюсь объяснить мнение мое о выгоде отправления морем кругом мыса Доброй Надежды построенных здесь судов или купленных в Англии готовых.

— Слышал от Румянцева с Резановым. Они меня только на днях допекали этим вопросом. Видно, время и вправду пришло, раз мысли о плавании кругом света не сходят с уст. Но это дело касается более Коммерческого ведомства, нежели Морского, — прокомментировал Мордвинов. — Какова же выгода сего проекта?

— Во-первых, — начал Сарычев, — эти суда обойдутся в несколько крат дешевле тех, что предполагается строить в Охотске. Во-вторых, они чрез один год могут быть уже в Охотском порте, а строящиеся и в три года не будут готовы. И самое главное: на этих судах можно отправить все нужные для Охотского порта материалы и снаряды с таковой выгодой, что в десять раз дешевле будут стоить против доставки берегом. Ибо, полагая, что на четырех таковых судах отправить можно 400 тысяч пудов груза, за который бы, доставляя берегом, должно было одного провозу заплатить от Иркутска до Охотска 2899 тысяч рублей. Когда те же товары, отправленные на этих судах морем, будут стоить только 300 тысяч рублей, не считая того, что все материалы, купленные здесь, обойдутся вдвое почти дешевле, нежели в Иркутске...

— И кого же прикажете набирать в команды?

— Я уверен, что многие морские российские офицеры с великою охотою примут на себя управление этими судами и докажут примером, что для них плавание в Ост-Индию не опаснее, чем в Балтике.

— Стало быть, они получают драгоценный опыт плаванья в океанских просторах и их опыт выйдет за пределы Черноморской и Балтийской бутылок? — как бы закончил мысль коллеги Мордвинов. — Интересно! Продолжайте, Гаврила Андреевич!

— Кроме всех выгод для государственной казны, исполнение такового предприятия подаст повод купечеству нашему отправлять сим путем товары свои в Камчатку и в Охотск на место берегового доставления, сопряженного с величайшими трудностями и чрезвычайною дороговизною провоза. Между тем также откроется путь к торговле в Ост-Индии и доставится удобный случай к утверждению коммерции с Японией по поводу сделанного уже к сему начала в 1793 году россиянами, отвозившими японцев на остров Матмай. Японский император дал свое соизволение, закрепив грамотою, согласно которой позволяется одному российскому судну входить для торга в гавань Нагасаки.

— Зачем же нам эта Япония? Что-то слишком многое вы с Резановым и Румянцевым насочиняли и собрали какой-то винегрет. Дай бог, чтобы суда спокойно дошли. Это уже будет успех, пользы Отечеству обещающий.

— Не совсем так, Николай Семенович! Близкое расстояние между Японией и Камчаткой может через открывшийся торг доставить Камчатке и городу Охотску выгоднейшее удовольствие, нежели получаемое ныне с великими затруднениями из Якутска. В обмен на японские товары россияне, не заимствуя товаров из Европы, могут продавать плоды своего промысла, как то: меха разных зверей, моржовые зубы, сушеную рыбу, китовый жир и усы, непосредственно в странах Европы, а не на китайских рынках, где мягкая рухлядь стоит в десятки раз ниже, чем в Европе.

Мордвинов принял доводы Сарычева к сведению. Так был сделан еще один шаг в сторону реализации грандиозных планов России по расширению своего торгового оборота за счет восточного и европейских рынков.

Следующим вечером на заседании Адмиралтейств-коллегии Мордвиновым был сделан выбор морского руково-

дителя грядущего путешествия. Им стал протеже Резанова — капитан-лейтенант Иван Федорович Крузенштерн. После утверждения в императорской канцелярии все материалы по предстоящему плаванию были переданы для ознакомления Николаю Петровичу Резанову как главному руководителю всего предприятия. На него же была возложена большая часть организационных вопросов.

Кандидатуру Лисянского на место капитана второго корабля незадолго до совещания предложил сам Крузенштерн. Помимо того, что он был дружен с Лисянским, существовала еще одна причина такого выбора: назначение руководителем экспедиции с широкими полномочиями должно было привести к повышению в чине. Но этого не произошло, и Крузенштерн оказался перед следующей проблемой: при подборе команды своего корабля, имея невысокий чин, он не мог брать опытных офицеров более высокого ранга, а лишь исключительно юных лейтенантов, которых, кстати, ему тоже нелегко было найти — он их просто не знал, проведя шесть лет за границей и еще два года в своем имении. Однако поручить командование вторым кораблем лейтенанту он тоже не мог — законы подчинения на флоте требовали наличия у командира более высокого звания. Крузенштерн был вынужден искать офицера равного ему ранга, то есть капитан-лейтенанта, которому мог доверить этот пост и на которого он мог положиться. Им и стал Юрий Федорович Лисянский, соученик по кадетскому корпусу и товарищ по службе в английском флоте.

...С момента памятного заседания Коллегии прошел год. Перед Резановым лежали пачки документов, но две небольшие стопки у края стола занимали чиновника особо. Это были письма и записки будущих капитанов. Николай Петрович, умудренный опытом искусного дипломата, предпочитал изучать нрав и поведение людей до того, как с ними придется столкнуться. Характеристики Адмиралтейств-коллегии радовали сердце. Плавание с двумя лучшими капитанами Балтийского флота — его старыми друзьями Крузенштерном и Лисянским — должно было принести удачу. А удача была

необходима. Россия пока только-только выходила на побережье Тихого океана и готова была потеснить на океанских просторах Великую Британию и наполеоновскую Францию с их флотами. И для успешной торговли на тихоокеанских просторах нужен был собственный торговый флот и рынки сбыта. Обе эти задачи вменялись Резанову как обязательные и являлись основной целью первого российского кругосветного плавания. Иных целей просто не могло быть. Посылать корабли только ради призрачной славы, как это впоследствии представил Крузенштерн, не имело никакого смысла. Но, к сожалению, о том, что Крузенштерном и Лисянским руководило одно лишь тщеславие, Резанов знать не мог.

Плавание имело сугубо прикладное значение не только как коммерческое, но и как научное. Россия расширяла свои познания об окружающем мире и готова была поделиться этими открытиями с другими нациями, которые рвали друг другу глотки на европейском театре военных действий. Флоты всех воюющих держав были прикованы к европейскому континенту, а потому воды Тихого океана крайне редко содрогались от выстрелов корабельных орудий. Таким затишьем на Тихом океане и решили воспользоваться русские для расширения собственных торговых связей в этом отдаленном и пока еще спокойном уголке Земли. Ведь давно известно, что ничто так не способствует торговле, как мир и война. Ставки в политических играх России были сделаны на мир. Именно об этом Резанов говорил днем в Зимнем дворце с графом Румянцевым. Наверно, камергер сильно огорчился бы, если бы узнал, что двести лет спустя в опере “Юнона” и “Авось” его друга и истинного патриота, государственника до мозга костей, министра коммерции Николая Петровича Румянцева, обезличат театральной маской и представят безвольным и равнодушным персонажем. Россия знала многих политических деятелей, движимых лишь тщеславием, знала и тех, кто опорочил свое имя интригами и казнокрадством, но были и выдающиеся, истинно талантливые политики, которых никак нельзя поставить в один ряд с чиновниками, рассматривающими свое место как государственную кормушку.

Румянцев был проводником и реализатором идей укрепления мощи России. Именно он являлся мозговым центром и организатором научных и исследовательских экспедиций, причем многие организовывал на собственные средства. Не воровал у государства, а возвращал государству то, что считал лишним для себя, но что могло принести славу стране. До недавних пор считалось, что основной задачей первого русского морского кругосветного путешествия были научные исследования. В этом всех так рьяно убеждал Крузенштерн после своего возвращения. Однако на самом деле замысел Румянцева был значительно шире. Как свидетельствуют документы, первое русское кругосветное плавание должно было стать лишь частью обширной программы развития активных торговых и политических отношений России с Китаем, Японией и русскими колониями в Северной Америке. О том, что экспедицию оснащала Российско-Американская компания, и вовсе забыли. А начиналось все вот как: граф Румянцев (министр коммерции и по совместительству глава департамента водных коммуникаций) получил от министра морских сил Николая Семеновича Мордвинова письмо с замыслом экспедиции через Атлантику и Тихий океан к побережью Петропавловска и Охотска с целью снабжения русских форпостов на Востоке столь необходимыми провизией и материалами для постройки верфей и портов. Детальный план экспедиции Мордвинов поручил разработать опытному исследователю северной части Тихого океана, гидрографу и талантливому мореходу, капитан-командору Гавриилу Андреевичу Сарычеву.

Несмотря на амбиции, Румянцев понимал, что организация такого грандиозного мероприятия без привлечения богатых торговых компаний государству не по силу, и вспомнил о своем друге — Николае Петровиче Резанове, одном из директоров Российско-Американской компании. На балу Румянцев рассказал о планах своему другу. Николай Петрович Резанов загорается новой идеей и разрабатывает вместе с Иваном Григорьевичем Шелиховым¹ планы экспансии России на китай-

¹ Сын первопроходца Григория Ивановича Шелихова, председатель совета директоров Российско-Американской компании.

ские рынки пушнины. По их замыслу это предприятие должно было позволить кормить и снабжать Русскую Америку и Дальний Восток всем необходимым. Свои соображения они доложили Мордвинову. Мордвинов, прочитав доклад директоров Компании, между прочим, заметил, что подобных проектов много, но не хватает денег на их реализацию, и предлагает организовать кругосветную экспедицию на средства Российско-Американской компании.

И где-то в этот же период на стол министра по Морским делам ложатся предложения капитана Крузенштерна об организации кругосветного путешествия. Однако подобный проект уже разрабатывается РАК¹ и Морским ведомством. Запоздавшие записки Крузенштерна не могли быть положены в основу намечающегося путешествия, но вполне могли дополнить и расширить круг вопросов, которые предстоит решить путешественникам.

Дирекция Российско-Американской компании долго колебалась, стоило ли выделять деньги на столь обширную программу, и в итоге нашла компромисс с Министерством морских сил. Так два проекта: РАК и Морского министерства — слились в один. Компания готова была взять финансовую часть организации экспедиции на условиях полного подчинения данного вояжа ее интересам. А Компанию интересовала прежде всего скорость доставки товаров в Петропавловск и Охотск, возможность снабжения Аляски и перспективы торговли с Китаем. Поддержку Компании правительством обусловили не только экономические интересы России, но и сложившаяся к тому времени международная обстановка. Создание новых социально-экономических отношений внутри страны, поиски новых рынков сбыта и освобождение от иностранного посредничества — решение всех этих проблем требовало принятия неотложных мер, а точнее — развития промышленности и торговли, расширения сети коммуникаций.

Русским промышленникам на Тихом океане неоднократно приходилось сталкиваться с иностранной конкуренцией, ибо английские и американские купцы все чаще проникали во владе-

¹ Российско-Американская компания (сокр.).

ния России в Северной Америке, наиболее богатые пушниной. Кроме того, с организацией Российско-Американской компании встал вопрос о снабжении ее факторий. Как правило, снабжение осуществлялось сухим путем через Урал, далее по рекам Сибири до Охотского порта, отсюда — морем до Павловской гавани и, наконец, на остров Кадьяк. Путь был долгим и дорогим. Промышленники испытывали постоянную нужду в хлебе, соли, оружии и порохе. Пушнину тоже везли морем до Охотска, а затем — на лошадях в Кяхту для продажи в Китай. Таким образом, столь дорогие издержки зачастую бывали неизбежны.

Прокладка морского пути от Балтийского моря до российских владений на Дальнем Востоке и к Русской Америке становилась насущной необходимостью: этот путь позволил бы России торговать с азиатскими странами, исследовать моря. В свою очередь, и то и другое способствовало бы строительству отечественного флота на Востоке и укреплению его боеспособности. Само географическое положение России — моста между Западом и Востоком — диктовало необходимость налаживания связей с Востоком, прежде всего политических, позволявших обеспечить мир в северной части Тихого океана.

После того как была достигнута договоренность между Министерством по морским делам и Российско-Американской компанией, 29 июля 1802 года главное правление Компании обратилось к Александру I для получения разрешения на отправку из Кронштадта первой русской кругосветной экспедиции. Главными целями были указаны доставка в тихоокеанские владения Компании припасов и необходимых для кораблестроения материалов, установление торговли с Китаем и Японией, а затем и распространение сферы своей деятельности на соседние страны. Для этого Компания просила обеспечить ее опытными офицерами и приказчиками, а также суммой денег в размере 25 тысяч рублей для покупки кораблей. Все расходы, связанные с самим плаванием, а также с обеспечением экспедиции Компания брала на себя. Александр I утвердил предложение в тот же день.

Развивая свои коммерческие идеи и поддерживая политические устремления России, Российско-Американская ком-

пания приняла решение во время намечающегося плаванья посетить Японию. Япония начала XIX века была закрытой страной, фактическая власть в ней принадлежала феодальному роду Токугава, известному своей непримиримой политикой по отношению к иностранцам. Согласно указам сегуната (коллегияльного дворянского органа управления) никто, кроме голландцев, не имел права вести торговлю на территории Японии. Тем не менее даже голландская торговля, для которой был отведен порт Нагасаки, находилась под строгим контролем чиновников сегуната. История знает немало примеров попыток западных государств установить торговые и политические контакты с токугавской Японией, однако все они заканчивались неудачами. В подобной обстановке «закрытых дверей» со стороны Японии¹ Российско-Американская компания решила направить туда свою экспедицию для открытия новых рынков сбыта промышленных товаров. Но основной задачей, стоявшей перед Компанией, было подписание договора, по которому рассчитывалось поставлять в дальневосточные регионы Российской империи, а затем и в Новый Свет японские товары и пшеницу. Деятели Компании видели в таком договоре более удобный способ обеспечить провиантом эти стратегически важные регионы страны.

Имея живой ум и предприимчивый характер, министр коммерции Румянцев подал на имя Александра I записку: «Известно, что со времен бывшего в Японии страшного христианам гонения и изгнания из оной португальцев одни только батавцы имеют близ двухсот лет в руках своих толико выгодный для них торг сей. Сама природа, поставя Россию сопредельною Японии и сближая обе империи морями, дает нам пред всеми

¹ Сакёку — политика самоизоляции Японии от внешнего мира, которая была введена после восстания христиан в Симабаре и проводилась сегунами из рода Токугава в течение двух столетий, с 1641 по 1853 год. Под страхом смертной казни с 1636 года японцам запрещалось покидать территорию своей страны без особой правительственной санкции, а также строить большие суда, пригодные для дальних плаваний. Единственными иностранными купцами, которые давали специальное обязательство заниматься только торговлей, были голландцы.

торговыми державами преимущество и удобность к торговле, к которой ныне купечество наше, как кажется, ожидает токмо единого от правительства одобрения».

К моменту подачи записки на Японских островах уже побывала русская экспедиция поручика Лаксмана и штурмана Ловцова, которую снарядила Екатерина II под предлогом возвращения потерпевших кораблекрушение японцев на родину. Это событие прекрасно воспроизведено в замечательном современном японском кинофильме «Сны о России». Смерть Екатерины не позволила воплотиться в жизнь второй экспедиции в Японию, которая готовилась иркутским генерал-губернатором Селифонтовым. Однако и первый контакт русских с японцами дал свой положительный результат: начиная с миссии Адама Лаксмана в 1792—1793 годах, российскому кораблю раз в год разрешалось входить в гавань города Нагасаки, куда до этого имели право входить только голландцы. Целью всех последующих российских экспедиций к берегам Японии было установление с ней добрососедских отношений — торговых и политических.

Письмо-разрешение, написанное иероглифами, представляло особую ценность, поэтому хранилось в отдельном футляре. Резанов неторопливо откинул крышку футляра и стал вглядываться в странные символы, не похожие ни на буквы, ни на рисунки. Мог ли он думать, глядя на это письмо, что менее чем через год сможет не только спокойно читать японские иероглифы, но и улавливать на слух неточности при переводе с японского на русский.

Уже которую ночь Резанов спал всего по три-четыре часа в сутки. К экспедиции было практически все подготовлено, оставалось только познакомиться с участниками. Для налаживания торговых отношений Резанов сам выбрал себе помощника в лице приказчика Компании Федора Шемелина, человека проворного, но честного. В предстоящей экспедиции случайных людей не было. Каждый в той или иной степени приложил усилия для ее осуществления. Не был исключением и Федор Шемелин. Современному читателю приказчик крупной пушной компании наверняка представляется тучным ленивым купцом, нажившим свое состояние на спекуляциях

мехом. Одним словом — балласт для предстоящего мероприятия. Однако это не так. Мало кто знает, что Федор Шемелин в те далекие времена, когда Крузенштерн только проходил морскую практику, пытался завести, начиная с 1792 года, торговые связи с английскими коммерсантами Макинтошем и Боннером. Со своими английскими партнерами Шемелин планировал договориться о доставке в Охотск судна с продовольствием и припасами и тем самым обеспечить новые русские колонии всем необходимым и простимулировать их дальнейшее развитие. Другой промышленник, Никита Никитович Демидов, советовал Шемелину купить корабль в Дании и самому снарядить его для отправки на Алеутские острова. Тогда Шемелин не решился на этот смелый шаг, а то кто знает, может, имя первого русского кругосветного путешественника было бы иным. О Шемелине Резанов узнал от тестя, Григория Шелихова, который познакомил своего зятя с корреспонденцией предприимчивого купца. Так, случайные на первый взгляд письма неизвестного купца стали отправной точкой для планов самого Резанова. Кому же после этого, как не Шемелину, мог доверить Резанов коммерческую часть мероприятия...

Миссия в Японию требовала присутствия русских военных. Майора Ермолая Фридрици Резанов знал хорошо, а вот о гвардии поручике графе Федоре Толстом слышал впервые. Впрочем, что касается Толстого, за него Резанов был спокоен: в рекомендательном письме о нем говорилось как о «молодой, благовоспитанной особе, состоящей кавалером посольства в Японию». Также в свите Резанова числились: надворный советник Федор Фоссе, живописец Степан Семенович Курляндцев¹, доктор медицины и ботаники Федор Петрович Брыкин и естествоиспытатель немецкий профессор Вильгельм Готтлиб Тилевиус фон Тиленау.

¹ В научно-исследовательских экспедициях того времени художник обязательно числился в корабельном штате. В его обязанности входила зарисовка всего нового и необычного, что встретится по ходу экспедиции. Отчеты об экспедициях обязательно иллюстрировались рисунками корабельных художников. Так как фотография еще не была изобретена к тому времени, единственным источником, который давал представление о дальних странах, был рисунок.

Среди бумаг, которыми был завален рабочий стол, Резанов обнаружил записку, адресованную Российской академии наук от некоего Лангсдорфа из далекого немецкого городка Геттинген, университет которого был в то время крупнейшим европейским научным центром. Эту записку передал академик Крафт, который поведал Резанову историю профессора.

В 1801 году Лангсдорф в составе экспедиционных английских войск принимал участие в походе против испанцев. После Амьенского мира он вернулся к научной работе и возобновил связи в ученых кругах. 29 января 1803 года Лангсдорф был утвержден членом-корреспондентом Российской академии наук, переписка с которой им была начата еще в Португалии. По его собственному признанию, общение с учеными и одобрение его работам, которое он видел с их стороны, влило в него новые силы и вселило живое желание отправиться в новое и более далекое путешествие, уже исключительно с естественнонаучной целью. Услышав о готовящемся первом русском кругосветном плавании, Лангсдорф счел, что в качестве корреспондента Академии он вправе обратиться к ней с просьбой оказать поддержку его кандидатуре в натуралисты экспедиции.

Но письмо Лангсдорфа опоздало. Незадолго до этого Российская академия наук уже утвердила научный состав экспедиции, и еще одному ученому на судне, которое и так было переполнено, места не нашлось. Об этом Резанов сообщил Крафту и академик передал коллеге письмо, которое Лангсдорф получил 18 августа 1803 года. В нем говорилось, что Лангсдорф опоздал со своим предложением, так как корабли «Надежда» и «Нева» должны выйти уже с первым ветром и не предполагают останавливаться в Копенгагене более восьми дней. К тому же, говорилось в письме, доктор Тилезиус уже назначен натуралистом экспедиции и должен присоединиться к ней в датском порту Гельсинор¹. Это обстоятельство делало невозможным вообще что-либо обещать касательно предложенной Лангсдорфом его кандидатуры.

¹ Другие варианты русской транскрипции — Хёльсингер, Эльсинор, Гельзинер. Датский порт.

Сегодня днем, 10 июня 1803 года, на аудиенции у императора Александра Резанов был награжден орденом Святой Анны 1-й степени, пожалован званием камергера и назначен посланником в Японию. Одновременно он получил рескрипт от Александра I с подробной инструкцией относительно осуществления его дипломатических полномочий в Японии. Целью посольства было получение разрешения от японского императора на торговлю русских судов в японском порту Нагасаки или организацию меновой торговли на острове Мацу-маэ¹. В рескрипте, адресованном Резанову, Александр I писал: «Избрав Вас на подвиг, пользу отечеству обещающий, как со стороны японской торговли, так и в рассуждении образования американского края, в котором вам вверяется участь тамошних жителей, поручил я канцлеру вручить Вам грамоту, от меня японскому императору назначенную, а министру коммерции по обоим предметам снабдить Вас надлежащими инструкциями, которые уже утверждены мною». Верительные грамоты и инструкции были вручены тут же. Согласно документам Резанову была оказана честь возглавить готовящуюся экспедицию, что четко было прописано в инструкции: «Корабли “Надежда” и “Нева”, в Америку отправляемые, имеют главным предметом торговлю Российско-Американской компании, от которой они на собственный счет ее куплены, вооружены и снабжены приличным грузом; Его и. в-во², покровительствуя торговлю, повелел снабдить Компанию офицерами и матросами, а, наконец, отправив при сем случае японскую миссию, благоволил один из кораблей, на коем помещена будет миссия, принять на счет короны, как равно и двухгодовое на экипаж сего судна содержание, всемилоостивейше позволяя Российско-Американской компании погрузить то число товаров, сколько за помещением провизии и прочих вещей окажется к тому возможности; сии оба судна с офицерами и служителями, в службе Компании находящимися, поручаются начальству вашему. Соображаясь

¹ Так до середины XIX века назывался остров Хоккайдо. В старой русской транскрипции — Матсмай, Мацмай.

² Его и. в-во — сокр. «Его императорское величество». Аббревиатура деловой переписки XVIII—XIX веков.

пользам Компании, от которой вы уполномочены, имеете вы предохранять оную от могущего в интересах ее последовать вреда и ущерба».

О том, что первую скрипку в организации путешествия играла Российско-Американская компания, говорит и тот факт, что книгу приказов, называющуюся «Приказной протокол командный по кораблям “Надежде” и “Неве”, составил свояк Резанова и ближайший его друг Михаил Булдаков — директор РАК. Первый его приказ от 15 июля 1803 года, еще до выхода судов в кругосветный вояж, состоял из 28 параграфов и касался в первую очередь сбережения команды кораблей. В нем расписаны обязанности членов экипажа и внутренний распорядок во время плавания.

Пока Резанов изучал участников предстоящего плавания, а профессор Лангсдорф придумывал новые способы зачисления себя в состав экспедиции, в Марьино — родовом гнезде Толстых — решалась судьба незадачливого поручика Преображенского полка, коему посчастливилось носить эту замечательную фамилию и пока что покрывать ее весьма сомнительной славой. Высказывались разные варианты, способные избавить Федю Толстого от заключения в Петропавловской крепости, пока наконец-то, в результате шумных семейных споров, не было найдено простое, но гениальное решение. В состав намечавшейся первой русской кругосветной экспедиции в качестве сопровождающего японского посла Резанова был включен двоюродный брат Федора Ивановича, Федор Петрович Толстой¹, страдавший морской болезнью. Чтобы избавить обоих Федоров от грядущих неприятностей, родственники решили заменить одного на другого. Вряд ли Резанов, читая характеристику Толстого, знал об этом подлоге. Вряд ли незадачливый поручик знал, куда и зачем отправляется, иначе отказался бы от этой затеи. И атмосфера на кораблях могла бы быть совсем иной — обезличенная дисциплиной, лишенная истинно русских порывов души, не знающих меры, частенько доходящих до крайностей, она бы явила пример образцового плавания. Но Федор Иванович Толстой попал на судно, сво-

им поведением вычеркивая каждое слово из характеристики, данной на его брата, Федора Петровича Толстого. Однако об этом позже. Узнав от своего дяди, что есть возможность избежать наказания, незадачливый дуэлянт тут же дал согласие, чем сильно обрадовал своего тезку-родственника. Услышав фамилию Резанова, Федор Толстой вспомнил вечер в кабаке и знакомство с двумя флотскими офицерами, один из которых всячески восхвалял камергера. Так, несмотря на различные перипетии, судьбе было угодно свести Резанова и Толстого в совместном плавании на одном корабле.

Суда «Надежда» и «Нева» стояли на якорях. С их палуб открывался замечательный вид на весь Кронштадтский рейд. Вот уже почти месяц капитану Крузенштерну никак не удавалось выйти в море. То ветер, предательски меняющий свое направление, то задержки со стороны Морского ведомства вот уже неделю не давали судам покинуть пределы русских гаваней. Все это давало морякам и офицерам повод лишний раз повидаться с родными и провести еще один день на берегу. Непрекращающиеся рейды родственников офицеров, а особенно их слезливых жен окончательно разложили дисциплину. Несмотря на расслабляющие обстоятельства — шканцы «Надежды» как флагмана экспедиции содрогались под ударами матросских ботинок. Вначале на судно прибыл император, затем Мордвинов, после Чичагов и Румянцев почтили честью. Еще никуда не успев отплыть, «Надежда» и «Нева» пережили массу торжественных построений по случаю и без оногo. Построения стали единственным способом удерживать обе команды в рамках дисциплины, так как многие недели они праздно слонялись без дела по палубам.

А Николая Петровича Резанова, который, как казалось Крузенштерну, не особо торопился, все еще не было. Истинная же причина задержки камергера стала понятна только тогда, когда капитан «Надежды» получил 2 июля 1803 года от Резанова следующее послание: «Милостивый государь мой Иван Федорович. Вчера только в вечеру, получив чрез почту письмо ваше, был я сего утра у графа Николая Петровича¹. Он докладывал государю, и военной флаг пожалован экспедиции с таковым при том высочайшим замечанием, что по случаю военных обстоя-

¹ Впоследствии известный русский художник-классицист.

¹ Румянцева.

тельств европейских, может она в нужных случаях употреблять и купеческой. Предоставлю все сие вашему распоряжению. Указ еще не объявлен за отсутствием Павла Васильевича Чичагова, но я просил графа и он обещал завтрашний день доложить государю, кому он сие исполнить прикажет. Завтрашнего числа отправлю к вам г-на Фридрици с пиастрами и горного студента Паульсона, также и все вещи и свои, и казенные. Я еще отправления не получил, но завтрашний день уповаю видеть окончание и тогда, откланявшись государю, получив остальные на чиновников деньги и съездив в Павловское, надеюсь совсем уже выехать во вторник непременно. С истинным почтением имею честь быть вам, милостивому государю моему, покорнейшим слугою. Николай Резанов».

Из письма становилось ясно, что не праздное времяпрепровождение камергера задерживает отплытие судов. Резанов, сознавая сложность политической обстановки, озаботился наличием на судах Андреевских военно-морских флагов. Так как экспедиция была коммерческой, брать военные флаги на борт не планировалось, но их наличие, как разумно посчитал Резанов, позволит в океанах представлять как военные, так и государственные интересы России. В итоге капитан-лейтенант Крузенштерн, военный офицер, поведет корабли под Андреевским флагом в течение всего плавания и не спустит его даже в те моменты, когда из-за этого окажется под угрозой срыва коммерческая часть экспедиции в китайском Кантоне.

Кроме того, Резанов добился от английского посла Уоррена подписания открытого листа, позволявшего русским морякам беспрепятственно проникать в британские колониальные владения и получать там всестороннюю помощь. Аналогичные документы руководитель экспедиции получил от португальского посла д'Ацеведо, от французского посла генерала Гедувиля, от посланника Батавской республики Дирка ван Гогендропа, а в октябре 1803 года — от генерал-губернатора Канарских островов, маркиза де ла Каза Кагигалья.

В этих письмах Резанов был указан как командующий русскими кораблями «Надежда» и «Нева», то есть факт руководства камергером всей экспедиции, по крайней мере на

тот момент, ни у кого не вызывал сомнений. Впоследствии эта формулировка была вычеркнута Крузенштерном, видимо, уже во второй части плавания, когда начала формироваться версия его руководства экспедицией.

Не знаю, это ли стало причиной конфликта, но еще до отплытия между Крузенштерном и Резановым начались трения. Нетерпеливый Крузенштерн, не знавший истинных причин задержки, винил во всем нерасторопного камергера.

Последнюю точку терпению Крузенштерна поставило прибытие самого Резанова с багажом. В связи с длительным ожиданием отплытия судов Российско-Американская компания не придумала ничего лучшего, кроме как погрузить весь багаж для путешествия здесь же в Кронштадте, хотя первичная договоренность состояла в том, чтобы Резанов, его свита и весь компанейский багаж добирались сухим путем до Дании, где была запланирована первая остановка «Надежды» и «Невы». На кораблях начались погрузочные работы, отчего суда сели ниже ватерлинии. Терпеливо наблюдавший за этим Крузенштерн не выдержал.

Не будучи осведомленным о составе и весе товаров Российско-Американской компании, он как капитан поставился загрузить судно провизией и всем необходимым едва ли не на те три года, которые планировалось затратить на плавание. На каждого матроса было взято по несколько комплектов одежды и белья, что на тот момент являлось беспрецедентной акцией, большой запас одеял, провизия — самая лучшая. Учтено было все до мелочей, вплоть до клюквенного сока и квашеной капусты, которыми планировалось лечить команду от цинги. А запасов деталей рангоута и такелажа хватило бы на постройку половины нового корабля. Основная погрузка была произведена в Санкт-Петербурге, но и на Кронштадтском рейде офицеры догружали судно вещами, без которых, как им казалось, путешествие было бы невыносимым. И тут наконец появился Резанов с багажом, который показался Крузенштерну лишним. Например, камергер вез целую библиотеку, состоящую из книг, подаренных членами Академии наук с тем, чтобы они были отвезены на Аляску в школы и учили-

ща, которые планировалось там открыть. Кроме того, имелось около двадцати сундуков подарков для японского императора и двора, сундук писчей бумаги и небольшой бочонок чернил — все это надлежало разместить на и без того перегруженном корабле. Крузенштерну вспомнился спор при первом посещении Резановым «Надежды», когда тот хотел взять с собой на борт еще двадцать морских и пехотных офицеров для укрепления военной мощи в Русской Америке. Офицеры были выходцами из известных русских родов и горели желанием послужить Отчизне, но позиция Крузенштерна, назвавшего позднее этих славных отпрысков «свитой Посланника, предназначенной для пушного блеску посольства», не позволила взять их на борт. По словам капитана, места на корабле для лишних двадцати человек не нашлось. Пришлось отказаться и от части гражданских лиц. Резанов скрепя сердце уступил. Учитывая условия плавания и наличие места на корабле, а также необходимость кормить лишних людей, Крузенштерн, конечно, был прав, но и несомненная правда Резанова в этом споре заключалась в том, что Россия на новых землях должна была не только закрепиться с помощью промысла и торговли, но и суметь защитить все свои завоевания. Как часто Николай Петрович жалел впоследствии, что не сумел настоять на своем решении. Будучи человеком, готовым идти на жертвы и компромиссы, Резанов принял разумные доводы Крузенштерна.

Прибыв на «Надежду», Резанов был встречен расторопным построением команды, приветствующей его, и недовольством Крузенштерна, которому суждено будет продолжать все плавание. Когда с небольшого грузового тендера перегружали багаж камергера, Крузенштерн комментировал каждый сундук, ворча, что без всего этого в экспедиции можно было бы обойтись. Резанов молча сносил все эти комментарии, но когда капитан отказался брать на борт нескольких офицеров, отобранных из того количества, что предполагалось ранее, камергер не выдержал. Он настоял на их присутствии на корабле, тем более что Толстой и Фридрихи согласны были размещаться с матросами, лишь бы отправиться в путешествие. На том и порешили. Федор Толстой, чья судьба только что в очередной раз

повисла между выбором оказаться в заточении в Петропавловской крепости или покинуть Россию, в душе был признателен Резанову за его настойчивость. Сам Резанов, понимая, насколько трудно будет невысыпавшимся офицерам управлять судном, предложил Крузенштерну свое общество в каюте капитана и освободил предназначавшееся для него помещение, в которое тут же были переселены Ратманов и Левенштерн.

Задержка была вызвана не только отсутствием ветра, согласованием документов с иностранными послами, но и отсутствием японцев, чья доставка на родину служила поводом для визита в Японию. За десять лет до описываемых событий 29 ноября 1793 года японский корабль «Вакамия-мару» вышел из Исиномаки с грузом риса и направился в Эдо. Налетевший шторм порвал парус и сломал руль. Почти полгода течения и ветры носили суденышко по океану, пока в мае следующего года не прибили его к алеутскому острову Атка. Здесь японцев нашли русские, промышлявшие морского зверя на Алеутах. Через Охотск и Якутск они доставили их в Иркутск. По прошествии десяти лет, в 1803 году, 16 моряков с «Вакамия-мару», жившие в Иркутске, были вызваны в Петербург на аудиенцию к императору Александру I. Тогда была окончательно решена их судьба. За это время шесть членов экипажа «Вакамия-мару» умерли. Из десяти оставшихся пятеро пожелали вернуться на родину. Их отправили из Сибири в Петербург для возвращения в Японию вместе с посольством Резанова. И вот сейчас, ввиду сложившихся обстоятельств, требовалось их присутствие на «Надежде». Без них японская миссия Резанову казалась несостоятельной. Неблизкий путь из Иркутска обрусевшие японцы преодолели в рекордно короткие сроки. Загоняя коней, 27 июля они прибыли в столицу и тут же были отправлены на судно. К великой радости Крузенштерна, поводов для задержек больше не осталось¹.

¹ В 1804 году японские моряки Цудаю (62 года), Гихэй (44 года), Сахэй (43 года) и Тадзуро (35 лет) были переданы русским посольством князю Сендайского княжества. В декабре того же года их полком князем привезли в Эдо, где ученый Оцуки Гэнтаку по распоряжению властей более 40 дней вел с ними беседы. В результате этих бесед им в 1807 году была написана книга «Удивительные рассказы о далеких морях».

В тот момент, когда Федя Толстой ходил по «Надежде», изучая ее внутреннее устройство, со всех сторон послышался топот, скрип выбираемых якорных канатов, свистки и громкие команды офицеров. Пока поручик выбирался на верхнюю палубу, матросы поставили паруса, и они, наполняясь свежим ветром, направили судно в открытое море.

Резанов, оторвавшись от рабочих записей, вышел из душной каюты и облокотился о планширь. Корабль шел под полными парусами, вахтенные офицеры отдавали команды, кадет Морис фон Коцебу стоял на шканцах возле рулевого и следил за курсом.

Крузенштерн, недовольный тем, что ему на протяжении всего плавания придется делить власть со столичным чиновником, пусть даже и давним его знакомым, с мрачным видом стоял у противоположного борта. Резанов же, напротив, был рад началу путешествия, заботы о котором позволили хоть ненадолго отвлечься от воспоминаний, связанных с любимой женой Анечкой. С улыбкой на лице он подошел к Крузенштерну и поинтересовался, когда суда выберутся из «бутылки» Балтийского моря?

— Через несколько дней зайдем в один из датских портов, — неохотно ответил капитан. — Остановимся на неделю, затем пройдем через проливы и выйдем в Северное море.

— А почему так надолго?

— Придется перегружать корабль. От части груза все-таки необходимо будет избавиться! С таким нагруженным судном в океан я не выйду.

— И что вы планируете сгрузить?

— Компанейский груз. Кстати, как я и говорил, от части вашей библиотеки также придется избавиться.

— Позвольте, милостивый государь, но в вашей ли воле принимать решения по подобным вопросам? — искренне удивился Резанов. — У меня имеются четкие указания императора по этому поводу.

— Вы можете предъявить их в письменном виде?

— Конечно! Пройдемте в каюту, где я смогу подтвердить свои полномочия. По прибытии на судно я вам представил бу-

маги. Однако и впрямь не могу понять, к чему это? Вы же знаете, что никто, кроме меня как руководителя экспедиции, не вправе решать такие вопросы, кроме неотложных обстоятельств, когда принятие решений берет на себя капитан.

— Эта ситуация и является, как вы смели выразиться, неотложной. Экспедиция не состоится, если не избавиться от части груза. Вынужденная стоянка в Кронштадте уже показала, что суда имеют некоторые течи и лишняя нагрузка не способствует их исчезновению.

— Господин Лисянский, купивший корабли, и вы как капитан должны были позаботиться об этом до начала плавания, а не сообщать об этом сейчас. Сколько понадобится времени, чтобы привести корабли в порядок?

— Две недели, может, больше.

— У нас вряд ли будет столько времени, милостивый мой сударь.

— В таком случае надобно будет максимально облегчить суда.

— Ладно. От какого груза вы планируете избавиться? Предупреждаю сразу — библиотека поплывет со мной, и это не оговаривается.

— В таком случае в первую очередь надобно будет отправить в Россию часть подарков, и самые тяжелые предметы: компанейские якоря, оставив лишь запасные для «Надежды» и «Невы», пушки, порох, пилы, долота, топоры... Ну зачем нам тысяча топоров?

— Для постройки фортов, русских форпостов в новых землях! Знаете ли вы, что канаты, следующие в наши дальние владения через всю Сибирь, разрубаются на куски по 15—16 метров, а в Охотске их опять сплетают. Якоря перевозят отдельными кусками, которые затем в Охотске сковывают воедино. Артиллерии нету вовсе, отчего дикие племена, населяющие земли Америки, убивают наших соплеменников, приляющие земли Америки, убивают наших соплеменников, чем делают это с особой жестокостью. Якоря, канаты, пушки, топоры, пилы — все это жизненно необходимо нашим поселениям в Америке. Без этого не будет флота, который должен снабжать скудные растительностью земли, флота, который

должен защитить завоевания России. Вы как флотский офицер, в первую очередь, должны понимать это.

— Тогда вашу свиту придется сократить и того более. Ладно, пины нужны, а приказчики и художники зачем? Есть корабельный врач. Вы зачем-то взяли еще одного, профессора ботаники.

— Позвольте, милейший мой Иван Федорович, вы же сами намерены не пустить на судно большую часть моих сопровождающих, среди которой были люди, исключительно необходимые предприятию.

— Хотя мы и прибываем в приятельских отношениях, но на своем судне я капитан и не обязан отчитываться перед вами за свои действия. Мест на судах не хватает. Мы не на прогулку плывем. Оба корабля и так перегружены.

— Резонно, Иван Федорович. Но господин Брыкин необходим не только и не столько как врач, сколько как исследователь естественных наук. А насчет, как вы смели выразиться, прогулки... Цели и задачи экспедиции определяли Адмиралтейство и Коллегия по морским делам согласно потребностям Российско-Американской компании, управляющим которой я имею честь состоять и на деньги которой осуществляется экспедиция. Список заданий подавался на Коллегию мною и господином Румянцевым, так что мне, как никому другому, известна не только цель, но и выработанный и утвержденный высочайшей подписью Государя-императора план экспедиции. Достаточно и того, что вы, Иван Федорович, исключили из состава экспедиции по причине тесноты в кубриках студента Паульсона, студента Чачкова, поручика Окунева, переводчика Козена, советника Академии наук, художника корабля «Нева» Василия Петровича Причетникова, мичмана Дзюрковского, квартирмейстера и трех промышленников. Все эти люди должны были нести свет Отечества нашего диким племенам или служить охраной от оных. Студенты должны были стать учителями для аляскинских детей. Один из них знал искусство поиска золота, серебра, меди, железа, угля... Ну, да воля ваша, добираться будут посуху.

Резанов, понимавший, что недовольство Крузенштерна перегрузкой корабля — только повод, не мог и представить,

что проблема кроется в инструкции Российско-Американской компании, составленной без его присутствия, которая устранила Крузенштерна от главного командования экспедицией, а самое главное, лишила его и Лисянского премии, которую они оба должны были получить при благополучном возвращении. Дело в том, что Компания наняла на эту экспедицию Крузенштерна и Лисянского с условием выплаты им по 5800 рублей жалованья в год, а по возвращении — по 10 000 рублей премии как руководителям судов, доставлявших груз Российско-Американской компании. И вдруг начальником экспедиции назначают Резанова, на которого и ложится ответственность за груз. Оба лейтенанта потеряли премию, а Резанов приобрел в их лице людей, которые стали его недолюбливать и настроились на неприязненное отношение в будущем.

Крузенштерн не был бескорыстным служителем делу, как это принято считать. Даже его участие в первой русской кругосветке стояло под большим вопросом, и не только по той причине, что незадолго до описываемых событий молодая жена подарила капитану наследника. «Экспедиция наша, казалось мне, возбудила внимание Европы, — писал сам Крузенштерн. — Счастливое или несчастное окончание оной должно было или утвердить мою честь, или помрачить имя мое, в чем участвовало бы некоторым образом и мое отечество. Удача в первом сего рода опыте была необходима: ибо в противном случае соотечественники мои были бы, может быть, еще на долгое время от такового предприятия воспреещены; завистники же России, по всему вероятно, порадовались бы таковой неудаче. Я чувствовал в полной мере важность сего поручения и доверия, и не обинуясь признаться должен, что не охотно соглашался на сей трудный подвиг; но когда мне ответствовано было, что если откажусь я от начальства Экспедиции, то предприятие оставлено будет без исполнения; тогда ничего уже для меня не оставалось, кроме необходимой обязанности повиноваться». Крузенштерн до последнего колебался, оказавшись перед тяжелым выбором: ощутить радости отцовства или предпринять дерзкое предприятие, на которое его толкало честолюбие. И вправду, было бы жаль расстаться с планами, которые

вынашивались и делались в сердце столько лет. Видя колебания Крузенштерна, гордиев узел возникшей проблемы своим решением разрубил Александр I. Он предложил жене капитана пользоваться доходами с одной из царских деревень в течение 12 лет и назначил пенсию в размере 1500 рублей в год. Если учесть, что к этому прибавлялось жалование РАК, назначенное Крузенштерну, то проблема выбора была решена в пользу плавания. С руководством Российско-Американской компании был составлен контракт, согласно которому жалование путешественника выплачивалось жене каждые несколько месяцев. Финансовой наградой руководителя предприятия от Компании назначалась сумма 10 000 рублей, выплата которой, согласно последним распоряжениям Компании, зависела всецело от Резанова.

Резанов, живо заинтересованный в экспедиции не меньше самого Крузенштерна, 2 сентября 1802 года отсылает Крузенштерну послание: «Милостивый государь мой Иван Федорович. Сказав за приятнейшее письмо ваше чувствительнейшую вам благодарность, спешу успокоить вас, что я не выехал из Петербурга, не дождавшись окончания по докладу Компании, который, наконец, подтвержден и экспедиция отсрочена до июля. 7-го числа должен я быть в Петербурге и потому покорнейше прошу вас, милостивого государя моего, поручать мне искренно все то, что к удовольствию вашему только служить может, а я с моей стороны не пропущу ничего такого, где бы хотя малую я имел возможность быть вам полезным. В ожидании приятного ответа вашего имею честь быть при желании всех благолюбившему семейству вашему. С совершенным почтением вам, милостивому государю моему, покорнейший слуга.

P.S. Не забуду как о г-не Лисянском, так и о книгах, вам необходимых, и буду впредь писать к вам».

Резанов же прилагал все усилия для того, чтобы экспедиция состоялась. Проехав полторы тысячи верст вдоль финской границы с инспекцией, он вновь окунается в дела Компании и организацию путешествия. Распорядившись закупить в Ревеле астрономические инструменты сверх тех, что закупил на деньги РАК в Англии сам Крузенштерн, Резанов составляет

список товаров для русских поселенцев-промышленников, подбирает людей делового толка для осуществления торговли в Китае. Лично провожает и напутствует Лисянского, вручая ему необходимую сумму золотыми червонцами для покупки судов. Помимо купленного в Англии на средства адмирала Чичагова подарка — машины для очистки воды, Резанов на собственные средства закупает у русского мастера Шешори-на машину оригинальной конструкции, предназначенную для опреснения и имеющую, в отличие от английского аналога, многоступенчатый фильтр. Это позволило опреснять забортную воду на обоих судах. Кипучая энергия Резанова направлена на одно — служить интересам России даже в ущерб здоровью, собственному благосостоянию, семье.

Но с этого момента неудачи следуют одна за другой. Сначала Лисянский, не найдя в Германии подходящих для экспедиции кораблей, вынужден отбыть в Англию, объявившую войну наполеоновской Франции, что вообще ставит под сомнение возможность покупки кораблей. Несмотря на это обстоятельство, снаряжение экспедиции в Петербурге идет полным ходом. И вдруг, как гром среди ясного неба, проносится известие: жена Резанова Анна умерла при родах. Николай Петрович впадает в уныние, а потом, впервые в жизни, серьезно и надолго заболевает. Мостик между Крузенштерном, Российско-Американской компанией и правительством в лице Резанова рушится. Страшная зима 1802—1803 годов ставит под угрозу грандиозные планы. Царь Александр погружается в изучение военных действий на просторах Европы и начинает готовиться к активному участию в них. Крузенштерн прозябает в своем поместье в Хаггуде. Ему уже не до астрономических наблюдений и грандиозных проектов. Эта неопределенность заставила морехода полностью погрузиться в дела семейные.

Резанов, похоронив жену на Невском кладбище в Петербурге, не находит себе покоя и строчит одно за другим послание в адрес императора с прошением об отставке. Горе надломило его волю и остудило деятельный характер. Писем от Лисянского не было уже более месяца. Лютая зима охладила горячие порывы патриотов. Директора Российско-Американской

компании, многие из которых приходились родственниками Резанову, пока что не трогали Николая Петровича и не будоражили его душу планами, давая время пережить горе и выплакать скорбь по двадцатидвухлетней жене, которую Резанов любил до беспамятства.

И вот когда, казалось бы, рухнули все планы, новый толчок экспедиции дает один из ее авторов и главный идейный вдохновитель. 20 февраля 1803 года на стол Александру I ложится докладная записка министра коммерции графа Румянцева, в которой тот предлагает сперва обменяться дипломатическими грамотами с Японией, а затем формулирует и научные цели и задачи экспедиции: «Не благоугодно ли будет Вашему императорскому величеству с отправляющимися ныне в Америку судами назначить род некоторого к японскому двору посольства и, употребля к исполнению сего важного предприятия человека с способностями и знанием политических и торговых дел и ободрив его особым Вашего императорского величества покровительством, поручить ему сделать японскому двору приличным образом правильное о достоинстве Российской империи внушение, положить там прочное основание торговли и установить в будущем дружественные отношения между обеими империями, столь тесно сопредельными, и притом снискать дружбу и там издревле водворившихся батавцев, удалив от них благовидно все могущие интересам их представлять опасности.

Чиновник сей, снабженный наставлениями и переводчиками, японский язык знающими, отправился б отсюда в июне сего года, обойдя кап¹ Горн, мог бы прибыть он в Японию в июне 1804 г., а окончив там свою миссию, отправиться на зимовку в лежащую в Камчатке Петропавловскую гавань, из которой доставив Вашему императорскому величеству донесения, а между тем получив дальнейшие сведения о отзывах китайского двора по торгу кантонскому, выйти в 1805 г. в Северную Америку и, обозрев лично главные места, Компаниею заведомые, сделать сколько время ему позволит, топографическое описание российских приобретений, исследовать произ-

ведения природы, на каковой конец должен он быть снабжен и людьми, в науках испытанными, заменить нравы жителей, образ управления ими, не вкрались ли какие-либо противные человеколюбию поступки, — словом, образовать край сей и, таковым благоустройством осчастливив сих отдаленных Вашего императорскому величеству поданных, поселить в них вящую к России приверженность. Потом, погрузив товары, ежели позволен будет торг в Кантоне, то отправиться туда и, произведя мену, сделать все соответственные пользам России замечания; буде же на кантонский торг не последует от китайского двора позволения, то идти в Манилию и, сбыв груз свой выгодным для Компании образом, возвращаться в Россию кругом мыса Доброй Надежды, сделав на путешествии своем всюду, где случится ему приставать, прочное знакомство и, проложить чрез то путь будущим торговым экспедициям.

Таким образом, миссия сия может исполниться к особенной чести империи, торговля получит новые и надежные виды, а американцы при всей отдаленности их, подобно древним россиянам, почувствуют человеколюбивого их обладателя».

Этот стратегический ход опытного царедворца превращает экспедицию из торгового предприятия частной компании в дело государственной важности. Румянцев засыпает письмами императора, Резанова, Крузенштерна. И добивается поистине невозможного: буквально силком заставляет убитого горем Резанова отправиться на аудиенцию к Александру. Молодой царь первым делом присваивает Резанову титул камергера и наделяет его полномочиями посла. Сославшись на важность посольства в Японию, он настаивает на том, чтобы Резанов взял руководство экспедицией на себя. В письме видному политику России, поэту и памфлетисту Ивану Ивановичу Дмитриеву, камергер описывает разговор с царем следующим образом: «Чужд сделавшись всего на свете, предавшись единой скорби своей, думал я взять отставку, думал, занявшись воспитанием детей, посвятить чувствительности остатки дней моих, но и тут встретил препятствие. Государь вошел милостиво в положение мое, сперва советовал мне рассеяться, наконец, предложил мне путешествие, потом,

¹ Мыс, русская транскрипция английского слова «саре».

доведя меня постепенно к согласию, объявил мне волю, чтоб принял я на себя посольство в Японию. Долго отказывался я от сего трудного подвига, милостивые его при всякой встрече со мною разговоры, наконец, призыв меня к себе в кабинет и настоятельные убеждения его, решили меня повиноваться. Я признался ему, что жизнь для меня хотя тягостна, но нужна еще для детей моих, многие обещал мне милости, но я просил его не унижать подвига моего награждениями, которые, один успех мне только обещать может, и разговор наш кончился так, что и царь, и подданный расстались спокойнее. Он дал слово покровительствовать сирот моих, а я подтвердил ему, что каждой час готов ему жертвовать жизнью». В окончании письма Резанов благодарит друга и мецената за книги, сообщает о помощи Российской академии наук с экспонатами для музея на Аляске и просит: «Сделайте мне также чувствительное одолжение, постарайтесь убедить к таковому же подвигу великих мужей века нашего, в Москве пребывание имеющих».

Резанов дал согласие на руководство экспедицией и посольством в Японию, а его просьба к русским ученым была услышана. В ходе подготовки первого кругосветного плавания была собрана значительная коллекция книг, пожертвованных русскими писателями и общественными деятелями. Содействуя просвещению колоний, президенты Императорских Академий наук и художеств Н.Н. Новосильцев и А.С. Строганов прислали для экспедиции ценные собрания книг, ландкарты, картины, бюсты, эстампы; управляющий Министерством морских сил П.В. Чичагов — модели и чертежи судов; Н.П. Румянцев — «прекрасное собрание путешествий и книг хозяйственных». Их примеру последовали многие другие лица, включая самого И.И. Дмитриева, М.М. Хераскова, И.С. Захарова. «Пантеон российских авторов» (текст к портретам составил Н.М. Карамзин) подарил библиотеке известный иконограф и издатель П.П. Бекетов, ряд книг пожертвовал издатель «Санкт-Петербургского журнала» А.Ф. Бестужев. Эта ценная коллекция была доставлена на корабле «Нева» на остров Кадьяк, а впоследствии ее перевезли в новую столицу колоний — крепость Ново-Архангельск.

Так дипломатическая миссия и научная работа легли на плечи начальника первой русской кругосветной экспедиции Николая Петровича Резанова.

Произошел перелом ситуации: Резанов ожил и, связавшись с Академией наук, подключил ее к организации научной части экспедиции. Директора РАК, родственники Резанова, обрадованные таким оборотом дел, возобновляют подготовку кругосветки. В это время, совершив двенадцатидневный переход из Портсмута в Кронштадт, под конвоем английского шлюпа «София», 26 мая прибыли купленные Лисянским шлюпы «Нева» и «Надежда» с английскими экипажами на борту. В Петербург по приглашению Академии наук возвращается Крузенштерн... Он останавливается в доме Резанова, где совместно строятся планы будущего путешествия. Затем Крузенштерн перебирается жить к вновь назначенному на пост морского министра молодому адмиралу Павлу Чичагову, отвергающему кандидатуру шотландского капитана Мак-Мастера, которого Главная контора РАК подыскала на смену колеблющемуся Крузенштерну, и уговаривает капитан-лейтенанта возглавить флагман экспедиции — судно «Надежда». Теперь уже ни у кого не возникает сомнений в том, что кругосветное путешествие состоится.

23 июня 1803 года за стремление к просвещению дальних краев и в надежде на то, что экспедиция обогатит русский и мировой научный мир полученными сведениями и знаниями, Академия наук России присваивает Резанову звание почетного академика, а Крузенштерна принимает в почетные члены.

Это служит дополнительным стимулом Николаю Петровичу Резанову, и он прилагает максимум усилий для продвижения научных работ в экспедиции. Это важное дело, как, впрочем, и все в своей жизни, Резанов поставил на широкую ногу. При изучении записей далекой весны 1803 года может создаться впечатление, что между Резановым и Крузенштерном развернулось соревнование, причем «соперники» с удовольствием помогали друг другу, с той лишь разницей, что Крузенштерн считал первейшим делом экспедиции открытия

и географические исследования, а Резанов в первую очередь желал заниматься просвещением и дипломатической службой. Поэтому и многотомная библиотека, из-за которой разгорелся спор на палубе, все-таки попала на Аляску.

Крузенштерн, посоветовавшись с Лисянским, пишет 26 июля 1803 года прошение на имя Румянцева с просьбой иметь на кораблях военно-морской Андреевский флаг. На следующий день флаги прибыли на корабли. Такая мгновенная реакция объясняется лишь тем, что вопрос о военно-морских Андреевских флагах был поднят Резановым почти месяц назад, а непосредственно перед началом экспедиции лишь утвержден Румянцевым. Умудренный дипломатическим опытом, Резанов вручает письмо Румянцеву и просит поставить рескрипт, согласно которому суда смогут нести как торговый, так и военно-морской флаги. Это, как и предвидел Резанов, впоследствии сыграет на руку капитанам при торговле в китайском Кантоне. Андреевские флаги берутся на борт с запасом для будущих судов, спущенных с американских верфей. Один из них, поднятый на первенце аляскинского военного флота, маленьком тендере¹ «Авось», изменит геополитическую карту мира на долгие столетия и обозначит дальневосточные границы России.

...Резанов вспоминал последний месяц, в течение которого он редко спал более четырех часов в сутки. И вот все приготовления остались позади, а будущее манило открытиями и приключениями. Компания собралась славная, и путешествие обещало быть увлекательным и плодотворным.

Спустившись в каюту, Резанов и Крузенштерн достали бумаги и обменялись ими. Пока Резанов внимательно изучал бумаги капитана, скрепленные вензелем Александра и гербовой печатью, Крузенштерн, не вскрывая конверта, положил документы Резанова на стол и, подойдя к окну, стал разглядывать исчезающие в тумане берега России. Было это 29 июля 1803 года.

¹ Небольшое (до 50 тонн) парусное военное судно, несущее одну мачту и выдвижной бушприт. Вооружение 6—16 пушек. Парусное вооружение по типу шлюпа.

Глава 3 СИБИРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ

От ударов о наши спины
Гнется земная ось!
Только наш позвоночник крепче —
Не согнешь нас авось!

А. Вознесенский

Л/очной перестук колес кибитки убаюкивал молодых людей. Предавшись мыслям, которые всегда преследуют любого человека, отправляющегося в дальний путь, друзья молча осматривали безлюдную ночную пустыню полей. Голова Николая Хвостова была переполнена думами о молоденькой соседке Анне Волковой. Впервые в жизни он почувствовал, как тяжело ему будет без ласкового и такого успокаивающего взгляда девушки. Старенькие отец и мать, оставшиеся в деревне, и неуклюжее прощание вызывали комплекс вины, который можно было подавить только размышлениями о реализации детской мечты — стоять на шканцах рядом с вахтенным офицером и направлять корабль по только Богу известному маршруту.

Гаврилу беспокоили те же мысли. Правда, он больше сожалел о расставании с друзьями. Еще он опасался, что ему, привыкшему к удобствам, тяжело будет себя приучить обходиться без них. С другой стороны, жажда приключений, желание юноши совершить безумно далекое путешествие, увидеть мир во всем его многообразии, побывать в местах, в которых редко кому доводилось быть, приобрести новые знания и, возможно, сделаться знаменитым мореплавателем — все это возбуждало в нем любопытство и льстило честолюбию. Он представлял себе удовольствие от возвращения из столь трудного путешествия, встречу родных и друзей. Гаврила будет рассказывать им о своих приключениях, как мужал и набирался опыта, как странствовал по неизвестным морям и островам, о жизни дикарей на островах, о причудах и красотах природы, о диковин-

ных зверях и птицах. Пройденный путь всегда вспоминается с радостью. Гаврила был уверен, что после всех испытаний чувства обострятся, а в глазах загорятся огоньки. Юношеский максимализм рисовал в его мозгу картины завоевателя мира, морей и океанов — его родной стихии. Его полюбят женщины, и с восхищением примет сам Император, жалует титулы и награды за подвиги во имя России...

Разносторонние чувства то оставляли на лицах молодых людей улыбки, то заставляли хмурить лбы. Друзья в молчаливых раздумьях доехали до Ижоры...

Перед тем как начать описывать долгий путь моих героев через всю Сибирь к дальним берегам Охотского моря, хотелось бы сделать паузу для размышлений о том, что подвигло молодых людей восемнадцати и двадцати трех лет отроду пуститься в погоню за неведомым на край земли. Вспоминая себя в возрасте этих мальчишек, понимаешь, сколь велика разница, разделяющая нас не только и не столько по времени, сколько устойчивостью взглядов и мышлением. В отличие от меня и моих современников, мальчики в те времена выросли быстрее, а многие из них за свою короткую жизнь успевали не только послужить делами своими и помыслами Родине, но и увековечить свои имена в истории. Погоня за славой — слишком рискованное занятие, если конечной целью не являются свершения во имя своего народа и родной земли. Только в этом случае жертвы при достижении мечты оправданы. С такими людьми хочется сблизиться мысленно, чтобы понять их устремления, пройти по их стопам или, осознав их подвиг, не дать ему пропасть в веках и встать на защиту их идей. Костер идеи питается хворостом наших мыслей. Если мысли сыры, идея будет расплывчатой, как дым костра, она будет резать глаза, но не согревать сердце. И только сухая лаконичная твердая мысль будет дарить свет яркой идеи, которой переполнится душа. Но для того, чтобы ею проникнуться, надо иметь чистое сердце и быть честным, в первую очередь перед самим собой.

Что хотели найти в Америке юные моряки? Сознавали ли, что путешествие через всю Сибирь — уже подвиг? В наше

время расстояние от Петербурга до Охотска покрывается на поезде дней за десять, самолетом — за полдня. Хвостов и Давыдов отправились в путь на лошадях. Дорога у них заняла почти что полгода! Полгода среди холодов и комарья, сквозь бездорожье и разливы сибирских рек, преодолевая горные системы и непроходимые леса, люди шли за своей большой мечтой, которая могла стоить им жизни. Не крупная экспедиция, а двое мальчишек во флотской форме гнали коней в историю. Спешили, будто чувствовали, как мало времени им отведено для подвига...

В Ижоре, куда юноши прибыли под утро, им быстро сменили коней, и, не видя смысла в лишней трате времени на отдых, Гаврила и Коля поудобнее разместились на почтовых тюках и наконец-то уснули. Фельдгегерь, у которого сломалась повозка, напросился в кибитку молодых людей кучером и, воссев на козелках, пообещал довести друзей до Тосно. Из Тосно до Москвы ехали уже в почтовой кибитке, поменявшись местами с фельдгегерем, громкий храп которого стал объектом колкости и насмешек юношей. Настроение было просто отличным, погода радовала своим постоянством и пророчила счастливую дорогу. Далекая и неизвестная Америка будоражила воспаленное воображение Коли Хвостова. Других тем на протяжении всей дороги просто не могло быть. Он мечтал прослыть исследователем и первооткрывателем. Скупые сведения из далекой и неизведанной Аляски давали повод надеяться на это. Хвостов относился ко всему происходящему излишне серьезно, чего нельзя было сказать о Гавриле Давыдове. Обладая легким мальчишеским характером, Гаврила рассматривал поездку как необыкновенное приключение, подаренное судьбой, и видел будущее исключительно в радужных тонах. Как-то раз над кибиткой пронеслась птица. Коля Хвостов, еще секунду назад погруженный в свои мысли, встрепенулся и дернул за рукав Давыдова:

— Гаврила, что это было? Какое чудное существо пронеслось мимо нас!

Удивленный мичман с недоумением посмотрел на друга и весело ответил:

— Коля, очнись, мы еще не в Америке! Все чудные существа в России давно изучены. А пролетевшая мимо нас птица есть не что иное, как простая русская ворона!

Громкий смех проснувшегося фельдъегеря окончательно вернул в реальность размечтавшегося лейтенанта. Под веселый смех выдавая виды почтовая кибитка с молодыми людьми через Тверскую заставу въехала в Москву.

Следующие четыре дня Коля с Гаврилой провели в заботах о предстоящей дальней дороге через всю Сибирь. Москва была не просто центром государства, но и городом, в котором можно было купить все необходимое для поездки. Петербург со всем своим лоском уступал предприимчивой Москве и по ассортименту, и по качеству товаров. Поэтому именно Москва была выбрана местом, где молодые моряки снаряжались к берегам Америки. Легкий характер Давыдова позволял весело и с удалью сбивать цены при покупке провизии в дорогу. Даже выдавшие виды московские купцы после окончания торгова дивились, как это они так оплошали с ценами, и лукаво грозили вслед удаляющимся юношам, довольным своими приобретениями. Настоящей удачей для Коли и Гаврилы стали две огромные собольи шубы, заваливавшиеся до лета у одного из промышленников, без которых, как тогда казалось им, в заснеженной холодной Аляске просто делать нечего. Будучи наслышанными о ценах на Камчатке и в Охотске, Коля предложил один из экипажей доверху нагрузить французским вином и водкой. Неискушенный в делах питейных, Гаврила предложение принял с тем лишь условием, чтобы Николай сдерживал себя и не злоупотреблял зельем.

Найдя на рынке пройдоху, пообещавшего продать алкоголя «много и дешево», моряки последовали за ним. Огромный подвал, куда они попали, мог поразить воображение даже современного человека. Казалось, в нем было собрано все, что выпускалось на винокурнях России и винных заводах Европы того времени. Отобрав с десятков бочек, Хвостов распорядился, чтобы их погрузили в специально нанятую для этого телегу. И только при свете дня опытный моряк заметил, что на бочках не стоит сургучовая печать казенного сбора.

— Милейший, — обратился он к хозяину склада, — потрудитесь пояснить, что за товар вы нам продали.

— Товар чистейший, неразбавленный, — ответил хозяин и добавил, помявшись: — Контрабанда же...

— Ты что ж, сукин сын, под монастырь нас решил подвести?! — вскипел Николай. — Да знаешь ли ты, что мы и версты не проедем, на первой же заставе нас арестуют и в острог отправят? Нас, людей государевых!

С этими словами Николай ткнул в лицо купцу-контрабандисту грамоту о принятии на службу в Российско-Американскую компанию. Смутившийся горе-торговец, увидев перед собой печать с двуглавым орлом и росчерком императора Александра, растерялся окончательно. Его живое воображение уже рисовало картины, как молодые люди в сопровождении солдат придут его арестовывать. И нужно же было ему послать сегодня великовозрастного племянника, который помогал ему на складе, искать счастья на рынке. Счастья не нашли, зато неприятностей заимели с избытком. Постоянными клиентами купца были коренные москвичи, знавшие его годами, многие из которых могли помочь ему избавиться от неприятностей за услуги по доставке высококачественного зелья, но эти, столичные, молодые, с серьезными бумагами могли наделать много ненужного шума. Поэтому хозяин пошел на беспрецедентный шаг, предложив цену в два раза меньше той, что была объявлена при покупке. Только это немного успокоило горячего Хвостова. Однако ввиду дальнего путешествия только наличие казенной печати на бочках могло избавить моряков от неприятностей на суше. Нужно отдать должное властям — за передвижением алкогольных напитков, стратегического товара России, государство всегда следило строго. В разговор вмешался предприимчивый Давыдов:

— Да вы хоть в три раза сбейте цену, но за границу Москвы мы выехать не сможем. Бочки должны быть опечатаны!

— К утру будет сделано! — ответил вздохнувший с облегчением купец. Понадеявшись на свои связи и не желая неприятностей, он решил избавиться от несговорчивых клиентов любой ценой.

На следующее утро бочки были погружены на бричку. Вряд ли в Москве можно было найти в тот день более довольных своей покупкой клиентов и более довольного купца-контрабандиста, избавившегося от проблемы, которая еще вчера грозила ему заточением в тюрьму.

Закончив это последнее дело перед дальней дорогой, друзья расстались, договорившись встретиться в Казани. Хвостов, согласно плану, должен был со всеми пятью груженными телегами и бричками отправляться в Казань и ждать там Давыдова, который, в свою очередь, решил сделать крюк в пятьсот верст, чтобы попрощаться со своей родней.

Родители Гаврилы Давыдова чрезвычайно удивились неожиданному приезду сына. На радостях они решили, что их сын останется хотя бы на месяц погостить в имении, а то и все лето проведет в отчем доме. Каково же было их удивление, когда Гаврила сообщил, что собирается отбыть ночью, даже не переночевав в родительском доме. Когда же Гаврила рассказал о причине этой спешки, родители юноши, как можно догадаться, несильно обрадовались наметившемуся путешествию. Отец с матерью попытались отговорить сына от поездки и остудить юношеский пыл мичмана. Но Гаврила сообщил им, что связан словом со своим другом, который ждет его в Казани. Кроме того, будучи на службе в Российско-Американской компании, отказаться от поездки он не может, так как Компания взяла его на обеспечение. Этот довод стал решающим аргументом, и родителям не оставалось ничего иного, кроме как благословить со слезами сына на дальнюю дорогу. Гаврила при этом скрыл от родителей истинную причину своего вояжа. Мичман спешил навстречу мечте, спешил к далекому океану, который, как ему казалось, подарит удивительные открытия и приключения.

Из родительского имения, прищипорив коней, Гаврила помчался в Казань к другу, с которым судьба его скрепит навечно. Загоняя лошадей, мичман мчался в неизвестность, навсегда порывая связь с теплым и уютным миром, вернуться в который больше ему не придется.

Двенадцатого мая Давыдов прибыл в Казань. Встреча была радостной и шумной. Однако решив не тратить время на пре-

бывание в Казани, молодые моряки сразу же покинули старый волжский город. Всю дорогу изголодавшийся по общению Гаврила делился новостями с Колей Хвостовым. Юный мичман был, как всегда, многословен и эмоционален. Он рассказал, что, проезжая Казанскую и Пермскую губернии, стал свидетелем лесных пожаров, причем один из пожаров был настолько велик, что освещал путь путешественнику всю ночь.

— А все оттого, — пояснял зевающему другу Гаврила, — сии пожары делаются, что проезжие и поселяне жгут костры для приготовления пищи, которые при отъезде с места надлежало бы всегда потушить.

— И что прикажешь делать, если рядом колодца нет? Голодать?

— Нет, конечно же! Тушить за собой огонь!

— Это-то понятно, а чем? Впрочем, все зависит от человека. На то нам Господь разум и дал, чтобы видеть свое будущее, по крайней мере, то, что от нас зависит. Но свой ум в чужую голову не вложишь. Люди в большинстве своем живут собственным удобством.

— А вот мы отказались от удобств во имя чего?

— Это от каких таких удобств ты, Гаврилушка, отказался? От удобства засохнуть в тоске на суше? Знаешь, наши сердца молодые, горячие. По мне уж лучше, чтобы душа горела, освещающая дорогу себе и другим, чем гнила, наполняя жизнь смрадом. А ты говоришь — «удобства»! Да, для меня, мичмана, единственное удобство в жизни — это на шканцах стоять и ветер с потом пить! И даже не для себя, а для людей, для России... А пожары... И вправду, ничего хорошего! Представь, сколько леса строевого сгорело, а ведь деревья — это нерожденные корабли. О чем только местные власти думают?

— Мне кажется, лучшее средство для отвращения столь вредных неосторожностей было бы поручить разумным священникам толковать прихожанам в проповедях о том зле, которое они совершают, потому что не представляют вредоносных последствий как для себя самих, так и для государства...

Колю Хвостова философствования его юного друга всегда усыпляли. Бархатистый и мелодичный голос Гаврилы оказы-

вал поистине гипнотический эффект. Лейтенант был безмерно счастлив, что Гаврила согласился отправиться с ним в далекую Америку. И хотя его речи бывали зачастую наивны, но зато простота, с которой он вступал в контакт с окружающими, компенсировала юношескую восторженность и неопытность. Николай заметил еще одну деталь в разговорах с другом: Давыдов не умел хитрить. Будучи человеком честным и открытым, Гаврила выкладывал все начистоту, что не оставляло в отношениях друзей какого-то недопонимания или деликатной недосказанности.

Коля проснулся от плеска волн, шум которых слух морского офицера улавливал безошибочно. Гаврила продолжал свои рассуждения, и казалось, что на протяжении десятков верст, оставшихся за спиной, мичман не умолкал ни на секунду. Судя по словам своего друга, в момент Колиного пробуждения речь шла о промышленниках и берегах пока еще очень далекой Аляски, так как эти слова наиболее часто сотрясали пространство. Правда, название полуострова он произносил не иначе как «Алякса».

— Где мы, мил друг Гаврила? Не волны ли Великого океана плещут о борт... кибитки?

Гаврила не смог сдержать смеха, глядя на друга, который спросонья не мог понять, где находится и что происходит.

— Проехали Оханск, переплываем на пароме Каму, — успокоил Николая друг. — На том берегу заночуем.

— А почему не в городе?

— Наша слава бежит впереди нас. Компанейский управляющий Оханска предупредил, что о нашем «товаре», закупленном в бочки, не знают разве что младенцы, и то по той только причине, что не употребляют пока вина. А все остальные в курсе. За бутылку «французского» он дал дельный совет убираться до ночи на тот берег. Так что спасаем «товар».

— Ты что ж, каких-то поселян испугался? Мы что, бегством спасаемся от них?

— Коля, нам куда надо двигаться? На восток. Левый берег, куда мы следуем, находится восточнее правого. Так что мы не бежим, а, наоборот, наступаем. Просто «противник» в лице горожан за нами не поспевает!

— Скажи-ка на милость, да ты, Гаврила, просто стратег! Вернемся с Америки, флот сразу требуй себе в подчинение, не меньше!

Николай вышел из кибитки и лег на бревна парома. Волна, пробежавшая под паромом, приятно кольхнула тело. Коля вспомнил свой «Ретвизан», походы против голландского флота, Балтику. Зачерпнув в ладони камской воды, юноша стал рассматривать ее. Прозрачные струйки, просочившись между пальцами, растекались по бревнам...

Резкий удар парома о берег оторвал Николая от мыслей. Вечно неунывающий Давыдов уже взял под уздцы лошадь, которая была впряжена в их кибитку, и, увлекая ее за собой, ступил на берег. За ним последовали три другие повозки со скарбом путешественников. Пока друзья расставляли палатку, Гаврила успел описать другу Оханск, который они так быстро покинули в стремлении, по словам Давыдова, поскорее достигнуть конечной цели. Через несколько минут Хвостов уже знал, что в городе нет каменного строения, за исключением одного небольшого казенного места. При этом, по словам мичмана, он выстроен правильно, и чистота в нем приметнее, нежели во многих других уездных городах.

Утром 18 мая морские офицеры добрались до Перми. Город предстал перед юношами в виде огромной стройки. По замыслу градоначальника сносились старые деревянные дома и на их месте выстраивались новые — каменные. Острые стрелы проспектов на новом плане пересекали во многих местах заковыристые змейки старых узких улочек. Железобрабатывающие заводы — гордость местных дворян — стали тем градообразующим импульсом, который положил начало росту маленького уездного купеческого городка. На вопрос о том, где можно остановиться, градоначальник предложил поселиться в гостином дворе. Добравшись до указанного места, друзья увидели капитально отстроенную конюшню, кухню, массивный забор — в общем, все, чему надлежит быть при гостином дворе, кроме, собственно, жилого здания. На его месте высился деревянный массивный каркас. За неимением лучшего выбора Гаврила с Николаем разместились на сеновале. В теплом прелом сене они провели всю ночь.

С первыми лучами солнца, позавтракав яичницей, друзья двинулись дальше. Три дня спустя, миновав город Кунгур, путешественники въехали в Екатеринбург. Тут же на въезде у городской заставы, их повозки были блокированы странного рода людьми, которые наперебой что-то предлагали, причем так настойчиво, что не спасали даже занавески на окнах экипажей. Так и не разобравшись, чем же торгуют горе-предприниматели, Коля и Гаврила стали свидетелями выяснения отношений между конкурентами, причем неудачная попытка установления справедливых правил торговли у обочины закончилась битвой «стенка на стенку». Только это спасло друзей от настырности встречающих. Как выяснилось позже, горожане, работавшие в каменоломнях, из осколков малахита и других камней делали кустарные украшения, выдавая их за заводские творения великих уральских мастеров. Кто-то из местных жителей таинственно указал на гору, в недрах которой добывалось золото. По его словам, из ста пудов золотой руды выходит от четырех до шести золотников чистого золота. Сделав соответствующие записи в дневниках, очарованные увиденным и услышанным, путешественники двинулись дальше на восток, в самую глубь России.

Миновав Уральские горы, дорога разветвлялась, открывая возможности ехать через Иркутск или Ишим. Решено было ехать через Иркутск, так как это сокращало и без того неблизкий путь на двести пятьдесят верст. Углубляясь в сибирские просторы, флотские офицеры наполняли души красотами безлюдных мест. С каждым днем они влюблялись в эти края, как в первую женщину, чистую и непорочную, осеняющую своей красотой благородные помыслы юношей. Особенное впечатление произвела Барабинская степь — огромное ровное пространство, заполненное березовыми лесами и рощами. Собственно, степью-то она и не была в современном понимании этого слова. Название, видимо, сохранилось с древних времен, когда степью называли простую равнину. До нас дошли восторженные записи Гаврилы Давыдова об этом удивительном месте: «Вся Сибирь, особенно Барабинская степь, отменно изобилует дичью; ибо по оной чрезвычайно много озер и бо-

лот. Уток можно стрелять, не выходя даже из кибитки. Сверх сего там водятся гуси, журавли, лебеди, тетерева и иные роды птиц. Жители Барабинской степи шьют большие одеяла из кож, содранных с голов селезней, и продают их весьма дешево.

Избыточество и доброта трав на Барабинской степи делают то, что лошади там скоро размножаются и продаются весьма дешево; но неимение текучих вод производит частые скотские падежи, при отвращении коих, жители могли бы весьма разбогатеть. От сей же, думаю, причины появляются иногда прилипчивые болезни и между людьми. На всем пространстве Барабинской степи протекает одна только река Омь, при коей лежит город Каинск, похожий более на деревню.

Летом на степи сей такое множество оводов, что они заедают иногда лошадей до смерти; мошки же невероятно сколько, так что крестьяне всегда носят волосяные сетки на лице, пахнут по ночам только и беспрестанно имеют курева в домах своих, дабы густой дым не позволял в оные мошке набиваться».

С тех пор как Хвостов подарил свой путевой блокнот Давыдову вследствие того, что блокнот Гаврилы был уже исписан, талант натуралиста, живший в восемнадцатилетнем юноше, раскрылся с новой силой. Давыдов записывал в блокнот все, что представляло хоть какой-то интерес для естествоиспытателя и путешественника. Хвостов был даже рад. Изрядно устав от постоянных рассказов Давыдова, он сумел изменить вектор живому желанию Давыдова быть услышанным. Теперь доставалось бумаге, но, судя по скорости уменьшения ее чистых листов и росту количества блокнотов, дневников и путевых записей, слух Николая получил лишь временную передышку. Теперь первейшей задачей Хвостова стала добыча в каждом крупном населенном пункте новых блокнотов для эпистолярных упражнений друга. Стоит с благодарностью отнестись к творчеству Гаврилы и терпению Николая, ведь сегодня записи Давыдова позволяют нам ознакомиться с бытом и нравами жителей Сибири начала XVIII века.

Утром 1 июня наши путешественники въехали в Томск. В этот день был праздник Троицы, поэтому никто не хотел чинить повозок, которые прилично износились в пути.

К крайнему своему неудовольствию, друзья вынуждены были задержаться в Томске дольше, чем ожидали. Свободное время Гаврила Давыдов решил посвятить изучению города, деятельный Хвостов составил компанию другу. Вместе они исходили большой по тем временам город, состоящий из 2500 домов. Город, лежащий на пересечении всех путей, пересекающих Сибирь, был населен купцами. О том, что он не был беден, свидетельствует тот факт, что при населении в 5000 человек на один дом приходилось по два человека, и это при средней семье в 5—6 человек. Естественно, многие дома стояли пустые, и здесь нашим путешественникам представился выбор построек, где они бы хотели провести несколько ночей. Хозяйственный Хвостов занял большой двухэтажный дом практически в центре города. На вопрос, почему так много пустующих домов в отличном состоянии, один из купцов рассказал, что в городе принято после свадьбы молодой семье строить новую избу, а не стеснять родителей. А так как бедных семей в городе мало, а строительного леса много, то в родительские дома даже после смерти отца и матери никто не возвращается. Когда же Николай и Гаврила попали на рынок, им стало понятно, почему промышленники так стремятся в Сибирь. Даже видавшие виды моряки удивились размерам рыбы, которая была разложена на прилавках, и обилию пушнины. Тут-то им и вспомнились их полинявшие шубы, припасенные в Москве. Не разбиравшиеся в мехах друзья купили их как первосортный товар, и только здесь, в Томске, поняли, как надурил их продавец. Неумение обращаться с мехом привело к тому, что шубы начали подгнивать, и в итоге их пришлось выбросить.

Починив кибитки и основательно изучив Томск, друзья направились к сердцу Сибири — городу Красноярску. Местность, на которой впоследствии был выстроен Красноярск, была известна русским еще в 1608 году. В этот год казаки из Кетского острога под предводительством енисейско-остяцких князьков Урнука и Намака отправились вверх по Енисею в поисках новых земель, чтобы затем присоединить их к владениям московского царя. Плывая вверх по Енисею, казаки встретили землю, которою владел аринский князек Тюлька, и назвали

ее «Тюлькинскою землицей». Местные жители — аринцы — долгое время не соглашались платить ясак русским и всячески выживали их с нового места. Они почти непрерывно беспокоили русских набегами, которые в конце концов стали настолько опасными, что казаки решили обратиться к воеводе с просьбою о помощи и защите. Енисейский воевода Яков Хрипунов, имея в своем распоряжении «для разных поручений и посылок в дальние земли» дворянина Андрея Дубенского, которого он привез с собою из Москвы в 1623 году, послал его осмотреть землю, занятую казаками, и, найдя на ней удобное место, распорядился построить острог для защиты от нападений местных племен. Дубенский такое место нашел, составил план, с которым для его просмотра и утверждения отправился в Москву. Представленный план в Москве одобрили и разрешили приступить к постройке острога. В конце 1627 года по возвращении из Москвы Дубенский, взяв с собою триста казаков, отправился из Енисейска для закладки нового укрепления. 18 августа 1628 года русскими построен был «малый» острог и назван Красным Яром, по красному цвету мергеля, составляющего толщу левого высокого берега реки Качи. В 1659 году был возведен «большой» Красноярский острог. Строительство нового острога, почти сразу же ставшего центром сбора ясака, вызвало недовольство местного населения. В 1667 и 1679 гг. острог дважды осаждался сильным войском киргизского хана Иренека. К 1690 году Красноярский острог разросся до города. Служилые люди и их семьи долгое время оставались главными жителями Красноярска. Постепенный рост Красноярска начался с проложения в 1735 году Сибирского тракта, связавшего город с остальной частью России. Однако еще в 1772 году население города составляло всего около двух тысяч жителей, и Красноярск оставался небольшим уездным центром.

Воображение наших героев поразило обилие полей с зревающей пшеницей на окраинах Красноярска. Трудолюбивые казаки-сибиряки сумели переломить суровый климат и стали независимыми от капризов природы и властей, обеспечив свой край хлебом.

Проскакав за десять дней еще пятьсот пятьдесят верст, 17 июня в 9 часов утра, переправившись через реки Иркут и Ангара на пароме, кавалькада кибиток во главе с морскими офицерами въехала в город Иркутск. Город в те времена представлял собой торговый центр Сибири. Через него осуществлялся так называемый «Кяхтинский торг». Название торга пошло от города Кяхта (в переводе с китайского — «место, заросшее пыреем»), располагавшегося на границе с Китаем недалеко от Иркутска. Заключенные между Россией и Китаем в 1727 году Буринский и Кяхтинский договоры не только определили на долгие годы мирные взаимоотношения между странами-соседями, но и стали судьбоносными для «пырейного места», сделав его главным центром русско-китайской торговли. Отсюда в Китай вывозились сукно, мануфактура¹, пушные товары и юфть (особым образом выделанная кожа), из Китая, главным образом, чай, и в небольших количествах — шелковые и хлопчатобумажные ткани и фарфоровые изделия. Весь XVIII век именно «Кяхтинский торг» снабжал чаем всю Россию и почти монополю — Западную Европу. Причем у нас этот китайский чай называли кяхтинским, а за границей — русским. Перенос экономического центра в Иркутск стал причиной угасания другого купеческого центра — Тобольска, который морским офицерам еще предстояло посетить.

Вот каким предстал Иркутск перед глазами Гаврилы Давыдова: «Иркутск заключает в себе около 3000 домов и 35 000 жителей, в том числе много купцов, из которых иные весьма богаты и производят обширные торги. Все китайские товары, вся мягкая рухлядь², привозимая из Восточной Сибири, Камчатки и Америки, и все иностранные и российские товары, идущие в Кяхту, Восточную Сибирь, Камчатку и Америку проходят неминуемо через иркутск, что доставляет большие сему городу выгоды. Купечество иркутское предпримчиво, сведуще в отправляемых им торговых делах и производит оные лучшим образом, нежели иногороднее российское

купечество. Приехавший сюда тотчас приметит разницу между российскими и сибирскими купцами: ибо последние никогда не торгуются. Можно сказать вообще о жителях Сибири, что хотя большая часть из них происходит от ссыльных и посланных на поселение, но давно обжившиеся здесь крестьяне, нисколько не похожи на прадедов своих. Крестьяне сибирские, особенно Тобольской губернии, вообще очень зажиточны, честны и гостеприимны, они даже более просвещены, нежели российские. Крестьяне иркутские много отличны от жителей Тобольской губернии; ибо сии последние давно поселены и суть то, что в Сибири называют старожилами, кои все зажиточны. В Иркутской же губернии селят беспрестанно вновь, даже из ссыльных. Большая часть из сих новых поселенцев без жен, они от лени или развращенности ничего не работают и служат только отягощением тем деревням, к коим причислены. Летом производят они грабежи и разбои, против коих меры, принимаемые земской полицией, не всегда бывают достаточны».

Как обычно, долго не задерживаясь, Коля и Гаврила, сменив лошадей, отправились дальше на северо-восток к Качутской пристани, что находится на реке Лене. Менее чем за неделю преодолев более двухсот тридцати верст, экспедиция морских офицеров вышла к берегам величественной Лены. Отсюда до Якутска можно было добраться только одним путем — по водам этой огромной сибирской реки. Летняя навигация была короткой, поэтому стоило поспешить. Здесь на Качутской пристани моряки узнали, что Российско-Американская компания позаботилась о своих будущих капитанах. Двигаясь без задержек, молодые люди все же не смогли обогнать известие о себе, и промышленники, нанятые Компанией, сумели вовремя подготовить павозок. Павозком здесь называли судно наподобие полубарки. Юношам достался павозок длиной восемь с половиной метров, обшитый сосновой корой. Погрузившись на это плавучее средство, Хвостов, почувствовав себя настоящим капитаном, отдал команды своему единственному матросу и с чувством глубокого удовлетворения завалился спать в бричке. Неутомимый Давыдов, пользуясь последними лучами заходящего солнца, дописывал очередной дневник. Путеше-

¹ Словарь Даля: «Мануфактура — ткани, текстильные изделия».

² Пушнина.

ствие по Восточной Сибири представляло собой в ту пору сплошное преодоление природных препятствий, но предприниматели юной Российско-Американской компании, быстро переняв опыт местных жителей, сумели наладить снабжение между Охотским морем и Иркутском по Лене. Разбив судоходную часть реки на небольшие участки, промышленники стали организовывать между ними станции — заимки, на которых путники могли пристать к берегу, подкрепиться и провести ночь. Организовывались заимки в основном казаками, которые и содержали, и охраняли их одновременно. Как правило, лошади, оставленные на крайней пристани, менялись на подорожные грамоты, в которых указывалось число оставленных лошадей. Вместо них на речные суденышки брали положенное по грамоте число матросов, которые помогали добраться до конечной точки. В конце пути, обычно в Якутске, по подорожной грамоте выдавалось оставленное количество лошадей, и путешественники могли двигаться дальше. В конце пути барки и павозки обычно продавались на дрова.

Гаврила Давыдов сидел на палубе приземистого судна, свесив ноги в воду. Его голова была забита мыслями о том, насколько человек зависим от собственных потребностей и не способен заменить их богатством разума. В душе восторгаясь Сибирью, он поймал себя на мысли, что раньше не мог представить себе Сибирь без ужаса. Но перед началом поездки в Америку наслышался о ней от людей, побывавших там, столько хорошего, что исчезали все сомнения в искренности их слов. А вот теперь верх земной красоты предстал перед ним воочию. Правда, после изобилия Тобольской губернии Иркутский край добавил серых красок. Неурожай хлеба и пригон большого числа новых поселенцев вызвали в этом году неслыханную дороговизну хлеба в Иркутской губернии. Если в прошлом году пуд ржаной муки стоил от двадцати до тридцати копеек, то сейчас цена хлеба взлетела до трех рублей. Во многих сибирских городах начался настоящий голод. Местные отказывались торговать продуктами. Продукты стали не покупать, а доставать. Дефицит еще больше взвинчивал цены. Гаврила вспомнил Нижне-Удинск, где их с Хвостовым

пригласил отобедать городничий Алексеев. В поселке он был легендарной личностью, прославившись не подвигами или ревностным служением, а широтой души. Местные жители нахваливали своего городничего за его доброту и простоту в отношениях, а приезжие — за гостеприимство, особо приятное в столь отдаленном месте. И если б не радушие городничего и сытный обед в доме этого щедрого человека, наверняка юноши покинули бы столь гостеприимный город голодными, так и не сумев купить хлеб.

Но все это осталось где-то позади, и каждый день дарил новые впечатления, а Сибирь, как лукавая красавица, с каждой минутой все более пленила чувства. Записью о первом чудном вечере, проведенном на реке Лене, Гаврила закончил очередной дневник: «Вечер сделался прекрасный: вершины высоких диких скал, кои мы проплывали, позлащались последними лучами солнца сиявшего еще за хребтами гор. Небо начало покрываться темнотою: тишина воздуха прерывалась только шумом весел. Наконец ночь сделалась самая темная: черные и густые облака скоплялись над нашими головами; вдали глухо гремел гром и блистала молния. Сии величественные явления, толь скоро из позлащенных их великолепных превратившиеся в мрачные и ужасные, казалось производили в душе моей подобные же перемены. Я с начала погружен был в сладкую задумчивость; радовался, что никто не мешает мне утопать в размышлениях; но вскоре с помрачением неба и мысли мои помрачились: жизнь человеческая представлялась мне подобною Лене, которая между приятными и неприятными берегами течет не возвратно в море».

Утро следующего дня было прекрасным и чистым. Сколько таких рассветов на сибирских реках им приходилось встречать? Сколько раз провожать солнце за горизонт? И каждый день был краше прежнего. Но и это, самое спокойное плавание из всех тех, что придется пережить морским офицерам, подходило к концу, чему юноши были очень рады, так как вынужденное спокойствие и размеренность угнетали их горячность и лишали подвижности. Раньше одиннадцати часов Коля и Гаврила вставали редко, зато позже — часто в 6 или 7 часов вечера, они только обедали и в два ночи ложились спать. Гаври-

ла занимался либо чтением, либо что-нибудь писал, но непременно каждый день три или четыре раза купался. Особо много проблем создавали слепни и комары. Для борьбы с ними юноши вынуждены были беспрестанно курить, но, как выражался Давыдов, «лекарство едва ли было лучше болезни».

От Иркутска до Якутска около 2500 верст. Молодые офицеры преодолели это расстояние за 17 дней, хотя могли бы сократить время, проведенное в дороге, еще на сутки, а то и двое, но пять последних дней дул сильный встречный ветер, снижавший скорость движения павозков. И вот, наконец, искусанные насекомыми, но довольные дорогой, молодые люди ступили на пристань Якутска.

В Якутске, стоящем на левом берегу Лены, к началу XIX века насчитывалось более 300 построек, включая юрты коренного населения, и около 3000 жителей. В городе было шесть церквей, из которых три были каменными. Первоначально Якутск был выстроен без плана и капитальных построек практически не имел. Возле города стояла деревянная крепость с массивными башнями по углам. Будучи построенной более 160 лет назад, она тем не менее была еще довольно крепка. Казалось, время было не властно над этой твердыней.

Заложили Якутск русские промышленники, а потом пришли и казаки. Так как первый детинец (крепость) сильно подмывало водами Лены, он был перенесен. Ради этого казак Сенька Лазарев ходил с грамотою к царю Алексею Михайловичу и просил его разрешения перенести город. Через три года Лазарев с товарищами вернулся и выстроил ту самую крепость, что предстала взору путешественников. Имя города Якутск происходило от названия местных жителей — якутов. Город был расположен как раз в орографическом центре их обитания. Смышсленный Гаврила Давыдов в беседе с Хвостовым заметил, что вид Якутска ни издали, ни вблизи не соответствует важности сосредоточенной в нем торговли, хотя через Якутск шел весь поток мягкой рухляди (пушнины), получаемый из Северо-Восточной Сибири, Камчатки и Америки.

Из Якутска начался последний переход Хвостова и Давыдова к Охотскому морю. Изрядно уставшие за время длительного

путешествия, молодые офицеры двинулись к своей конечной цели с первой же почтовой каретой. Максимально быстро расстояние из Якутска до Охотска по тем временам можно было преодолеть недели за две, но, как правило, дорога растягивалась на двадцать дней. Основным препятствием являлся частый разлив рек, и путешественники вынуждены были простаивать по нескольку дней, ожидая, когда природа смиловится над ними и вода спадет. Бывали случаи, когда люди в ожидании низкой воды простаивали и по месяцу. Поэтому, переправившись через реку Белую, наши друзья вздохнули с облегчением. Река не стала преградой, отдаляющей тот день, когда можно будет вдохнуть полной грудью свежий морской воздух.

Расставив изодранную палатку, которой снабдила моряков Российско-Американская компания, молодые люди, уставшие за день, уже собирались лечь спать, как вдруг к ним подошел мальчик-погонщик лошадей и сообщил, что привел свежий табун для них по поручению Компании. Офицеры растерялись, не зная, что и думать о тех, кто их сюда отправил. С одной стороны — рваная палатка, которая не выдержит не то что дождя, но даже слабого ветра, а с другой — свежая смена лошадей, которая сейчас была как раз кстати. От импульсивного обсуждения всех неожиданностей, которые на протяжении всего пути заставляли юношей не раз удивляться, их оторвал взволнованный голос погонщика:

— Варнаки!

Мальчишка пальцем указывал в сторону реки и сбивчиво рассказывал о всадниках, черными теньями носившихся по противоположному берегу в поисках брода. Варнаками в Сибири называли беглых каторжников, сбивавшихся в разбойничьи шайки. Они стали настоящей грозой для Российско-Американской компании, промышленников и купцов. Внимательно выслушав рассказ о варнаках, Коля Хвостов оживился. Уставший не только от дороги, но и от отсутствия развлечений, лейтенант в предчувствии горячего приключения нервно потирал руки, а рассудительный Гаврила Давыдов тут же принялся заряжать ружья. Несколько минут спустя к офицерам подбежал перепуганный почтальон-якут, с которым наши

герои покинули Якутск, и сообщил, что он сбежал от тех самых варнаков, что поджидали путников у брода. Поймав его с почтой, разбойники держали почтальона более суток связанного, и только чудом ему удалось вырваться и сбежать. Якуты выжились провести офицеров другим бродом, на что юноши охотно согласились, так как единственной альтернативой оставался окружной путь в семьсот верст через пустынные места, но еще меньше хотелось остаться здесь на милость разбойников. Укротив праведные, но совершенно безнадёжные в данной ситуации порывы Хвостова, Гаврила отобрал у него заряженные ружья и почти силком затолкал в бричку, которую успел запречь предусмотрительный мальчуган-пастух, юный слугитель Российско-Американской компании.

Преодолевая реки, леса и болота, Хвостов с Давыдовым, прищипорив коней, углублялись в дремучие леса Восточной Сибири, по дороге оторвавшись от голодного медведя, столь же «дружелюбного», как и варнаки. Посреди очередного болота загнанные лошади встали как вкопанные, отказываясь идти дальше. Не успели юноши лечь спать, закутавшись в куценькие шинели, как пошел проливной дождь, промочивший молодых людей насквозь за пятнадцать минут. Сопровождающие их якуты со всей поклажей, среди которой были войлоки и палатка, отстали, поэтому приходилось рассчитывать только на себя. Набрав лишайника и дерна, Коля с Гаврилой залезли под эту теплую подстилку и согрелись, но ненадолго. Еще через полчаса дождь вновь до них добрался, лишая последней надежды на тепло. Еще через час тела офицеров било в ознобе. Ночь посреди болота под проливным дождем казалась им вечностью. Утро застало молодых людей скрюченными на небольшом пятачке суши, лежащих без движения. Даже вздрагивание мускула создавало ощущение невыносимого холода. «Зачем я покинул отчий дом? — ругал себя продрогший Гаврила Давыдов. — Чего мне не хватало? Воды? Так вот она с избытком. Дня не проплавал, а весь промок! Добраться бы хоть до лачуги какой-то, а там... Что там? Отказаться от звания морского офицера, когда большая часть пути осталась за спиной? Или еще полгода возвращаться, так и не осознав,

зачем судьба мне подарила такие суровые испытания? Но как все же хочется тепла... Это слабость. И слабость не тела, а духа, с которой следует бороться!» С такими мыслями в голове, все же преодолев себя, офицеры взобрались на лошадей. Сильно переохлажденные, они пребывали в состоянии полнейшей апатии и, если бы нашедшие их к утру якуты не указали направление движения, неизвестно, чем бы закончился этот день. Дороги размокли, и грязь сделалась непролазной. В этой ситуации утешало одно: оставшиеся позади варнаки не могли им причинить вреда, а это было важно, учитывая, что порох отсырел и караван остался только при холодном оружии.

К обеду перегруженные лошади начали вязнуть в болотистой жиже, которая образовалась там, где раньше была хорошая дорога. Остановившись, чтобы перекусить и напоить обессиленных лошадей, Давыдов с Хвостовым разбили палатку выработанными до автоматизма действиями. Влажная ткань начала портиться, и шансов добраться до Охотска с этой последней палаткой практически не оставалось. К концу пути она больше походила на лоскутное одеяло. Но влага брала свое, и новые латки пришивать было уже некуда, да и невозможно из-за гниения предыдущих заплаток. Все товары и вещи, перевозимые по Охотской дороге в те времена, укладывались в сумы, сделанные из бычьих кож, швы которых так хорошо пропитывались смолой, что их содержимое оставалось совершенно сухим, даже при падении в воду. Однако Российско-Американская компания, нанявшая молодых офицеров, не позаботилась о том, чтобы проинформировать юношей о тех мерах, которые следует предпринять для сохранения грузов, а Хвостов с Давыдовым по неопытности не могли об этом знать. Поэтому им, как нарочно, достались гнилые и изорванные сумы, в которых большая часть вещей, товаров и снаряжения совершенно испортилась. Но больше всего пострадала палатка.

Не успели Гаврила с Колей вбить последние колышки, как из леса послышались выстрелы. Сопровождающие их якуты тут же пали ниц и накрыли головы руками. Из лесу вышли семь незнакомцев с оружием и без всякого страха направились к палатке. Давыдов схватил стоявшее под рукой ружье, совсем

забыв, что произвести выстрел из-за сырости пороха оно не сможет. Раздосадованный и замерзший, Хвостов, мгновенно оценив безвыходность ситуации, решился на отчаянный поступок. Его взрывной характер требовал решительных действий, которые, несмотря на кажущееся безумство, были в данной ситуации лучше, чем бездействие. Глазами поискав свое ружье, но не найдя его, Николай перекрестился, выхватил из ножен саблю и бросился наперерез нежданным гостям. Не ожидая такой смелости, незнакомцы остановились в растерянности и стали переглядываться, будто ища кого-то. Из-за их спин важной походкой вышел немолодых лет мужчина, очевидно, предводитель группы. Вероятно, это и были те самые разбойники, от которых старалась оторваться экспедиция. Хвостов безо всяких обиняков приставил кончик своей сабли к кадыку атамана и резко спросил:

— Что вам надобно? Как вы смели подойти к военным людям? Положи ружье, или я велю по вам стрелять.

Коля кивнул в сторону Гаврилы и лежащих ничком якутов-проводников. Гаврила упер приклад в плечо и стал целиться. Решительные действия морских офицеров обескуражили атамана. Он знаком дал понять своим людям, чтобы те опустили ружья.

— Мы видим, что вы — люди военные, и не хотим причинить вам вреда, — растерянно оправдывался атаман. За его спиной верные варнаки кричали Давыдову: «Не пали! Не пали!»

Опомнившийся предводитель шайки, посмотрев с некоторым удивлением на Хвостова, предложил ему идти в их палатку, отстоящую, по его словам, не далее ста сажень от этого места. Хвостов, не проявляя робости, согласился на предложение атамана и, пытаясь придать себе равнодушный вид, спокойно ответил:

— Что ж, пойдем!

Когда Николай вошел с разбойником в палатку, то увидел, что в нее кроме атамана набилось еще человек десять. Один из варнаков, видимо, не боявшийся в этой жизни ничего и никого, грубо заметил:

— Молоденек ты, брат, а шумишь много! — и начал трепать Николая по плечу. Хвостов, сообразив, что подобная дер-

зость может добавить смелости остальным, в тот же миг со всей силы ударил обидчика, да так, что разбойник не устоял на ногах. Потом, подняв саблю, молодой офицер резко заявил:

— Если вы что-то против меня задумали, то дешево со мной не разделаетесь; я один справлюсь с вами, кроме того, на шум сбегутся мои люди!

Не ожидавшие такой реакции разбойники разом повернули головы к атаману. Тот подсел ближе к Николаю, взглянул в глаза и виновато улыбнулся. Через какое-то мгновение атаман с кулаками обрушился на обидчика Хвостова. Разбойники оцепенели. Атаман кричал на виновника недоразумения:

— Ты забыл, что ты варнак, а его высокоблагородие — государев офицер!

После непродолжительной, но действительной воспитательной работы, во время которой атаман применил свой блестящий педагогический талант, он приказал грубияну кланяться в ноги Хвостову и просить у того прощения. Таким образом был заключен мир с разбойниками, которые после этого инцидента не только оставили мысль поживиться за счет каравана морских офицеров, но и сами предложили им все, что имели, кроме сахара, извиняясь тем, что не нашли его ни у одного купца. Молодые офицеры отказались от призрачного гостеприимства разбойников, но предупредили, чтобы те не вздумали сделать чего-нибудь исподтишка, если имеют намерение расстаться мирно. Варнаки наперебой уверяли, что даже не помышляют об этом и что они совсем не такие разбойники, как о них думают окружающие. Из сбивчивых рассказов этих простых людей, бывших крестьян и промышленников-неудачников, стало очевидно, что бежали они от крайности и тяжелого содержания, что берут у купцов только необходимое для выживания и что вообще не практикуют убийства, кроме случаев самозащиты. Расстались варнаки и наши герои едва ли не друзьями. Сознание Хвостова и Давыдова наполнилось пониманием чудовищной разницы между простыми людьми, вынужденными выживать и каждый день бороться за кусок хлеба, и высшим светом, который кормили вот эти простые мужики, от безысходности вышедшие на большую дорогу.

Двинувшись дальше между двух каменистых хребтов, караван попал в царство голубики и красной смородины, которую в этих краях величали кислицей. Новым развлечением стало наблюдение за тем, как щенок лайки, увязавшийся за ними в Якутске, отыскивал и загонял на деревья белок и бурундуков. Изредка, чаще к ужину, стреляли попадавшуюся дичь.

Поднимавшиеся с каждой верстой все выше и выше горы поразили моряков своим разнообразием: одни оканчивались острыми вершинами, увенчанными белоснежными шапками снега, другие имели вид куполов, некоторые поросли лесом, но большая часть была покрыта мелким камнем.

В конце июля снова пошли дожди, с каждым днем становилось все холоднее. Палатка стала пределом уюта, а похлебка из ржаных сухарей, сваренная на утином бульоне, — самой роскошной пищей. Так без особых приключений, минуя множество рек и болот, Хвостов с Давыдовым доехали до реки Анча. Здесь морские офицеры вторично встретились с разбойниками, но умудренный опытом Хвостов взял решение проблемы на себя и смело отправился к атаману. Спустя пять минут после их разговора разбойники исчезли за хребтом. Военных они боялись, поэтому наличие оружия и формы гарантировало успех путешествия. Хвостов это понял еще при первой встрече с варнаками и теперь на полную использовал свой опыт.

Преодолевав ледники и осыпи, сбивая копыта коней и каблуки сапог, друзья упорно продвигались к Охотску. И без того невеселое настроение моряков еще больше портилось от мысли, что если столь продолжительные дожди станут причиной дополнительных задержек в дороге, их судно может уйти в Америку до их появления в Охотске. В этом случае они вынуждены будут зимовать в городе, потеряв целый год. К тому времени у наших героев практически закончились продукты, и только охота или случайные встречи с идущими навстречу караванами не позволяли начать голодать по-настоящему. Запасы вина, припасенные в Москве, наполовину уменьшились, что принесло значительное облегчение в дальнейшем. Юноши научились есть диковинную в их понимании пищу: мясо белок, бурундуков, медведей. Их характеры закалились,

и неудобства в быту, а также иные неприятности уже не вызвали горячей реакции. Решения принимались обдуманно, с холодным расчетом, а ропот на погоду к концу пути стих.

Описания, данные в дневниках Давыдова, дают яркое представление о том, с чем пришлось столкнуться юношам в пути: «Сильный дождь, крепкий ветер и пронзительный холод, какой может случиться летом на столь высоких только местах, истощили наконец до того наши силы, что мы с трудом слушали Якутов, хотевших ехать далее для сыскания кормовища. Опять приблизились к Белой и перешли ее восемь раз. После первого брода, переехали через речку Бюакяя, с левой стороны в Белую впадающую. Между 4-м и 5-м бродом на Белой есть порог вышиною более сажени, а между 6-м и 7-м другой несколько менее, малых же много. Течение в вершине сей реки чрезвычайно быстро, чему и дожди, бывшие в последнее время, немало способствовали. В иных местах Белая течет с шумом, между утесистых берегов, как бы в ворота, и представляет весьма красивый вид.

В половине 8-го часа мы остановились, развели тотчас огонь, поставили палатку, скинули с себя мокрое платье, начали отогреваться, сварили кашу из черных сухарей с ветчиною и стали есть оную. Читатель, конечно, не позавидует нашему состоянию и не найдет оное отменно благополучным; но нам в сие время казалось оно превосходнейшим всего, что может изобрести роскошь и лакомство. Огонь и палатка были для нас лучше самых великолепнейших чертогов, а каша из сухарей вкуснее всяких сладких яств. Сию высокую цену в глазах наших имели они от того, что мы четырнадцать часов, голодные, в сильный дождь и крепкий пронзительный ветер ехали верхом. Подобные случаи больше чувствует тот, кто их переносит, нежели тот, кому он их после пересказывает. Впрочем, они приучают к трудам и терпению более, чем все красноречивые наставления. Человек, имеющий средство избавиться от претерпеваемого им страдания, не с такою твердостью переносит оное, как тот, который терпит без всякой надежды к облегчению. Сия самая невозможность переменить состояние свое подкрепляла нас и принуждала говорить друг другу: как

же быть? Век прожить — не поле перейти. Пускаясь в далекий путь, надобно всякую претерпеваемую нужду почитать полезным искушением, облегчающим тягость тех трудов, которые впредь случиться могут. Сверх сего человек, проживший всю жизнь свою в единообразном покое, лишен приятности воспоминать о бывших с ним переменах. Таковые мысли наполняли нас дорогою, и вкусная каша была за них наградою...

...Пронзительный холод и сырость произвели во мне сильную дрожь и чрезвычайно мучили. Ночь показалась годом. Настал день; никто из нас не спал, но друг с другом не говорили, потому что никто не хотел приподнять головы или пошевелиться; ибо при всякой таковой перемене положения холод становился чувствительнее. Я скорчившись лежал до того времени, как услышал, что лошади оседланы и готовились уже ехать. Тогда увидел, что никто из спутников не был в лучшем состоянии; ибо все стояли около угасающего огня и дрожали от холода. В 10 часов утра пустились мы в путь. Я на силу держался на лошади и завидовал тому, кто сидит в теплой комнате, не помышляя о дожде, льющем рекою. Отдал бы все, что имел, дабы укрыться только в шалаше, сквозь который дождь не проходит. Многим таковая слабость покажется смешною, но пусть они посудят о сем не прежде, как не спавши 1 ½ сутки и пробыв более половины сего времени на дожде, не имея на себе сухой нитки: тогда только заключения их могут быть справедливы...

...Все наши спутники собрались в палатку, в коей двое только или трое могли спать. Дождь, загнавший нас в сие тесное убежище, не переставал лить рекою. Дорога Охотская и без того трудна, но на сей раз стеклось еще и множество препятствий. Признаться должно, что осы, овода, комары, варнаки, дожди, броды — были такие обстоятельства, от которых или всякое терпение должно было сокрушиться, или всякая нетерпеливость окрепнуть...

Но вот на пути стали все чаще встречаться караваны, сообщавшие о близости конечной цели сухопутного путешествия моряков. Вздвигнувшись, молодые люди потеряли бдительность, и буквально в нескольких десятках верст от Охотска произошло неприятное событие. Однажды, проснувшись по-

утру, Хвостов с Давыдовым не обнаружили одну из лошадей, на которой собирались ехать верхом, поскольку она была из свежей смены. Понимая, что на навьюченных уставших лошадях они далеко не уедут, друзья пошли искать ее в лесу, но вместо лошади один из них, а именно Давыдов, набрел на медведя. Медведь, встав на задние и широко расставив передние лапы, попытался продемонстрировать свое превосходство. Гаврила замер, копируя его позу. Вряд ли стоило это делать, не будучи основательно уверенным в том, что являешься доминантным самцом на данной территории. Обалдевший от наглости человека мишка решил доказать, кто в этом лесу хозяин малинников. Когда косолапый вновь выпрямился, Гаврила, ничуть не испугавшись, одной рукою обхватил медведя за поясницу, а другой схватил его за ухо, не давая тем самым покусать себя. Когда на крик друга прибежал Хвостов, Гаврила сдавленно простонал, попросив Николая вытащить из его ножен саблю и разделаться с животным. Но Хвостов вместо этого взял толстую дубину и так сильно огрел ею зверя, что тот свалился с ног. Недолго думая, молодые люди при помощи набежавших на шум проводников-якутов содрали с медведя шкуру, которую впоследствии продали за десять рублей. В дальнейшем наши герои никогда победою своею не хвастали, лишь изредка между собой с улыбкой вспоминая этот случай.

Разделавшись с медведем, морские офицеры намеревались продолжить свой путь, остававшийся уже недолгим, но тут столкнулись с якутскими поверьями и обычаями, которые заставили оставить Давыдова в своем дневнике следующую запись: «Когда якуты увидят на дороге медведя, то снимают шляпы, кланяются ему; величают Тойоном (Тойон — значит начальник) — стариком, дедушкою и другими ласковыми именами. Просят препокорно, чтобы он их пропустил; что они не думают трогать его и даже слова худого про него никогда не говорили. Если медведь, не убедившись сими просьбами, бросится на лошадей, то, будто поневоле, начинают стрелять по нему и, убив, съедают всего с великим торжеством. Между тем делают статушку, изображающую Бозная¹, и кланяются оной. Старший

¹ В якутской религии дух охоты и удачи.

якут становится за деревом и кривляется. Когда мясо сварится, то едят оно, каркая, как вороны, и приговаривая: "не мы тебя едим, но тунгусы, или русские; они и порох делали, и ружья продают; а ты сам знаешь, что мы ничего того делать не умеем". Во все время разговаривают по-русски или по-тунгусски и ни одного сустава не ломают. Когда же съедят медведя, то собирают кости, завертывают вместе со статуей Бозная в березовую кору или во что иное, вешают на дерево и говорят: "Дедушка! Русские (или тунгусы) тебя съели, а мы нашли и косточки твои прибрали". Из сего обряда можно заключить, сколько якуты опасаются мщения медведей или духа оных, даже и по истреблении. Некоторые якуты еще и ныне, сварив в дороге кушанье, поднимают оно на руках, говорят речь к духу того места, ставят потом кушанье, каждый плещет первую ложку в огонь, а потом начинают есть. Якуты всякому месту полагают хозяина, который не Бог и не дьявол, но особый дух».

Наблюдая за церемониальным пиршеством проводников-якутов, Хвостов с Давыдовым дождался очередного дождя. Проклиная все на свете, Хвостов начал поднимать якутов за шиворот, отрывая от ритуального утоления голода, но те реагировали на разъяренного лейтенанта совершенно спокойно. Пока Хвостов одного из них пинками гнал к каравану, предыдущий, оторванный офицером от поедания медведя, спокойно возвращался к своему занятию. Давыдова умиляло зрелище борьбы цивилизации с предрассудками, но предрассудки победили и пришлось ночевать в лесу, рискуя снова пережить визит очередного незваного гостя.

Путру свежий запах моря разбудил Хвостова и Давыдова. Легкий бриз, дувший с востока, наполнил радостью сердца, а душу — смыслом существования. Наскоро разбудив якутов и велел собрать лагерь, Хвостов с Давыдовым, не дожидаясь своих нерасторопных сопровождающих, вскочили на лошадей и пустили их в галоп без дороги прямо через лес. Когда редколесье закончилось, перед нашими героями распахнулся морской горизонт. Солнце, переливаясь на волнах, согревало теплом двух молодых моряков, избравших своею судьбою служение стихиям и людям. Этот день стал долгожданной наградой за

длительное и увлекательное путешествие, наполненное опасностями и неожиданностями, тревогами и радостями. Свои чувства мичман Гаврила Давыдов запечатлел на бумаге, давая и нам возможность приобщиться к той радости, которая может наполнить человека в конце трудного пути: «Вид совершенно тихого моря, играющая в оном рыба, кувыркание водоземных животных, и шум вечно разбивающегося на отмелях берегах волнения, произвели во мне такое удовольствие, которого я изобразить не могу. Мне казалось, что все неприятности уже миновали и я приехал на свою стихию. Необозримость океана, который вскоре переплывать должен буду, презирая всю ярость волн, поселило во мне какое-то удовольствие, и я готов был в ту же минуту пуститься в море».

Последние десять миль до Охотска друзья ехали по берегу, то пуская лошадей вскачь, то переводя их на мерную рысь, наслаждаясь радостным днем и запахами хвои и моря. Но вот из-за холма показались церковь и колокольня, затем открылся и сам Охотск, куда в шесть часов вечера въехали наши герои.

Глава 4 РУССКИЙ ФЛАГ НАД АТЛАНТИКОЙ

Мать Богородица, спаси и помилуй!
Парус новорожденный в бурях проведи,
Пожелай, как водится, чтобы нам под килем
Было восемь футов голубой воды!

А. Вознесенский

Резанов в первый день после отправления судов в кругосветное плаванье записал в своем дневнике: «Морские записки и астрономические наблюдения, как часть, принадлежащую собственно искусству флотского офицера, поручил я командующему морскою частью капитан-лейтенанту Крузенштерну, а наблюдения по естественной истории — отправленным со мною натуралистам; а потому путешествие мое не будет заключать ни того, ни другого; но

все сии наблюдения изданы будут беспристрастно по части тех, кои действительно этими предметами занимались».

Резанов заранее поделил славу на всех, по чьим запискам мы сейчас изучаем историю первого русского кругосветного путешествия. Крузенштерн и Лисянский, Ратманов и Левенштерн, и даже немецкий натуралист Лангсдорф, проявляли как могли свои таланты в эпистолярном жанре. Картина первой русской кругосветки написана их рукой. И именно их рукой было вычеркнуто или опорочено имя Резанова. Единственный, кто отнесся с должным уважением к камергеру, был приказчик Компании Федор Иванович Шемелин, но его наблюдения, увидевшие свет в 1816¹ году, и по сей день остаются библиографической редкостью, в то время как основным источником событий кругосветной экспедиции принято считать отчет о плавании капитана «Надежды» Крузенштерна. Однако его сухой и довольно лаконичный отчет, легший в основу книги знаменитого путешественника, не слишком пестрит деталями и скрывает или попросту не может объяснить многих событий, произошедших на судне во время плаванья. Картину двухсотлетней давности придется дополнить несколькими экспрессивными мазками, меняющими ее содержание.

Шлюпы «Надежда» и «Нева» достигли датских берегов сравнительно быстро. Это недолгое плавание в одной каюте укрепило отношения Резанова и Крузенштерна. По вечерам, склонившись над картами, они любили изучать просторы нашей Земли. Крузенштерн, обретя в лице Резанова внимательного и умного собеседника, познакомил камергера с основами астрономии и навигации. Легкая тень недоразумений и конфликтов, связанная с организацией экспедиции, вроде как окончательно развеялась.

По прибытии в копенгагенский порт Крузенштерн планировал первым делом отправиться в крупнейшую по тем временам Датскую обсерваторию, Резанов — решить организационные вопросы: надлежало встретить профессора Тилеизуса, ехавшего из Петербурга в Копенгаген посуху, отпра-

вить корреспонденцию в столицу и... приступить к изучению японского языка.

Как читатель помнит, официальным поводом для посещения русской кругосветной экспедицией берегов Японии послужило возвращение на родину четырех японских рыбаков. Десять лет назад, во время экспедиции Адама Лаксмана в Японию, такой же благородный шаг был использован для налаживания контактов с изолированной Страной восходящего солнца и оказался весьма эффективен. Теперь же на судне «Надежда» в качестве пассажиров плыли четыре японских рыбака, чье судно разбилось на Курильских островах. Крузенштерн этих чужеземцев всячески унижал, считая их людьми низшего сорта. Подобное произошло из-за нежелания капитана проникнуть в суть японской культуры и попробовать понять представителей другого народа. По приказу Крузенштерна эти несчастные японцы на все время плаванья были заперты в каюте на баке в таком месте судна, где не согласился бы жить ни один офицер или дворянин — на «грязном» носу, чтобы, по словам капитана «Надежды», не мешать матросам выполнять свою работу. Но эту тесную каюту стал ежедневно посещать Резанов сперва с блокнотом и перьями, а после остановки в Копенгагене — с кисточками и тушью, которые по случаю камергер прикупил у датских художников.

В своем отчете Крузенштерн упомянул о том, что ему, дескать, предлагали взять нескольких иностранных моряков, но он как истинный патриот, знающий качества русского человека, отказался. Что хотел этим сказать Крузенштерн? — набить себе цену в глазах русского императора, или же он преследовал какие-то иные, только ему известные цели, но ни о каких «иностраннных матросах» в России не могло быть и речи. Во-первых: матросы какого государства, рискуя быть арестованными из-за перемен в политике их стран, стали проситься бы на корабль. И во-вторых: откуда в России вообще могли появиться иностранные матросы? Это практика Голландии и Британии, заключавшаяся в том, чтобы сколачивать международные экипажи, выплачивая морякам гроши, а Россия того времени была достаточно закрытой страной для «гастарбайтеров». Вряд ли была возможность у простого иностранного

¹ Шемелин Ф. Первое путешествие россиян вокруг земного шара. СПб., 1816.

матроса иначе, чем морским путем, попасть в пределы нашего государства. Но здесь его недолго задерживали и при первой возможности отправляли восвояси на том же корабле. Россия не имела развитых торговых портов, не проводила агрессивной колониальной политики и не имела столько колоний на всех континентах, сколько было у европейских держав. Матросы в крупном европейском торговом порту, где стояло множество кораблей разных стран, легко могли перейти с одного судна на другое, если им предложат более высокое жалованье. В то время как Россия только начинала развивать морскую торговлю. А в-третьих, проще было тому же графу Румянцеву взять своих крепостных крестьян и обучить их в России морскому делу, чем выписывать неизвестно откуда неизвестно какой национальности матросов, которым нужно будет искать еще и переводчика. Комплектация состава русских кораблей всегда производилась за счет крепостных крестьян-рекрутов — покорных, дисциплинированных и исполнительных, не требующих повышения жалования при первом удобном случае.

А вот офицеров с фамилиями, по-русски с трудом произносимыми, хватало. Почему именно эти «иностранцы» возглавили экипаж «Надежды»? У Крузенштерна об этом ни слова. Своим заместителем Крузенштерн выбрал офицера эскадры Ушакова Макара Ратманова, чьи родители были уроженцами Туманного Альбиона, лейтенантами на «Надежду» прибыли Левенштерн, Ромберг, мичман Беллинсгаузен, кадеты и по совместительству племянники Крузенштерна — Отто и Мориц фон Коцебу. Единственным русским офицером среди офицеров «Надежды» был Петр Головачев. Даже врач Карл Эспанберг и его помощник Сидгам были курляндцами.

Команда подобралась славная. Одно беспокоило: люди, не привыкшие к качке, тяжело воспринимали первые дни плаванья. Хорошо, что по просьбе Крузенштерна и благодаря настойчивости Резанова экипаж был разбавлен матросами, выписанными с кораблей Военно-морского флота, они и ставили костяк команды.

Итак, плаванье вокруг света началось. Второго августа корабли прошли остров Готланд на столь близком расстоянии,

что видны были церкви, селения и господские дома, окруженные пашнями и лугами. Ветер благоприятствовал, день был прекрасный — словом, все начали ощущать удовольствие, как вдруг омрачилось оно несчастным случаем на «Неве»: матрос Усов нечаянно упал в воду, и хотя тотчас же спущен был бот для его спасения, было уже поздно. Это была первая дань морю. Встречный ветер не дал возможности подойти к столице Дании. Всего в трех милях от первого, столь долгожданного, порта он предательски изменил направление. Резанов с надворным советником Фоссе, майором Фридрици и доктором Эспенбергом решили добраться до Копенгагена посуху. К двум часам дня русские заняли одну из лучших гостиниц города. Резанов сразу же удалился на встречу с русским послом в Дании Лизакевичем, между прочим попросив выяснить секретарей посольства, не приехали ли натуралист Тилезиус и астроном Горнер, с которыми было условлено встретиться к этому времени в Гельсиноре. В шесть часов вечера, когда часть дел была улажена, гостиницу наполнила милая сердцу речь. В комнате камергера появился Крузенштерн с приятным известием о прибытии судов.

Следующим утром, пользуясь прекрасным днем, вся команда вывалила в город. Однако узость большей части улиц и стоки нечистот в каналы наполняли воздух невыносимым смрадом. Матросы сочли за лучшее оставаться в гостинице, а офицеры — выехать за город. «Вот она Европа, — ворчали моряки, — красивая, но вонючая».

Пройдет более ста лет, и один русский поэт Александр Блок в своем письме сделает замечание, свидетельствующее, что облик Европы в течение следующего века мало изменился: «Неотъемлемое качество французов (а бретонцев, кажется, по преимуществу) — невылазная грязь, прежде всего — физическая, а потом и душевная. Первую грязь лучше не описывать; говоря кратко, человек, сколько-нибудь брезгливый, не согласится поселиться во Франции... Да и вообще надо сказать, что мне очень надоела Франция и хочется вернуться в культурную страну — Россию, где меньше блох, почти нет француженок, есть кушанья (хлеб и говядина), питье (чай

и вода); кровати (не 15 аршин ширины), умывальники (здесь тазы, из которых никогда нельзя вылить всей воды, вся грязь остается на дне)...» Не удивляйся, дорогой читатель. Штампы о «русских дикарях» навязаны западной цивилизацией, которая за брезгливым отношением к другим нациям пытается скрыть собственные пороки.

В Дании, чего и следовало ожидать, Резанов не стал искать себе покоя. Наведавшись на следующий день в дом, где жил русский посол, камергер был приятно удивлен тем, что едва он вышел со двора, как главная гауптвахта приступила к ружью и отдала честь. Посла дома не оказалось, зато состоялся приятный разговор с начальником гауптвахты. Резанов поблагодарил офицеров и просил их впредь не беспокоиться, но они извинились, что не могут исполнить этой просьбы, так как имеют особый приказ военного губернатора «встречать соотечественников как подобает».

На следующий день русский посол в Дании Лизакевич сам прибыл к Резанову. Вместе они решили проблемы, возникшие с провиантом. Вместо тяжелой (и изрядно подмокшей) муки, занимавшей огромную часть трюмовых помещений, по приказу Резанова на суда были закуплены сухари, которыми путешественники питались на протяжении многих лет плавания. По окончании решения насущных проблем Резанов встретился с главой государства — принцем Вильгельмом, посетил Кунсткамеру, Адмиралтейство, Академию наук, пожил в загородном доме одного зажиточного горожанина, воспоминания от общения с которым будут впоследствии греть душу Резанова, когда, дойдя до черты разочарования в человечестве, камергер будет на грани смерти. Многие ученые просились в экспедицию, но Резанов, связанный обещанием дожидаться профессоров Горнера и Тилезиуса, вынужден был отказывать маститым светочам западной науки.

Наконец из Гельсинора прибыл груз Российско-Американской компании. Команда с радостью стала готовиться к дальнейшему плаванию. Но с грузом пришло из Гамбурга письмо от дирекции Компании, в котором советовалось заготовленную солонину для надежности пересолить. Резанов

усомнился в том, что солонина доживет до Teneriffe, где планировалась следующая остановка, и добился от Крузенштерна изменения маршрута. Решено было идти в английский порт Фальмут. Вынужденная задержка позволила немного попутешествовать по Дании, причем сопровождать Резанова вызвались все офицеры, за исключением вахтенных.

Посетив замки и прочие достопримечательности, которые попадались на пути, русская кавалькада вернулась в пригород Копенгагена, где и произошло событие, которое в своих записках приукрасит и исказит Крузенштерн. Здесь офицеры «Надежды» столкнулись с еще одним «достижением» западной культуры. Господа офицеры посетили диковинку — небольшой, но изрядной архитектуры увеселительный дом Мариенлюст. Экскурсию по этому экзотическому месту, заполненному полуобнаженными красотками, возглавил сам посол Лизакевич. Русские, до сих пор не встречавшиеся с такой нескрываемой фривольностью девиц, лишенных всяческих комплексов, едва успевали отнекиваться от их назойливых предложений. Однако же этот визит был не более чем обыкновенным посещением диковинных мест любопытными путешественниками. Но Крузенштерн впоследствии обвинит Резанова в моральном разложении: «Посол жил на берегу... и мало сделал чести, ибо я несколько раз напоминал ему о его звании и снял бы знаки отличия их гоняясь за непотребными женщинами в садах и на улице». Никто ни за кем не гонялся по нескольким причинам: во-первых, плотный график пребывания в Дании Резанов тратил на научные исследования или ознакомление с культурой страны. Во-вторых, все это происходило при свидетелях — офицерах русских судов, и в-третьих — Резанов до умопомрачения любил свою покойную жену и вряд ли променял бы память о ней на первую встречную юбку. И Крузенштерн об этом прекрасно знал.

Но раздражительный капитан «Надежды» нервничал по каждому поводу. Перегрузка солонины в Копенгагене растянулась на неделю, Тилезиус и Горнер все еще не прибыли, и все время кто-то крутился у капитана под ногами. Сначала японцы, вопрос с которым решили быстро, заперев их в той

самой каюте на баке, затем «свита» Резанова: то поручик Толстой сорвет вахту, требуя проигравших пустяшный спор офицеров выполнять его дурацкие задания, то художник Бринкин возьмется обрисовывать детали корабля и лица матросов, то сам Резанов куда-то исчезнет. Нетерпеливому Крузенштерну хотелось в море, где он чувствовал себя полноправным руководителем плавания. А в это время судьба готовила ему сюрприз в виде очередного пассажира.

Воротившись в гостиницу, Резанов застал в ней капитана «Надежды» и обоих, столь долго ожидаемых профессоров, чья нерасторопность стала во многом причиной задержки судов. Когда недовольно ворчащий Крузенштерн поприветствовал Резанова, в двери гостиницы ворвался запыхавшийся мужчина в дорожном платье. Пока Резанов решал вопрос с расселением Горнера и Тилезиуса, Крузенштерн решил выяснить, кем является этот таинственный незнакомец, бесцеремонно вломившийся в гостиницу, ангажированную командами русских кораблей.

Незнакомец представился профессором естественных наук Георгом Лангсдорфом и рассказал о причинах, побудивших его искать русских путешественников.

4 августа 1803 года в Геттингене профессор Лангсдорф получил из Российской академии наук ответ на свое письмо с отказом в возможности быть зачисленным в штат русской кругосветки. В письме ему сообщалось, что два судна, «Надежда» и «Нева», уже готовы к отплытию с первым попутным ветром и намерены остановиться в Копенгагене не более чем на неделю. Кроме того, Лангсдорф узнал из письма, что доктор Тилезиус уже назначен натуралистом в экспедицию, к которой он должен присоединиться в Гельсингере. В письме также говорилось, что Лангсдорфу, вероятно, не хотелось бы совершить путешествие туда за свой счет с неопределенным результатом. Не усмотрев в таком ответе четкого отказа, молодой профессор решил, что может надеяться на внимание к своей просьбе. Этот ответ из Петербурга огорчил бы любого, но Лангсдорф решил, что это как раз отличный знак, и если не было твердого отказа на бумаге, то ему следует попробовать

реализовать свой план. Он был полон решимости бороться за место на судне, отправляющемся в кругосветку до тех пор, пока не будет убежден в невозможности выполнения своих замыслов.

Итак, решение было принято, и не теряя времени, двадцатидевятилетний профессор в тот же день отправился в путь. Утром двадцать первого августа он прибыл в Любек и нашел в Травемюнде судно, готовое к отплытию в Копенгаген, на котором и отбыл. Снявшись с якоря в ночь на двадцать третье августа, с попутным ветром судно достигло датской столицы лишь рано утром двадцать четвертого.

Не мешкая ни минуты, Лангсдорф сразу же отправился в гостиницу «Сьер-Рау», где, к своему большому удовольствию, обнаружил, что большинство русских офицеров, участвовавших в экспедиции, расположилось именно здесь. Это обстоятельство снова наполнило профессора мужеством и показало ему счастливым предзнаменованием.

Его появление в гостинице едва не стало поводом к ссоре между Резановым и Крузенштерном. Представившись капитану, Лангсдорф вкратце рассказал о себе и протянул Крузенштерну письмо из Академии наук.

— Милейший, — обратился к профессору Крузенштерн, — в письме дан четкий ответ. Мест на наших кораблях не хватает. Если бы профессор Тилезиус не появился, тогда иное дело. Поверьте, для меня очень важно присутствие ученых в составе экспедиции, но мне даже койку вам предложить будет нелегко. Даже я делю свою каюту с посланцем в Японию, господином Резановым.

В обеденный зал гостиницы своим бесшумным шагом спустился Резанов.

— Я слышу свое имя! Любезный Иван Федорович, представьте меня своему собеседнику!

— Извольте, любезный Николай Петрович! Честь имею представить вам профессора Геттингенского университета, господина Георга фон Лангсдорфа. Отчаянно просится с нами в экспедицию.

— Резанов, — коротко представился камергер.

Прочитав ответ с официальным отказом, которое Крузенштерн протянул Резанову, камергер немного задумался и, уже обращаясь к Лангсдорфу, спросил:

— Ваше желание столь велико, что, несмотря на ответ нашей Академии наук, вы все же решились добратся сюда и попытать счастья? Что ж, нахожу ваш поступок похвальным и требующим решения в вашу пользу. Что скажете, уважаемый Иван Федорович?

— То же, что и говорил в Кронштадте! Я очень люблю ученых и хотел бы видеть на своих судах всю Академию наук, но суровая необходимость не позволяет взять с собой даже более важных персон в плавание.

— Я еще и врач! — добавил Лангсдорф, пытаясь хоть чем-то привлечь к себе внимание капитана. — Кроме того, знаю шесть языков!

— Любезнейший профессор, я как капитан не смогу платить вам жалованье, тем более на кораблях уже есть врачи. Хотя ваш опыт естествоиспытателя очень понадобился бы нам в экспедиции...

— Господин капитан, Иван Федорович, давайте все-таки попробуем подействовать ученому, чья настойчивость выше всяких похвал, — подхватил разговор Резанов. — Что вы скажете, если я возьму молодого профессора на полное свое иждивение? Притом обязуюсь выплачивать ему жалованье из собственных сбережений.

— И в качестве кого же отправится с нами профессор? — оживился Крузенштерн.

— В качестве моего личного врача и переводчика! — ответил Резанов, уже успевший заметить, что, когда разговоры касаются денег, убедить Крузенштерна можно. Весь лишь вопрос в том, в какую сумму выльется уговор. Лицо Крузенштерна тут же засияло и он, удовлетворенный решением, позволил Лангсдорфу начать погрузку своих вещей в трюмы «Надежды». Но сначала капитан участливо подвел профессора к своему столу, где за кружкой пива отвел душу с единомышленником.

Обрадовались все: Крузенштерн — тому, что на борту появлялся еще один ученый, причем готовый работать чуть ли

не бесплатно, в любом случае не отягощающий собой корабельную казну; Резанов — тому, что смог помочь человеку, горевшему наукой, попасть в состав экспедиции. Лангсдорф же был особенно счастлив, что все-таки добился своего!

13 августа 1803 года в шесть часов пополудни путешественники простились с Копенгагеном. Следует заметить, что в те далекие времена плавание полностью зависело от мастерства команды. Но и его было недостаточно, если не было ветра. Отсутствие последнего через два дня заставило пристать судам к острову Вен, являвшемуся своеобразной пробкой в узком горлышке у выхода из Балтийского моря. Это было сделано как раз вовремя, так как через несколько часов разыгралась ужасная буря, свирепствовавшая всю ночь.

К утру следующего дня ветер не переменялся. Резанов в сопровождении майора Фридрици и доктора Лангсдорфа отправился на берег. День был жаркий. Сыскав под тенистыми деревьями уютный трактир, путешественники, любуясь видами Зунда, спокойно ожидали своего обеда.

Вскоре явился хозяин дома, человек лет пятидесяти, высокого роста, с прядью седины на пышной шевелюре. Громко поздравив своих гостей с прибытием, хозяин поднял руки и в восторге закричал, что этот день он запомнит на всю жизнь, что угощать таких путешественников является для него неожиданным праздником и большой честью. Получив действительно хороший обед, под громкие комплименты хозяина Резанов отблагодарил его тремя пиастрами, и компания отправилась в Гельзинер, где пробыла до вечера. Возвращаясь на корабль, удивленные путешественники увидели свои суда облепленными двумя сотнями лодок, которые вывешенными на них фонарями и огнями из кают создавали впечатление огромного города.

Утром следующего дня на «Надежде» появился господин Эразмус, тот самый трактирщик, который столь щедро накануне угощал Резанова и его друзей. Он привез две рыбы с тыквой и просил принять их в знак истинного почтения, уверяя, что страсть его к путешественникам столь велика, что лишь чтение книг о морских приключениях составляет благополу-

чие его жизни. Он убедительно просил вчерашних гостей еще раз осчастливить его дом и предложил к услугам свой бот. По-смеявшись над столь странным приветствием трактирщика, Резанов с Фоссе и Фридеричи в сопровождении натуралистов отправились на берег, по дороге договариваясь пообедать в Гельзинере. Едва это известие коснулось ушей Эразмуса, как вдруг тот переменялся в лице, чем убедил Резанова и ученых в том, что восторги его были обращены не к путешественникам, а к их кошелькам, солидную часть содержимого которых хитрый трактирщик наверняка мечтал переложить в свой карман.

— Разве это возможно, — кричал трактирщик, — обедать не у меня в Шiekштейне? Вы же лишаете меня такого редкого счастья!

Резанов, заметив, что ушлый Эразмус не отстанет, попросил трактирщика приготовить бот к их возвращению на корабль. От прежней благосклонности трактирщика не осталось и следа, но пообещав ему заплатить просимые им пять пиастров, путешественники вновь вызвали одобрительную улыбку лукавого скандинава. К вечеру судьба все-таки забросила уставшую компанию в тот самый трактир, хозяином которого был Эразмус. Посетив своего «благодетеля», уставшие путники попросили у него ужин. Несмотря на то, что ужин состоял из холодных остатков жаркого, масла, сыра, портера и дурного вина, которое, сколько ни переменял хитрый Эразмус, русские путешественники пить не могли, этот любитель путешествий подал им счет в 14 пиастров. Расплатившись с ушлым трактирщиком и позабавившись над его успехами в области коммерции, веселая компания вернулась на «Надежду». Этот анекдот еще долго веселил команду.

Вернувшись на борт, Резанов узнал неприятную новость: между приказчиком Российско-Американской компании Федором Шемелиным, сопровождавшим груз «Надежды», и лейтенантом Ромбергом произошел конфликт. Дело в том, что в обязанности Шемелина входили осмотр провианта и его выдача корабельному повару и команде. Пока большинство членов экипажа находилось на суше, Шемелин занялся ревизией

в трюмах «Надежды» и с огорчением обнаружил, что печати со многих бочек сорваны и часть продуктов истрачена без учета. Подобное свободное использование провианта грозило команде голодом, так как каждый килограмм продуктов был рассчитан и подвергался со стороны Шемелина строгому учету и контролю. Поднявшись к Крузенштерну, приказчик учтиво объяснил ситуацию капитану.

— Это сделано без моего ведома! — сурово взглянув на Шемелина, сквозь зубы произнес Крузенштерн.

Когда Шемелин поднялся на палубу, его догнал лейтенант Ромберг, который был свидетелем сцены в каюте капитана.

— Как вы смеете указывать капитану? — набросился лейтенант на приказчика.

— На основании того, что товар и провизия вверены мне в сохранение и я отвечаю за них, — ответил Шемелин.

— На судне может быть только один распорядитель — капитан! Он не обязан давать вам отчет, даже если кто-то из команды будет замечен в плутовстве. Потому что капитан на судне есть такая особа, что волен он все погруженное выбросить за борт. Не забываетесь, приказчик!

Впоследствии выяснилось, что капитан имел намерение так же свободно распоряжаться и с коньяком, который в те времена называли французской водкой, но Шемелин, заметив это, не допустил офицеров к запасам спиртного, призвав в поддержку Резанова. С тех пор Шемелин и Резанов вынуждены были терпеть ругань в свой адрес и проявление недовольства со стороны экипажа, который тайком, а затем в открытую, продолжал опорожнять алкогольные запасы. Чтобы хоть как-то стимулировать умеренность в потреблении горячительных напитков, Резанов от имени Российско-Американской компании заявил, что за каждую невыпитую чарку к жалованью матросов, которое составляло 120 рублей в год, будет добавляться по 9 копеек. Если участь, что дневной рацион команды состоял из фунта говядины, фунта сухарей и обязательной чарки водки, то можно себе представить, сколько за три года путешествия могли бы прибавить матросы к своему жалованью в случае отказа от потребления водки.

Снявшись с якорей, суда первой русской кругосветки вскоре покинули Балтику и взяли курс на Англию. Здесь корабли впервые встретились с тем неистовством природы на море, которое не раз еще придется ощутить во время плавания. Очень ярко описал этот шторм профессор Лангсдорф: «В ночь с восемнадцатого на девятнадцатое разразилась неистовая буря, которая вызвала морскую болезнь среди наших пассажиров, непривычных к морю. Большинство из этих господ были из свиты посла. Корабль ужасно качало, так что было просто невозможно что-либо приготовить на кухне. Рев ветра, бушующего в море, снование взад и вперед матросов, суета, крики, толкотня — все это было совершенно новым зрелищем для большинства из нашей компании. Вечером 19-го все заметили необыкновенно ясное северное сияние. От горизонта на северо-северо-западе потоки света выросли, как столпы огненные, имеющие местами насыщенный, а местами более бледный вид: возникнув в зените, как полуарки, они постепенно росли, все бледнея и бледнея, пока наконец полностью не растворились в атмосфере».

Корабли практически потеряли управление и сделались игрушкой волн. Крен был такой, что суда бортами черпали воду, и даже в кают-компаниях люди ходили по колено в воде. Но экипаж продолжал мужественно бороться с ударами стихии. Картину происходящего в ту ночь в своих воспоминаниях воспроизвел и приказчик Компании Коробицин: «По первому же мне случаю бытности моего в море при столь жестоком ветре, искусство в мореплавании командующего и офицеров, равно проворство и неутомимость наших матросов, в исправлении своей должности, мне по новости казалось удивительным».

Утром, когда шторм стих, команда была разбужена громким выстрелом. Наперерез «Надежде» и «Неве» на полных парусах приближались 54-пушечный английский фрегат «Антилопа» и 44-пушечный «Лавержини».

— Бьет ядрами! — закричал вахтенный матрос «Надежды», стоявший у штурвала.

Вскоре с английского судна была спущена шлюпка, на которой с извинениями прибыл офицер, сообщивший, что

англичане перепутали русский флаг с французским. Формой извинения стали два бочонка рома, моментально перекочевавшие в каюту Крузенштерна. В ответ англичане получили клюквенное варенье, считавшееся в британском флоте деликатесом.

Капитан «Лавержини» Бересфорд был знаком Крузенштерну по его прежним плаваниям. Вступив в переговоры с англичанином и обретя в его лице друга, Резанов воспользовался случаем посетить Англию и приказал майору Фридрици и астроному Горнеру, чтобы те были готовы к утру сопровождать его на берегу. Подготовили к высадке и отправке в родные пенаты и гардемарина Бистрома, еще одного племянника Крузенштерна, которого после шторма так укачало, что он не подавал уже ни малейшей надежды благополучно окончить вояж и должен был быть как можно скорее возвращен в Россию. В Англии Резанов надеялся встретиться с господином Титсингом, главой британского посольства в Японию, которое окончилось провалом для англичан, а астроном Горнер намеревался посетить Гринвичскую обсерваторию.

Гуляя по улицам Лондона, Резанов отметил следующее: «Наконец, пошли мы на Вестминстерский мост, но нашли его так же, как и другие, обнесенным столь высокими перилами, что надобно было взобраться на карниз, чтоб увидеть Темзу. Река покрыта судами, берега ее не отделаны, и разные — до самой воды хозяйственные строения много ее безобразят. Есть ли сравнение с прекрасною нашей Невою?» Резанов после Копенгагена и Лондона все чаще стал задумываться о том, что в противовес европейскому «цивилизованному» бескультурью необходимо нести русскую культуру в отдаленные области Земли.

Гринвич принял путешественников более чем радушно. Удовлетворенные путешественники, снабженные различными приборами и ландкартами, которые смотритель обсерватории Маскелина, узнав о цели вояжа, подарил Горнеру и Резанову, вернулись на судно. За время пребывания в Англии Резанов, Горнер и Федерици успели осмотреть все достопримечательности тогдашнего Лондона, закупить астронавигационные

приборы, термометры, компасы, хронометры и даже небольшой телескоп. Единственным досадным упущением Резанов посчитал невозможность посетить док, на котором разоружались английские военные корабли.

Пока Резанов и часть ученых изучали Лондон и Гринвич, капитан «Невы» Лисянский вместе с естествоиспытателями Тилезиусом и Лангсдорфом, взяв с собой надворного советника Фоссе, отправились к медному руднику Долкут, где ознакомились с методами добычи железной руды открытым способом.

Крузенштерн по прибытии в английский порт Фальмут, где была оговорена встреча с Резановым, занялся закупкой ирландской солонины и конопаченьем «Надежды», которая после штормов текла, как дуршлаг. Для ускорения работ кроме собственных матросов были наняты восемь конопатчиков из Фальмута.

Наконец, 6 октября 1803 года, когда все работы были закончены, пользуясь попутным ветром и отливом, «Надежда» и «Нева» покинули Англию. Ночью русский флаг уже развевался на просторах Атлантики. Свежий прохладный ветер дул в спину и гнал суда к месту следующей остановки: Канарским островам. Зная, что в районе Гибралтара бесчинствуют алжирские пираты, капитаны обоих кораблей приказали зарядить ядрами пушки по оба борта.

«Приближаясь к умеренным широтам, — писал капитан Лисянский, — я между прочими распоряжениями приказал людям, чтобы они, высушив свое теплое платье, убрали его в сундуки, а оставили бы только по одной паре для холодных ночей. Также приказано было, чтобы в бытность нашу в жарком климате всякое утро одна вахта непременно окачивалась морской водой, чтобы каждый матрос был вымыт два раза в неделю. Я был уверен, что это средство послужит к сохранению здоровья; кроме чистоты, оно укрепляет тело».

Погода благоприятствовала плаванию. Суда развивали скорость от шести до восьми узлов, а при крепком ветре скорость достигала и десяти узлов. После Гибралтарской параллели ветер стих и лишь слабые брамсельные ветры едва продвигали

суда вперед. Лангсдорф ярко обрисовал картину происходящего на кораблях экспедиции: «Многие люди считают, что очень долгое кругосветное путешествие не может быть никаким иным, кроме как чрезвычайно утомительным. Они представляют себе, что, изо дня в день не видя ничего, кроме неба и моря, любой должен устать от такого бесконечного единообразия. На самом деле это бывает редко, а чаще — никогда. Так бывает только с теми, кто является жертвой скуки в равной степени и на твердой земле — такому человеку всюду бывает скучно, кроме балов, театра, концерта или игры в карты. Но в такой экспедиции, как наша, в обществе многочисленных ученых и научных мужей, живущих в поисках знаний, было невозможно испытывать скуку. Можно с уверенностью утверждать, что едва ли среди нас были те, кто не нашел бы себе достойных занятий, даже если бы дни были в два раза длиннее».

Во время вынужденного дрейфа сам Лангсдорф с доктором Горнером, пользуясь безветрием, проводили замеры температур глубоководных течений. Причем части измерительных приборов достигали глубин до четырехсот метров. Образцы воды исследовались под микроскопом. Резанов упражнялся в японском языке, делая завидные успехи. Курляндцев обрисовывал препарированные Лангсдорфом и Тилезиусом образцы морской фауны. И только поручик Толстой не находил себе места, без толку слоняясь по палубам, пока не предложил ученым свои услуги, заметив, как они мучаются с препарированием образцов. Его хладнокровие при вскрытии животных поразило всех, а сам Федя наконец нашел себе занятие, от которого получал удовольствие.

Лангсдорф, полностью отдавшись своему дневнику, подробнейшим образом описал распорядок дня на корабле, но главное, он передал атмосферу благополучия, которая царила на судне. «Встающие последними едва успевали к чаю или кофе в восемь утра. Тематами для разговоров за завтраком были события за ночь — была ли благоприятной погода и ветер, и сколько миль по курсу прошло судно. После завтрака каждый отправлялся по личным делам. В многочисленной библиотеке

же, особенно богатой книгами о путешествиях и работами по географии, любезно предоставленной в распоряжение всей команде, было нетрудно занять себя на целый день. Утро было занято чтением, письмом, рисованием, вычислением высоты Солнца и определением расстояния до Луны.

Около двух часов дня обеденный стол "Надежды", сервированный обычно на 22 персоны, был представлен обилием разнообразных блюд. За капитанским столом в кают-компании обедали двадцать человек, среди них пять лейтенантов, штурман Каменщиков, ученые, двое юных кадетов фон Коцебу, племянников Крузенштерна, и камергер Резанов с шестью сопровождающими. Было решено, что каждый из сидящих за столом каждую неделю будет отвечать за качество обеда и его меню. Поначалу капитан тоже входил в число «дежурных», но был освобожден после первого же дежурства — предложенный им плов с рисом не был оценен по достоинству, и капитана более не привлекали к дальнейшему участию в этом процессе.

По окончании обеда ученые возвращались к своим занятиям, заполняли свои дневники и к вечеру встречались снова для веселой беседы за бокалом пунша. Каюты были очень маленькие, поэтому кают-компания служила не только столовой, но и неким подобием клуба: здесь читали, писали, рисовали, беседовали, играли в шахматы, карты; учили и учились, причем не только кадеты. Резанов учил японский язык, надворный советник Фоссе — английский, майор Генерального штаба Фридрици — французский, а профессор Горнер — русский. Среди завсегдатаев кают-компании особой популярностью пользовались описания, сделанные предыдущими путешественниками. Ученые и пассажиры усердно учили историю земель, которые намеревалась посетить экспедиция, данные об их открытии, географическое положение, растительность, нравы и обычаи их обитателей. Эти изучения предоставляли пищу для приятных и поучительных разговоров, для научного соревнования и даже давали повод для остроумия и веселья. Когда в шумной и разнородной компании возникали горячие спо-

ры, она в полном составе выкатывалась на палубу, чтобы охладить накал страстей и подышать свежим воздухом».

Однако эти споры все чаще стали сопровождаться насмешками над Резановым и его свитой. Кроме этого, офицерский «интернационал» корабля проповедовал воинствующий атеизм. Однажды очередной спор в кают-компании чуть не перерос в настоящий скандал. Дело в том, что все носители немецких фамилий в желании почувствовать себя русскими преуспели в изучении и применении идиоматических форм языка. На просьбу Резанова не хулить в его присутствии Творца и Божью Матерь Крузенштерн заявил, что нет на корабле иного бога, кроме паруса! Резанов уже привык к тому, что сквернословие на «Надежде» для команды стало привычной формой общения, но как человек глубоко верующий Николай Петрович не мог терпеть подобное неуважение к вере. Но его неоднократные просьбы следить за речью вызвали только насмешки у офицеров.

Следующим поводом для осложнения отношений стал конфликт между Крузенштерном и приказчиком РАК Федором Шемелиным, умнейшим человеком и талантливым коммерсантом. При слове «приказчик» читателю, наверное, представляется безликий клерк в засаленном сюртуке с брюшком, тонущий в бумажном море выписок и счетов. Однако Шемелин был человеком иного склада. Его аналитические способности были отмечены Компанией еще на берегу и, когда встал вопрос: кого посылать распорядителем компанейского имущества на судно, кандидатура Шемелина оказалась вне конкуренции. Как уже говорилось ранее, еще в начале плавания именно он, а не Резанов попытался объяснить, что груз корабля принадлежит Российско-Американской компании, а не команде, и что трюмы заполнены товарами, необходимыми для торговли и обеспечения дальних рубежей России. Ответ последовал незамедлительно. Ратманов, выведя Шемелина на шканцы, прямо заявил приказчику, что тот сословия подлого, неблагородного и не смеет указывать капитану, как распоряжаться содержимым трюмов. Фактически руками Ратманова Крузенштерн отстранил того, кто по занимаемой должности приставлен был следить за грузом

Компания, от его обязанностей. Шемелин пожаловался Резанову, но Николай Петрович, не желая портить отношения с Крузенштерном, просил приказчика терпеть, ставя в пример свою собственную кротость. Подобная позиция деликатного Резанова развязала руки команде. Фактически, канейский груз перешел в распоряжение офицеров, не особо осознававших его принадлежность. И началось... Стараясь завоевать благорасположение команды, Крузенштерн решил ежедневную чарочную раздачу можжевелевой водки, самого крепкого из известных в те годы напитков. Вскоре ее запасы были исчерпаны. «Знать не могу, — писал Шемелин в письмах директорам РАК, — сколько всего истрчено. Я наконец-то дал знать, что водка у Компании есть весьма для оной выгодный и дорогой товар и что она по продаже в Камчатке составит немаловажную прибыль оной. Нежели он хочет употребить сию водку, то должен знать, что обязан будет заплатить за нее такую цену, каковая в Камчатке на оную состоит, что сам отпускаю их водку взаймы». Но Шемелина уже никто не слышал. Кстати, и письма приказчик писал тайком даже от Резанова, потому что Николай Петрович просил Шемелина не жаловаться и не выносить сор из избы. Но приказчик тайком отправлял письма, которые проясняли обстановку на корабле. А сам Федор Шемелин стал катализатором ссоры между Резановым и Крузенштерном. Будучи человеком ответственным и честным, Шемелин не молчал, когда офицеры «Надежды» стали хозяйничать и разбазаривать товары Российско-Американской компании. Заступавшийся за Шемелина Резанов и выгораживающий своих офицеров Крузенштерн в итоге сами встали на ножи.

По вечерам, когда обиды и недомолвки развеивал свежий ветер на палубе, путешественники возвращались в кают-компанию, где любили музицировать, и нередко, когда погода была спокойной, вечерами проводились небольшие концерты. В число музыкантов корабельного оркестра входили: лейтенант Ромберг — первая скрипка, Резанов — вторая скрипка, Тилезиус — контрабас, Лангсдорф — альт, Фридрици — первая флейта, Горнер — вторая флейта.

Наконец-то на горизонте замаячил долгожданный пик Тенерифе¹. Поблескивая своей серебристой снежной шапкой, вулкан выступал естественным указателем близости Канарских островов.

Седьмого августа 1803 года вблизи Канарских островов экспедиция была атакована французским приватиrom.

— Господин капитан, — обратился Резанов к Крузенштерну, когда первые ядра легли рядом с бортом «Надежды», — мне кажется, самое время поднять военно-морской Андреевский флаг и обозначить себя русским военным судном.

— Ваша правда, Николай Петрович, — согласился Крузенштерн и, поднеся к губам рупор, скомандовал: — Боевая тревога! Канониры к орудиям! Вымпел и гюйс поднять!

Режущее глаз своей белизной полотнище флага, перечеркнутое двумя голубыми лентами, заиграло на ветру. На «Неве», которая находилась ближе к французам, тоже взвился Андреевский стяг. Увидев российские военно-морские знамена, приватир прекратил стрельбу и лег в дрейф. «Нева» сблизилась с корсаром, которым оказался французский трехмачтовый корабль «Эжилсьен», принявший корабли экспедиции за англичан. Поэтому француз и попытался навязать бой. Сразу стоит оговориться, что к началу XIX века пиратская практика перестала быть тем доходным видом деятельности, каким она являлась в прошлых веках. Эпоха «золотых» галеонов осталась в далеком прошлом и любой приватир рисковал получить должный ответ от военного судна. Тем более что корсаров в основном интересовали купеческие суда, а желание тягаться с военными ни у кого не вызывало радужных перспектив.

При входе в гавань города Санта-Крус было решено не салютовать из пушек, чтобы не вызвать переполох на этом перекрестке океанских дорог. Тем более что было известно: испанцы салютуют в ответ далеко не всем кораблям, а это было весьма оскорбительно.

В четыре часа пополудни на «Надежду» прибыл вице-губернатор Тентието дель Рей с губернаторским секретарем

¹ Вулкан Тейде, расположенный на острове Тенерифе, самая высокая точка Испании.

для поздравления Резанова и экипажей судов с благополучным прибытием. На берег был отправлен лейтенант Левенштерн, который должен был предупредить губернатора о принадлежности кораблей России. Спустя час Резанов, Крузенштерн и Лисянский отправились на берег для личного заведательства губернатору маркизу де-ла-Каза Кагигаль своего почтения. Учивость и благорасположение к русским со стороны губернатора превзошли все ожидания.

Сожалел, что теснота дома лишает его удовольствия оставить руководство экспедицией у себя, губернатор сообщил, что лучший в городе дом его приятеля, английского купца Армстронга, уже ожидает путешественников. Вскоре явился и сам хозяин, настолько убедительно упрасивающий остановиться у него, что камергер вынужден был уступить его искреннему приглашению. Первый вечер в Санта-Круссе прошел под веселое щебетание купеческой жены, француженки из Иль-де-Франса, рассказавшей между прочим, что так радушно губернатор встречает всех мореплавателей в своем порту.

Лейтенант «Надежды» Левенштерн оставил нам свои воспоминания о об этом чудесном месте и его очаровательных обитателях: «10 октября 1803. ...К чаю у нас было много гостей. Мадам Армстронг со своей матерью, мадам Куве с двумя дочерьми. Последняя со всем своим состоянием прибыла из Иль-де-Франса и нашла убежище на Тенерифе, когда узнала, что между Англией и Францией снова разгорелась война. Вечером мы много танцевали. Мадам Армстронг — легкомысленная донна.

12 октября 1803. ...Мадам Армстронг оказывает явное предпочтение Лисянскому. Она ходит кругом него, как кот вокруг горячей каши».

А чем же занимался Резанов и его ученая «свита» в то время, как капитан «Невы» Лисянский куртизировал местных престелниц?

Одиннадцатого октября Николай Петрович Резанов с компанией натуралистов Тилезиуса, Лангсдорфа и Брыкина, доктора Либанда и майора Фридрици наняли верховых лошадей и отправились, сопровождаемые торжественной кавалькадой испанских солдат, к порту Ла Ортава, лежащему на противо-

положной стороне острова. В то время как Резанов взял на себя руководство научными работами на острове, Крузенштерн занялся покупкой и погрузкой провианта на суда экспедиции.

Посетив городок Лагун, являвшийся прежней губернской столицей, и побывав во францисканском монастыре, Резанов и его спутники-ученые двинулись в глубь острова, пока не добрались до места, где застывшая лава преграждала дорогу, создавая дополнительные трудности в пути. Дорога была проложена по таким горным склонам, что с одной ее стороны нависшие скалы угрожали падением камней на путешественников, а с другой — виднелись пропасти. Преодолев этот участок, ученые остановились для отдыха в виноградных садах, чтобы вдоволь насладиться их плодами.

Отдохнув, экспедиция двинулась дальше. Все спешили, ибо риск упасть в пропасть увеличивался пропорционально уменьшению ширины тропинки, забирающей постоянно вверх. Наконец, оказавшись выше облаков, исследователи имели удовольствие лицезреть пик Тенерифе вблизи. Сблзны подняться на вершину горы был велик, но Резанова сдерживало слово, данное им Крузенштерну, что обследование острова займет не более трех дней. Судя же по словам проводников, для восхождения потребовалось бы не менее четырех суток. Особенно расстроились Резанов и Лангсдорф, которые мечтали побывать на вершине, но слово есть слово, и вскоре показавшаяся и крутая тропинка привела наших искателей приключений в город Ла Ортава.

Было около десяти часов вечера и искать пристанище пришлось долго. По предварительной договоренности с одним богатым английским купцом, избравшим Тенерифе своим вторым домом, группа исследователей во главе с Резановым должна была остановиться у него. Хозяина дома не оказалось, зато младший брат англичанина оказался очень гостеприимным и предложил все удобства, которым располагал дом, в распоряжение гостей. Это было сделано вовремя и кстати, так как вымотанные пешим путешествием по горным дорогам ученые совсем выбились из сил. К утру появился не менее гостеприимный хозяин, господин Гоарри, которого пришлось

также озаботить поиском лодки, так как назад через горы ученые отказались идти наотрез. Господин Гоарри через подчас сообщил, что шестивесельная шлюпка готова доставить ученых на корабль, пообещав также позаботиться о лошадях, нанятых ими. Распрошавшись с милыми людьми, обеспечившими столь комфортный прием, наши герои отчалили от гостеприимного берега к своим судам.

Пока же ученые под предводительством Резанова исследовали вулкан, Крузенштерн, Левенштерн, Беллинсгаузен и астроном Горнер произвели топографическую съемку бухты, после чего сошли на берег для вечерней прогулки.

Приятной эту вылазку в ночной город назвать было нельзя. Крузенштерн вообще пожалел о том, что покинул корабль: «Всеобщая бедность народа, в высочайшей степени разврат женского пола и толпы тучных монахов, шатающихся ночью по улицам для услаждения чувств своих, суть такие отличия сего города, которые в иностранцах, не имеющих к тому привычки, возбуждают отвращение. Нигде в целом свете нельзя, может быть, найти более в содрогание приводящих предметов. Нищие обоего пола и всех возрастов, покрытые рубищами и носящие на себе знаки всех отвратительных болезней, наполняют улицы вместе с развратными женщинами и монахами. Толпы сии увеличиваются еще сухощавыми, на уродов похожими ворами, из числа коих едва ли можно исключить кого из людей нижнего состояния. Здешнее воровство заставляет думать, как будто находишься на островах Южного океана. Каждое гребное судно, приходившее к кораблю нашему, привозило искусных в сем ремесле людей. Всякой раз в глазах всех матросов было что-нибудь у нас украдено, так что наконец я принужден был дать приказание никого более не пускать на корабль».

В это время Лангсдорф, Тилеиус, Брыкин и Резанов привели себя в порядок и решали, чем заняться. По плану оставалась еще одна ночь, которую изголодавшиеся по земле путешественники захотели провести в городе. Ночная столица ужаснула путешественников. Картины, запечатленные Лангсдорфом, мало чем отличались от откровений Крузенштерна: «Улицы все время наполнены огромными толпами народа, где

преобладают женщины, а вечером — гнусными бесстыжими самками и черню, которая гораздо более похожа на бандитов, чем на обитателей цивилизованной страны. Помимо них — кучи полуголых попрошайек в лохмотьях, которые чрезвычайно докучают своими приставаниями к путешественникам».

Спасением стала единственная небольшая таверна, приютившая голодных странников. Как раз за столиком этой таверны компанию русских путешественников нашел французский капитан странного вида. Одежда его была изрядно потрепана, а гардероб, собранный из военных и гражданских мундиров разных стран, не позволял сразу определить его государственной принадлежности, хотя облик и повадки выдавали в нем старого пирата.

— Впервые пообщаюсь с русскими! — выпалил он, бесцеремонно устраиваясь за столом. — Трактирщик, всем вина за мой счет! А вы, господа, едва не стали моими очередными «призами».

— С кем имею честь? — не выдержал такой наглости Резанов.

— Ла Плаеф! Капитан судна «Эжилсьен», которое атаковало вас поутру несколько дней назад! — пьяный капитан расплылся в улыбке. — А вы молодцы! Вовремя подняли флаги, иначе был бы шанс разделить судьбу тех двух несчастных английских купеческих судов, которые стали сегодня добычей «Эжилсьена»! Кстати, я их привел в порт Санта-Круса, они нагружены специями и фарфором. Не интересуетесь? Могу продать по сходной цене!

— К счастью, нам хватает на судах собственного фарфора и специй, — деликатно ответил Резанов. — Вы не любите англичан? Вполне резонно, ведь вы, французы, находитесь в постоянной вражде с ними по причине близкого соседства и постоянной конкуренции во всем. Оно и понятно, но нам, русским, с англичанами делить нечего. Мы стараемся дружить со всеми!

— Дружить? — беспардонный французский капер наполнил свою кружку русским напитком и залпом осушил его. Его перекосило. — Какую же гадость вы все-таки пьете... Самое бесперспективное занятие — эта ваша дружба с Англией! Ту-

манный Альбион — самый худший союзник для России, какого только можно пожелать. Равно как и противник...

— Отчего же?

— Как враг России Англия слишком сильна, как союзник — слишком коварна! Именно она, эта европейская язва, ставливает всех нас друг с другом, чтобы самой крепнуть. Иное дело — свободная Франция, юное дитя революции...

— Ваша революция породила великого человека, имя которого переживет века. Я импонирую Наполеону, несмотря на неопределенность отношений между Россией и Францией. Но все же почему там, в море, вы решили, что мы англичане?

— Так ведь один из ваших кораблей я хорошо знаю: это английский «Леандр». Я имел честь атаковать и захватить его в плен в 1796 году, состоя на морской службе у генерала Наполеона Бонапарта. Думал, второй раз возьму на abordаж один и тот же корабль. Такого в моей практике еще не было.

— Вы что-то путаете, милейший капитан ла Плаеф! — с усмешкой ответил Резанов. — Наши суда называются «Надежда» и «Нева». Построены они в 1800 году. Правда, местом постройки действительно является Англия. Наверное, обводы и элементы рангоута и такелажа ввели вас в заблуждение!

— Простите, как вас? — бесцеремонно обратился ла Плаеф к камергеру.

— Николай Петрович Резанов, полномочный посол в Японию Его Величества Императора России Александра. Представляю собой руководство первой кругосветной экспедиции Российской империи.

— Япония... — протянул пьяный французский капитан. — Никогда там не был. Но господин Резанов, ошибаетесь именно вы. Вашим судам не менее десяти лет, о чем вы можете найти свидетельство клейменных печатей строителя. Англичане, будь они трижды прокляты, народ пунктуальный и с датами постройки вряд ли могли ошибиться. Кроме того, ваши корабли побывали не в одной передраге. Скажите-ка, господин Резанов, а не производились ли работы по смене мачт у вас на родине?

— Правда ваша, некоторые мачты меняли. Они были сильно повреждены древоточцем.

— Вас обманули, Резанов! Они были повреждены мной! Я тот самый древоточец! Я могу ошибиться в принадлежности тех судов, к которым не имею отношения, но свои «призы» я помню все наизусть, потому что за победу над ними заплачено кровью лучших французов! Повреждения рангоута «Леандра» — моя работа! Англичане строят добротные угольщики, которые при должном вооружении вполне могут сойти за шлюпы! Не удивляйтесь, но «Леандру» пошел второй десяток... А хотите удостовериться в правдивости моих слов? На перилах, ведущих на шканцы, я вырезал свои инициалы — «LP». Так я делаю на всех кораблях, взятых мною на abordаж. Перила, надеюсь, не меняли?

Резанов действительно вспомнил вырезанные ножом буквы на перилах «Надежды». Ему казалось, что это какая-то техническая надпись, позволяющая не перепутать детали. Например, буква «L» могла означать слово «left», характеризующая принадлежность детали к левой стороне. Камергер не на шутку встревожился.

— Что вы еще можете рассказать о «Леандре»?

— В 1799 году мы его потеряли. Славные головорезы лорда Нельсона отбили его. Да, жаркий был бой...

И тут Резанов, не дождавшись окончания разговора, резко встал и вышел из трактира, направляясь к рыбакам, на лодках которых он еще засветло решил попасть на «Неву», чтобы получить разъяснения капитана Лисянского, покупавшего суда в Англии. Мичман Берг, который с Резановым путешествовал по Тенерифе, успел опередить камергера и, заплатив лодочникам по пиастру, сказал, чтобы они убирались по домам и не появлялись у побережья до следующего утра. Не найдя лодочников, Резанов вынужден был вернуться в дом старого приятеля Армстронга, у которого и провел первую ночь на острове.

За вечерними разговорами жена Армстронга попыталась выяснить, в чем причина расстройства столь знатной особы. Резанов, не желая распускать ненужные слухи, ответил, что недоволен научными результатами пребывания на острове. В ответ на это хозяйка дома, в котором предстояло провести ночь камергеру, вынесла в зал несколько редких раковин

с острова Ямайки. А утром Резанов получил в подарок довольно совершенную мумию и две ноги древних жителей Тенерифе. Как оказалось, островитяне еще до завоевания острова испанцами освоили искусство бальзамирования, погребая тела умерших в таких местах, где природа сохраняла их от тления. Напоследок Николаю Петровичу достались несколько кусков вулканической лавы. Подарки Резанов принял с благодарностью. Впоследствии они пополнили Петербургскую кунсткамеру. Однако госпожа Армстронг так и не узнала истинной причины расстройств камергера, равно как и камергер так и не понял истинную причину задержки судов на Тенерифе, заключавшуюся в очаровательной хозяйке, влюбленной в одного из капитанов.

Прибыв на «Неву», Резанов потребовал объяснения у Лисянского за истраченные средства на покупку судов, на что получил ответ, что ни перед кем, кроме руководителя экспедиции Крузенштерна, держать ответ не будет. Это выглядело не совсем тактично, если учесть, что средства на покупку кораблей выделила Российско-Американская компания, представителем которой в экспедиции являлся Резанов. А ведь уже тогда появился первый реальный шанс погасить начавший развиваться конфликт. Лисянский ненавидел чиновников. Именно британские крючкотворцы поставили его в такие условия, что без взяток столь нужные для экспедиции корабли Россия не увидела бы никогда. Английские вымогатели поживились почти на три тысячи рублей золотом. Рассказать об этом Лисянский не мог, иначе была бы задета его честь. Им руководствовал долг, который оправдывал любые средства в достижении цели. И Лисянскому, человеку, который несмотря ни на какие препоны привел суда в Кронштадт, было обидно получать выволочку от Резанова на своей «Неве». Поэтому капитан, уверенный в своей правоте, пошел на открытый конфликт с руководителем экспедиции.

Следует отдать должное Головину (тоже большому ненавистнику Резанова), совершившему впоследствии кругосветку уже на русских кораблях, который, оценивая их качество в «Записках о состоянии Российско-американской компании

в 1818 году», заметил: «Доверие Компании к английским кораблям они ("Леандр" и "Темза") "оправдали" в полной мере: в самом начале путешествия нашлось, что у одного из них две мачты были гнилы, а в другом у мыса Горн сделалась течь, которая испортила часть компанейского груза, между тем как после два русские военные шлюпа ("Диана" и "Камчатка"), строенные в Петербурге русскими и из всего русского, совершили подобное путешествие и до конца не текли и не было в них ни одного гнилого дерева».

После посещения Тенерифе конфликт в руководстве экспедицией разыгрался с новой силой. Резанов, раздосадованный тем, что экспедиция фактически вышла из его подчинения по воле честолюбивого Крузенштерна и собственной порядочности, в один из вечеров решил расставить все точки над «i». Вызвав капитана «Надежды» на откровенный разговор, Николай Петрович разложил перед Крузенштерном инструкцию министра коммерции Румянцева, датированную 22 июля 1803 года и подписанную самим императором Александром I. Это был тот самый документ, от которого так легко отмахнулся Крузенштерн при выходе из Кронштадта.

— Любезный Иван Федорович, — обратился камергер к капитану «Надежды», — я не хочу, чтобы в наших отношениях было какое-либо непонимание, которое вызывает неясность нашего статуса по отношению друг к другу. Я хотел бы, чтобы вы, Иван Федорович, проявили любезность и ознакомились с инструкциями, которые подтверждают мои полномочия.

— Николай Петрович, — отозвался Крузенштерн, отрываясь от карты, южную часть которой накрыли бумаги Резанова, — на военном судне — а мы, смею заметить, идем под российским военно-морским Андреевским стягом — может быть только один начальник — капитан.

— Мне ли посягать на ваши, милейший Иван Федорович, капитанские полномочия. Когда встал вопрос о капитане для экспедиции, мною в первую очередь была предложена ваша кандидатура. И только потому, что я вас знал как прекрасного человека и великолепного капитана. Но речь ведь не об этом.

— А о чем, позвольте полюбопытствовать?

— Помнится, перед отплытием вы избавили судно по причине тесноты от многих полезных людей, а ведь их штат был утвержден самим императором.

Резанов зачитал параграф 14 инструкции, в котором было написано следующее: «Для описания в Америке произведений всех трех царств природы определяется с вами профессор натуральной истории, ботаник и студенты, окончившие курс минералогии; употребляя их к сему и снабдя подробными от вас предписаниями, имейте попечение, сверх того, сколько позволит вам удобность, привести сюда породы камней, земель, окаменелостей, солей, сер, металлов, деревьев, растений, семян с описанием употребления их тамошними жителями...» и прокомментировал:

— Вас почему-то весьма стеснили на корабле ученые умы, о чем вы известили Его Императорское Величество чрез графа Строганова, назвавши их «свитой царедворца». Как отец, заботящийся о своих подданных, император прислал немедленно министра коммерции графа Румянцева и министра морских сил Чичагова, которых вы, наябедничавши, уверили в излишествах. Министры, коим другом я являюсь, несмотря на наши добрые отношения, всеподданнейше донесли о сем Государю. От него последовала резолюция: излишних отослать по своим командам... В итоге студентов, знающих минералогию, мы оставили, хотя это идет вразрез распоряжениям Императора и министра коммерции, а также Академии наук, которые были получены накануне. Все это называется интриганством. Вы, милейший Иван Федорович, боитесь без славы остаться? Да ее хватит с лишком на всех. Что было, то бог с тем. Я думал, в Кронштадте произошло досадное недоразумение, однако впоследствии вы также ломали планы ученых, препятствуя им исполнять свой долг службы России с рвением. На Канарах доктор Тилезиус попросил меня подняться на Тенерифский пик, однако, сославшись на условия стоянки, вы воспрепятствовали этому нашему с ученым намерению. Доктор Лангсдорф тоже был немало огорчен. Тем не менее мы простояли на островах неделю, пополняя запасы провизии, а этого времени хватило бы на ознакомление с одним из самых крупных

вулканов — Тейде. Хотя по полномочиям моим я имел право задержаться на островах. Милейший Иван Федорович, мы же не в гонке участвуем. Наша задача — и наукой заниматься.

— Меня ваши же приказчики из Российско-Американской компании подгоняют!

— Я здесь на корабле главный представитель Компании, посему вы у меня спрашиваете, кого слушать!

— Не было такого, чтобы капитан спрашивал гражданского, как ему вести себя на корабле!

Резанов, отнюдь не покушаясь на роль капитана, вел разговор не о правилах поведения на корабле, а о тактическом плане всей экспедиции. Крузенштерн же вменял ему в вину вмешательство в его капитанские полномочия.

Камергер и капитан «Надежды» говорили на разных языках. Это и не удивительно. Морская коллегия, не имея опыта организации торговых плаваний, назначила капитанами судов военных моряков, заложив тем самым замедленную мину в личные отношения двух достойнейших людей: Резанова и Крузенштерна. Лишив экспедицию четкой иерархической структуры, император Александр I и Российско-Американская компания с самого начала обрекли на конфликт ее руководителей и капитана судна.

— Не забывайтесь, господин Крузенштерн! Согласно «Табелю о рангах», утвержденному Петром Великим, мое положение на четыре ранга выше вашего и соответствует морскому званию контр-адмирала! — попытался осадить Крузенштерна Резанов.

— Может, вы и в морских сражениях участвовали? — съязвил Крузенштерн. — Согласно «Морскому уставу», утвержденному также самим Петром, единственным начальником на судне есть капитан! Покуда «Морской устав» не отменен, на моем корабле решение принимает только один человек — капитан!

Резанов не хотел обострять конфликт, поэтому, подойдя к окну каюты, как бы освобождая пространство для Крузенштерна, продолжил примирительным тоном:

— Милейший Иван Федорович, ну что мы, ей, богу, как дети малые! Я не претендую на ваши почести, мне бы знать.

что наши труды не напрасны! России нужны открытия и достижения. Пока Европа занята войнами, у нас есть шанс вырваться вперед и открыть, исследовать, найти то, до чего европейцы еще не добрались. Ну, вспомните, Иван Федорович, наши совместные вечера в кругу семьи, когда мы строили планы...

— Мы, русские, не умеем отделять дело от личного, — внезапно прервал Резанова Крузенштерн. — Да, я помню наши совместные вечера, музицирование жен, но это нашего вопроса не касается. Я вообще убежден, что будь ваша милая супруга жива и поныне, вряд ли я имел бы удовольствие путешествовать в одной с вами компании!

Крузенштерн точно и расчетливо нанес удар по незажившей душевной ране камергера. Резанов стиснул зубы, едва сдерживая свои эмоции. Зная слабое место Крузенштерна, камергер парировал удар мгновенно:

— Что ж, в таком случае вынужден буду при первой же нашей стоянке подвести такой итог, что вам не достанется получить ни одной копейки!

— А меня деньгами купить невозможно! — в сердцах выпалил не на шутку расстроившийся Крузенштерн. — И десять тысяч вознаграждения от Компании, которой управляет такой человек, как вы, господин Резанов, я тоже не возьму!

Каждое слово давалось Крузенштерну с трудом, тем более что в его планы не входили подобные широкие жесты. Деньги ему были нужны. С этого момента его уязвленное самолюбие начало рисовать планы по изменению настроений на судне с тем, чтобы невыносимая обстановка сама заставила Резанова покинуть корабль, так и не выполнив миссии.

Репрессии со стороны Крузенштерна начались буквально на следующий день. Не имея возможности мстить самому Резанову, Крузенштерн выместил свою злость на его помощниках. Академику Курляндцеву, например, он запретил свободное передвижение по кораблю. Доктор Брыкин был перемещен со своей каюты на бак — самую грязную и неудобную для путешествия часть судна, под предлогом отсутствия места на корабле. Они не коснулись только Тилезиуса и Лангсдорфа. Изучая материалы плавания, невольно приходишь к вы-

воду, что на корабле начали организовываться «немецкая» и «русская» партии, вступившие в конфронтацию друг с другом. При этом, судя по поведению Крузенштерна и его помощников, их действия носили организованный характер, в то время как камергер со своими учеными и помощниками не оказывали должного воздействия на «немцев». Причина тому кроется в отношении Резанова к происходящему. Ему было важно достигнуть целей экспедиции даже ценой собственных полномочий. Будучи по характеру человеком отходчивым и незлопамятным, Резанов понимал, что сейчас самое главное для экспедиции — добраться до родных берегов. Без Крузенштерна это не представлялось возможным. Конфликт с каждым днем набирал обороты и дело дошло до того, что злопамятный Крузенштерн объявил бойкот Резанову и продолжил общение с ним только при помощи записок. Команда, видя такое положение, формально подчинялась Крузенштерну, но фактически сочувствовала Резанову.

Однако проверенный прием задабривания команды водкой и в этот раз оказал должное действие. Шемелину, на глазах которого таяли запасы Компании, оставалось только зло насмеяться: «С того времени как экспедиция наша отправилась из России, чарочная раздача служителям производима была из водки можжевелевой и проводилась по 15 октября, то есть по день отправления нашего из Тенерифа, но как сию водку по крепости одну голую употребить было невозможно, то разбавили оную водою, пропорция взята 90 кружек водки и 10 воды. С того же 15 числа октября, капитан приказал делать для служителей пунш и грог из водки французской... Нужно ли было или не нужно переменить ревельскую водку на французскую, лучше ли влияние могла иметь последняя на здоровье служителей в сем жарком климате, я рассуждать не смею, посему предоставил я более знание по бытности господина капитана. Никогда в том противоречии ему не дерзил».

Вообще-то, стоит признать, что Шемелин был очень остроумным человеком и, несмотря на свое недворянское происхождение, запросто вступал в спор с офицерами, а колкости, направленные в адрес Компании и Резанова, переводил в шутку,

обвиняя офицеров в неблагодарности. Но когда напряжение в отношениях между Резановым и Крузенштерном в очередной раз обострилось, одна из таких шуток едва не стоила Шемелину жизни. Как всегда, защитником капитана выступил Ромберг, а местом выяснения отношений стали шканцы. Указав Шемелину за борт, Ромберг мотом-перематом осадил приказчика.

— Если вы осмелитесь говорить с нами впредь таким же тоном, как теперь, то море станет вашей могилой! — в сердцах выпалил лейтенант и уже позже, спустившись в каюту, добавил:

— Если бы я был капитаном, то никогда бы не допустил такого подлого мужика иметь с собою за столом!

Шемелин пожаловался Резанову, но камергер, поставив в пример собственное терпение, посоветовал крепить свой дух и быть выше дерзости офицеров.

Заметив перемены на судне, Федя Толстой, чей деятельный характер тяжело было удержать в рамках закона, а зачастую и приличия, решил помочь Резанову. И сделал это весьма оригинальным методом: он подговорил матросов и, незадолго до пересечения «Надеждой» экватора, Крузенштерн имел удовольствие наблюдать настоящий бунт на своем судне.

Однажды утром свободные от вахты матросы под предводительством Толстого, разодетого, как павлин, и вооруженного двумя саблями, кортиком и несколькими пистолетами, вывалили на палубу, требуя появления на шканцах капитана. Вооруженные офицеры судна встали у трапов, готовые отразить нападение. На шканцах, священном месте любого корабля, появился Крузенштерн.

— Поручик, — обратился он к Феде Толстому, — что за маскарад? И вообще, что значит подобное выступление?

Поручик сделал шаг вперед, демонстративно выхватил саблю и с пафосом произнес:

— Команда недовольна вашими действиями, господин капитан!

— Чем именно? Потрудитесь объяснить, поручик Толстой!

Растерянные матросы, которых кормили лучше, чем на любом другом корабле, стали заложниками той вольницы, которую развел на судне Крузенштерн. Пьяная вдрабадан команда была вполне нормальным явлением для «Надежды», причем настолько, что иногда вместо вахтенного офицера у штурвала приходилось стоять самому капитану. Поводов для недовольства со стороны матросов быть не могло и, связанные по рукам своим поведением, они попросту пятились назад, оставляя Толстого наедине с Крузенштерном.

— Зачем вы выбросили муку и часть солонины в море? — ища хоть какую-то зацепку, спросил Толстой.

— Я, капитан, — вскипел Крузенштерн, — не обязан перед тобой, мальчишкой, оправдываться! Мука и солонина были гнилыми, а свежие припасы мы пополнили в Санта-Крус-де-Тенерифе.

— Команда недовольна вашими распоряжениями!

— А где, собственно, недовольная команда?

Вопрос капитана прозвучал, как гром среди ясного неба. Обернувшись, Толстой увидел только пустую палубу да нескольких вахтенных матросов, работающих с парусами. Лихой поручик выбрал неудачное время для бунта. Пока он выдвигал требования капитану, пробили очередные склянки и произошла смена вахты. Матросы, участвовавшие в бунте, услышав сигнал боцманского свистка, рефлекторно бросились по своим местам.

Первым подскочил к Толстому Ратманов. Будучи другим поручика, Ратманов схватил за грудки Толстого и подтянул его к себе.

— Федя, ты что творишь? — прошептал он и добавил громко: — Поручик Толстой, сдайте оружие! Вы арестованы!

От расправы прямо на месте Федора спас Резанов.

— Поручик Толстой, — начал он строго, — что за вольности? Бунт на судне согласно уставу предполагает кандалы и ссылку в Сибирь.

— Так мы хуже ссыльных, господин камергер! Крузенштерн же нас за людей не считает! Любой матрос питается

лучше, чем мы! Да и все равно в Сибири мы окажемся, только не сухопутным, а морским путем!

— Матросы питаются лучше, потому что они выполняют основные работы на корабле и от их питания и, соответственно, здоровья зависит то, как скоро мы доберемся до России. Мы же пока что просто пассажиры на судне, тем более что господин капитан иную роль нам и не отводит. Тем не менее о нарушении устава вынужден буду сообщить!

— Вы меня упрекали в отсутствии порядка, господин Резанов, — с издевкой произнес Крузенштерн. — Потрудитесь-ка лучше своих людей держать в строгости. Я же после произошедшего вынужден ограничить вашу свиту во многих привилегиях, которые были у ваших людей на моем судне.

Толстой, отсидев неделю в трюме, выбрался на божий свет озлобленным и готовым отомстить всем: и Крузенштерну, оскорбившему его, и Резанову, который вместо заступничества наградил поручика выговором и арестом.

Надо отдать должное терпеливости Резанова: на протяжении всего путешествия он ни разу не пожаловался на Крузенштерна, вплоть до прибытия к берегам Бразилии. Разбалансировав хрупкие весы субординации, Крузенштерн запустил механизм развала дисциплины на своем корабле. В отличие от «Невы», на «Надежде» произойдет много событий, о которых впоследствии историки постараются не упоминать. Все беды сам капитан «Надежды» свалит на Резанова, который не увидит триумфа своих проектов, но и не услышит тех обидных слов в свой адрес, которые будут высказаны погибшему за свою идею командору.

Месть Федора Толстого не заставила себя долго ждать. Пока капитаны были заняты пополнением запасов провизии, а Резанов — исследованием острова, Федя Толстой втерся в доверие к госпоже Армстронг и выпросил у нее самку орангутанга, подаренную одним из американских капитанов, шедшим с Суматры, убедив, что доставит примата на родину. Когда поручик с обезьяной прибыл на «Надежду», капитан судна велел выбросить несчастное животное за борт. В ответ на недовольство Крузенштерна Толстой заявил, что до сих

пор был ужасно одинок, а теперь, обретя близкое существо, он остепенится и прекратит свои безобразия. Крузенштерн в конце концов смирился, но велел Толстому не выпускать обезьяну из каюты.

Однако это обещание не охладило пыл поручика. В один из штормовых вечеров Федор Толстой и другой член посольства Резанова, поручик Федор Фоссе, после бурной пирушки в кают-компании затеяли на палубе сабельный турнир. Фоссе проиграл поручику крупную сумму денег в карты и обвинил Толстого в плутовстве. Гордый поручик решил с саблей в руках отстаивать свою репутацию. Во время одной из атак Толстого Фоссе свалился за борт. Толстой, не мешкая, бросился ему на помощь. Пришлось остановить судно, спускать шлюпку и спасать их обоих. Знал бы Крузенштерн, какие неприятности вызовет пребывание Толстого на корабле в дальнейшем, вряд ли стал спасать молодого человека. Но в этот раз в трюме отбывали наказание трое: промокшие до нитки Фоссе и Толстой грелись о теплую шерсть орангутанга. Едва успев отбыть наказание, проворный Федя Толстой, держась от глаз капитана подальше, забрался вместе со своей обезьяной на марсовую площадку, где в это время отбывали вахту братья Мориц и Отто фон Коцебу, приходившиеся Крузенштерну двоюродными племянниками по материнской линии. Несмотря на родство с капитаном, кадеты были предоставлены сами себе, их воспитанием никто не занимался. Они вечно ссорились, и младший близнец Коцебу, Мориц, всегда оказывался неправ. Единственный, кто составлял им компанию, был Федя Толстой. Но ясно, что влияние графа на неокрепшие умы подростков было не самым лучшим.

В открытом море «Надежда» встретила с американским торговым кораблем.

— Как зовется ваше судно? — спросил Резанов у капитана.

— «Юнона», — ответил американский капитан. — Возвращаемся из Кантона. Налаживали торговлю мехами!

— А кому принадлежит ваш прекрасный корабль?

— Торговой компании Чарльза д'Вольфа.

— Уж не того ли самого пирата д'Вольфа, имя которого еще до недавнего навредило ужас на испанцев? — вмешался в разговор Крузенштерн.

— Вы правы, это наш старик Чарли! Однако он сейчас отошел от промысла приватира. Нынче каперство не так выгодно, как торговля живым товаром или мехами на китайских рынках.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что столь трудное плавание капитан, как и многие другие мореплаватели того времени, делал без каких-либо больших астрономических знаний и даже без хронометра. Следствием этого оказалось, что судно теперь находится на три градуса западнее, чем должно быть по корабельным расчетам капитана. Американец был чрезвычайно благодарен капитану «Надежды» за то, что тот указал на ошибку и установил истинную долготу судна: его курс был сразу же изменен.

Пока американский капитан общался с Крузенштерном и Резановым, Толстой, удобно устроившись на рее в компании своей обезьяны и двух кадетов-близнецов, рассматривал американцев в подзорную трубу. Услышав о прежнем занятии д'Вольфа, Федя завел разговор о промысле приватира и предложил кадетам устроить заговор — капитана выбросить за борт и отправиться на Ямайку пиратствовать. «Надежда» наполнилась странными разговорами и слухами.

Незадолго до вхождения судна в Южное полушарие в кают-компании собрались офицеры и члены посольства Резанова. Шли приготовления к традиционному празднику пересечения экватора. Федор нарядил обезьяну в треуголку капитана и учил ее ходить, опираясь на трость. Мориц Коцебу, смеясь, заметил, что обезьяна очень похожа на Крузенштерна. В самом разгаре веселья появился капитан. Он заявил, что команду будоражат идеи о пиратстве, и поэтому он отменяет праздник. Как моряк и человек военный он не потерпит на своем корабле никаких тайных подстрекательств и разговоров у себя за спиной. Толстой на это ответил, что он тоже любит прямоту, и в доказательство сообщил капитану, что кадет Мориц Коцебу находит большое сходство между Крузенштерном

и обезьяной, после чего удалился, предоставив капитану и кадетам выяснять отношения.

А корабли стремительно приближались к расчетной точке пересечения экватора. Вот как описал это событие капитан «Невы» Лисянский: «В 10 часов утра перешли экватор, а в полдень, по наблюдению, были мы под 10 южной широты и под 24°09' западной долготы по хронометрам. Удостоверившись в этом, я немедленно приказал поднять на своем корабле флаг, гюйс и вымпел и, подойдя к своему товарищу, поздравил его с благополучным прибытием в Южное полушарие. В это время мои матросы были расставлены по вантам и прокричали несколько раз «ура». То же самое было произведено и матросами корабля «Надежда». Поутру после парада команда и офицеры собрались на шканцы. Поздравив их с благополучным прибытием в южную часть света, я пил вместе с прочими. Так как еще ни один русский корабль, кроме «Невы» и «Надежды», не проходил экватора, то, желая отметить столь редкий случай, я приказал на каждую артель зажарить по две утки, сделать по пудингу и сварить свежий суп с картофелем, тыквой и прочей зеленью, которая у нас сохранилась от самого Тенерифа, прибавив к этому по бутылке портера на каждых трех человек. В 3 часа пополудни сели мы за стол, в конце которого пили опять. В это время был поднят военный флаг, и производилась стрельба из всех пушек. Вечером вся команда выражала свое удовольствие песнями, и мы проводили время в приятных разговорах и в воспоминаниях о своих родственниках и знакомых». Даже иеромонах Гедеон, руководитель русской православной миссии, плывший с Лисянским на «Неве» отметил это событие в своих записях: «В половине 12-го, узнав по наблюдениям, что мы уже находимся в Южном полушарии, поворотили оверштаг на правый галс и пустились к «Надежде». Подходя к оной, подняли флаг и вымпел, поставили матросов по вантам, поздравили с благополучным прибытием в южную часть света, крича три раза: ура! На что и нам с «Надежды» ответствовано: ура, ура, ура!»

Воспоминания Крузенштерна дополняют картину празднования прохождения экватора «Надеждой», которое состоя-

лось на следующий день: «Обыкновенное игрище в честь Нептуну не могло быть совершено, потому что никто, кроме меня, из находившихся на корабле нашем не проходил прежде экватора. Однако матрос Павел Куртнов, имевший отменные способности и дар слова, быв украшен трезубцем, играл свою роль в самом деле так хорошо, как будто бы он был уже старым, посвященным служителем морского бога, и приветствовал россиян с первым прибытием в южные Нептуновы области с достаточным приличием».

Морской владыка Нептун, появившись на палубе, где уже собрался весь экипаж, подошел к капитану и строго спросил:

— Никогда не видел прежде флага российского в этих местах. Для чего же прибыли вы сюда со своими кораблями?

— Для славы науки и отечества нашего, — ответил ему Крузенштерн и почтительно поднял бокал вина.

Яркое описание русского Нептуна оставил личный врач и переводчик Резанова, профессор Лангсдорф: «По древнему обычаю, всякий, кто проходит экватор впервые, нырял в воду или, по крайней мере, должен быть хорошенько окроплен ею, и эта церемония была точно нами исполнена. Один из моряков, от природы наделенный юмором и живостью, что произвело еще больше впечатления, оделся изобразить Нептуна. Костюм, в котором появился этот бог морей, должно быть, Нептун носил только на Северном или Южном полюсе: безусловно, в теплом климате, где он обычно обитал, он никогда не мог быть замечен в таком виде. В руке наш Нептун держал гарпун вместо трезубца, который он с немыслимой быстротой опускал в ведро с водой и снова и снова окроплял всех, кто его окружал. Тем временем отметка на термометре выросла с двадцати двух до двадцати трех градусов по Реомюру. Легко было представить, насколько “комфортно” в этой жаре должен был чувствовать себя этот милый моряк, одетый в толстую меховую одежду, оставаясь в течение нескольких часов на палубе и вскакивая туда-сюда в исполнении своих функций. Но, к великой радости нашей компании, он замечательно исполнил свою роль».

Не остался в долгу и Николай Петрович Резанов. Сознывая, сколь велик этот знаменательный день в истории русской навигации, камергер попросил Крузенштерна построить команду на шканцах. Когда моряки собрались на палубе и выстроились в шеренгу, Резанов дал каждому из них по испанскому талеру, большие по тем временам деньги, чем вызвал неописуемую радость всей команды. Пожав каждому из них руку, Николай Петрович поблагодарил матросов, простых русских людей, за их честную службу. Это сближение камергера и команды очень не понравилось Крузенштерну, который никогда не опускался до рукопожатий с матросами, однако он вынужден был промолчать. Николай Петрович не знал тогда еще, что в скором будущем этот его жест станет залогом собственной безопасности — когда взбунтовавшиеся офицеры «Надежды» устроят самосуд над Резановым, команда матросов примет его сторону.

Празднование было поставлено на широкую ногу и с русской удалью. Обед уже давно превратился в ужин, когда среди рева пушек команда пила за здоровье его Императорского Величества — милостивого монарха, благодетеля своих подданных, покровителя торговли и мореплавания, и всего его Императорского дома. Потом бокалы, наполненные уже искристым токайским, поднимались за здоровье министра торговли, графа Румянцева и министра навигации, графа Чичагова, за президента Академии наук в Санкт-Петербурге Новосильцева, за директора Российско-Американской компании, за храброго командира — капитана Крузенштерна, за благодетеля — посла Резанова, за здоровье всех друзей и родственников, потом за участников самой экспедиции. Тосты следовали один за другим. Вскоре вахтенные матросы присоединились ко всеобщему ликованию, отчего пришлось бросить якорь. Все офицеры и ученые пребывали в величайшей радости и крайней степени веселья, когда, поднявшись из-за стола, вышли на палубу. Здесь началось новое празднество. Капитан Крузенштерн, Резанов и все офицеры один за другим были подняты на руках, и матросы качали их с криками «ура». Удовольствия этого знаменательного дня были завершены чаном пунша.

Помощник Крузенштерна, человек с резким характером и довольно грубыми манерами, повеса и ловелас Макар Ратманов, возненавидевший Резанова за его тактичность, долго искал повод посмеяться над ним. День Нептуна, по словам первого помощника капитана «Надежды», такой повод представил: «За обедом пили здоровье Императора и Императриц порознь и палили из пушек; пили здоровье патриотов и всех россиян, и довольно надрызгались, так что господин посол валялся по шканцам, задирая руки и ноги до небес, крича беспрестанно: Крузенштерну ура!! Потом превосходительство начал уверять, что много у него присутствия духа и что он хоть и не англичанин, но также от радости хочет броситься за борт, держась за грот-ванты; я, хоть и показывал ему в пространство, где пошире и ваны и выбленки, надеясь при том, что не бросится, ибо он не говорит правду, а его окружающие уговаривали, и надворный советник Фоссе и Американской компании 1-й приказчик, уговаривали со слезами и целовали руки, а как тут же в это время чинился большой парус, то с великим присутствием духа грандиссимо амбасадер, счел его за мягкую постель и, разлегшись на оном, уснул. Я, будучи на вахте, приказал отнести его в каюту, где он проспал до другого дня и бессовестно всех заверял, что он не был пьян и что он сам дошел в каюту».

Поступок этот, конечно, если он имел место в том виде, как его описал Ратманов, не красит камергера. Однако Ратманов, в своих дневниках ярко описывая Резанова, почему-то умалчивает о том, что в ту ночь кораблем управлял лишь один он — и то будучи сам мертвецки пьян. Причем об этом свидетельствует «невменяемый» Резанов, сумевший оценить обстановку на неуправляемом судне. Так, может, Макар Ратманов все-таки сгустил краски, рисуя поведение камергера, которого он так ненавидел? Впрочем, в конце плавания Ратманов уже недолюбливал Крузенштерна, заслуги которого считал не столь замечательными, как свои. Перестав стоять вахты, он дерзил еще недавно любимому капитану и не подчинялся приказам, чем впоследствии хвастался в дневниках. Что же касается самих дневников первого помощника капи-

тана «Надежды», то само их содержание наводит на мысль, что многие мнимые события Макар Ратманов выдавал за действительные. Просеивая свои поступки на окружающих, приписывая им негативные свойства, присущие собственному характеру, Ратманов превратил Резанова в гуляку и повесу, а Крузенштерна — в зазнавшегося служаку. По прибытии в Петербург дневники всех офицеров требовалось сдать в Коллегию по морским делам, поэтому для придания им значимости и объема многие страницы дневников, не имеющие эмоциональной окраски и касающиеся исключительно подробностей плавания, Ратманов попросту списал у Левенштерна, Ромберга и даже Лангсдорфа. Достоверность событий, описанных первым помощником Крузенштерна в своих записках, тем более подвергается сомнению, так как в них содержатся слухи о деятельности Резанова в Новом Свете. Ратманов ни разу не был в Русской Америке и уже только поэтому не мог выступать свидетелем действий камергера, которые не подтверждаются записями ни одного из его спутников: Давыдова, Хвостова, Лангсдорфа или Джона д'Вольфа.

При этом Ратманов как-то не упоминает о том, что именно на его вахте команда от обилия возлияний растворилась где-то в трюмах и только громкий матросский храп оживлял судно. Ратманов почему-то не описывает Крузенштерна, который пил мало, а пьянел быстро, из-за чего первым удалился в свою каюту. Не менее пьяный Федор Толстой выкрал у него печать и припечатал к палубе за бороду сургучом иеромонаха Гедеоны, напившегося до положения риз. Батюшка был добрым стариком и с удовольствием общался с молодым графом до этой выходки. Поэтому распластанный на палубе священник, поутру увидев своего юного друга, даже обрадовался. Но Толстой приказал ему лежать.

— Не видишь, батюшка, печать казенная, — мотивировал он свои действия. — Сорвешь, с кого спросят?

Несчастному священнику, страдающему от похмелья, только к обеду, когда Крузенштерн пришел в себя и отдал соответствующее распоряжение, обстригли бороду по самый подбородок.

Так что хороши были все, и в первую очередь — Крузенштерн и Ратманов, не сумевшие оградить хотя бы вахтенных матросов от чрезмерного потребления горячительных напитков. После праздника Нептуна дисциплина на «Надежде» была подорвана окончательно. С этих пор и до конца плавания Крузенштерн уже не сможет управлять командой так, как это было до прохождения экватора. А первой русской кругосветной экспедиции предстояло еще трижды пересечь его.

К слову, на «Неве» отметили это событие более спокойно. Отцу Гедену, позже отслужившему молебен на «Надежде», где по вине Толстого батюшка остался без бороды, праздник запомнился так: «15-го в 11 часов, по окончании молитвы и благодарственного моления, команда в присутствии господина капитана и всех господ офицеров собрана была на шканцы, и пили все по стакану tenerifского вина за вожделенное здравие государя императора, потом кричали три раза: ура!». После чего разошлись по местам и, пользуясь благоприятной погодой, устремились на поиски таинственного острова Асенсона¹.

Потратив почти сутки на бесплодное рыскание по безбрежным просторам Атлантики, капитаны «Невы» и «Надежды» утвердились во мнении, что никакого острова не существует. Бросив бесперспективную идею поиска несуществующего острова, Крузенштерн и Лисянский собрали на «Надежде» офицерский совет. Многие офицеры корабельной команды, да и сам Крузенштерн, искренне мечтали посетить город Рио-де-Жанейро, расположенный в районе мыса Фрио. Однако Резанов сообщил о возможных трудностях, с которыми соперничали желания команды. Он предполагал, что в Рио-де-Жанейро суда обязательно будут подвергнуты очень тщательному осмотру, и, посчитав вероятное количество ненужных расходов и предполагаемую потерю времени, предложил из-

¹ Имеется в виду вулканический остров Вознесения, расположенный в центре Атлантического океана, между Африкой и Южной Америкой. На нем находится вулкан Асенсьон. Остров впервые был открыт португальцем в 1501 году, но из-за отсутствия описаний долгое время считался несуществующим.

менить курс и отправиться на остров Святой Екатерины. И теперь взоры руководства экспедиции были устремлены к этому клочку земли у побережья Бразилии — месту следующей запланированной остановки судов.

Глава 5 БРОСОК В АМЕРИКУ

Вместо флейты подыдем флягу,
Чтобы смелее жилось.
Под Российским небесным флагом
И девизом «Авось!».

А. Вознесенский

По прибытии в Охотск Хвостов с Давыдовым первым делом отправились к бухгалтеру Охотской конторы Российско-Американской компании, господину Алексею Евсеевичу Полевому, занимающемуся отправкой судов Компании. Он встретил морских офицеров с превеликим радением.

— Знали бы вы, милые мои господа, — сказал Полевой, лично ухаживая за гостями в своем доме, где был дан настоящий пир по случаю прибытия Хвостова и Давыдова, — как мне сейчас нужны настоящие капитаны. Суда мы научились строить, а управлять ими некому! Российско-Американская компания, интересы которой имеем честь представлять и я, и вы, пытается снабжать наши промысловые области на Кадьяке и Ситке в Новом Свете. Господин Баранов претерпевает от диких, но усилиями этого славного во всех отношениях человека мы еще держимся и приносим славу и доходы матушке-России. Но нам нужны моряки, настоящие, закаленные стихиями. Вас мне само провидение послало...

— Не столь провидение, сколько господин Резанов!

— Милостивый человек. Воистину, без него многого бы здесь не было. Недавно приехал еще один молодой офицер, воспитанник Морского корпуса, сын известного в этих кра-

ях человека — барона Штейнгеля, мичман Владимир Иванович...

— Штейнгель! — радостно воскликнул Гаврила Давыдов. — Где он?

— Вы знакомы? — удивился Полевой.

— Мы вместе с ним учились в Морском корпусе! Это же друг мой!

— У нашего Гаврилы все друзья! — с аппетитом доедая лососину, прокомментировал Николай. — Ешь лучше, а то силы оставят тебя и не с кем будет в Америку плыть! А судно наше готово? — меняя тему разговора, обратился к начальнику порта Хвостов.

— Взгляните, господа! — ответил Полевой, направившись к окну.

Полевой откинул занавеску, и сквозь муть слюдяного окошка взору морских офицеров предстал весь Охотск, в бухте которого, покачивая мачтами, стояли на якорях несколько судов.

— И какое же из них наше? — подчеркнуто равнодушно спросил Хвостов.

— Ваше я покажу вам завтра, — замешкался начальник порта. — Оно... в другом месте.

Пожав плечами, Хвостов, не отрываясь от лосося, поинтересовался, где можно расположиться переночевать.

— К сожалению, свои «хоромы» предложить вам, милостивые господа, не могу, — разведя руками, произнес Полевой. — Придется сходить к недавно назначенному начальнику порта, капитан-лейтенанту Башуцкому. Он-то вас и определит на ночлег.

Начальник Охотского порта Василий Яковлевич Башуцкий встретил морских офицеров, как родных сыновей. На вопрос о ночлеге он ответил коротко: «У меня и спать, и столоваться будете!» После разбора корреспонденции, прибывшей с Хвостовым и Давыдовым, Василий Яковлевич ударился в воспоминания и расспросы о столичной жизни, в то время как Полевой, которого Башуцкий, по всей видимости, недолюбливал, поспешил удалиться.

Гостеприимный хозяин, несмотря на тесноту и низость потолков, предложил свой дом в качестве места пребывания до окончания снаряжения судна. Хвостов долго уговаривать не пришлось, и он, воспользовавшись предложением Башуцкого, взобрался на печку в надежде отогреться после двухмесячного пребывания в непрерывных дождях. Деликатный Давыдов, зажигая лучину, попросил постелить ему на лавке и дать немного времени для приведения в порядок собственных записей.

— Ночью будет шторм, — предупредил его капитан-лейтенант, кутаясь в меховое одеяло на маленькой деревянной кровати, покрытой соломенным матрасом. — Если вдруг начнет заливать избу, не переживайте, мичман. Просто забирайтесь на печку к своему другу, там места на двоих хватит.

Пожелав доброй ночи, Башуцкий отвернулся к стене, а Давыдов уселся за дневник и сделал запись, позволяющую увидеть нам Охотск начала XIX века глазами девятнадцатилетнего моряка: «Город сей построен на оконечности длинной косы, состоящей из мелкого и круглого камешника. Сия коса, называемая кошкою, инде не шире 25 сажень. Она одною стороною прилежит к Охотскому морю, а другою к реке Охоте, которая беспрестанно ее подмывает, так что жители нередко принуждены бывают ломать свои дома и переносить оные на другие места; от его, и от некоторых иных причин, в несколько лет число домов уменьшилось, конечно, до половины. При крепком морском ветре волнение во время прилива переливается через косу, тогда город бывает в воде и подвергается опасности быть снесенным до основания. Здесь чрезвычайно много собак, а особливо летом, потому что на них ездят только зимою. Около полуночи одна собака завывала, к ней стали другие подтягивать и на конец собаки целого города разными голосами все вместе завывали, составив такой чудной и громкой концерт, от которого желал бы на это время лишен быть слуха...»

Не дожидаясь окончания ночи, Гаврила слез с лавки и, позавидовав богатырскому храпу Хвостова, отправился на улицу. Дул крепкий северо-западный ветер. Волны с ревом бились о берег. Суда, стоявшие на рейде, качало так, что, казалось,

ноки¹ рей при сильной волне погружаются в воду. Несмотря на ранний час — а было не более пяти часов утра — многие жители Охотска уже не спали. Свет в окнах домов, маня своим уютом, придавал городу вид единственного неподвижного судна в центре беснующейся стихии. Через десять минут Гаврила все-таки замерз и ретировался в дом, где, забравшись на печку к другу, тут же пригрелся и был разбужен только утром басами еще не позавтракавшего Хвостова и начальника порта, приветствовавших нового гостя в доме.

— И какой это молодец оставил свои записи вот так на столе, без присмотра? — услышал Гаврила вопрос, касавшийся, по-видимому, его дневников, которые по неосторожности он забыл вечером убрать. — В наш век, если уж доверил бумагам мысль свою, стоит об этой мысли позаботиться, а не то позаботятся другие — люди здесь всякие.

— Это дневники моего друга, мичмана Давыдова, — ответил Хвостов. — Он сейчас спит после долгой и утомительной дороги. Господин генерал-майор, не сердчайте. Если что дурное было бы написано в бумагах, они бы не лежали вот так на столе. Я друга своего знаю. Он мечтает стать исследователем, описывает быт и нравы народов, встречаемых нами на пути.

— Похвально! — голос неизвестного генерал-майора прозвучал звонко и весело. — Если будет свои записки издавать, пусть непременно меня известит. Буду рад прочесть о краях, что вверены мне в управление.

Давыдов, чувствуя неловкость положения, соскочил с печи, взъерошенный и помятый, в одном исподнем, отдал честь незнакомому генералу и начал молча сгребать бумаги со стола.

— Что за манеры у нынешней молодежи? Хоть бы представился для начала! — с улыбкой сделал замечание генерал.

— Виноват! — вытянулся в струнку юноша. — Мичман Гаврила Давыдов, нахожусь на службе Российско-Американской компании! Прибыл в порт для отправления на компанейском

¹ Нок — оконечность рангоутного дерева, расположенного горизонтально или под некоторым углом к плоскости горизонта (гика, гафеля, рея и т. д.).

судне к берегам Нового Света, чтобы доставить туда компанейские товары.

— Совсем мальчик. — вглядываясь в лицо Гаврилы, произнес незнакомец, затем, запросто протянув руку для приветствия, представился: — А я генерал-майор Кошелев, новый губернатор Камчатки. Отбываю сегодня на транспорте «Святой Иоанн Богослов» в Нижнекамчатск для приведения тамошних дел в порядок. Собирайте свои бумаги, мичман, и будем есть.

В комнату вошел еще один человек в той же форме, какую носил Гаврила. Им оказался мичман Владимир Штейнгель — однокашник Давыдова по Морскому корпусу. Дружью обнялись. Разговорчивый Штейнгель тут же поведал, что это он назначен капитаном транспорта «Святой Иоанн Богослов», на котором должен доставить нового губернатора Камчатки, генерал-майора Кошелева. Владимир был горд тем, что везет генерал-майора Павла Ивановича Кошелева на бывшее место службы своего отца, который в свою бытность тоже попытался навести порядок в этом самом отдаленном уголке России.

Отец мичмана, капитан Иоганн-Готфрид Штейнгель, 11 сентября 1784 года в Нижнекамчатске вступил в должность исправника Нижнекамчатского округа. Немец, сын министра Анспих-Байрейтского маркграфства в Баварии, он надеялся сделать блестящую карьеру в России. В 1771 году наперекор воле отца, мечтавшего о чиновничьей карьере сына, Штейнгель-старший отправился к герою штурма Кагула и любимцу Екатерины II — Петру Александровичу Румянцеву с рекомендательным письмом австрийского фельдмаршала Франца Морица фон Ласси. Румянцев определил Штейнгеля в штаб, но Иоганн-Готфрид наперекор пожеланию Петра Александровича отправился служить в Астраханский карабинерный полк под командованием графа Салтыкова, с которым у Румянцева сложились неприязненные отношения. И хотя молодой подпоручик Штейнгель с отличием и храбростью служил в полку, где собрались в основном иностранные офицеры, и был рекомендован в реляции императрицы к награде, никакой награды за десять лет службы он так и не получил и не продвинулся по Табелю о рангах ни на одну ступеньку. Это

задело гордость немца, и Штейнгель в поисках справедливости отправился в Санкт-Петербург. Случай, а не справедливость свели Штейнгеля с генерал-поручиком Евгением Петровичем Кашкиным, который собирался в Пермь начальствовать над новой российской губернией. Генерал оценил рвение и боевые заслуги подпоручика, выбил для него повышение по службе и, взяв в помощники уже поручика Штейнгеля, отправился наместником императрицы в русскую глубинку. 12 декабря 1781 года при открытии Пермского наместничества Иоганн-Готфрид Штейнгель был церемониймейстером. Кашкин, проявляя заботу о своем новом помощнике, поселил его в лучшем из домов Перми — в доме купца Разумова, где немец на русской службе по уши влюбился в дочь хозяина, Варвару Марковну Разумову. Однако у Вареньки был жених, с которым она была обручена с младенчества. Но это обстоятельство ничуть не остановило влюбленного Штейнгеля: он вызвал на дуэль жениха и был ранен. Во время помолвки, невзирая на боль, поручик пришел в дом Разумова, взял на руки Варвару, вместе с ней сел на коня и отправился к собору, где на грани потери сознания попросил священника обвенчать их с Варей. Батюшка, видя направленный на него пистолет, не решился уточнять вероисповедание лютеранина Иоганна-Готфрида и тут же обвенчал влюбленных, чем поставил крест на военной карьере Штейнгеля окончательно¹. Но Кашкину нужны были свои люди на местах, и барон с женой и первенцем на руках был направлен в городок Обва, который сейчас уже не найти на современных картах. Сменивший Кашкина на должности пермского наместника, Иван Варфоломеевич Ламб оценил заслуги Штейнгеля и, приняв новую должность губернатора во вновь открываемом Иркутском наместничестве, забрал интернациональное семейство Штейнгелей с собой, предложив Иоганну-Готфриду чин коллежского асессора и должность в Иркутске. В составе Иркутского наместничества открывалась также Охотская область и Нижнекамчатский округ. Ламб, же-

¹ Согласно воинскому Уставу того времени находящимся на военной службе молодым людям запрещалось жениться до достижения 25-летнего возраста.

дая иметь объективные сведения об этих отдаленных местах и честного исполнителя своей воли, предложил Штейнгелю должность капитан-исправника¹ Нижнекамчатского округа. Несмотря на то, что на руках Иоганна-Готфрида, которого Ламб «перекрестил» в Ивана, был грудной ребенок, тот принял должность и отбыл в Нижнекамчатск.

Володя Штейнгель со смехом рассказывал, как его, годовалого, везли в тунтае — берестяном коробе, укутанного в оленьи и медвежьи шкуры. Но тогда родителям на дороге протяженностью более тысячи верст вряд ли было смешно. Вдруг Владимир Штейнгель прервал свой рассказ — окончание этой истории было не столь радостным. Он не поведал о том, что борьба его отца с самоуправством камчатских дворян и духовенством продолжалась недолго, пока чиновничье и мелкокупеческое отребье не написало донос. Володя не стал вспоминать ссылку на маленький Курильский остров, первую самую страшную зиму в землянке, суд над отцом, который затеял новый правитель Камчатки, Козлов-Угренин, изнасиловавший половину женского населения Восточной Сибири, спевшийся с подонком Лассепсом (тем самым французом, которого высадил путешественник Лаперуз на Камчатке). Не помянул он и начальника Нижнекамчатска Хабарова, который выгнал среди зимы семью из казенного дома просто в чистое поле, и великого морехода Биллингса, который на глазах больного беспомощного отца грязно приставал к его жене... Кто-то из них был предан суду, кто-то — как Лассепс и Биллингс — воротились в славу и богатстве, а Штейнгель-отец, пронеся до последних дней с честью тяжкий крест своего правдолюбия, от греха подальше отправил Владимира в Морской кадетский корпус.

Не знал тогда Владимир Иванович Штейнгель, что новый управляющий Камчаткой Кошелев возьмется за воров еще

¹ Капитан-исправник — судебная и полицейская должность Российской империи 1775—1917 гг. Отвечал за порядок в уезде, сбор налогов с крестьян, проводил предварительное следствие и осуществлял дворянскую опеку. Таким образом, под его юрисдикцию подпали одновременно крестьяне и дворяне.

хлеще его батюшки. Не знал и того, что, посчитав власть губернатора слишком жесткой, он, Штейнгель, будет участвовать в заговоре против Кошелева. Однако не будем забегать вперед...

На следующий день мичман Штейнгель, приняв под свое командование бот «Святой Иоанн Богослов», с командором Кошелевым на борту отправился на Камчатку. Капитан возвращался на родину, которая была так зла к его родителям, а пассажир в чине генерал-майора плыл на новую, необъявленную и невидимую, войну — вечную войну честного русского человека с чиновничьей вороватой шелухой.

Когда парус скрылся за горизонтом, нетерпеливые Хвостов и Давыдов отправились к Полевому с просьбой показать им судно. Полевой охотно отвел их на Охотскую верфь, но то, что предстало перед глазами морских офицеров, яркой эмоцией отчаянья было излито на бумаге Давыдовым: «Судно „Елизавета“, на коем должно было нам отправиться в Америку, вооружалось; но столь дурно, что надлежало все переделывать. Работа не могла быть успешна, ибо экипаж состоял из одного только хорошего боцмана Семчина, а прочие все были промышленные; то есть люди, нанятые ныне в разных местах Сибири для отправления в Америку, и которые не видали еще моря. К сему должно прибавить, что судно построено из лесу, зимою срубленного, весь такелаж отменно худ, блоки и другие механические пособия, казалось, сделаны были не для облегчения, но для затруднения работ. Я истинно не мог себе представить, что бы в нынешнем состоянии мореплавания, могли где либо существовать столь худые суда, как в Охотске».

— На днях судно спустят на воду, — как бы извиняясь, завел речь Полевой. — За две-три навигации дойдете до берегов Америки...

— Это если повезет! — перебил его раздраженный Хвостов.

Не поняв, чем именно вызвано недовольство лейтенанта, Полевой подтвердил:

— Да, бывали случаи и по четыре зимы зимовали на Алеутах... Но мне сказывали, что вы — хорошие офицеры. Вот и в рекомендательных письмах тоже. Награды имеете. Надеюсь,

все-таки вы в две навигации доберетесь. Мне спешно нужно груз в Америку доставить. Ведь я купец, и моя прибыль целиком зависит от вашей расторопности.

— Милостивый Алексей Евсеевич, — процедил сквозь зубы Коля Хвостов, — я не для того нанимался в Компанию, чтобы по островам мерзнуть. Мне дороги до Охотска хватило! Мы дойдем до Баранова за одну навигацию! Даже если при этом придется льды из пушек расстреливать!

— Мне нравится ваша горячность, лейтенант. Но вы же судно погубить можете.

— Вопрос о том, что я себя при этом могу погубить, у вас, господин Полевой, не возник. Однако мне, моряку, ваши рассуждения о барышах ни к чему. Не за деньги, а за гордость и честь свою мы с мичманом совершим рейс за одну навигацию и будем зимовать в избе у Баранова, а не на островах. Надеюсь, у правителя есть изба?

— Наверное, есть... Я не был в тех краях... Я же простой промышленник...

— Если это... — Хвостов замешкался, подбирая слово, которое могло бы соответствовать словому кораблику, — так сказать, судно не потонет, будем до первых льдов на Кадьяке.

После резкого разговора Хвостова с Полевым последний, на удивление, остался добр к морякам, смеялся и всячески их подбадривал. А когда рассерженный Хвостов хотел переночевать на новом судне, Полевой уговорил лейтенанта продолжать жить и столоваться у начальника порта. Портить и без того сложные отношения с Башуцким Полевому было никак нельзя. И все же ужинать офицеры отправились в трактир.

В эту ночь Давыдов узнал, что избыток вина творит с его другом. Коля то впадал в опасную хандру, то требовал немедленно отправляться на корабль и сниматься с якоря. Когда, немало успокоившись, Хвостов устал от собственных выходок, он начал философствовать:

— Вот как проводим мы наше время или, лучше сказать, убиваем. Я, правда, каждый день в мыслях, собираюсь учиться по-английски... — раздосадованно произнес Николай, выпивая очередной стакан пунша.

Затем, глядя на дневник Давыдова, сменил тему:

— А ведь ты, Гаврила, ты дитя еще, но брат мой, ты прав! Пиши, пиши, как это делал я в твои годы. И не только за тем, чтобы славу по записям своим соизмерять! Нет... Письмо тренирует память и реакцию. По написанному сам о своих поступках с годами судить начинаешь. Может, что нехорошее и хотел бы из памяти стереть, а чернила не дадут этого сделать. Каждый раз, заглядывая в свои дневники, будешь проверять себя на человечность! Это важно — оставаться всегда и во всем человеком. Я по молодости матросов порол линьками за то, что паруса слабо крепили. Прочел и вспомнил, а вспомнив — пожалел! Но это первое чувство — людей жалко, матросиков, на их плечах тяжесть плаваний и боев. А перевернул страницу — там мой «Ретвизан» на мели, а почему? Паруса ветром посрывало! Выходит, наука линьками верной была? Выходит-то выходит, но матросиков все равно жалко!

В кабачок вошла хозяйка и, сбросив с плеч шубу, поинтересовалась, все ли устраивает господ морских офицеров. Получив утвердительный ответ, она растворилась в темени помещения. Это стало поводом для очередной смены темы разговора. Неумный Хвостов вспомнил свою Анечку Волкову. Лицо его переменилось, и глядя на огарок свечи, он вкрадчивым тоном спросил Давыдова:

— Скажи, друг мой Гаврила, а была ли у тебя женщина?

Мичман смущенно отвел взгляд и, как это бывает у всех юношей, замешкался с ответом. Сказать правду, что не было, так Хвостов за мужчину держать перестанет, а может, и того хуже — насмехаться начнет. Соврать, что была — прицепится как клещ, мол, расскажи. А что рассказывать — не искушенный женской лаской Давыдов не знал.

— Ясно! — сделал какой-то только ему самому понятный вывод Коля Хвостов. — В самых величайших опасностях просьбы и слезы прекрасных женщин в состоянии сделать в сердце самого жестокого человека и нечувствительного мужчины такие перемены, что он готов будет забыть окружающие его опасности... Я сам могу служить примером тому: питая нежнейшие чувства души к милому творению, я забывал не-

счастья и гибель, к нам приближающиеся. О, женщины! Чего вы ни в состоянии сделать над нами, бедными!

Этой мыслью заснувшего за столом Хвостова и закончился вечер.

Наконец судно было готово. По заведенному обычаю, местный священник совершил на нем молебен, после чего Полевой как представитель Компании, которой принадлежал корабль, дал прощальный завтрак. Такого знатного пира полуголодный Охотск давненько не видывал! На нем присутствовали все: чиновники Российско-Американской компании, священники, почтальон, промышленники. Но кроме Хвостова и Давыдова, за столом не было никого, кто бы имел хоть малейшее отношение к новорожденному судну. Башуцкий, конфликтовавший с приказчиками Российско-Американской компании, на судно не явился, хотя как начальник порта обязан был это сделать.

Хвостов, приняв командование «Святой Елизаветой», первым делом позвал лоцмана и ознакомился с особенностями выхода судна из устья реки Охоты, на котором находилась верфь. Лоцман сообщил, что реки Охота и Кухтуй, впадая в море, образуют единое устье, глубина которого не более полутора метров, поэтому навигация в устье рек возможна только с приливом.

— Когда вода дрогнет, — начал свои объяснения лоцман, — надо дожидаться наполнения устья рек.

— Это не проблема! — ответил Хвостов. — Будем ждать!

— Долго ждать придется, барин, — расстроил его лоцман. — Как бы не было свежего ветру с моря, что всегда производит на отмелях великое и крутое волнение, делающее выход в море совершенно невозможным. Многие суда разбились от того, что почитали ни во что свою опасность, и между прочими судно, называемое «Доброе намерение», построенное для экспедиции капитана Биллингса.

Несмотря на пессимизм лоцмана Хвостов, уверовав в собственные силы, приказал выбрать якоря и подтянуться к устью Охоты. Но ветер с моря не дал возможности покинуть новую стоянку. К полуночи, так и не дождавшись нужного сочетания

ветра и прилива, лейтенант Хвостов решил верповать¹ судно, вывозя якорь в сторону моря. Но стремительный отлив опередил действия людей, и судно оказалось на мели, все более валясь на бок. Вспомнив свой опыт с «Ретвизаном», Хвостов приказал рубить окрестный лес и ставить под борт опоры, чтобы судно не опрокинулось окончательно. Со свежим утренним приливом судно удалось снять с мели, после чего начали ставить паруса. Давыдов как раз осматривал румпель и его крепление к баллеру² руля, как вдруг под его ногами послышался треск ломающихся тонких досок настила палубы, и Гаврила полетел в темноту трюма, больно ударившись головой. После этой неприятности мичман отправился отдохнуть в каюту, однако все равно был лишен покоя, на который так рассчитывал.

Не успев поднести ухо к подушке, Гаврила услышал громкие крики у себя над головой. С палубы донеслось: «Горим! Сейчас взорвется порох!» Выбравшись наружу, мичман увидел мечущихся по судну матросов. Большинство из них, сгавая через планширь, прыгало в воду, спасаясь бегством от неминуемого, как им казалось, взрыва. Хвостов, пытавшийся остановить панику, кого-то сбивал с ног и отдавал какие-то команды, кого-то обливал ведром воды, но его усилия по восстановлению дисциплины не радовали результатом. Паника прекратилась на корабле только тогда, когда на палубе, окутанной дымом, осталось три человека: Хвостов, Давыдов и боцман Семчин. Гаврила, спросонья не поняв, чем вызвана паника, спокойно спросил Николая:

— Что за беда приключилась? Откуда дым?

— Горим, Гаврилушка, горим! Вот-вот порох взорвется...

— Пойду-ка я гляну, — не дослушав друга, флегматично произнес Давыдов, после чего скрылся в трюме, нырнув в самую гущу дыма. Через минуту Гаврила появился с бочонком пороха и прокричал на берег:

— Эй, лентяи, берите гребные суда и идите сюда! Будем порох спасать!

¹ Верпование — буксировка судна с помощью завезенного на берег или мелководье верпа — малого якоря.

² Баллер — ось вращения руля, скрепленная с пером руля.

Люди, суевившиеся и что-то кричащие на берегу, вдруг разом смолкли, обескураженные спокойствием лихого мичмана. Потом один из матросов отчалил на ялик и начал грести в сторону судна. Спустя какое-то время работа по разгрузке корабля кипела. Свежая весь порох на берег, паниковавшие матросы все же заметили, что дым усилился. Было решено, что это пожар. Но теперь уж все, зная, что корабль не взорвется, наперегонки бросились к нему в надежде спасти вновь выстроенное судно. Вскоре выяснилась и причина появления дыма. Напившийся с вечера кок поставил варить щи, набив до отказа печку дровами, и уснул. Когда раскалившаяся от жара труба лопнула, дым из нее пошел в трюм. Ничего не понимающего повара выволокли на палубу и учинили допрос, но тот, как оказалось, проспал все событие и не понимал, чего от него хотят моряки и о каком дыме идет речь.

Решив более не тратить время, Хвостов попытался выйти в открытое море, используя прилив за приливом. Терпя раз за разом неудачу, офицеры отправились на байдаре к месту верпования корабля. Проблема оказалась проста: верп все время становился штоком вверх и не цеплял грунт. Якоря, как, впрочем, и все остальное на вверенном друзьям судне, были сделаны из рук вон плохо.

Во время следующего отлива Давыдов спустился в каюту и сделал очередную запись: «На судне «Елизавета» всего было 49 человек: лейтенант Хвостов начальник оного, я, штурман, подштурман, боцман, трое матросов, 34 промышленных, два алеута с Лисьих островов, один американец¹ с полуострова Аляксы, приказчик, помощник его и два наших человека. Работа на судне отправлялась чрезвычайно дурно, да и нельзя было ожидать иного, когда ни один из промышленных и матросов ничего не знал. Пополудни ветер стал свежее, развело довольно великое волнение, большая часть людей чувствовала тошноту и другие признаки морской болезни. К ночи сделался крепкий ветер со шквалами от NNO, поутру ветер стих. Вечером видел я одного из старых море-

¹ «Американцами» русские называли индейцев Аляски.

ходцев кампании. Он едва знал, что такое компас и карты, но ходил по морю, хотя медленно, однако довольно счастливо. Тут вспомнил я пословицу: «Счастье лучше богатства». Казенный галиот вышел из устья реки, но для нашего судна воды было мало».

Наконец, в четыре часа утра 30 августа 1803 года на «Елизавете» были поставлены паруса и попутный ветер позволил направить судно в открытое море. Спустя неделю взору наших друзей открылись Курильские острова.

— Ты что ж не кричал «земля»? — взъелся на марсового матроса Хвостов, когда «Елизавета» едва не напоролась на рифы вблизи одного из островов Курильской гряды.

— Нас прежде за это секли! — был ответ сверху.

Хвостов и Давыдов недоуменно переглянулись.

— А ну, давай вниз, мудрец! — скомандовал Николай.

Рассказ матроса прояснил причины столь странного его поведения. Он когда-то ходил на судах Российско-Американской компании с капитанами или мореходами, как их тогда называли, которые отвратительно ориентировались, и матросы ради шутки иногда кричали: «Земля!», чем вызывали вспышки гнева этих самых мореходов. После нескольких показательных порок матросы перестали подавать команду, даже когда земля была в непосредственной близости. А вскоре последовала и месть моряков. Ненавидевшие одного из таких капитанов матросы ночью избили его и заколотили в каюте, однако через три дня, окончательно заблудившись, вынуждены были выпустить узника. Естественно, новая волна репрессий с его стороны не заставила себя долго ждать. Рассказ о способностях местных капитанов был столь ярким, что Давыдов решил записать его полностью в том виде, как он был услышан от матроса: «Суда по сие время строились в Охотске самым худым образом, ибо делалось сие или одним из промышленных, не имеющим ни какого понятия о строении морских судов, или каким-нибудь корабельным учеником, тоже совершенно ничего не знающим. Построенное таким образом судно грузится и вооружается точно таковым порядком, то есть без всякого знания нужных для сего правил, потом надобно для управления

судна сыскать шкипера или морехода. Начальник Охотского порта дает за несколько сот рублей какого-нибудь нетрезвого и незнающего штурманского ученика, но обыкновеннее выбирали для сего одного из бывших несколько раз на островах, промышленных, которых называют «Староваяжными». Искусство сего морехода состоит в том, что он знает компас, затвердил курсы, коими должен идти от берега до другого, и по привычке помнить виды многих мест. Из Охотска пускается он вперед к Камчатскому полуострову, вдоль которого, если судно не разобьется на берегу, пробирается до первого Курильского пролива. Увидеть какое-нибудь приметное место называется «перехватить берег». От Курильских островов далее, стремятся перехватить какой-нибудь из Алеутских островов, идут вдоль гряды оных и стараются не терять из виду берегов, до Уналашки или Кадьяка, куда судно назначено. Идти вдоль Алеутских островов называется «пробираться по за огороду», ибо острова сии лежат столь близко одни от других до самой Америки, что, держась вдоль, нельзя почти потерять оных из виду».

Далее матрос рассказывал совершенно дикие для слуха морских офицеров истории о том, как мореходы по три месяца не могли отыскать острова, лежащие всего в ста шестидесяти милях от материка. Позже сентября никто вдоль Алеутских островов не шел, а зимовал где придется, питаясь до лета рыбой и битой птицей. Многие капитаны, полагаясь исключительно на волю Божию, выносили на палубу образа, и все управление судном сводилось к ежедневным слезным молитвам о помощи. Суда Алеутскую гряду могли проходить и за четыре года, а за одну навигацию еще ни одно судно не доходило до Кадьяка. Был даже случай, когда один такой горелка капитан проспал в каюте шторм, которым корабль выбросило на берег, причем столь благополучно, что после того, как ветер стих, редкая волна доходила до судна. Команда, разбудив начальника, сообщила ему, что судно на земле. Долго мореход пытался определить свое местоположение и все гадал, где же он: в Японии или Америке. И только случайно подошедший поутру солдат открыл глаза русским «аргонавтам» и сообщил,

что они находятся близ Большерецка¹, берега которого стали свидетелями невежества новоиспеченных Язонов.

Штурманы-недоучки командовали экипажами, сформированными из сухопутных казаков, как говорили в то время «за матрозов казаки». Их суеверный ужас перед морской стихией можно выразить поговорками: «Кто в море не ходил, тот Богу не маливался», «Собрался на войну — молись, собрался в море — молись вдвое». Впечатление о морском путешествии сугубо сухопутного человека сформулировал один из пассажиров судна, сбившегося с курса в Охотском море, кстати, весьма склонный к рифмоплетству:

Ничто так в свете, как море, не верно,
Непостоянно и лживо безмерно.
Что пред морскими земные напасти,
Зело пристрашны морские все страсти...

Командиры кораблей, отчитываясь о плавании, как правило, не использовали слова «плавали» или «ходили». В их лексиконе бытовало иное, ставшее обычным, словосочетание: «Упова на Господа, перебежали за способным ветром». Поэтому совершенно неудивительно то обстоятельство, что одной из важнейших судовых принадлежностей считался святой образ.

Между тем вошедшему в раж матросу-рассказчику явно доставляло удовольствие быть героем дня. Его слова можно было бы считать неправдоподобными, если бы из разговора со Штейнгелем Давыдов не знал, что ситуация еще более скверная. Матрос закончил потешный вечер повествованием о превратностях судьбы, придя к ортодоксальной русской истине: «Все в руках Божиих!» Финалом его баск стал рассказ о судне, команда которого, опасаясь гибели, поставила судно на два якоря и съехала на ближайший берег одного из Алеутских островов. Когда же ветер изменился, судно сорвало с якорей и унесло в море. И стала бы команда этого ко-

¹ Большерецк — острог на Камчатке, на реке Большой (Быстрой). Сейчас — село Усть-Большерецк.

рабля очередной жертвой собственной глупости, предпочла смерть на суше от голода риску плаванья по морю, если бы не рука провидения, умудряющая слепцов. Пять дней спустя покинувшая всякую надежду команда, проснувшись поутру, обнаружила свой корабль стоящим как ни в чем не бывало у берега. Да просто ветер вновь изменил свое направление! Вымерзшая и оголодавшая команда, не имея желания далее испытывать свою судьбу, погрузилась на корабль и успешно добралась до Охотска.

Хвостов с Давыдовым, наслушавшись подобных рассказов, только сейчас поняли причину особого внимания со стороны Полевого к их скромным персонам. Они были одни из немногих, кому можно было доверить корабль без опаски лишиться его.

Видя бедственное положение колоний и особенно досадные упущения в руководстве этими отдаленными пределами России, Российско-Американская компания, наняв профессиональных морских офицеров, приложила все усилия для того, чтобы хоть как-то изменить ситуацию.

Многое было впервые в России в 1803 году: Хвостов и Давыдов стали первыми офицерами, состоящими на службе у коммерческой компании, впервые Компания решила снабжать свои колонии морем, а не посуху через всю Сибирь, для чего и были организованы первая кругосветка и первое посольство России в Японию. Впервые суда Российско-Американской компании попали в умелые руки морских военных офицеров, которые замахнулись на немыслимое — доставить товары Компании за одну навигацию, причем сильно опаздывая со сроками отплытия (ведь плаванье началось осенью). Все было впервые!

Огибая окончность Камчатки, команда «Елизаветы» стала свидетелем миграции китов. Стая из полусотни морских гигантов, пуская многометровые водяные струи, прошла у борта судна, едва не опрокинув его. Камчатка предстала перед командой «Елизаветы» во всем своем суровом великолепии. Воображение капитана и его первого помощника и друга будоражили картины увиденного: верхушки гор были покрыты

снежными шапками, а сами вершины как бы разрезаны напополам кисеей облачного слоя. Дикий край манил своей суровой красотой. И всю эту картину дополняли стаи китов, плывущие между судном и берегом. Киты то и дело пускали свои фонтаны и шумно плескали хвостами.

Следующая ночь поразила не менее удивительным зрелищем. Начавшийся шторм накрывал судно светящимися волнами. Море буквально горело неестественным голубым светом. Вскоре Давыдов выяснил, в чем было дело...

Здесь стоит на минуту отвлечься от наших героев и вернуться к кругосветному плаванью «Надежды» и «Невы». Во всех справочных материалах, касающихся научной деятельности Крузенштерна, одной из его заслуг считается выяснение причин свечения моря. Изучение этого явления действительно стало большим достижением экспедиции. Но возникает вопрос: а при чем тут Крузенштерн? Надо отдать ему должное, он в своем отчете описал, как Тилезиус и Лангсдорф, во время штиля отдалившись на шлюпке от «Надежды», наблюдали это явление и изучали под микроскопом состав морской воды, сделав вывод о биологическом происхождении морского свечения. Причиной этого эффекта, согласно выводам ученых, являлась жизнедеятельность крошечных представителей морской фауны класса динофлагеллят — ночесветок¹. Тилезиус и Лангсдорф подробнейшим образом описали эффект биолюминесценции². Но почему-то эти заслуги не менее именитых ученых, чем Крузенштерн, приписали капитану «Надежды».

Однако самым интересным в этом открытии оказалось то, что безо всяких претензий на звание в большой науке причину биолюминесценции как-то просто и обыденно отразил в своих дневниках еще один русский мореплаватель — девятнадцатилетний мальчишка, мичман, вчерашний выпускник Морского кадетского корпуса Гаврила Давыдов. При чем сделал он это за год до «открытия причин свечения моря» научной экспе-

¹ Ночесветки — панцирные жгутиконосцы, достигающие величины 2—3 мм.

² Биолюминесценция — испускание света живыми организмами.

дицией Резанова—Крузенштерна. Вот эта запись: «Поутру 5 1/2 градусов теплоты по Реомюрову термометру, который один только был с нами и служил всегда к узанию теплоты и стужи. Безветрие и туман продолжались до полудня, а тогда вдруг сделался крепкий ветер от востока. Ночь была претемная, с валами на палубу выбрасывало множество светящихся насекомых, от которых и все море казалось покрыто огненными искрами». Научные открытия сами падали к ногам наших бесстрашных морских офицеров, но более насущные проблемы в плавании не всегда позволяли оценить важность увиденного.

Боковой ветер на следующую ночь отнес судно на восемьдесят морских миль, что в очередной раз стало причиной некорректных высказываний Хвостова в адрес кораблестроителей, команды, мореходных качеств судна и проклятий в адрес каждой его части от киля до клотика, отсутствию остойчивости и постоянной боковой качке. Апофеозом словесных излияний Хвостова стало пожелание всем строителям «Елизаветы», чтобы им, как и сварганенному ими судну, с наветренной стороны беспрестанно поддавало, а подветренную они также черпали воду, как их корабль. Видимо, в подтверждение правоты Хвостова, чтобы окончательно заверить его в правильности суждений, на судне в очередной раз вспыхнул пожар. Его причиной, как и в Охотске, стала корабельная печь на камбузе. Пока тушили пожар, выгорела половина бимса¹ и часть палубы над ним. Через час пожар занялся с новой силой, и взбешенный Хвостов пошел на беспрецедентные меры. Взяв в руки багор, он попросту развалил эту печь, избавив команду до конца плавания от двух вещей: вероятности сжечь корабль и... возможности приготовления горячей пищи. Такая вроде бы мелочь, как неправильно сложенная печь, могла не просто нанести увечье кораблю и людям, но и полностью сорвать задуманное. Только через год, вернувшись в Охотск, морские офицеры выяснили истинную причину возникновения столь частых пожаров на судне. Сидор Андреевич Шелихов, скупой

¹ Бимс — поперечный брус, на который крепится палуба.

родственник покорителя Аляски, тогдашний правитель Охотской компанейской конторы, по всем известной привычке коптить деньги всеми возможными и невозможными способами не доплатил один рубль семьдесят копеек печнику, за что тот с досады пообещал выложить на судне такую печь, на которой больше одного раза еды не приготовишь. Печник сдержал слово и своей глупой мстостью едва не погубил ни в чем неповинных моряков «Елизаветы».

Казалось, все было против отчаянной команды «Елизаветы». Миновав Курильскую гряду, капитан Хвостов сообщил, что обратного пути у судна нет, и только американские берега умирят его горячий пыл. На Курильских островах Давыдову и Хвостову наконец-то представился случай познакомиться с коренными жителями.

Один из туземцев на байдарке приблизился к судну и вошел на борт «Елизаветы». Он попросил продать порох, пули и табак, предлагая рассчитаться русскими ассигнациями на десять рублей.

— Милейший, — обратился к нему подбредший Хвостов, — мы ничего не продаем! Но подарить можем!

Сказав это, капитан «Елизаветы» распорядился выдать курильцу полсотни пуль, наполнить пороховницу, сделанную из козьего рога, и в порыве чувств подарил свой собственный кисет. Курилец в долгу не остался и обмотал шею Коли Хвостова шикарной шкуркой лисы-чернобулки.

— А откуда у вас русские деньги? И зачем они вам? — не переставал удивляться Хвостов.

— Русские меняют нам деньги на шкуры. Потом на них мы покупаем водку, — простодушно ответил курилец.

— Водки сюда! — услышав это, скомандовал Хвостов.

Через минуту Коля с безымянным курильцем пил за здоровье императора, за великие открытия, а после — за любовь к Родине, за благополучное путешествие, за великих мореплавателей с Курильских островов. Напоследок Хвостов распорядился налить островитянину водки столько, сколько тот унесет, но подходящей тары не нашлось. И тогда смекалистый житель Курил выволок из байдары бурдюк с тюленьим жи-

ром, тут же вывалил его содержимое на палубу, обняв хохочущего Хвостова и любопытного Давыдова и, вывернув бурдюк наизнанку, протянул его Николаю. Хвостову пришлось сдержать слово.

Много дней спустя, вспоминая этот случай, развеселивший команду, Давыдов и Хвостов ужинали в своей тесной каютке, единственной на корабле, когда на палубе раздалась команда «земля». Выскочив на палубу, Хвостов распорядился встать на оба якоря до рассвета. К утру, когда туман рассеялся, офицеры сделали вывод, что их сильно сносит на юг, и, взяв по рифу у марселей, с крепким попутным ветром направились к группе далеких островов в Алеутской гряде. Островов, которые со временем будут обозначены на картах именами наших героев — Давыдова и Хвостова. Благодарные современники отважных моряков, в отличие от их потомков, хорошо знали, как двое юношей перекроили геополитическую карту северной части Тихого океана. И монументами им, морякам, не имеющим могил, возвышаются в гряде Алеутского архипелага две небольшие скалы, откликаясь простым, но вечным напоминанием о былом величии и славе России на этих диких безлюдных землях.

Обойдя эти острова, «Елизавета» встала на якорь у берегов острова Танага, который представлял собой вулкан, по словам Давыдова, «повыше Тенерифского». Проведя на единственном острове, покрытом растительностью, целый день, моряки попытались достичь вершины вулкана, но не успев к вечеру вернуться на судно, решили переночевать прямо на пляже у большого костра.

Завершив изучение этого острова и запасшись пресной водой, офицеры провели наступившую ночь, накрывшись байдаркой, у подножья дымящегося исполина. Давыдову снился подъем по низкорослому кустарнику в сторону вулкана, вершины которого он хотел достичь, но засветло не успевал. Хвостову снился далекий Кадьяк, к которому с каждым днем он своей настойчивостью и злым упрямством приближал судно. Отсюда, с Танаги, было гораздо ближе к американскому континенту, чем к азиатскому. Это наполняло сердце капитана

«Елизаветы» надеждой на скорое и обязательно успешное завершение плавания.

Утром разбуженные пушечным выстрелом офицеры и часть команды, ночевавшие на берегу, спешно погрузились в байдары и отбыли на корабль, прощаясь с единственным островом Алеутского архипелага, по-домашнему уютным, покрытым зеленью и оживленным вулканической деятельностью.

Наступил октябрь. Задули ледяные северные ветра. Давыдов все свое время, свободное от вахт, посвящал наблюдениям, которые тщательно записывал в дневник: «Взглянув на Алеутские острова, из коих каждый составляет громаду гор по большей части остроконечных, очевидным образом подтверждается вероятность, что сия сторона света была подвержена величайшим потрясениям и переменам, и что Алеутские острова суть продолжение гор северо-западной Америки, идущих через полуостров Аляксу, и оставшихся после поглощения всех земель, лежавших между ими и Беринговым проливом. Следующие причины побуждают меня так думать: 1-е, от Уналашки до Берингова пролива везде достают глубину моря и нигде, кажется, нет более 65 или 70 сажень, 2-е, на Котовых островах при открытии оных не было никаких растений, ниже травы, которая после стала вырастать помалу: знак, что сия земля есть новая, конечно, появившаяся со дна моря. 3-е, берег Америки, особливо между Бристольским заливом и мысом Аляскою находящийся, весь мелководен; почему можно заключать, что некогда тут земля была, 4-е, множество погасших огнедышащих гор, и появление даже и ныне островов, выходящих со дна моря, ясно показывает, что и теперь еще страна сия подвержена сильному действию подземного огня, а прежде, может быть, и несравненно более. 5-е, сходство языков и обычаев между алеут и гренландцев удостоверяет, что народы сии происходят от одного племени и, может быть, имели некогда между собою сообщение. 6-е, находимая медь кусками на медном острове ясно показывает действие подземного огня в тех местах. Сверх сих может быть если еще и другие не известные мне причины».

По-моему, это умозаключения, достойные великого исследователя. В них есть все: и поиск, и рассуждения, и выводы, и систематизация информации, и даже собственные теории, которые спустя двести лет будут считаться классическими. Для девятнадцатилетнего юноши не слишком ли много? Да нет, пожалуй. На двадцатом году своей жизни Гаврила Давыдов напишет словарь алеутского языка. В двадцать один закрепит за Россией южную часть Курильской гряды. В двадцать два в боях на Балтике будет представлен к золотому георгиевскому оружию. В двадцать три — напишет книгу... Будучи способным на многое, Гаврила Давыдов не возгордится и не потеряет тех добрых качеств, коими его наградила Господь: милосердием и безграничной любовью ко всему живому. Среди опасностей и постоянной борьбы за собственное выживание мичман умел быть внимательным к любым проявлениям окружающей его жизни. После очередного шторма, измученный вахтой, он оставит такую запись: «Около судна летало несколько маленьких птичек, кои не могут далеко от земли отлучаться, и, конечно, занесены были ветром. Одна из них от усталости села на палубу, легко далась в руки, и хотя ее тот же час отнесли в каюту и насыпали крупы, но она скоро умерла».

К сожалению, этот пылкий и добродушный юноша будет забыт отечественной историей. Зато практически каждый японец сегодня знает фамилии Давыдова и Хвостова. История выхода Страны восходящего солнца из темницы собственного изоляционизма будет начинаться проклятием в адрес двух дерзких русских офицеров — капитанов двух суденышек, осмелившихся бросить вызов гордой родине самураев.

Но это будет позже, а пока же судно «Елизавета», миновав остров Уналашку — еще до недавнего времени главную промышленную базу новых русских колоний — и остров Унилой, попала в сильнейшее течение. Позже, наблюдая за приливно-отливным циклом северной части Тихого океана в районе Алеутских островов, молодые офицеры узнали о том, что в проливах между островами часто возникает сулой — явление, когда два потока воды, идущие с разных направлений, встречаются друг с другом. Море бурлит, как во время кипения, и создает

достаточно сильные водовороты и волны, способные опрокинуть небольшие суда. Русские офицеры быстро подчинили своей воле энергию этого пока еще нового и загадочного для них явления, убрали паруса и, используя приливную волну, направили судно в обход очередного острова Унимака. Быстро рассеявшийся утренний туман открыл взору юных искателей приключений берега заветной Аляски.

Ближе к полудню матрос с марса закричал, что слева по борту видит судно. Хвостов, сменив вахтенного матроса у румпеля, решил идти на сближение с кораблем — первым островком жизни, встретившимся на пути. Положив «Елизавету» в бейдевинд левым галсом, при сильном северном ветре Николай направил свое судно к силуэту, чернеющему на фоне моря. Однако, подойдя ближе, русские моряки увидели вместо мнимого судна каменный столб, выпирающий из воды. Подобных скальных выходов в Алеутской гряде было достаточно, но поскольку эта скала не была нанесена на карты и ранее никем не была описана, Хвостов с Давыдовым решили исправить эту ошибку. Нанеся на имеющиеся лоции новую пометку, офицеры приказали разворачивать судно и, держась берегов, двигаться на восток к столь долгожданному острову Кадьяку. Ночь прошла спокойно. Спустившиеся в трюм усталые матросы даже не подозревали, что это была их последняя спокойная вахта.

К утру ветер начал крепчать, причем настолько, что Гаврила Давыдов, заступивший на вахту, приказал брать на марселях вторые рифы. Борьба со стихией продолжалась весь день. К ночи, когда ветер превратился в настоящую бурю, на судне из парусов были поставлены только бизань и зарифленный до уровня эзельгофта¹ грот-марсель. Волнение усилилось. Мощные удары воды о слабую еловую обшивку судна привели к тому, что в трюмах открылась течь. Ни о каких вахтах уже не могло быть и речи. Работали все — от кока до самого капитана, причем Хвостов своим мужеством и презрением к опасности являл пример остальным. Давыдов в душе завидовал

¹ Эзельгофт — деталь крепления добавочных рангоутных деревьев к основному (стеньги к мачте, брам-стеньги к стеньге).

бесстрашию друга и удивлялся его выдержке и спокойствию при управлении кораблем. Несмотря на тот ужас, что творился за бортом, на палубе наблюдалась слаженность работы матросов и ясность понимания стоящих задач. Ни о какой панике не могло быть и речи. Все были заняты единственным делом — спасением судна. Обе помпы, размещенные на палубе, работали непрерывно, немного помогая тем, кто в трюме конопатил щели. Можно себе только представить, какие чувства овладевали людьми, не привыкшими к работе на судах в тяжелых условиях, ведь большая часть команды состояла из промышленников, отправившихся на далекий американский континент искать свое русское счастье. Страх не привыкших к морским опасностям людей вынуждал их, не щадя сил, усердно и тяжело работать.

Сильная течь открылась на камбузе и с правой стороны около грот-люка. Осмотрев пояса обшивки изнутри, Давыдов заметил, что причиной течи были не столько удары стихии, сколько безответственное отношение охотских корабелов к своему детищу. Конопатка была положена неаккуратно или вовсе отсутствовала, борт представлял собой натуральный дуршлаг: отверстия, намеченные для швартовки груза, были проделаны, но крепежные гаки и рымы отсутствовали. Вместо пропущенных болтов и нагелей зияли дыры, из которых сочилась вода. Незакрепленный груз начал сдвигаться на корму, и носовой балласт сместился на подветренную сторону, отчего судно получило такой крен, что ноки грот-реи едва не цеплялись за волны. Тут-то Гаврила и пожалел, что из-за краткости пребывания в Охотске не проследил за укладкой и размещением груза в трюме. Люди работали, как проклятые, и к вечеру частично удалось исправить положение: к полуночи вода в трюме начала уменьшаться.

Рассвет не принес утешительных вестей — шторм бушевал с прежней яростью. Качка была такая, что стоять на судне, не держась за что-либо, было невозможно. Единственным спокойным, сохранившим самообладание человеком на палубе оставался капитан судна Николай Хвостов. Шли уже вторые сутки, как лейтенант не спал. Он был в ответе за жизни тех

людей, что доверили себя его власти и морской стихии, и всю меру ответственности он сознавал до конца. Поэтому уже двенадцать часов кряду он, держась за румпель, собственноручно управлял кораблем. Но людские возможности не безграничны. К полудню измученные и промокшие спутники наших героев начали валиться без сил прямо на палубу. Дольше всех, беря пример с капитана, мужественно держался боцман Семчин, но вскоре и его покинули силы. Хвостов приказал Давыдову организовать работы на судне вахтенным методом, для чего самые ослабленные матросы и промышленники были отправлены в трюм, где они, прижавшись друг к другу, тут же засыпали. Давыдов, сознавая, что промокшие до нитки люди в таком состоянии очень быстро заболеют, начал раздевать их догола прямо спящих, растирать водкой и укутывать в запасные паруса. Эта, казалось бы, не самая важная в столь трудный момент работа Гаврилы на самом деле спасла команду от переохлаждения, а может даже — и смерти.

В Северное полушарие Земли мерной поступью шла зима. Ледяные ветры подрывали сознание матросов, выдувая последнее тепло из-под скудных моряцких одежд. Даже Давыдов, вспоминая слова коменданта Охотского порта, начал жалеть, что не послушал его и ввязался с Хвостовым в эту авантюру. Вот уже который день судно шло только под фоком, грот-марселем и триселем, сопровождаемое туманами с моросью. В один из таких дней лопнул талреп¹ гротовой ванты, и просвистевший мимо Давыдова юферс² едва не убил мичмана. Гаврила вспомнил слова преподавателей Морского кадетского корпуса, которые вдалбливали им, неразумным отрокам, что гибель судна начинается именно так — с обрыва одной из вант. Затем другие ванты, не выдерживая нагрузок, лопаются. Мачты под собственным весом падают за борт корабля, креня и обездвигивая уже неуправляемое и обреченное на гибель

¹ Талреп — устройство для стягивания и выбирания слабины такелажа. В то время использовали тросовые талрепы (из т.н. растительного троса — веревок), которые соединяли между собой юферсы.

² Юферс — блок, предназначенный для удержания вант с помощью талрепа.

судно. И если практика спасения судна во внутренних морях России — Черном и Балтийском — диктовала необходимость избавления от рангоута методом обрубления наветренного такелажа, то в океанах подобный прием грозил неминуемой гибелью кораблю и команде.

Корабль нужно было срочно спасать, и Давыдов под пристальным холодным взглядом Хвостова шагнул за борт на руслень¹, удерживая за обрывки талрепа ванту. Боцман Семчин, подоспевший к мичману, помог прикрепить стропами выломанный из оковки юферс и закрепить новый талреп. Вода в трюме продолжала прибывать, но уже не теми темпами, чтобы подвергнуть судно опасности быть затопленным.

К ночи ветер начал стихать, и наконец заштилоло. Осматривая судно после столь существенного для него испытания, Хвостов заметил, что, кроме поломанных байдар и разбитого гальюна, особых повреждений нет. Приказав устранить повреждения (Хвостов уже не мог отдавать команды, так как окончательно охрип), Давыдов в очередной раз поблагодарил Бога и судьбу, что послали ему в спутники такого отважного и самоотверженного друга. Глаза Николая слипались после почти двухдневной непрерывной вахты у румпеля. Он еле держался на ногах, но тем не менее находил силы подбадривать своих матросов. Не только Гаврилу, но уже и всю команду удивляла стойкость их капитана. Наконец Давыдов уговорил друга отправиться спать. Когда Николай спустился в трюм, оттуда раздался гомерический хохот. Давыдов подоспел к Николаю и застал друга, смеющегося над увиденным в трюме. Матросы, оценившие находчивость Давыдова, теперь уже сами раздевались и закутывались в паруса, отчего спящая вахта походила на заросших и небритых запеленатых младенцев.

Невзирая на штормы и бури, к которым, впрочем, команда «Елизаветы» успела привыкнуть, офицеры выкраивали время для чтения книг, одной из любимых было описание плавания Баренца по Северному Ледовитому океану. Бедствия, выпав-

¹ Руслень — площадка по наружным бортам парусного судна, расположенная на уровне верхней палубы против мачт. Служит для развоза вант.

шие на долю этого мореплавателя, заставляли на какое-то мгновение позабыть собственное опасное положение и приободряли Николая и Гаврилу в трудные минуты сознанием того, что их путешествие — еще не самое опасное.

Пошел первый снег, не добавивший радости и бодрости духа. «Какая все-таки разница между этим холодным аляскинским снегом и ожиданием первого снега в детстве, когда в тепле усадьбы, наполненной запахами воска и книг, маленькие дети смотрят в окно и считают каждую снежинку, удивляясь, что снег так быстро тает, не в силах покрыть еще не остывшую землю», — такие мысли переполняли мичмана Давыдова, когда он, выйдя на палубу, увидел ее, заваленную десятисантиметровым пушистым холодным покрывалом. Судно, управляемое твердой рукой Хвостова, чья решимость, казалось, вселилась во всю команду, на всех парусах спешило к Кадыяку, которому были посвящены думы всех людей, затерянных где-то на севере Тихого океана на маленьком осколке цивилизации — брига «Елизавета». Кратковременные снежные шквалы стали обычным явлением. Вскоре борта корабля покрылись ледовой коркой, побелели мачты и реи, обрастая снегом. Но неугомонный Хвостов все требовал от команды сбивать лед с палубы и фальшбортов, тем самым достигая нескольких целей: люди работали и не мерзли, передвижение по палубе становилось безопасным, за работой пропадало ощущение тяжести времени, судно не тяжело и не лишалось управляемости. И самое главное: судно, освобожденное ото льда, становилось более устойчиво и лишалось склонности к опрокидыванию.

Для обеспечения лучшего осушения трюма соорудили третью помпу. И без того сложную ситуацию усугублял еще тот факт, что сухарей осталось не более пятнадцати пудов и пресной воды — бочек десять. О горячей пище забыли уже давно, и ближайшей перспективой маячила угроза голода. Вскоре слово «Кадыак» стало самым употребляемым на корабле. А Гаврила Давыдов внес очередную запись в свой дневник: «Да не подивится читатель, что я говорю о Кадыяке, как будто о прекраснейшем месте, в котором ожидают нас тысячи удовольствий. Неприятность в холодное осеннее время быть на

море и беспрестанно бороться с ветрами и волнами так напоследок наскутит, что самый пустой и дикий остров казаться будет райским жилищем».

Когда наконец погода прояснилась, Хвостов сделал измерения. Тут выяснилось, что судно сильно отклонилось к юго-востоку, поэтому, сменив галс, Николай направил его к заветной цели, которая, по его расчетам, была в непосредственной близости.

Через несколько дней мореплаватели выбрались из очередного сильнейшего шторма, да такого, что волны накрывали судно, оставляя на поверхности лишь ютовую и баковую надстройки. В два часа ночи офицеры услышали шум на палубе. Кто-то с неистовством обреченного, в душе которого блеснула надежда на скорое окончание плавания, голосил: «Земля!» Это действительно оказался берег столь долгожданного острова Кадыак.

Давыдов не упустил возможности описать картины прибытия судна «Елизавета» в главный порт русской колонии, основанной Российско-Американской компанией на далеких берегах Нового Света: «В 2 часа ночи усмотрели землю в левой стороне и пошли к оной, приведя в бейдевинд левым галсом. Когда рассвело, увидели юго-восточный берег Кадыака, покрытый сплошь снегом. Восходящее солнце, позлащая верхи гор, представляло отменное зрелище. День был теплый, в 9 часу заштило, а после полудня задул довольно свежий ветер от SSO с дождем и пасмурностью, совершенно закрывающею берег. Пройдя остров Угак, остались на ночь лавировать под малыми парусами, потому что для входа в Чиньяцкую губу, где находится гавань Святого Павла и главное заведение компании, оставалось только обогнуть Чиньяцкий мыс.

Мы не имели никакой карты сей гавани. Даже никто не мог рассказать нам о приметах, по которым могли бы мы отыскать оную, почему решились обозреть всю Чиньяцкую губу, начиная с южного ее берега. В 8 часов утра, при восточном ветре с небольшим туманом, спустились на SW, и пройдя Чиньяцкий мыс стали держать вдоль берега губы того же имени, делая по временам пушечные выстрелы. В Чиньяцкой губе три залива.

Мы опасались войти в южный, видя при устье одного множество надводных камней. В 10 часов показалось, что гребет к судну байдара, но по рассмотрении узнали, что то камень, находящийся в середине губы. В полуверсте от одного к Ю находится другой — подводный. В 12 часов вошли в небольшую бухту, открытую несколько с северной стороны, и положили якорь на глубине 12 сажень, грунт камень с ракушкою.

После полудня приехали к нам два американца в двулючной (то есть с двух люках) байдаре. Одежда их состояла в суконных брюках, фуфайках и в камлейках¹, сшитых из кишок водоземных животных: оба были босые. У одного в ушах висел бисер с шелковыми кисточками. Шляпы на обоих сплетены из травы или кореньев, весьма искусно и красиво. Вошедши на судно, они подняли за собой байдарку, пили водку, ели сухари и все что им давали. Знали несколько по-русски и сказывали, что живут на одном из островов недалеко от гавани. Американцы сии остались у нас ночевать.

Берег за кормою находился не далее двух миль. Там березовый лес и ручей в виде водопада. Подветренный берег усеян подводными камнями, открывающимися во время отлива. Вид сего места летом должен быть красив, но теперь выпавший на горах снег и обнаженные от листьев деревья, представляли весьма печальное зрелище.

Ветер дул весьма крепкий с дождем и порывами, и невзирая на то, что мы от одного прикрыты были берегом, в пять часов стало нас дрейфовать, для чего положили большой якорь и спустили брам-стенги и нижние реи. Судно остановилось на глубине 9 сажень, имея в одной миле за кормою каменную мель.

Погода была в том же состоянии. После полудня от силы волнения изломало пал у брашпиля.

В 10 часов утра пришли к судну две трилючные байдарки, и в одной из оных был промышленный Слободчиков, посланный Барановым в тот еще день, как увидели судно наше

¹ Камлейка — куртка с капюшоном, распространена среди жителей Камчатки и северной части Тихого океана, шилась из оленьих или тюленевых шкур, из кишок нерпы.

входящее в губу, но не могший до сего времени приехать к нам по причине крепкого ветра. В первом часу пополудни в трилючной байдарке привезли от Баранова пирог с рыбою и гуся, которому подарку мы очень были рады.

Ночью подорвало один канат, но после того ветер начал стихать. В 7 часов утра снялись мы с якоря и помощью трех пришедших из гавани байдарок, вышли буксиром из бухты. Приблизившись к лесному островку, оставили оный вправо, держась близ берега его, ибо от островка, в левой руке находящегося, идет гряда камней, которых вообще много в сей части губы Чиньяцкой. Не видав столь долго никакого приятного берега, я очень любовался лесным островком. По средине одного лежит небольшая долина, окруженная словыми рощами, которых всегдашняя зелень придавала веселый вид сей части острова. С одного приплыло к нам множество двулючных и трилючных байдарок, даже с женщинами и детьми; дикари сии смотрели на судно и на все с любопытством и провожали нас до самого якорного места. Когда прошли мы мимо на вид российского селения, то оттуда из разных мест и весьма беспорядочно выпалили 6 или 7 раз, на что и мы отвечали из трехфунтового единого рога, нарочно на сей случай привязанного к борту веревкою — взаимное поздравление, достойное той отдаленности, в которой оное происходило.

Вход в так называемую Новую гавань, или Святого Павла, находится между берегом Кадьяка и небольшим островком, не шире пятидесяти сажень. Глубина же тут и далее от 7 до 9 сажень. На мысу при входе есть нечто похожее на укрепление. В 3 часу пополудни положили якорь на глубине 7 сажень и закрепились с кормы за берег швартами. Погода, с давнего времени пасмурная, сделалась ясная и очень теплая».

7 ноября 1803 года долгожданная цель была достигнута. «Елизавета» под командованием лейтенанта Николая Хвостова впервые преодолела сложный маршрут от Охотска до острова Кадьяк за одну, причем осеннюю, навигацию, доказывая тем самым возможность снабжения этой самой отдаленной русской провинции необходимыми товарами быстро и без лишних потерь. Впоследствии такое плавание станет нормой,

и всего через десять лет промышленники будут слушать истории, рассказанные одним старым матросом с «Елизаветы», о многолетних скитаниях мореходов, воспринимая их как небылицы или легенды. А пока что управляющий русскими колониями в Америке Александр Андреевич Баранов встречал компанейское судно «Елизавета», на котором прибыли капитан-лейтенант Николай Хвостов и его первый помощник мичман Гаврила Давыдов.

Глава 6 НА РАЙСКИХ БЕРЕГАХ

Наградою всеобщей будет нам
Мир наций, благодарствие потомков.
Во веки станет тихим океан.

А. Вознесенский

Самое дальнейшее плавание «Невы» и «Надежды» в сторону Бразилии не было отмечено сколько-нибудь значительными событиями. Матросы, переодевшись в одежду из нанки — грубой хлопчатобумажной ткани, спокойно переносили жару и лишь в ночные вахты ворчали на капитана Крузенштерна, заставлявшего их на ночь одеваться теплее. Казалось бы, многодневный переход мог наскучить кому угодно, но живой ум русского человека и тут находил приложение своей энергии. Суда, окруженные стаями летучих рыб, продолжали свое мерное движение на юг, как вдруг праздню шляющемуся по палубе Феде Толстому взбрела в голову сумасбродная идея поохотиться на летучих рыб с помощью гарпуна. Вскоре уже вся свободная от вахты команда, вооружившись кто багром, кто просто заточенными пиками, привязанными таями, стала запускать свое самодельное оружие в выпрыгивающую из воды рыбу. К полудню, выплеснув адреналин, но так и не поймав ни одной рыбины, уставшие матросы заступили на вахту. Освободившаяся от вахты смена принялась за то же бесперспективное занятие с

неменьшим энтузиазмом, чем их предшественники. Однако вскоре матросам, да и самому Феде, этот вид спорта надоел, и все они, наладив снасти, решили наловить рыбу старым добрым способом, то есть на удочку. Каково же было их удивление, когда первым трофеем стала небольшая акула. Выгашить ее на палубу помог бесполезный в роли гарпуна багор.

Лангсдорф, вышедший понаблюдать за развлечением русских, отметил, что суп из плавника акулы во Франции считается деликатесом. На ужин этим деликатесом корабельный кок потчевал всю команду. Вскоре ловля акул превратилась в повседневное занятие, и даже одному из вахтенных матросов ежедневно вменялось в обязанность ловить акул, которых за неимением других свежих продуктов моряки съедали с огромным удовольствием. В хорошую погоду Лангсдорф и Тилеэус спускались в лодки, чтобы исследовать чистоту и температуру воды и течения.

Иногда офицеры «Надежды» отправлялись с визитом к своим спутникам на «Неву». Такие маленькие экскурсии в огромном океане имели невыразимую прелесть. Всякий раз, когда они происходили, устраивалось своего рода соревнование на право участия в этих экскурсиях.

Наконец, двенадцатого декабря марсовый увидел мыс Фрио у долгожданного побережья Бразилии. Заход в Рио-де-Жанейро не был запланирован, и путешественникам было тяжело скрыть досаду по этому поводу. Лишь неунывающий Лангсдорф, находящий прелесть во всем, что его окружало, компенсировал свое разочарование, чрезвычайно позабавив себя множеством новых объектов исследования, живущих в море и окрестных землях. «Мы были в двадцати-тридцати милях от берега, — писал он, — когда увидели возле нашего корабля большое количество рыболовных судов. Они плыли мимо с совершенным безразличием — вероятно, потому, что у них не было ничего для продажи и они не хотели ничего у нас купить».

Страна даже на расстоянии преподносила образцы своего богатства. Море кишело жизнью. Особенно бросалось в гла-

за то, что прозрачная поверхность моря в некоторых местах была окрашена в красный цвет. Изучив это странное явление, Лангсдорф пришел к выводу, что этот эффект возникает из-за огромного количества маленьких крабов с пурпурным панцирем, плавающих у поверхности воды.

Пока Лангсдорф — этот Паганель первой русской кругосветки — изучал крабов, Резанов и Крузенштерн отправились к обеду на «Неву», чтобы присутствовать на богослужении. Воспользовавшись отсутствием начальства, «наши бездельники», как их величала команда, граф Толстой и надворный советник Фоссе, впервые ввели в оборот карточную игру. Русский человек по природе азартен, поэтому вскоре все свободные матросы осваивали тонкости игры под чутким руководством главного судового шулера Феди Толстого. Тогда матросы и не подозревали, что обучение имело своей целью не просто скрасить досуг команды, а поскорее очистить карманы моряков от тяжести золотых талеров, которыми столь щедро одарил их Резанов.

Занятая новым развлечением команда не заметила, как офицеры на верхней палубе поймали дельфина, соблазнившись красотой его форм и окраски. С приближением побережья однообразные будни стали снова обретать свои яркие тона.

Можно только представить, сколь долгожданна была земля, если вспомнить, какими были бытовые условия на судах. На корабле в темные тропические ночи работали при свечах, от холода в высоких широтах спасались только дополнительной фуфайкой, на 84 человека было всего 3 отхожих места; помыться толком было невозможно из-за постоянной нехватки пресной воды. И все это то в холод, то в жару, то в шторм («Надежда» перенесла девять сильных штормов, грозивших ей гибелью), то в мертвый штиль тропиков. При этом ни одна из морских наций, бороздивших океаны прежде русских, не обнаружила того, что открылось русским исследователям в их первой кругосветной экспедиции: никем до них, например, не были описаны экваториальные течения.

На «Надежде» содержалась живность для пополнения рациона: свиньи, крупный рогатый скот, козы, куры, утки, гуси. Все они галдели, мычали и хрюкали в клетушках на палубе, за ними нужно было постоянно убирать, а свиней даже однажды помыли, выбросив их за борт и хорошенько прополоскав в Атлантическом океане.

Вернувшийся на свое судно по окончании визита на «Неву» капитан Крузенштерн был вне себя от ярости, застав команду за карточной игрой. Карты полетели за борт, а Толстой в очередной раз был отправлен в трюм.

На следующий день, 20 декабря 1803 года, путешественники первой русской кругосветной экспедиции имели счастье лицезреть берега долгожданной Бразилии. Встречный ветер не позволил кораблям приблизиться к берегу. К пяти часам вечера к борту «Надежды» подошла шлюпка. В знак приветствия Крузенштерн приказал сделать выстрел из пушки, чем сильно встревожил пассажиров шлюпки, и они, не особо размышляя о причине выстрела, направились к «Неве». Капитан «Надежды» приказал дежурному офицеру Фаддею Беллинсгаузену отправиться вдогонку за колонистами и доставить людей на борт, что и было сделано. Ими оказались португальцы, двое из которых согласились на роль лоцманов для проводки русских судов. Лангсдорф, прекрасно владевший португальским, взял на себя роль переводчика. Резанов заговорил с гостями по-испански, который колонисты тоже хорошо понимали. Когда контакт был налажен, португальцы, зная характер здешних ветров, посоветовали до утра оставаться в море.

Ночью разразился сильнейший шторм. Сорванную с якорей «Неву» стало относить к «Надежде», и лишь расторопность матросов, сумевших убрать лишние паруса, спасла оба корабля от столкновения. Впоследствии вахтенные «Надежды» рассказывали, что суда сошлись бортами не более пяти саженей друг от друга, и за то, чтобы корабли не столкнулись, команды всю ночь усердно благодарили Бога.

Плаванье от Тенерифе до берегов Бразилии продолжалось 55 дней. 21 декабря «Нева» и «Надежда» бросили свои якоря

ря на траверзе острова Святой Екатерины¹. Отправившись в крепость, расположенную у входа в пролив, один из офицеров «Надежды», Левенштерн, был встречен португальским офицером. Узнав о кораблях и цели путешествия, португалец, в свою очередь, сообщил, что до следующего вечера команда и пассажиры кораблей сойти не смогут, так как суда должны пройти таможенный досмотр. Вернувшись с новостями на «Надежду», Левенштерн застал весь экипаж за такелажными работами. Русские матросы и офицеры времени зря не теряли, а приводили суда после столь длительного перехода в надлежащий вид.

Как раз в тот момент, когда Крузенштерн отдавал распоряжения по замене прогнивших талей, на борт бесшумно ступили нежданные гости.

— Рад приветствовать вас, капитан! — кашлянув, произнес человек с хриплым голосом и щегольской внешностью.

— Вы кто? — удивился Крузенштерн, обернувшись к незнакомцам.

— Капитан Смит! Капер его величества милостивого короля Англии...

Договорить капитан Смит не успел. Через секунду в него было направлено все оружие команды, оказавшееся под рукой. Федор Толстой загородил подход к трапу, отрезая незнакомцам все пути к отступлению.

— Простите, сэр, но я не имел чести пригласить вас на свой корабль, — резко произнес Крузенштерн.

— Ах, милый капитан...

— ...Крузенштерн!

— Да-да, Крузенштерн. Будь моя воля, ваши корыта давно стали бы моими призами, но я уже так отягощен добычей, что в качестве трофеев вы меня не интересуете.

— В качестве кого мы вас можем заинтересовать в таком случае? — вмешался в разговор Резанов.

— В качестве покупателей моего товара. Вам необходимо продовольствие, а если местные жители узнают об этом, сразу же вздуют цены.

¹ Русское название острова Санта-Катарина, у юго-восточного побережья Бразилии.

— Как мило с вашей стороны, — продолжил Резанов разговор с пиратом. — Однако вряд ли это возможно. Мы, русские путешественники, готовы отдать завышенную цену, лишь бы не покупать продукты, обгаренные кровью — отпечатками вашего ремесла.

— Как знаете господа, как знаете! Я лишь хотел вам помочь.

На следующий день, получив разрешение властей, команды судов отправились на берег. Офицерам было разрешено разместиться на берегу. Узнав о том, что в составе экспедиции следует русский посол в Японию, губернатор острова, полковник Жоаким Шавьер Куррадо, пригласил Резанова остановиться у него в загородном доме, где он проживал летние месяцы, коротая одиночество в окружении местных прелестниц. Куррадо был не женат и всегда радовался появлению любых гостей, ожидая узнать от собеседников события, происходящие в мире. Уроженец капитании¹ Гояс, он был одним из немногих креолов, допущенных до столь важных административных должностей. Будучи гуманным, культурным и в высшей степени образованным, он являл собой образец человека, преисполненного достоинствами. Его гостеприимство поразило камергера. Мало того, что Куррадо отдал половину дома в распоряжение Резанову, так еще и хотел порадовать камергера местными красотками, от которых Резанов, наслышанный о нравах здешних обитателей, с улыбкой отказался. Вечером за ужином гостеприимный хозяин уже обсуждал с Николаем Петровичем проект освобождения невольников из рабства и строительства первой в Бразилии коммуны. Впоследствии, за радушный прием членов первой русской кругосветки Александр I наградил Жоакима Куррадо бриллиантовым перстнем. А спустя еще несколько лет бывший губернатор Санта-Катарины стал военным министром в первом правительстве независимой Бразилии Симона Боливара.

Впервые ступивших на землю Бразилии русских поража-ло все: и изобилие природы, и необыкновенное многообразие

¹ В XVI — начале XIX в. административно-территориальная единица Бразилии.

животного мира, и культура и быт местных жителей. Особенно наши соотечественники были потрясены их жестоким обращением с чернокожими рабами. Отец Гедсон, руководитель православной миссии в экспедиции, даже попытался заступаться за них, но ему было рекомендовано не лезть на рожон на чужой земле.

Фридрихи и Тилезиус сняли себе дом в городе, выплачивая за него по 5 талеров в день. И это при том, что стены этого дома были сделаны из тростника, обмазанного глиной, а камышовая крыша текла в сильные тропические ливни. Лучше всех, пожалуй, разместились Толстой с Ратмановым, последний уже тогда стал избегать вахт на «Надежде». Их жильем на суше стала комната в одном из частых домов молодой вдовы-испанки. И хотя комнатуха была небольшой, компания веселой вдовы вполне компенсировала тесноту нового жилища.

На следующий день к кораблям потянулись вереницы лодок, нагруженные продовольствием. Когда Крузенштерн стал интересоваться ценами, по которым продукты завозились на суда, ответ был один: «Этот вопрос уладите с губернатором. Он человек добрый!» Когда погрузка была окончена, на борту «Надежды» появился немец Адольф Ланке, который взял на себя обязанность постирать все белье команды обеих судов. Ланке оказался интересным человеком. За 25 лет, проведенных на острове, он мало того, что не растерял своих знаний, но и приумножил их. По происшествии долгих лет жизни вдали от родины он всем сердцем полюбил Бразилию и ее обитателей. Трудолюбивый немец зарабатывал на жизнь ремеслами и местным искусством. Овладев художественной техникой рисунков древних племен, он рисовал и лепил из глины, точил из дерева и даже обрабатывал самоцветы. Как врач он завоевал доверие местного населения, сумев объединить классическую медицинскую науку и навыки знахаря. В церкви селения Сант-Михазль, где жил Ланке, не было священника, и он с успехом заменял его. Зная немецкий, французский, испанский, португальский и английский языки, Ланке был незаменим при ведении переговоров с капитанами останавливавшихся на Санта-Катарине судов.

Этот замечательный немец и был тем человеком, кто в течение 44 дней пребывания экспедиции на чужой земле открывал русским Бразилию. Особым уважением он пользовался у Лангсдорфа, который буквально не отходил от соотечественника ни на шаг.

Ученые экспедиции Лангсдорф, Тилезиус, Горнер и Брыкин пропадали на берегу по несколько дней и, возвращаясь, привозили полные ящики и клетки живности. Лангсдорф даже умудрился сделать чучело колибри, сидящей в гнезде, чем вызвал безмерное уважение всей команды и завистливые комментарии Тилезиуса, отношения с которым после этого случая испортились окончательно.

Тилезиус нервничал еще и из-за того, что Фаддей Беллинсгаузен, которого дали ему в помощники, был слишком нерасторопен. Беллинсгаузену же, человеку упрямому от природы, с самого начала была неприятна возложенная на него миссия. Ссоры между ними шли нескончаемой чередой, причем попытки примирения, исходившие от ученого, не находили никакого отклика в сердце русского офицера. Вскоре Тилезиус попросил Крузенштерна избавить его от общества нерадивого помощника.

Деятельного Тилезиуса не удовлетворила роль простого натуралиста. Он старался заняться всем, на что только могло хватить времени. Дошло до того, что в один из вечеров он предложил капитану... выкрасть карты побережья, висевшие в комнате губернатора, когда офицеры и ученые, как это часто бывало, обедали в доме Куррадо. Вскоре план был реализован, и один из португальских офицеров, получив несколько золотых пиастров, приволок целые рулоны карт бразильского и перуанского берегов. Где он их взял, так и осталось загадкой, поскольку карта Куррадо на следующий день висела на своем месте.

Лангсдорф, который раздражал всех своей неумной энергией и объемами возимого на судах научного груза, снова куда-то удалился на несколько дней. Вместе с ним исчез и Резанов. Неделью спустя радостные исследователи привезли на корабль целый ящик бабочек.

Пока Резанов с Лангсдорфом ловили бабочек, Крузенштерн все-таки наладил отношения с капером Смитом и передал ему корреспонденцию. Смит вызвался сопровождать экспедицию до острова Святой Елены. Неизвестно, как бы исполнилось это трогательное предложение, если бы за Смитом не началась настоящая охота. Вскоре после празднования Нового года на борт «Надежды» вернулся Ратманов, принесший новости об англичанине. Капитан Смит во время своих плаваний на «Свилоу» захватил и пустил ко дну два португальских судна вместе с командами. Затем, придя в Санта-Катарину, он нагло завладел двумя французскими китобойными судами, практически полностью истребив весь их экипаж. Губернатор приказал Смиту покинуть земли Санта-Катарины, на что наглый англичанин ответил, что пробудет здесь столько, сколько ему будет угодно, а ни разу не стрелявшие ржавые пушки фортов его не пугают. 2 января 1804 года на траверзе столицы острова Носса-Синьора-до-Дестерру бросил якорь португальский бриг. Выход из узкого пролива с южной стороны перекрыл тендер. Губернатор поднял все вверенные ему войска для поимки английского бандита.

В день, когда русские офицеры сидели в маленьком трактире, в него ворвался Отто фон Коцебу, преследуемый португальскими военными, которые приняли несчастного кадета за члена команды английского приватира. Русские моряки еще не знали, что Куррадо начал настоящую охоту на пиратов и их предводителя. Первым, кто попался на глаза местному лейтенанту в трактире, стал Федя Толстой. Знал бы португалец, на кого нарывается, обошел бы этот трактир стороной. Но офицер, не особо разбираясь в русских мундирах, схватил Толстого за грудки. Почувствовав, что в его живот уперся пистолет и его дуло начало сползать ниже пупка, он поспешил разжать пальцы.

— Я по-португальски не разговариваю, курица ты ряжая, но и без переводчика тебе кое-что сумею объяснить! — вскипел Федя, целясь в голову обидчику. — Меня, русского человека, какой-то дикарь за грудки! Меня, Толстого, дворянина, крови Рюрикова отпрыска! Да я тебя...

И тут произошло совсем неожиданное. Португалец, опасаясь за свою жизнь, плюхнулся на колени и стал о чем-то горячо умолять Федю.

— То-то! — остывая, произнес Толстой. — А то ишь что вздумал — дыры во мне шпагой своей колупать!

— Граф, этот капитан просит вас с вашей горячностью простить его и помочь в поимке англичан, которые топят суда. Они здесь, в трактире, — перевел слова, сказанные португальским офицером, Лангсдорф, чье платье было залито вином, выплеснувшимся из бокала Толстого.

— А-а, это мы с радостью! — лихо отозвался Федя. — Где эти владыки морей! Сейчас мы их в гости к Нептуну отправим!

— К Нептуну не надо! Надо к губернатору! — только и успел крикнуть вслед Толстому Лангсдорф, когда тот, круша все на своем пути, пробивался к дальнему углу трактира.

Через минуту, прорезая полумрак зала, к ногам португальского офицера приземлились два человека. Впрочем, позже выяснилось, что ставшие жертвой ярости Толстого люди были вовсе не теми англичанами, которых искал Куррадо, а сам виновник событий Смит, потопив португальский тендер у южной оконечности острова, при свежем ветре спокойно покинул бразильские воды и направился к острову Святой Елены. Возможно, именно благодаря столь хорошему для пирата исходу дела письма русских путешественников все-таки достигли своих адресатов¹.

А письма с острова Святой Екатерины писали все. Именно на страницах этих эпистолярных памятников, когда, будучи один на один со своими мыслями, человек исповедует свою суть. При чтении записок кругосветчиков поражает то, что одного из них, единственного ученого с русской фамилией Брыкин, не упоминает никто из путешественников, как будто его и не было в составе экспедиции. И именно письма приоткрыли

¹ В те времена не было отдельных почтовых судов, и вся переписка доставлялась любым попутным кораблем. Иногда они путешествовали на десятках судов, пока достигали адресата.

завесу над этим странным обстоятельством. На берегу, например, естествоиспытателя Брыкина поразило следующее: «Содержание бедных невольников в рассуждении их пищи и одежды малым чем отличаются от животных, и при всем том еще угнетаемы всякими нантажчайшими работами. А обходятся со оными почти бесчеловечно».

О том, в каких условиях пришлось пребывать на вверенном командованию Крузенштерна судне самому ученому, красноречиво свидетельствует другое письмо Брыкина, писанное им другу — Андрею Алексеевичу Дашкову.

«Город Ностра Синьора Дель Дезетре на острове Св. Екатерины. 1804 года января 17 дня. Любезный друг мой, Андрей Алексеевич!

Наперед сказываю вам, что я не имею ни времени, ни места писать вам многого. И так уведомляю вас, что я, слава Богу, по сие время жив и здоров. Что ж касается моих успехов в натуральной истории, то скажу вам, мне теперь не до нее, а думаю только о том, как бы живу добраться до России. После тех наглостей, которые сделаны капитаном Крузенштерном Николаю Резанову, и которые я не намерен вам описывать, потому что вы и без того их узнаете, должно опасаться нам, которые держимся законной стороны...».

Невольно возникает вопрос: а чем же он, титулярный советник, доктор медицины и ботаники, естествоиспытатель и первый русский ученый, совершивший путешествие вокруг света, открывший на острове Teneriffe ряд неизвестных науке растений, Федор Петрович Брыкин, стараниями Крузенштерна изолированный от внешнего мира, отличался от несчастных негров, описанных им же в предыдущем письме?

С приходом «Невы» открылось еще одно обстоятельство, которое просто не могло не тронуть Резанова, так как встал вопрос о возможности дальнейшего плавания судна Лисянского. Увиденное на «Неве» подтвердило догадки французского капера в Санта-Круссе. Как только «Нева» и «Надежда» бросили якоря на траверзе острова Святой Екатерины, от капитанов последовали команды привести в порядок рангоут и такелаж кораблей. Крузенштерн рассчитывал управиться с этими ра-

ботами дней за десять, но вскоре выяснилось, что грот-мачта на «Неве» сгнила у основания и ее придется заменить. Готовых мачт на острове не оказалось и пришлось провести целую операцию по поиску и доставке подходящего дерева к побережью. Эта операция растянулась на две недели, к тому же дереву еще предстояло придать форму мачты. Стоянка затягивалась, и «Неву» с помощью прилива удалось перевести на мель, где корабельный плотник Иван Петрович Корюкин осмотрел судно. Многие доски прогнили насквозь, что свидетельствовало о ветхости корабля, хотя по документам ему не было и трех лет. На следующий день, когда на вахту заступил Головачев, была осмотрена и «Надежда». Присутствовавший при осмотре корпуса судна Шемелин срочно отправил в Петербург письмо, в котором были и такие строчки: «Корабельный подмастерье господин Корюкин уверил его превосходительство, что на «Неве» во многих местах примечены ими гнилость и что дай бог, дабы она без починок благополучно дошла до Кадьяка. Штурман Каменщиков нашел в корабле «Надежде» клеймо, означающее время постройки его, которому минуло уже десять лет, в Тенерифе узнали французы «Надежду» и сказали точно, что она была у французов в плену, что кажется быть имоверным, ибо доказывают сие пулями расстрелянные мачты ее, кои за негодностью переменяны новыми».

Запомним фамилии тех, кто стал свидетелем подлога: Головачев, Шемелин, Каменщиков и Корюкин. Именно они останутся верны Резанову до конца плавания. Естественно, что негодование Шемелина не обошло стороной капитана «Надежды». Крузенштерн запретил приказчику появляться на борту корабля вплоть до отправления с острова Святой Екатерины.

Окончательно рассорил Резанова с капитанами судов Федя Толстой, по секрету поделившись с Лисянским, что якобы за укрытие возраста корабля и подлог документов Резанов собирается лишить его премии в десять тысяч рублей. Лисянский, поведав прохожему Толстому, перестал общаться с Резановым и даже замечать его. Причину столь резкой смены поведения камергер узнал от приказчика Коробицына, которому Лисянский пожа-

ловался на Резанова. «Трудно сыскать другого до такой степени развращенного человека, — писал о Толстом Шемелин, — какой есть граф. Безбожник неблагодарный дерзит, злословя в отношении своего Отечества и всего того, что есть свято. А потому посудите и о Крузенштерне, когда сей решился его иметь своим орудием».

Видя подобное отношение к своим подчиненным, Резанов не выдержал и в одном из писем Румянцеву описал в нескольких строках ситуацию, переросшую впоследствии в конфликт с Крузенштерном и офицерами судна: «Мы ожидаем теперь благоприятного ветра, но когда пойдем, не могу донести по неповиновению г. Крузенштерна, не говорящего со мной ни слова о его плавании. Не знаю, как удастся мне совершить миссию, но смею Вас уверить, что дурачества его не истощат моего терпения, и я решил все вынести, чтобы только достигнуть успеха».

В это же время в донесениях в главное правление Российско-Американской компании сам Крузенштерн жаловался: «что он призван по Высочайшему повелению командовать над экспедицией, и что она вверена Резанову без его ведения; что должность его не состоит только в том, чтобы смотреть за парусами». Ставшая впоследствии знаменитой фраза Крузенштерна: «Полезным быть не могу, бесполезным быть — не желаю!» — венчала письмо фраза гордого капитана. Однако по возвращении в Петербург, работая над своим отчетом об экспедиции, Крузенштерн, уже прославленный и знаменитый, и словом не обмолвился о конфликте с Резановым, который по мнению капитана «Надежды» претендовал на его лавры.

Дневники участников экспедиции росли, как на дрожжах. Иногда в них можно было встретить совершенно нелепые вещи. Например, единственное, что заметил Ратманов¹ по поводу жизни Резанова в Бразилии, заключалось в следующем: «А у нашего посла украли на берегу 49 талеров и золотую табакерку. Ничего странного слышать, что сие попало в те

¹ Орфография и стиль Ратманова оставлены автором без изменений.

руки, которые доставали послу и белых и черных непотребных женщин. В бытность посла на берегу мало делал России чести, ибо которым было отказано от португальцев общества, а его превосходительство ежедневно делал ему визиты, для того чтобы утолить свое сладострастие».

Строя подобные домыслы, не свое ли поведение Ратманов проецировал на Резанова? Так уж устроила нас природа, что человек способен судить о действиях других, исходя из собственного опыта. Не себя ли описывал Ратманов, предоставляя в своих дневниках доказательства собственной несдержанности?

Довольно показателен случай, характеризующий первого помощника капитана «Надежды», который произошел во время стоянок судов в английском Фальмуте. Пока Резанов с Горнером ездили в Гринвичскую обсерваторию, лейтенант Ратманов тоже не терял времени: «Сентябрь 21. Мне случилось быть с моим товарищем вечером на берегу, которому язык здешний довольно знаком. Прогуливаясь на край города, увидели двух женщин, навстречу нам идущих. К которым товарищ мой, подойдя, переговорил с обеими, подал той и другой свои руки и, подведши ко мне, сказал, чтобы я взял одну из двух. Благородная осанка, приятность вида, весьма хорошая одежда меня удивила. Однако, при ночной темноте скрыв мае смятение, подал я одной из них мою руку. В сие время выглянула из-за облаков луна, и уже с большею приятностью вышли из города на долину, окруженную кустарником и лесом. Тут при ясным лунным небе имели удовольствие вкушать сладость пола, нами часто обожяемого. После чего узнали, что они первых городских купцов жены, мужа которых по своим коммерциям отлучены.

Возвращались другою тропинкою к городу. И, подойдя ко оному с нашими Нимфами, распрощались, ибо они боялись с нами вступить в город. Звали нас на другой день на вольной бал, где увидели наших Венусов не последнюю роль играв. Каждой со своею протанцевав, признались друг к другу и, еще удаляясь, насладились вчерашнем. После чего уже их не видали, ибо чрез 18-ть часов оставили сии места».

Вот такой вот образчик целомудрия Ратманова, взявшегося судить камергера. Мне как исследователю стало интересно, откуда родились эти нелепые домыслы о непристойном поведении Резанова. Ратманов ведь в отличие от Резанова жил на судне и сам подтверждает этот факт собственными записями: «Мне они [португальцы. — *Авт.*] так омерзели, что я только был три раза в городе. И признаюсь, что губернатор мне весьма понравился. И сколка стараний было узнать об нем: все замечали одно честное. А прочих совершенно презирал, ибо штаб- и обер-офицеры со своим семейством держат обе-ды, точно как в трактирах. Хозяйки сидят за общим столом, раскрывши груди, которые висят так низко, что достают до тарелок и в оных полощутся».

Ратманов и тут отличился, не сдержавшись от упоминаний женских прелестей, полощущихся в супе. А уж про Резанова насочинял так, будто сам был свидетелем всего происходящего. На самом деле губернатор города Носса-Синьора-до-Дестерру, португалец Куррадо, будучи добрейшим и душевным человеком, основал школу для девушек местной знати, выделив под нее часть своего большого дома. Ежедневно школу посещали 22 представительницы прекрасного пола. Обучал их все тот же немецкий полиглот Ланке, с которым Резанов вел долгие разговоры о предполагаемом благоустройстве русских колоний. Опыт немца помог русскому камергеру систематизировать свои идеи и облечь их в форму письма, которое было отправлено управляющему делами Компании на Аляске Александру Баранову:

«Бразилия, остров Св. Екатерины. 12 января 1804 г. Милостивый государь мой Александр Андреевич! Я писал вам января 6, и как письмо мое не успело еще быть отправлено, то дополняю вам оное еще следующим:

1. Ежели бы случилось пристать каким иностранным судам в портах начальств вашему вверенных, старайтесь при вопросах от них сделанных о границах российских в Америке приобретений, всегда сей материи удаляться и основываясь на открытиях, г-ном Чириковым в 1741 году сделанных, утверждать решительно собственность нашу по 55 градус северной

широты, приняв притом правилом и для будущих в Америке видов далее сего пространства берегов не захватывать, а стараться исподволь вникать во внутренность матерой земли и ознакамливаться как с тамошними жителями, так и производением природы.

2. В рассуждении излишних на судне “Неве” астрономических инструментов, можете некоторые получить от капитан-лейтенанта Лисянского, но не берите иначе, как чтоб были они в целости и порядке, ибо неисправное орудие не принесет вам никакой пользы.

3. Из полученных вами семян отделите некоторую часть к сохранению для вторичного опыта. Я постараюсь между тем подвезти вам свежих из Камчатки, где попечением человеколюбивого монарха положено уже прочное начало хлебопашеству.

4. Сколько ни желаю я быть лично участником в трудах ваших, но как сие зависит от воли высшего и многих обстоятельств, то на случай моего неприбытия поручаю вам при отправлении судов в Кантон оные строго осмотреть и прежде всего исправить ветхости, дабы не подвергнуть людей и груз опасностям. К сему употребить можете господ корабельных подмастерьев.

5. Прилагаемой при сем конверт вручите капитан-лейтенанту Лисянскому. Я доставил вам при отношении моем с него копию. Кичливость господ капитанов обязывает меня напомнить вам, чтоб вы обращались с ними, как уполномоченный начальник края того, и вели журнал поведению господ офицеров, дабы по приезде моем мог я видеть усердие каждого и по возвращении моем беспристрастно о каждом из них всемилостивейшему государю засвидетельствовать.

Пребываю с совершенным почтением и пр.

P.S. Поручаю в особливое благорасположение ваше корабля “Невы” доктора Либанда. Вы найдете в нем человека весьма любезного и искусного в его звании. Он обещает ввести у вас прививание коровьей оспы, и потому прошу вас подать ему все зависящее от вас способы».

Так о чем же все-таки думал Резанов? О расширении границ государства, о том, чтобы накормить население новых ко-

лоний, о вакцинации или все-таки о разноцветных блудницах, как это описал истинный сластолюбец Ратманов? Думаю, ответ очевиден!

Прекрасный морской офицер, участник Средиземноморских рейдов адмирала Ушакова, отличный мореплаватель Мака́р Ратманов, тем не менее не отличался широтой мышления. Будучи закован в броню собственного конформизма, вряд ли он сумел развить свое воображение до того, чтобы мыслить государственными категориями. Что же касается колкостей в адрес камергера Резанова по поводу его влечения к противоположному полу, то, в отличие от командора, сам лейтенант Ратманов буквально погряз в каких-то низменных любовных интрижках, не постеснявшись при этом описать их в своих дневниках. Резанова никто, кроме Ратманова, не обвинял в несдержанности по отношению к женщинам, тем более что вся жизнь экипажа и пассажиров была видна каждому участнику экспедиции, как на ладони. Что же до 49 талеров, то, по словам самого Резанова, украдены они были на Тенерифе, а не на Санта-Катарине. Ратманов и здесь все смешал и приукрасил со свойственной ему экспрессией.

А что же наш граф Толстой? Его деструктивная энергия снова нашла выход на просторах бразильских земель. Левенштерн, внимательно наблюдавший за происходящим, не смог остановить себя, чтобы не описать очередной выходки Федора: «Граф Толстой купил себе в Бразилии макаку. По прибытии на борт животное привязали на веревку. Оно доставляло много радости. Дело было новое, и все заботились об обезьяне. Со временем интерес пропал, и наша макака была забыта. Но вот обезьяна сорвалась с веревки и снова привлекла внимание своими ужимками. Хозяином обезьяны был граф, следовательно, у нее вообще не было никакого хозяина. Если она кому-нибудь досаждала, то без дальнейших расспросов ее подвергали экзекуции. Особенное расположение это хитрое животное оказывало японцам и подшучивало над ними самым досадным образом. Один из японцев, Киселев, взял обезьяну под свою защиту, чтобы уберечься от обезьянничанья и хохота. После этого долго не было ничего слышно о макаке, так

как ее снова привязали. Недавно обезьяна снова оттягивалась и наносила непрошеные визиты в каждую каюту, причиняя беспокойство. Поймать макаку было трудно, так как ремень, бывший у нее на теле, разорвался. Однажды утром доктор Горнер поймал обезьяну за хвост в то время, как она совершенно непрошено играла роль хозяина в его каюте. Она укусила Толстого, который хотел привязать ее на веревку. Тогда он совершенно зазря так кинул ее на палубу, что она сильно ударилась, и графу пришлось убить издыхающую обезьяну».

Затем милостью графа с садистскими наклонностями на палубе появились сноты, которые наделали не меньше бед, лишив экипаж судна запасов табака, и попросту были вышвырнуты Крузенштерном за борт. Та же участь ожидала и самку орангутанга, полученную Толстым на Тенерифе в подарок от щедрой мадам Армстронг. Но тут в очередной раз взмолившийся лицемер спас свою подругу, пообещав, в случае, если ему разрешат играть в карты, больше не безобразничать.

История обезьяны-путешественницы интересна сама по себе. Чете Армстронгов некогда презентовал ее английский лейтенант Томас Кокрейн, поймавший животное где-то в Индокитае. За неполные полгода пребывания на судне орангутанг едва не довел команду английского фрегата до помешательства, и при первой же удобной возможности во время посещения Тенерифе обезьяна в виде презента досталась Армстронгам. Пять лет спустя на остров прибыла русская кругосветка. Уставшая от выходов непоседливого животного, мадам Армстронг передарила ее Толстому, который не расставался с орангутангом ни на секунду. Посчитав подобный подарок верхом щедрости, Федор поспешил отблагодарить прежнюю хозяйку животного двумя талерами. Обезьяна оказалась единственным живым существом на судне, к которому Толстой отнесся с уважением.

При чтении дневников членов экспедиции создается впечатление, что Ратманов и Толстой устроили соревнование в проявлении низких качеств, о чем свидетельствует еще одна запись недовольного Ратманова: «А за обедом подали по моему охоте кислого молока в баке со сметаной. Тогда господин по-

сол сказал три раза: "Экая роскошь!" Я, посмотрев на всех, вынужден был ему сказать, что от сей роскоши ни наша обща, ни американская компании ничего не терпят, потому что сие покупаемо было на собственные мои деньги. С которого числа уже он осторожнее, и, кроме утренних поклонов, к величайшему моему удовольствию — ничего».

В этой ситуации Ратманов превзошел самого себя. Искреннее восхищение Резанова Ратманов превратил в повод для унижения камергера. Что же так не понравилось этому любителю кисломолочных продуктов? То, что ему за простоквашу, принесенную как подарок, не заплатили? На Руси, в отличие от Европы, издавна принято, что при приеме гостей бремя расходов несут хозяева, и если гости приносят угощение, то не просто указание на его цену, но и подчеркивание трудностей, с которыми достался этот подарок, считается грубостью. Не говоря уже о том, чтобы хозяин платил гостям за принесенные подарки. В данном случае Ратманов ведет себя как обычный меркантильный европеец, кичась при этом своей русскостью: «Я россиянин, а не англичанин. Хоть справедливости имею больше, но какими доказать доводами не знаю». Да что тут доказывать? Своими поступками Ратманов все и доказал.

Даже сам Крузенштерн о своем помощнике отзывался далеко не самым лестным образом: «...все у него некстати; гордость, презрение и хвастовство. Знания его не превосходят знания любого из нас, и так как известно, что чин ума не придает, то ему приходится выслушивать много нелестного». Члены команды, несмотря на то что по своему положению Ратманов был вторым лицом на судне после капитана, не стеснялись в подобных «нелестных» оценках поведения старпома. «Гордость Ратманова, его самомнение, сварливость, его глупые предсказания и бесполезное командование — невыносимы, особенно потому, что эти его свойства сочетаются с суровыми, грубыми и невежливыми манерами» — такова оценка лейтенанта Левенштерна.

Единственным другом, по признанию самого Ратманова, у него был Федор Толстой, что несколько не удивляет. Скажи

мне, кто твой друг... Судя по откровениям одного и выходкам другого, эти молодцы были одного поля ягоды. Интересно, много ли чести России делали сами Ратманов и Толстой, задираясь с военными и соблазняя купеческих жён? Моральную чистоту Ратманова дополняет письмо своей возлюбленной, оставшейся в России: «Нет, любезнейшие мои! Может быть, Тихого океана островитянка, своею природною простотою в бедных и беспорочных хижинах, принудят меня не мыслить о вас, и то не более каких ни есть секунд. Может быть, природою одаренные красавицы сих островов заставят посмотреть на них, улыбнуться и сказать: «Ах! Они хороши. Но твоими, владычица души моей, могут быть только нимфами и рабынями...» Впрочем, это ханжеское высказывание не помешало Ратманову впоследствии воспользоваться природной любовью тихоокеанских красавиц, отдававшихся за ржавый гвоздь или бусы.

Люди на кораблях были разные, но одному из них, отцу Гедеону, руководителю духовной миссии, следует уделить особое внимание. Он плыл на «Неве», капитан которой, Лисянский, недолюбливал священника и просил лишний раз не появляться на палубе, чтобы не мешать работе команды. Человек разносторонних интересов, отец Гедеон, несмотря на свой монашеский сан, прекрасно разбирался в картографии и метеорологии, знал морское дело, читал на четырех языках, владел вопросами земледелия и садоводства, был прекрасным педагогом, аналитиком, философом.

Отсутствие воспоминаний столь замечательного во всех отношениях человека явилось бы пробелом для изучения истории первой русской кругосветки. Записки Гедеона проливают свет на деятельность Резанова в Бразилии. 6 января 1804 года в рождественский сочельник Николай Петрович явился на борт «Невы» на праздничное богослужение. По окончании проповеди Резанов попросил отца Гедеона остаться наедине, чтобы обсудить деятельность монаха-просветителя на Аляске. Их разговор закончился далеко за полночь вручением Гедеону письма следующего содержания:

«Преподобный отец Гедеон, милостивый государь мой!

Отправляясь с острова Св. Екатерины, хотя и надеюсь я иметь удовольствие видеться еще с вами в островах Сандвичевых, где, как известно вам, назначено последнее соединение судов наших, но как легко случиться может, что бурливые круг мыса Горн погоды разлучат нас так, что до самых берегов Северо-Западной Америки суда пойдут такими путями, какие предположены будут встретившимися обстоятельствами; то и поставляю я себе долгом сверх личных моих с вами объяснений к лучшему усовершенствованию подвига, от государя императора на нас возложенного, изъяснить вашему преподобию и на письме мои мысли.

С особливим почтением обращаясь к апостольскому званию, вами столь ревностно на себя принятому, уверен я, что по приходе в Америку исполните вы наилучшим образом высочайшую волю все милостивейшего нашего государя, пекущегося о распространении православной христианской веры к собственному американских жителей благополучию, что, очистив от предрассудков умы их, насадите вы в сердцах их правила истинного благопочитания и что, удаляя кротким образом всякое суеверие, истинною религиею нетерпимое, приуготовите вы их к общежитию, покажете им обязанность их в отношении к государю и ближнему и сделаете добрых сынов России. Успех в сем важном преобразовании обещает бессмертную славу, благоволение государя и признательность позднего потомства.

По прибытии вашем в Америку старайтесь ласковым общением снискать любовь тамошнего начальства и всех жителей, содействуйте первому всеми мерами к утверждению между россиянами и американцами доброго согласия и внушите обоим племенам, что оба они составляют теперь один народ российский, что оба они сыны одного государя и что не могут они лучшим образом обратить на себя высочайшее его императорского величества внимание и милость, как сохранением повсюду взаимной пользы, уважением человечества и повиновением начальству.

Вы можете предварить их о моем прибытии, можете уверить их, что государь император в знак все милостивейшего о

отдаленных сих областях попечения высочайше поручить мне благоволил полезных сынов отечества отличать наградами, что заключения мои основаны будут на существенных опытах трудолюбия и добрых дел каждого, что имею я долг о каждом из них донести государю, для которого равны его подданные, и в таком случае, буде бы кто по свойственной людям слабости сошел с пути истинного, имеет до прибытия моего еще довольно времени не только к своему исправлению, но и к заслугам.

Вашему преподобию известно, что в счастливых днях наших просвещение в России есть главный предмет человеколюбивого ее обладателя. Соответственно сим великим намерениям поручаю я вам принять в особое ваше попечение кадьякскую школу и образовать из оной правильное училище, к чему по сделанным от меня кадьякскому начальству предписаниям получите вы все зависящие от него способы. Ежели юношество там обучено уже грамоте, то дайте им истинное понятие о Законе Божием и естественном, займитесь между тем показанием им правил правописания, арифметики и положите первоначальные основания прочим наукам.

Хлебопашество, скотоводство и прочие хозяйственные заведения хотя и не принадлежат к предметам вашего преподобия, но я вас как мужа просвещенного покорнейше прошу, ежели по которой-либо части имеете вы сведения, то не оставьте начальство тамошнее вашими советами и содействовать к общей пользе и благосостоянию края того.

Наконец, в заключение сего должен я сообщить предположение мое и в рассуждении вас самих. Полагая несомненную надежду, что будете вы при исполнении сих ваших предметов первым мне поборником, я не нахожу нужным возвращение ваше в Россию на судне господина Лисянского; и потому благоволите вы дожидаться меня в Америке и окончить путешествие ваше уже со мною. О сем предварительном распоряжении моем всеподданнейше донес я его императорскому величеству. И теперь остается нам ожидать от щедрот Всевышнего, что благословит он счастливым событием добрые наши намерения. Пребываю с истинным почтением вашего

преподобия, милостивого государя моего покорнейший слуга Николай Резанов. Бразилия, о. Св. Екатерины. Январь 6-го 1804-го».

Из письма следует, что Резанов дает совет монаху любовью обращаться в подданство туземцев, а не силой — в рабство, как поступали европейцы. Русские нашли свой путь — путь любви и милосердия, который должен был стать той дорогой к вере и государству, которая избавляла бы новообращенных подданных от насилия. Отношения должны были строиться на взаимопонимании и трезвой оценке взаимной выгоды.

Русские издавна использовали тактику открытости, которая позволяла расти государству все предыдущие годы, десятилетия, века. В начале XIX века эта тактика дала свои плоды: Россия стала самым большим по территории государством. Политика ее была взвешена и миролюбива. Любая экспансия России носила характер миссионерства, а не агрессии. Резанов как государственный человек с широкими взглядами, будучи на противоположном конце Земли, уже на тот момент заботился о развитии инфраструктуры новых земель и, главное, о ее обеспечении и образовании. Речь ведь шла не только и не столько о русских промышленниках, которые, согласно контракту, могли пребывать на Аляске всего семь лет, сколько о местных жителях.

К вопросу о том, какие усилия прилагал Николай Петрович в отношении собственного развития, красноречиво свидетельствует тот факт, что к середине путешествия Резанов уже понимал японцев, следующих на «Надежде» в Нагасаки, а во время пребывания в Японии иногда общался с местными чиновниками напрямую, без переводчика. Его спутник Лангсдорф, пребывая в русской языковой среде почти год, так и не удосужился выучить язык, на котором разговаривали окружающие его люди. Благо Крузенштерн и Резанов понимали его немецкий.

Месячное пребывание в Бразилии сделало свое дело. Русские путешественники освоились и попривыкли к климату, людям, природе. Дни, проведенные на берегу, стали походить

один на другой. Горнер в который раз производил измерение местности, Ратманов занимал себя охотой, Толстой и Фридрихи где-то пропали — поговаривали, что юноши стали жертвами любвеобильной вдовы-испанки и ее дочерей, причем найти друзей было совершенно невозможно, так как было неясно, где же они все-таки обитают. Либанд с Лисянским собирали ракушки. Лангсдорф и Тилезиус соревновались в количестве находок и новых открытий. Вскоре их научные споры стали перерастать в настоящие ссоры. Особо ярое противостояние вызвал большой паук-птицеед. Тилезиус утверждал, что он пожирает колибри, Лангсдорф ему аргументированно противоречил.

Причиной их раздражительности стал еще и тот факт, что практически все собранные гербарии и образцы погибали прямо на глазах. Влажность была чрезвычайной. Большинство растений, собранных в первые дни по прибытии судов, полностью заплесневело и сгнило за несколько дней. Много самых разнообразных образцов пало жертвой опустошительных ночных набегов муравьев, прежде чем ученые смогли уберечь свои находки от этих насекомых. Впоследствии для защиты от столь грозных врагов Лангсдорф применил ящики, которые подвешивал на веревках так, чтобы те ничего не касались. Большие жуки и крупные ночные бабочки зачастую сгнивали от сырости. Значительная часть гербария была потеряна на борту корабля из-за того, что зачастую просто не хватало достаточного количества бумажных листов, чтобы переложить растения. Тем не менее неутомимый Лангсдорф пополнял коллекцию с усердием одержимого. Команда не уставала поражаться его трудолюбию: «Если поймают рыбу, то Лангсдорф из нее делает чучело, если есть птица, которую мы поймали, то охотник получает ее, чтобы сделать из нее чучело. Насекомых и червей сразу накалывают на иглы, а что нельзя превратить в чучело, насаждают на иглу или высушить, то засовывают в спирт».

Но один участник экспедиции, чьи проблемы были поистине велики, пребывал в отчаянии. Дело в том, что выпитая командой на протяжении плавания водка была компанейским

товаром. А к моменту прибытия «Надежды» к берегам Бразилии долг за потребление горячительных напитков был настолько велик и убытки Компании столь заметны, что само путешествие переставало быть рентабельным. И тут прекрасный управляющий Шемелин находит простое, но гениальное решение: «Чтобы впредь употребления французской водки для служителей удержать убыток компании причиненный, рассудил я здесь: вместо оной купить несколько бочек дешевого рому, который довольно крепок и хорош. Ром здесь дешев: бутылка по 24 коп., что немного дороже нашего простого хлебного вина». То же самое проворный приказчик предложил сделать и своему коллеге с «Невы», чьи запасы спиртного, впрочем, пострадали значительно в меньшей степени. Видя, как Шемелину приходится выкручиваться и столько терпеть от офицеров, Резанов пообещал приказчику подкрепить его действия особым документом от своего лица, но Шемелин, сомневаясь, что кто-то из команды придаст этой бумаге хоть какое-то значение, только вздохнул:

— Я должен исполнить свою обязанность, что бы со мною ни случилось! Николай Петрович, попробуйте хоть как-то оградить нас от поручика Толстого! Это будет самое лучшее подкрепление!

Наконец мачты на «Неве» были оснащены. По милости губернатора денег за них брать не стали. Более того, так же, как в день прибытия судов к берегам Бразилии, к судам потянулась вереница лодок, яликов, баркасов, вельботов и вообще всего, что могло плавать. Последним делом на «Надежду» были загружены дрова для печки. Увидев их, офицеры ахнули: до следующей стоянки печку придется топить ценными породами деревьев — красным, пальмовым и даже неизвестными листовыми породами.

Первого февраля, когда суда были полностью готовы к отплытию, Крузенштерн послал за Резановым шлюпку. По кораблю пронесся слух, что во время следования Резанова и Куррадо к борту «Надежды» в крепости будет произведен салют. Капитан «Надежды» приказал выставить четыре орудия и приготовить их для ответного залпа.

На следующий день, как только на «Надежде» был поднят один из якорей, от берега отчалила шлюпка с флагом губернатора на корме. На ней находился сам Куррадо и Резанов. Более чем за месяц они сдружились настолько, что Резанов подарил губернатору несколько книг. Милости же губернатора не было конца: и вышеупомянутая мачта, доставшаяся «Неве» бесплатно¹, и полное обеспечение продуктами экспедиции во время стоянки у острова, и полное содействие в научной деятельности, и удобное размещение офицеров на берегу — все это осталось ярким воспоминанием о милости здешнего губернатора во многом благодаря дипломатичности Резанова, сумевшего поддержать доброжелательные настроения своего нового друга.

Когда шлюпка прошла между «Надеждой» и крепостью, ее пушки разразились выстрелами. В ответ на прощальный салют гостеприимного города по вантам судов была расставлена команда, которая криками «ура» приветствовала Куррадо на борту судна. Отбытие губернатора было ознаменовано одиннадцатью ответными выстрелами. Россия прощалась с Бразилией, салютуя ее гостеприимству и отзывчивости людей. Насколько серьезно отнеслись жители Бразилии к визиту русского посланника, рассказал в своих записках приказчик Коробицын: «20 числа посланник наш при выезде из города провождаем был с большею честью. Весь находящейся в городе гарнизонный полк в 3 часа пополудни собран был к губернаторскому дому и построен от самого дому и до пристани в два ряда фрунтом на расстояние 100 сажень. По выходе посланника из губернаторского дому проходя срединю построенного фрунта, коим делана была честь с барабанным боем и преклонением знамен. А по отвале от пристани шлюпок с находящейся при городе батареи, равно и в проследовании до

¹ Приказчик Коробицын, однако, выделил на покупку мачты 1000 талеров. Передача денег осуществлялась через мичмана «Невы» Берга. После широкого жеста губернатора Куррадо Коробицыну деньги, по его словам, возвращены не были, о чем приказчик жаловался дирекции Российско-Американской компании в своих письмах и навлек неудовольствие Лисянского.

самого корабля с прочих всех, по пути находящихся, 5 крепостей сопровождаем был пушечною пальбою. А губернатор со свитою своих чиновников провожал до самого корабля, по возвращении коего с корабля Надежды салютовано из 11 пушек. По отъезде губернатора с корабля Надежды не оставлено оным сделать честь и нашему кораблю посещением со своей свитой которой у нас, напившись чаю, распростиясь, отбыл в город».

Не успела шлюпка губернатора достичь берега, как на корабль прибыл вельбот Альфреда Ланке, нагруженный апельсинами, арбузами, лимонами. Вмиг на палубе начался невообразимый хаос. Все торговались, платили, шумели, покупали... Затем причалило еще несколько лодок, из которых выпорхнули молоденькие девушки, повисшие на шее Фридрици, Берга и Толстого. Последним на борт «Надежды» поднялся лейтенант Головачев, привезший с берега несколько бочек пресной воды.

Но гостеприимная Бразилия, казалось, не хотела отпускать своих гостей «21-го числа, — вспоминает Коробицын, — мы, окончив на корабле нашу работу, заготовясь всем для вояжу нужным, освежась водою и прочею для служителей провизией, и уже совсем готовы были к выходу с рейда, но по причине противного ветра принуждены были еще стоять на оном за ожиданием способного к выходу с рейда ветра. Того же дня в два часа пополудни приехали к нам на корабль из города несколько португальских чиновников и дам, которые пробыли у нас до 12 часов ночи, проведя время весьма весело. А между прочим один из числа наших гостей имел случай в капитанской каюте воспользоваться записной его в сафьянном переплете книжкой и костяным с зубочисткой футляром. Оные вещи тогда же у него примечены были, но в рассуждении такой малости мы, не хотя его в том обнаружить, предоставив в его пользу, с какой добычей и отправились наши гости благополучно».

И лишь 4 февраля 1804 года при свежем марсельном ветре «Нева» и «Надежда», подняв якоря, вышли в океан, оставляя за кормой благословенные бразильские берега.

Глава 7 У ПОСЛЕДНЕГО РУБЕЖА ИМПЕРИИ

Душой я бешено устал.
Точно тайный горб на груди таскаю,
Тоска такая!..
Будто что-то случилось или случится, —
Ниже горла высасывает ключицы...
Российская империя — тюрьма,
Но за границей тоже кутерьма.

А. Вознесенский

После штормов и бурь этот ясный день не мог не порадовать истрепанные тела и души Гаврилы Давыдова и Коли Хвостова. Как коты по весне, отогреваясь теплом столь редкого в эту пору солнца, морские офицеры шатающейся походкой сошли на берег. Вот она — Америка! Долгожданная земля, к которой более полугода были устремлены все помыслы молодых моряков, встречала поистине русским гостеприимством и радушием. Едва судно было пришвартовано, как на пристань стали стягиваться люди из поселка. Основная их масса состояла из индейцев-алеутов, непосредственность которых стала забавлять Давыдова и раздражать Хвостова. Индейцы, приблизившись к морякам, поднимали руки вверх и кивали головами. Давыдов сразу сообразил, что это способ приветствия, и ответил тем же. Его ужимки и взмахи рук, больше похожие на конвульсии, чем на знаки благорасположения к собеседникам, очень позабавили команду «Елизаветы».

В какой-то момент толпа индейцев расступилась, освобождая дорогу русскому коренастому мужчине. Незнакомец остановился перед Гаврилой как раз в тот момент, когда мичман с поднятыми вверх руками с чувством исполнял туземный обряд приветствия. Встретившись взглядом с русским, Гаврила замер в позе разбуженного среди зимы гризли, грозного медведя, готового атаковать свою жертву, и только улыбка на

светлом лице юноши говорила о его добрых намереньях. Незнакомец был лет шестидесяти. Мелкие морщинки в уголках глаз выдавали в нем человека веселого, но в то же время перенесшего много испытаний. Его голова, несмотря на лысину, не была покрыта париком. Подойдя ближе, незнакомец приветственно протянул огрубевшую, мозолистую руку и представился:

— Баранов Александр Андреевич! Правитель русских поселений в Америке. С благополучным прибытием на Кадьяк, господа офицеры!

Хвостов тут же перехватил руку управляющего и крепко пожал ее.

— Лейтенант Николай Александрович Хвостов! Капитан судна Российско-Американской компании «Елизавета»! — представился молодой моряк. — Имею честь прибыть под ваше начало, с надеждой не быть оставленным вашей милостью! Судно худо: сорваны несколько вант, сломан брашпиль, прогорела палуба. Кроме того, течь не позволяет отбыть сразу.

— Отбыть? — искренне удивился Баранов. — Помилуйте, сударь, зима на улице! Как же вы «отбудете»?

— Наслышаны о проблемах снабжения провизией новых русских поселений. Не хотелось бы обязывать...

— Даже слышать подобные речи не хочу! — весело перебил лейтенанта Александр Андреевич. — Теперь вы — мои гости! А что за молодой человек намеревался меня напугать при встрече?

— Этот молодой человек — мой первый помощник, мичман Гаврила Давыдов! Не смотрите, что юн, господин управляющий! Гаврила — мой друг и, несмотря на свои скромные лета, весьма искусен в мореплавании.

Баранов обернулся и как-то по-домашнему, просто, но настойчиво обхватил Давыдова за плечи, увлекая за собой в глубь поселка.

— Я-то уж, грешным делом, думал, что навигация закончена, — продолжил Баранов, останавливаясь у приземистой землянки. — А вы — молодцы, пробились! Когда выплыли:

в этом али в прошлом году? Если заявите, что по весне, сенту за героев.

— В начале сентября «Елизавета» еще верповалась в устье реки Охты, — с напускным равнодушием заявил Хвостов.

Баранов с искренним восторгом в глазах посмотрел на Хвостова с Давыдовым и пригласил их вовнутрь приземистого домика.

— Вот они, мои хоромы! Не шибко комфортно, зато зимой не холодно, — как бы оправдываясь перед юношами, произнес Правитель.

Жилище «хозяина Аляски» представляло собой полуземлянку, накрытую тростниковой крышей с небольшой русской печкой посередине. Из мебели в единственной комнате были стол, большая кровать, тахта и странная, заполненная книгами ниша в стене, служившая как бюро, так и стеллажом. Опрятность бросалась в глаза каждому, посещавшему это пристанище добродетели. Несмотря на кажущуюся простоту стол был сервирован серебряными приборами и фарфором. Баранов рассказал, что недавно в гавань заходило английское судно, капитан которого в благодарность за теплый прием подарил ему столь редкие для этих мест столовые предметы. Продав русским продовольствия ровно столько, сколько Баранов рассчитал на зиму, счастливый англичанин, нагруженный шкурами каланов, отбыл в юго-западном направлении. Так как запасов было пока что в избытке, Баранов не скупился, угощая гостей.

— Однако не подумайте, господа, что посещения нашего порта иностранными судами столь часты. Отнюдь! Счастливая удача послала нам англичанина с его провизией. Знаете ли, здесь, на Кадьяке, пуд муки иной раз ценится дороже золота. Если вы успели заметить, дикие увешаны золотыми побрякушками. Говорят, что на Большой реке этого металла много. Мне бы сюда горного инженера, может, и золото стали бы мыть. А так — на все рук не хватает. Когда пришел «Александр Невский» без провизии, я в очередной раз поблагодарил Бога за то, что тот послал нам англичанина. А вас и вовсе не ожидал! Так что зима теперь будет сытая: Значит, и с дикими будет мир.

Шло время и добрый характер «властелина Аляски» проявлялся все больше, поражая моряков своими свойствами. Чувственный и внимательный, Гаврила Давыдов донес до нас словесный портрет Александра Андреевича Баранова: «Я не мог без некоторого уважения смотреть на человека, посвятившего жизнь свою для приведения в лучшее состояние отраслей торговли. Двенадцать уже лет как он живет в Америке, с народами дикими и грубыми, окруженный всегдашними опасностями, борясь с закоренелым развратом находящихся здесь русских, с беспрестанными трудами, со всеми недостатками, нередко с самым голодом; притом не имеющий ни одного почти человека, способного содействовать ему с таковою же ревностью, был лишен способов не только распространить здешнюю торговлю, но даже противиться мщению некоторых народов или облегчить участь других, поработенных Российско-Американскою компаниею. Кажется, как будто он без всякой помощи оставлен в самом себе находить средства к пробавлению своему и поддержанию заведений в Америке. Все сии труды, препятствия, горести, недостатки и неудачи не ослабили духа сего редкого человека, хотя, конечно, добавили нраву его некоторой мрачности. Баранов не весьма говорлив, сух, покуда хорошо не познакомится, но объясняется всегда почти с жаром, особливо о том, что его занимает. Он не легок на знакомство, но для друзей своих ничего не пощадит. Любит угощать иностранцев всем, что имеет, и всегда с удовольствием поможет бедным. Совершенное бескорыстие — не первая в нем добродетель. Он не только не жаден к собиранию богатств, со вредом ближнего, но и праведное стяжание свое охотно уделяет отсутствующим знакомым своим, претерпевающим недостаток. Твердость духа его и всегдашнее присутствие разума являются причиной тому, что дикие, не имея любви к этому человеку, уважают его, и слава имени Баранова гремит между всеми варварскими народами, населяющими северо-западный берег Америки, даже до пролива Жуан-де-Фук. Дикие, живущие в отдаленности, приезжают иногда смотреть его и дивятся, что столь предприимчивые дела могут быть исполняемы человеком столь малого роста. Баранов ро-

стом ниже среднего человека, белокур, плотен и имеет весьма значащие черты лица, не изглаженные ни трудами, ни летами, хотя ему уже пятьдесят шестой год».

Баранов весьма искренне радовался неожиданному прибытию «Елизаветы». Пять лет подряд эти края не посещало ни одно судно, вышедшее из Охотска, кроме галиота «Александр Невский», отправленного прошлым летом. Во время плавания этого галиота в пути было потеряно около 15 человек. Причиной их гибели стала неизвестная болезнь, начавшаяся незадолго после отплытия «Александра Невского» из Охотска. Перезимовав на острове Атха, команда судна заразила неизвестной болезнью местных жителей, поставив население всего острова на грань выживания. Истратив все продовольственные запасы, «Александр Невский» прибыл на Кадьяк месяцем раньше с пустыми трюмами, управляемый горсткою больных и немощных людей. Капитан галиота Маринин сообщил Баранову, что в Охотске строится «Елизавета», которая должна прибыть на будущий год. Столь ранее прибытие судна под командованием Хвостова и Давыдова стало для Баранова приятной неожиданностью, потому как суда Компании никогда не остаются в море до ноября, ища себе пристанище на попутных островах.

Появление «Елизаветы» с довольно большим запасом провизии и здоровой командой позволило Баранову успокоить местные племена индейцев, которые уже готовы были последовать примеру своих собратьев на материке, подвергших истреблению русское поселение на острове Ситка. Индейцы почему-то считали, что Баранов и его промышленники — последние русские, истребив которых можно будет избавиться навсегда от их власти. Прибытие в течение месяца после пятилетнего перерыва сразу двух судов переубедило их в обратном.

Для самого Баранова прибытие этих судов имело не менее важное значение. Дело в том, что в магазинах Компании лежало 16 000 выделанных шкур морской выдры или калана, не считая шкур лис, медведей, куниц, горностаев. Все это добро Александр Андреевич боялся оставлять при

себе, резонно сознавая, что кто-то рано или поздно позарится на «пушистое золото»: или индейцы, торгующие шкурами с американцами, или же сами американцы совершат пиратский набег на практически неукрепленный форт. Неопытному капитану «Александра Невского» управитель тоже не доверял, полагая, что до Охотска галиот с таким командованием может и не добраться. Появление «Святой Елизаветы» успокоило Александра Андреевича, а опытность капитана судна вселила надежду, что ценный груз будет доставлен вовремя и по назначению.

Давыдов с Хвостовым в свою очередь также были довольны тем, что целую зиму смогут прожить на Кадьяке для удовлетворения своего любопытства. Задержка обещала быть довольно непродолжительной и в то же время весьма познавательной. Это вселяло надежду на то, что вскоре можно будет установить регулярную связь между материком и островами. У Хвостова был еще один расчет: он понимал, что окажет Компании важную услугу быстрой доставкой груза, стоящего около двух миллионов рублей.

— Если выйдем отсюда в мае, тогда в июне, числа двадцатого, будем в Охотске, — рассуждал Хвостов. — Значит, до Рождества будущего года успеем вернуться в Петербург!

Баранов ухмыльнулся:

— Ах, юноши, когда-то и я так же считал месяцы, дни, часы до истечения контракта с Российско-Американской компанией. Договор-то был всего на пять лет, а вот уже, почитай, восьмой год здесь сиживаю. И, знаете ли, счастлив! Да-да, господа офицеры! И счастлив не тем, что выгоду приношу Компании, а тем, что приношу пользу людям! Мне нравятся простые нравы диких, их независимость и любопытство, нравится быть во главе какого-то свершения, нравится заводить поселения, основывать школы, учить диких церковному уставу и приводить их к Господу. Но особенно приятен мир, который меня окружает: эти горы и океан, леса и редкое, но очень ласковое солнце. Вы полюбите эти края, господа, и не будь я Александром Андреевичем Барановым, если вы не будете возвращаться сюда вновь и вновь, хоть бы во снах и мыслях.

За столом «хозяин Аляски» поведал офицерам всю свою жизнь. Родился он зимой 1746 года в городе Каргополь в семье мещан Андрея Ильича и Анны Григорьевны Барановых. Кроме Александра в семье было еще трое детей: сын Петр и дочери Евдокия и Васса. Тогда его фамилия еще писалась «Баранов». По совершеннолетию будущий Главный правитель американских земель женился на купеческой вдове — Матроне Александровне Марковой, усыновив ее двух малолетних детей. В это же время вошел в сословие купцов и до 1780 года имел дело в Москве и Петербурге. Продолжал свое образование самоучкой, неплохо знал химию, горное дело. Торговые начинания привели Александра Андреевича в Сибирь. За свои статьи о Сибири в 1787 году он был принят в Вольное экономическое общество. В 1778 году Александру Баранову и его брату Петру правительством было поручено обосноваться в Анадыре, где братья имели водочный и стекольный заводы. Ими были организованы несколько промысловых экспедиций на северо-восток Азии. Оказавшись в Охотске, Баранов познакомился с Григорием Ивановичем Шелиховым, которого называли Российским Колумбом, создавшим в 1775 году компанию для пушного и зверобойного промысла на северных островах Тихого океана. Шелихов подивился размаху предприятия Баранова и его энергии. Особенным качеством Александра Андреевича было умение договариваться с людьми. Именно хозяйственная жилка Баранова и его коммуникабельность заставили Шелихова сделать Баранову предложение принять под свое управление далекие американские земли. Но Баранов, сославшись на загруженность делами собственной компании, отказался. Зимой 1789 года производство Баранова было разорено воинственно настроенными чукчами. Переехав в 1790 году в Иркутск, Александр Андреевич вновь встретился с Шелиховым, который в этот раз пригласил Баранова на место управляющего Северо-западной компанией.

К тому времени сам Шелихов и его люди побывали на острове Кадьяк, в Кенайском заливе, в Чугачском заливе, у острова Афогнак, прошли проливом между островом Кадьяк и Аляской. Шелихов шаг за шагом расширял сферу

интересов России на Тихом океане. На северном берегу Кадьяка, ближайшем к Аляске, в Павловской гавани строилась крепость и росло селение, строились крепости на Афогнаке и при Кенайской губе. Шелихов был знаком с Барановым еще с 1775 года. Отвергнув предложение Шелихова в первый раз, после разграбления фабрики в Анадыре Баранов был принужден обстоятельствами поступить на службу Компании.

15 августа 1790 года между Шелиховым и Барановым был заключен следующий договор: «Мы, нижеподписавшиеся, рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев сын Баранов, постановили сей договор о бытии мне, Баранову, в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной компании, там расположенной...» Согласно этому договору Александр Андреевич Баранов соглашался на выгодных условиях управлять Компанией в течение 5 лет. Контракт был утвержден в Охотске 17 августа 1790 года. Условия контракта материально обеспечивали жену и детей, оставшихся на материке.

После двухлетнего пребывания на Кадьяке Шелихов отправился в Россию, где в 1791 году он опубликовал книгу о своих странствиях, а Баранов отправился в Америку.

По приказу Компании Главный правитель Русской Америки Александр Андреевич Баранов в 1798 году основал поселение на острове Ситка. Коренные жители этого острова называли себя тлинкитами, русские величали их колошами. Колоши были храбрым, воинственным и свирепым народом. Команды американских кораблей, приобретающих у индейцев бобровые шкуры для китайского рынка, снабжали колошей огнестрельным оружием, которым те прекрасно овладели. Тем не менее Баранов сумел внушить им уважение к русским подарками справедливостью и личной храбростью. Он носил под платьем тонкую кольчугу и был неуязвим для стрел колошей, а имея познания в химии и физике, поражал воображение и почитался за богатыря, хотя не вышел ни ростом, ни силою физической.

Морские офицеры, много наслышанные в столице о Баранове, были рады личному знакомству с этим на редкость удивительным человеком. Когда первый столь насыщенный событиями день клонился к концу, в дом Баранова без стука ввалился боцман Семчин с сообщением, что «Елизавета» разгружена. Попросив Баранова повременить с отходом ко сну, Хвостов сбегал к причалу за своими вещами. Как драгоценность, доставленную с противоположного конца Земли, лейтенант нес шкатулку и письмо, которые вручил ему в Петербурге Николай Петрович Резанов.

Передав ее Баранову, Хвостов сел у противоположного края стола. Давыдов, не дождавшись друга, уже спал на софе.

Баранов, с интересом оглядев шкатулку, отложил ее в сторону и, вскрыв письмо, при слабом свете лучины стал вглядываться в его строки. Неожиданно он приосанился, затем встал и с трепетом в голосе спросил, обращаясь к Хвостову:

— Знаете ли вы, лейтенант, какую благую весть принесли мне?

Хвостов взял письмо, которое протянул юноше ошарашенный Баранов, и сам обомлел. На гербованой бумаге стояла подпись самого Александра I. В письме император сообщал, что за свои заслуги Александр Андреевич Баранов указом 1802 года награжден именной золотой медалью на ленте Святого Владимира и произведен в коллежские советники, становясь чиновником шестого класса Табели о рангах, что отныне давало ему право на потомственное дворянство. С несмелостью ребенка, неожиданно получившего долгожданную игрушку, Александр Андреевич открыл шкатулку. В ней оказалась та самая, пожалованная царем, золотая медаль. Аверс медали украшал профиль покойного императора Павла I, а на оборотной стороне была высечена надпись: «Каргопольскому купцу Баранову в воздаяние усердия его к заведению, утверждению и расширению в Америке российской торговли. 1799 года». Это была первая в русской истории именная золотая медаль, пожалованная лицу из купеческого сословия.

Отложив в сторону драгоценные подарки и собравшись с мыслями, Баранов продолжил рассказ о своей жизни.

Хвостов, наполнив стаканы французской водкой, подсел поближе.

— Я ведь, Николай, — произнес Александр Андреевич, — не пустые дифирамбы вашему уменью водить корабли пою. Мне было уже сорок четыре года, когда я на компанейском галиоте «Три святителя» перешел из Охотска на остров Уналашка, у берегов которого галиот во время шторма потерпел крушение. Главное, что всех людей удалось спасти. Здесь мы и основали первое поселение. Самой сложной выдалась первая зима. Люди у меня были разные. Одни, договорившись с дикими, ушли на байдарках воевать с соседними племенами и нас ограбили. Другие, взятые мною из каторжных, ленились и пользы приносили мало. Тогда все в дело пошло: и кнут, и работа за еду, и уговоры. Монахи, прибывшие со мной обращать язычников в христианскую веру, негодовали по поводу обещанной, но непостроенной церкви. Пережили зиму, но до матерой земли было далеко. Засеяли по весне огороды чудом сохранными семенами. Картошка, капуста, репа, брюква, морковь, лук и чеснок вызревали, а для хлеба здешнего солнца не доставало. Дикие хлеб не едят. От хлеба у них животы болят, а потому питаются только рыбой. Для нас же эта замена была болезненной. К осени стало и того хуже: питались ракушками, травами, древесной корой, били орлов, ворон, ели все, что попало.

Баранов не договорил, погрузившись в свои мысли. Он вспомнил те первые годы своего пребывания на Алеутских островах. Промысловые суда, отправленные из Охотска, не достигали цели, гибли в пути. Те немногие, что достигали Уналашки, стали настоящим проклятием Алеут. Их капитаны (а точнее, промышленники, возомнившие себя покорителями океанов), привыкшие к вольнице, противились всякому порядку. Приход каждого судна сопровождался распутством и пьянством, в которое пускались уставшие от плаваний моряки. Бесхитростные туземки становились легкой добычей изголодавшихся промышленников. Это привело к обострению отношений с племенами индейцев, населявших эти территории. Первый Правитель должен был не только образу-

мить и защитить колонистов, уберечь от голода, обустроить их быт, но и поддерживать мирные отношения с индейцами. Когда запугиванием, когда простым договором он успокаивал кровожадных тлинкитов, или конят¹, как называли это индейское племя русские. И непременно, капитанам всех иностранных судов, волею судеб оказавшихся в новых владениях Российско-Американской компании, Баранов гордо объявлял, что владения сии — российские. Но самое главное: надо было вершить то дело, ради которого сюда прибыли русские, — разведывать и осваивать земли, добывать зверя. У любого бы руки опустились перед этой чередой трудностей. Но только не у Баранова! Выбор Шелихова был безошибочным. Вместе со всеми Правитель валил лес для построек, жил в палатках, мирился с теснотой маленькой протекавшей хижины, питался как все. В схватках с индейцами он считал для себя важным быть в первых рядах, когда редкий бой обходился без ранений.

В отношениях с коренными жителями русские не противопоставляли себя ни алеутам, ни эскимосам, ни индейцам, им были чужды не только геноцид, но и расизм. Впоследствии знаменитый английский мореплаватель Джордж Ванкувер, исследовавший тихоокеанское побережье Северной Америки, отметит: «Я с чувством приятного удивления видел спокойствие и доброе согласие, в котором русские живут между самими грубыми сыновьями природы. Сохраняют они над ними власть не страхом и угрозами, как то обычно бывает, но, кажется, русские нашли дорогу к их сердцам и приобрели от них почтение и любовь». Проявляя подлинно государственную дальновидность, Александр Андреевич Баранов стремился упрочить мирные взаимоотношения с туземцами, привить им представление об их подданстве Российской империи, теснее привязать эти народы к России посредством восприятия ими русской культуры. Для этого на новых, совсем еще не освоенных территориях были созданы не только благоустроенные

¹ Коняги, конягмиуты — западная группа тихоокеанских эскимосов, заселявшая острова Кадьяк, Афогнак и южную часть полуострова Аляска (у пролива Шелихова).

поселения, но и судостроительные верфи, мастерские, школы, больницы. Охотничьему укладу жизни коренного населения в виде положительного примера самообеспечения было противопоставлено хлебопашество, огородничество и скотоводство. Русские научили индейцев торговать, убеждая их в том, что с помощью торговли можно получить те материальные ресурсы, которые племена отвоевывали друг у друга в бесконечных кровопролитных стычках. Стали обычными браки русских с представительницами местного населения.

Позже, под влиянием Резанова, Баранов выступит с инициативой просвещения коренного населения Аляски. На средства Российско-Американской компании будут выстроены школы. Аляска и прилегающие острова станут первой территорией Российской империи, на которой будет осуществлена программа общего образования, а затем и подготовка мастеровых различных профессий, мореходов и судовых механиков из туземных детей и креолов. Их станут обучать не только на островах, но и в Охотске, Якутске, Иркутске, даже в Петербурге. Впоследствии все они возвратятся в родные места и поступят на службу в Компанию.

Но все это будет позже, а зимой 1792 года первым переселенцам, из-за изношенности собственных одежд в негодеприимном климате, пришлось переодеться в алеутские анораки, парки, меховые штаны и унты. Имея склонность к изобретательству, Баранов научился варить «хвойное пиво» против цинги, добывать скипидар, придумал специальный состав для смоления лодок, умел ставить паруса, научился счислению широт и долгот по приборам. Заразившись отвагою алеутов, ходивших в море на одиночных кожаных байдарках, Правитель проплыл в такой байдарке вокруг Кадьяка, оглядел его гавани, запасы леса, искал глину для кирпичей и медь, в которой очень нуждался, задумав строить тут корабли. Поселок, основанный Шелиховым, из-за отсутствия вблизи древесины он перенес на другой конец острова. И во все стороны разослал дисциплинированных и принявших волю нового Правителя людей охотиться, «проводывать земли» и обживать.

По его заданию в 1791 году Дмитрий Бочаров впервые осмотрел свыше 500 км северного берега полуострова Аляска, пересек его и открыл озеро, названное в честь первооткрывателя. Герасим Измайлов в 1792—1793 годах искал сушу в заливе Аляска к югу от острова Кадьяк. Егор Пуртов в 1794 году наткнулся на губу, не замеченную ранее мореплавателями. В ее вершине он обнаружил дельту многоводной реки, текущей с севера. На берегах реки Пуртов нашел медную руду, наличие которой открывало русским перспективы строительства судов и производства орудий труда. Сейчас это покажется незначительным достижением, но в те времена и в тех условиях для колонистов это открытие стало настоящим событием. Реку так и называли — Медная.

Весной 1794 года в Воскресенской гавани было заложено трехмачтовое судно «Феникс». Руководил постройкой ирландец Джеймс Шильдс — трудолюбивый, с крутым нравом искатель приключений. Промышленники величали его по-русски Яковом Егорычем. Он, как практически все равнявшиеся на Северо-восток к берегам Америки, был выдвиженцем Шелихова. Заразившись энергией «пушного хозяина Сибири», Шильдс в 1789 году заключает с Шелиховым договор о строительстве в Охотске судна для меховой торговой компании. В следующем году судно «Северо-восточный орел» было выстроено на верфях Компании в устье реки Охоты. В 1791 году Шильдс с командой на корабле «Северо-восточный орел» захватили остров Уналашка и присоединили ее к владениям Компании. В 1792 году команда Шильдса высадилась на острове Кадьяк. Управляющий «Северо-Восточной компании» Баранов назначил его, Шильдса, ответственным за поиск новых островов, богатых котиками и каланами, и за организацию охоты на них. Летом 1795 года Яков Шильдс по заданию Правителя продолжил поиски островов к югу от Кадьяка до 55° северной широты. Затем он проследовал по этой параллели на восток до побережья материка, собрал расспросные сведения об архипелаге Александра. В мае 1797 года Шильдс на судне «Северо-восточный орел» за рекордный срок (600 миль за 7 дней) доставил припасы русским поселенцам в Якутате.

которые находились в крайне бедственном положении. Пожалуй, Шильде был единственным профессиональным моряком и судостроителем на берегах Аляски на тот момент. Правда, в Петербурге к его деятельности относились с опаской, считая его английским шпионом. Вряд ли кто-то в России понимал, что ирландские корни гордого моряка не позволили бы ему преданно служить британской короне. Он наравне с русскими добывал славу для своей новой родины с неумолимой страстью к познанию нового.

Весной 1797 года на островах появился долгожданный горный техник Дмитрий Тарханов, который посетил реку Медная, осмотрел часть гор Чугач и выяснил, что в верховьях реки расположены небольшие озера. По его рекомендации здесь был поставлен первый на американском материке русский медеплавильный завод. Тогда же Филипп Кашеваров описал озеро Илияна у одноименного вулкана. Мореход Иван Кусков летом 1801 года на байдарках обошел остров Ситка и в проливах обнаружил множество каланов. Пушной промысел получил новый толчок, стимулируя развитие всего региона.

Сам Баранов в 1791—1793 годах обогнул остров Кадьяк, часть полуострова Кенай и описал Чугацкий залив. Тогда же он провел первую перепись населения российских владений в Америке. В 1795 году со стапелей первой русской судоверфи в Америке, расположенной в Вознесенской гавани, был спущен куттер «Ольга». Затем построили «Дельфин», который, впрочем, сразу оправдал свое название¹, поражая даже такого неизбалованного моряка, как Баранов, своими отвратительными мореходными качествами. Тем не менее в том же году, командуя куттером «Ольга», Правитель самолично обследовал северный и восточный берега залива Аляска до острова Ситка включительно. Во время этой экспедиции в заливе Якутат был поднят российский флаг. С тех пор сомнений в принадлежности новых территорий России не возникало больше ни у кого. В 1799 году неустоимый Баранов, командуя своей маленькой

¹ Дельфин у моряков считается неповоротливым и тихходным обитателем морских глубин.

флотилией, состоящей из трех судов: «Ольга», «Дельфин» и «Феникс», перешел от острова Кадьяк к острову Ситка. Основав на острове русскую крепость Святого архангела Михаила и перезимовав в ней, экспедиция вернулась на Кадьяк, оставив на Ситке промысловую партию.

Летом 1802 года деревянная крепость была сожжена индейцами-тлинкитами. Баранов тогда и предположить не мог, что на этот отчаянный шаг аборигены пошли благодаря науськиванию капитана того самого брига, который недавно побывал на острове. Серебряный сервиз остался ярким напоминанием о коварстве английских союзников. А корабельным пушкам англичанина, которые купили у него тлинкиты, вскоре предстояло сеять смерть в рядах русских промышленников, вернувшихся на Ситку, чтобы отомстить индейцам за гибель сородичей.

— Я награжден, а Ситка потеряна! — в сердцах воскликнул Баранов, рассматривая медаль. — Нет! Я не могу жить! Иду — или умереть, или включить Ситку в число земель Августейшего моего благодетеля!

— Не стоит этого делать сейчас! — послышался голос у дверей. — Зимой мы много не навоюем. Нужно дожидаться весны, достроить суда, вооружить их и людей! А тогда уже сильные могуществом воинским и волей людей, окружающих нас, пойдем на колошей и вернем земли, предательством у нас отобранные!

— Знакомьтесь, господа! — Баранов встал навстречу человеку, стоявшему в дверном проеме. — Это Кусков Иван Александрович, мой земляк и первый помощник. Если нужны какие — прошу, к нему в первую очередь обращайтесь.

Хвостов и проснувшийся Давыдов, поздоровавшись, сообщили о содержании трюмов вновь прибывшего судна. Улыбка на лице Кускова свидетельствовала о том, что товары прибыли как никогда вовремя. Выслушав доклад Хвостова, вечно занятый Кусков поспешил проверить работу промышленников по переноске груза с борта корабля в магазины Компании. Гаврила, чье любопытство не знало границ, напросился с Кусковым, предлагая свою помощь по описи товаров.

Когда наконец капитан «Елизаветы» и Правитель Америки остались наедине, Хвостов склонился к своему гостеприимному собеседнику и заговорщицким тоном спросил:

— Знакомы ли вы, Александр Андреевич, с господином Резановым?

— А как же! Он мне еще в Иркутске великую услугу оказал. Его зовут, если не изменяет память, как и вас — Николай! Зятем Шелихову приходится.

— Николай Петрович Резанов представляет интересы Компании при дворе. Акции Компании куплены Императором и членами царствующей фамилии. Отныне Компания не есть сугубо частное предприятие, а представляет собой государственную монополию. Ваши звания не зря вам дарованы. Отныне вы не просто торговый Правитель Компании, а чиновник Государства Российского, дворянин. Господин Резанов в связи с открывшимися новыми перспективами России велел передать вам еще один конверт, в котором вы найдете инструкции по дальнейшим действиям на вверенных вам территориях.

С этими словами Хвостов надорвал полу камзола и вынул мятый пакет, скрепленный печатью Российско-Американской компании, письмо было датировано 18 апреля 1802 года. Баранову стало ясно, что Компания печется о новых землях, освоенных русскими. Из текста следовало, что англичане во главе с Ванкувером готовы были признать земли севернее 52-й широты русскими территориями, а потому Баранову не советовалось вступать с ними в полемику по поводу новых приобретений России. Некая неопределенность была даже на руку государству. Она позволяла избежать обострения отношений с англичанами, с которыми, однако, согласно инструкции, следовало держать ухо востро и в случае споров настаивать на принадлежности новых территорий России. Описав политическую обстановку в мире, которая позволила бы Правителю ориентироваться в отношениях с капитанами прибывающих на Кадьяк иностранных судов, управители Российско-Американской компании посвятили следующую половину письма Якову Шильдсу — капитану «Феникса». С одной стороны, советовали приложить все уси-

лия, чтобы сделать опытного штурмана русским подданным, с другой — быть осторожным, так как Шильдс общается с англичанами и не все его поступки понятны Компании, а отсюда и недоверие. В конце письма прозвучал призыв сохранять тайну общения с главным правлением Компании, которое переехало в Петербург, отсылая донесения непосредственно в столицу, а не в Иркутск, как это делалось раньше. Но самое главное было написано в первых строках: Россия в лице своей самой крупной торговой компании требовала не останавливаться на достигнутых широтах, а по возможности расширять сферу интересов государства далее на юг. Это требование было продиктовано тем, что американский Север, колонизируемый русскими, не мог обеспечить себя провизией из-за суровости климата, а продвижение вдоль тихоокеанского побережья на юг позволило бы полностью удовлетворить потребности Аляски и Алеут в продовольствии.

Эта ночь становилась для Баранова знаковой. Утром он проснется не просто купцом, а практически полновластным Правителем первой русской автономии, которую современники Александра Андреевича окрестят хоть и пьяной, но все-таки республикой. И эта республика без конституции просуществует еще шестьдесят пять лет, где главенство труда заменит людям и закон, и власть.

— А Шильдса-то нету! Не о ком печься! — с ноткой досады произнес Баранов, пряча письмо в карман камзола. — Ушел на «Фениксе» на матерую землю Америки. Так более никто его и не видел. Одни русские остались да дикие.

— Александр Андреевич, на словах вам велено передать еще одно сообщение. Российско-Американская компания снарядила два корабля с целью снабжения новых земель морским путем. Согласно планам к вам должен летом прибыть вооруженный корабль. Он привезет компанейские товары в нужном количестве и заберет груз меха.

— Весь груз не поместится в трюмы одного судна. Вы, Николай, просто не знаете, сколько шкур в компанейских магазинах. Одних котиков на семьсот тысяч рублей. Калана — и того больше. Про белку, песца, медведя уже и разговора не веду.

Груз нужно вывозить срочно, и этим займетесь вы, не дожидаясь судна, которое по воле Божьей может и не добраться до нас. А бостонцы появляются регулярно. Их наши меха манят, как магнитом. Нет, рисковать я не могу! Отбудете с началом навигации.

— Но весной в экспедицию против колошей возьмете? «Елизавета» с ее артиллерией лишней не будет.

— Нет уверенности ни в скорой экспедиции, ни в ее успехе. А наносить убытки Компании, которая вверила мне судьбы здешних обитателей и дала хозяйские полномочия, я не могу. Однако же посмотрим...

Шел четвертый час ночи, когда Хвостов и Баранов загасили лучину и легли спать. Наступила зима. Ночные бури бывали столь свирепы, что весь дом Баранова ходил ходуном, а крышу, казалось, вот-вот сорвет очередным порывом ветра. Утром пошел снег. Начало зимы показалось офицерам довольно утрюмым, так как до образования плотного снежного покрова мало кто покидал жилища. У Давыдова с Хвостовым оставалось единственное развлечение — стрельба из ружей по птицам. В один из таких дней Гаврила, переборщив с зарядом пороха, произвел выстрел. Ствол ружья разорвало, а Хвостова оглушило так, что на его крики сбежалась половина поселка. Давыдов, опасаясь гнева друга, с кровоточащей рукой юрко выскочил из избы и отправился к побережью, чтобы промыть рану. И тут он увидел необычную картину. В море по шею в ледяной воде сидел индеец-тлинкит, который, казалось, совсем не обращал внимания на погоду. Подойдя поближе, Гаврила спросил у индейца, зачем он погружается в холодную воду, да еще совершенно нагим? Индеец довольно неплохо говорил по-русски и из рассказа тлинкита мичману стало известно, что индейцы Северо-западного побережья Америки таким образом закаляют свой боевой дух. Кроме того, собеседник Гаврилы совместил морские процедуры с мытьем своего брэнного тела. В воде он просто отдыхал после бани. Бани у индейцев были задолго до появления русских. По сути, они мало чем отличались от наших родных бань. Чистоплотность коренного населения вызвала неподдельный восторг Гаврилы.

С момента странного знакомства с индейцем, которого звали Чинанхи, Гаврила начал вести еще один дневник, который вскоре вырос в настоящий русско-индейский словарь. Потом этих словарей стало два: алеутского и тлинкитского языков. Встречи с тлинкитами стали носить регулярный характер и вскоре мичман познакомился со всеми тонкостями культуры и быта индейцев. Столь редкое внимание к их образу жизни заставило индейцев присмотреться к молодому русскому офицеру. Во время своих традиционных игрищ тлинкиты и алеуты стали приглашать юношу, который неплохо овладел местным наречием, и сажать его рядом с Барановым, как дорогого гостя, оставляя Хвостову место в конце стола, на что лейтенант сильно обижался. Сначала игрища были посвящены успешному окончанию рыбной ловли, затем состоялись пляски, обращенные к солнцу с призывами показаться хотя бы на минутку. После были игры, посвященные звериной охоте, таянию снегов, морскому ветрам и другим природным явлениям. В этих развлечениях всегда принимали участие шаманы, музыканты с бубнами. На них съезжались коренные жители всех окрестных островов, и это, пожалуй, было единственным развлечением местного населения зимой. Все три зимних месяца Давыдов провел в небольших путешествиях на байдарке к окрестным островам. Его времяпрепровождение не особо отличалось разнообразием. Мичман посвятил себя чтению, прогулкам по берегу с ружьем.

Библиотека Баранова оказалась настоящим сокровищем в этих Богом забытых местах. С собой Правитель привез сочинения своих современников и английскую литературу по судостроению. Офицеры иностранных судов, посещавших остров, пополнили библиотеку Баранова книгами французских вольнодумцев. Давыдов был увлечен Вольтером, а здесь, во владениях Российско-Американской компании, творения французского вольнодумца можно было читать без риска быть арестованным и сосланным в Сибирь. Офицеры сослали себя куда дальше, а Сибирь для них стала не более чем российской глубиной, тылом Компании. Однажды Гаврила поделился

своими восторгami в адрес Вольтера с Давыдовым и... напоролся на ссору.

— Это для них, для европейцев, стремление к свободе — это стремление к безделью, к освобождению от моральных норм в угоду собственным слабостям, к избалованности тела. Для нас, русских, свобода — это прежде всего освобождение духа. Мы находим свободу в труде и мышлении, в возможности бороться за Родину и вершить во имя ее дела, за которые перед потомками не стыдно будет. Да, мы с тобой самые свободные люди, Гаврила! Вот здесь, на дальних рубежах империи, — ни крепостничества, ни чиновников, ни барина, ни страха, ни ограничений, а люди спиваются! Я спиваюсь! Кому нужна эта пьяная республика? Вот она твоя свобода, мичман! Для меня свобода — это некая форма самоограничения! А здесь все дозволено, поэтому я не чувствую себя свободным! Я — раб своих слабостей! Я из русского превращаюсь в колоша, алеута, дикаря!

— Коля, они не такие уж и дикие! А мы их угнетаем, разрушаем их культуру...

— Какую культуру? Дурак ты, Гаврила, ей-богу, дурак! Не понимаешь ты меня! Чем дикие всю зиму занимаются? Спят, как росوماхи, в бубны бьют да водкой упиваются! А Баранов им школы строит, свободу от собственного мракобесия дает! Детей в Петербург отправляет учиться на мастеровых и морских офицеров! Ах да, еще работать заставляет, а не воевать. Не у чужого, такого же дикаря, добро отнимать в войнах, а самому добывать, строить, накапливать, тратить. Да только нужна ли им наша русская свобода? Нет! Эти дикие, по сути, такие же вольтерьянцы, как и ты, правда не знают об этом! Читать по-французски не научены!

— Коля, у каждого своя свобода!

— А вот эту свободу, — Хвостов ткнул пальцем в бутылку водки, — не мы, русские, им привозим, а англичане, французы, американцы. Ты думаешь, почему русские корабли раз в год приходят, а водка не переводится? Спасибо вольтерьянцам! Про Михайловскую крепость на Ситке слышал?

— Ту, что дикие сожгли?

— Дикие... Укрепления в крепости были неприступные. Намедни американские матросы с разбившегося корабля в крепость попросились. Наши по доброте душевной пустили их, так американцы ночью во время приступа крепости ворота диким и отворили. За это дикие во время расправы над русскими американцев не тронули. Утром сразу три судна прибыло: одно английское и два — Северо-Американских Штатов. Недалеко были, бой слышали, а не помогли. У этих свободолюбцев собственная шкура — самый ценный предмет. И плевать им на диких и на нас. Потому и славивают, потому и спаивают. В беззаконии, которое они называют свободой, проще выгоду свою блюсти! Для того эта самая свобода и нужна! Она всех устраивает: и европейцев, и американцев, и диких, и наших некоторых дураков. Но ни меня, ни Баранова, ни помощников, его Плотникова с Кусковым, не устраивает!

Спор разгорелся нешуточный, и Хвостов, не смея поднять руку на друга, выместил свою злобу на проходивших мимо промышленников и стеклах их домов. Разбив очередное оконное стекло, пьяный Николай просовывал голову в проем и орал на вусмерть перепуганных обитателей поселка: «Что спите? Все на свете готовы проспать и жизнь свою, и свободу! Михайловскую крепость тоже проспали! Свиньи необразованные! Я один должен вас защищать! А может, революций ждете? Хрен вам!» С этими словами, пригрозив кулаком, Хвостов, глотнув очередную порцию водки, отправлялся к следующему дому разъяснять особенности внутренней и внешней политики, как он сам ее понимал. Мичман Давыдов, пытавшийся урезонить разошедшегося друга, был грубо им отослан в места, куда Макар телят не гонял, после чего Гаврила плюнул вслед разгуливавшемуся Хвостову и ушел в дом Правителя. Но и для самого Баранова эта ночь оказалась бессонной: вернувшийся после «прогулки» Хвостов разбудил Правителя и до утра вел с ним разъяснительные беседы, рассказывая как Александру Андреевичу стоило бы вести свои дела. Беседа закончилась лишь под утро советом Хвостова ввести на вверенных Баранову территориях кре-

постное право. Удовлетворенный своими умозаключениями, Хвостов наконец-то повалился без сил на хозяйскую кровать и проспал до следующей ночи.

Давыдов, не желая больше наблюдать пьяные выходки своего друга, решил покинуть Кадьяк и исследовать близлежащие острова. Взяв провизии дней на пять-шесть, он сел в байдарку и покинул гавань в сопровождении целой флотилии из нескольких байдарок любопытных алеутов. Подобные путешествия Гаврила совершал частенько, предпочитая тяготы борьбы с холодной волной прозябанию в поселке. По дороге мичман и алеуты занялись охотой на птиц, вполне удачной для зимнего времени года. Пристав к берегу в нескольких милях от русского поселения, Давыдов пошел в лес, чтобы набрать хворосту для костра, где в очередной раз повстречал косолапого, однако, по его собственным словам, «разошлись без всякого приключения зла друг другу». Оставшись ночевать на берегу, мичман наконец-то смог внимательно разглядеть трофеи, набитые за день из ружья: орла с белым хвостом, утку и несколько куликов. На следующий день Гаврила продолжил свое плавание вокруг острова. Сначала погода была довольно теплая и ясная, но к вечеру свежий противный ветер застал его посреди Кижуецкой бухты. Погода и близость ночи заставили пристать его к Кижуецкому селению индейцев, которое русские называли жиллом. Будучи частым гостем в индейских хижинах, юный мичман стал практически своим человеком среди дикарей. Он выучил разговорный язык тлинкитов, составил словарь и описание племени, которое современные исследователи истории Американского континента считают одним из самых точных источников, дающих представление о жизни племен северной части материка. Тлинкиты, с которыми пришлось общаться Давыдову, были самым развитым народом среди индейских племен, отлично владели огнестрельным оружием и артиллерией. Имели четкую военную иерархию и развитую инфраструктуру для ведения боевых действий. Будучи от природы наделенными недюжинной силой и потрясающей выносливостью, тлинкиты

были идеальными воинами. Интерес к их культуре и обычаям со стороны русского человека заставил уважать Давыдова и оказывать ему почести наравне с вождями племени. Поэтому и в этот раз он был поселен у шамана, или тойона, как его называли сами индейцы. Сильный мороз и шквальный ветер вынудили мичмана прожить несколько дней с дикарями. Вечер и ночь он проводил в селении, а днем ходил в глубь острова.

Через несколько дней Хвостов, узнав о своих пьяных «подвигах», замкнулся в себе и все его мысли были посвящены другу, которого обида толкнула на опасное путешествие. Николай вновь взялся за ведение дневника, с которым и поделился своими чувствами: «Гаврила уехал за 150 верст, отсюда с 4-мя байдарками, оставляя меня одного. О, Боже! Может ли быть что-нибудь скучнее, как быть одному, особенно когда стоит крепкая, свирепая погода, а тот, кого ценишь, пустился на такое большое расстояние, можно сказать, в корыте?»

Вернувшись, мичман первым делом нашел Хвостова и обнялся с ним по-братски. Эту трогательную картину наблюдал Баранов и, дождавшись пока друзья, не скрывая эмоций, поделится новостями друг с другом, пригласил их в дом.

— Зима заканчивается, — спокойным тоном заговорил Баранов, когда морские офицеры сели вместе с ним за стол, — но в море выйти в ближайшее время не получится. За Унимаксом свирепствуют шторма. Вода ото льда несвободна. Зима затяжная. Будем ждать.

— Да я с ума сойду! — вспылал Хвостов. — Сколько ждать? Мы пойдем на юг и обойдем ледовый пояс!

— Много обходить. Припасов и здоровья не хватит. Идя вдоль Алеутских островов, вы всегда можете на них убежище найти, а на своем корабле — худом и потрепанном — далеко ли до смерти подлой? Нет, гостевать продолжите у меня! Я вас не могу отпустить на погибель. Тем более задание на обратном пути важное: всю мягкую рухлядь нужно доставить в Охотск, а это без малого полный трюм на два миллиона рублей! Никому, кроме вас, этот груз я не доверю, потому как мореходы вы

отменные. Да и нет другого судна для отправки. Если шкуры доберутся до Охотска — мое пятилетнее пребывание здесь, на новых русских землях, будет оправдано. Если нет — Компании придется сворачиваться и уходить с Островов и Аляски. В ваших руках будущее этих земель! Мое будущее и всех русских, ныне здесь обитающих! Я ведь еще недавно письма писал с прошением об отправке на Родину, а сейчас эти острова и море бобровое Родиной стали. Жена у меня здесь есть, и дети. Когда-нибудь невиданная сила диких соединится с русским умом и смекалкой и родится новая нация — народность могучая и талантливая. Ради этого я здесь... Да и вы тоже! Так что послужите России правдой, дайте ростку мечты моей окрепнуть в дерево свершений!

Видя в Баранове великое благо для этого края, в стремлении по-своему помочь Правителю Хвостов начал совершать поступки, которые иначе, чем медвежьей услугой, не назовешь. Отдавая распоряжения от имени Баранова, хозяйничая в магазинах Компании, занимаясь налаживанием дисциплины среди промышленников, Хвостов сделал все возможное, чтобы настроить Правителя против себя. Баранов от просьб не вмешиваться в деятельность Компании перешел к угрозам, на что Хвостов потребовал вернуть его в Россию, раз от него здесь «пользы нет, а только вред один». Затянувшееся ожидание стало той отправной точкой, которая породила богатый материал для исследователей. Когда русского человека с его избытком энергии не понимают, он для смелости напивается и ни на что не глядя начинает претворять в жизнь свои идеи. Так частенько поступал и Хвостов. Будучи пьяным, он однажды вечером ввалился к Баранову и, размахивая заряженным пистолетом, потребовал отправить судно на запад, в Россию. При этом так горячо доказывал необходимость этого действия, что в запале выстрелил в потолок. На Баранова это представление не подействовало и он выставил офицера за дверь. Тогда Хвостов изыскал иной способ вернуться домой. Способ старый и проверенный: как и в прошлый раз, он начал ходить по ночам по поселку и вымещать свое зло на стеклах, не пострадавших во время предыдущих

кутежей. Хвостов искренне верил в то, что его злобность послужит поводом для скорейшего избавления от его персоны. Стекол в Русской Америке Хвостов набил много. Баранов, видя буйный нрав лейтенанта, на всякий случай стал ложиться с заряженным пистолетом у кровати. Пытавшийся хоть как-то утихомирить друга Давыдов тоже попадал не раз под раздачу. О ссорах двух друзей знали все окрестности. А средств борьбы с диким характером Хвостова было всего два: либо спаивать его до потери сознания, либо, покинув поселок, увлекать лейтенанта исследованием окрестностей. Первый способ Давыдов отверг сразу, понимая, что сопьется раньше друга, и предпочел более занятное времяпрепровождение.

За охотой и ожиданием погоды прошла весна. Чтобы совсем не одичать, Хвостов с Давыдовым решили сходить на Макушин вулкан — высшую точку острова, имеющую высоту чуть более двух тысяч метров. Эмоции, переполнявшие первых русских восходителей, покоровших островную вершину, вылились в яркие воспоминания Гаврилы Давыдова: «Обширные виды всегда производят приятное впечатление, и я с великим удовольствием простоял более получаса на одном месте, любясь сим величественным зрелищем и отдавшись в волю восхищенному воображению. Наслаждения сии известны более людям, живущим в одиночестве, и описать их едва ли возможно. Человек становится довольнее своим существованием, когда, стоя на высокой горе и пользуясь чистейшим воздухом, видит множество предметов под ногами своими, взирает на неизмеримое пространство Океана, мечтает о своей предприимчивости, сближает себя с целым светом и с теми далекими странами, которые он оставил. Там, думал я, за сими высокими и дикими горами, за сим обширным Океаном, за величайшим пространством земель, там живут мои родные, мои друзья, которых я некогда увижу. Подобные мысли доставляли мне чрезвычайное удовольствие, и приводили душу мою в такое сладкое трепетание, каковое я никогда не чувствовал, и каковое, мне кажется, житель Петербурга может только в Америке чувствовать, в сей отдаленности, где все встречающееся

совершенно для него ново, и воображение расположено к мечтаниям».

В течение всего марта шел снег. Почти ежедневно Давыдов отправлялся в залив на охоту, ставшую уже привычным занятием. Однажды, погнавшись за раненой уткой, Гаврила, намереваясь достать ее веслом, опрокинул байдарку. Освободившись от ремней, мичман вынырнул, но тяжелая парка тянула ко дну, и если бы в это время промышляющие рядом алеуты не подоспели на своих байдарках, юный мичман утонул бы в ледяных водах залива. Забравшись в одну из вовремя подошедших байдарок, Гаврила попросил доставить его на берег. Обледеневшая парка сковала движения и начавшийся озноб не грозил ничем иным, кроме длительной болезни. По счастливому стечению обстоятельств на берегу, к которому пристала байдарка, располагалось селение местных жителей, в котором Давыдов частенько бывал, изучая нравы и обычаи островитян. Знакомый тойон обогрел и накормил гостя, предложив провести ночь со своей дочерью. У алеутов это был высший знак внимания к гостю. Стеснительный, неполных девятнадцати лет, юноша отказался, сославшись на крайнюю усталость и болезненный озноб.

На следующий день в шесть утра Давыдов как ни в чем не бывало отчалил от гостеприимного берега в поисках дальнейших приключений. В этот раз он находился в море один, полагаясь полностью на свои силы и удачу. Миновав пролив, Гаврила увидел потрясающую картину — первые лучи солнца выкрасили в розовые краски верхушки гор полуострова Аляска. Почти час просидел юный мичман в своем утлом суденышке, любуясь красотами гор. Обогнув остров, байдарка Давыдова к вечеру пристала к очередному селению островитян. Пообщавшись с местными жителями, Гаврила поинтересовался, где можно расположиться на ночлег. Ему указали на пустой заброшенный дом, в котором, по словам алеутов, жило привидение. Оно скрипело по ночам и являлось в виде женщины с распущенными волосами.

Перешагнув порог дома, Давыдов услышал громкий храп, но на испуг не было ни сил, ни эмоций. Проведя целый день в

байдарке и поморозив руки, к вечеру Давыдов не боялся уже ничего, так сильно его одолевала усталость.

— Что, тебя тоже напугали приведением? — неожиданно услышал он знакомый голос. — Не бойся, мы с ним договорились на эту ночь! Оно нас не тронет!

Этот голос невозможно было спутать. Хвостов, узнав поутру о вчерашнем приключении своего друга и выяснив, в какую сторону отправился Гаврила, выплыл с другой стороны острова ему навстречу. В селении у Уганакской губы они и встретились.

До конца апреля Хвостов с Давыдовым объездили на байдарках все окрестные острова, составили карты глубин и течений, наставили мерные столбы для определения высших и низших точек приливов и отливов. К концу своего плавания среди островов они наткнулись на обломки судна. Как выяснилось позже, это были обломки «Феникса», раскиданные по всему побережью островов от Уналашки до Кадьяка. Гибель судна сняла с Баранова обязанность докладывать о действиях его капитана Главному правлению Компании, а Давыдова побудила оставить язвительные замечания по поводу этого события: «Начальником судна сделан какой-то скитающийся англичанин, а титула сего и не в Америке бывает иногда достаточно, для высокого мнения о морском искусстве человека. На судно поставили три мачты, хотя оно было во 100 или 110 тонн, дабы сказать только, что Компания имеет трехмачтовое судно, каковые здесь вообще величаются фрегатами. В исходе октября «Феникс» виден был с острова Унимака, после чего оставил по себе множество только басен и догадок о месте и причине своего кораблекрушения». Суждения юноши о «скитающемся англичанине», которым оказался Джеймс Шильдс, не соответствовали реальности. Шильдс был не просто профессиональным капитаном, но и отменным судостроителем.

В мае началась долгожданная навигация. Море почистилось ото льда, установилась ясная погода. Галиот «Александр Невский» отправился в Якутат, куттер «Ольга» ушел на Уналашку. Для строительства этого одномачтового суденышка

использовали еловый лес, не пригодный для судостроения, и «Ольга» служила лишним тому доказательством. Когда Баранов вышел на ней в первый раз в море, основной заботой экипажа стало не управление судном, а борьба за его плавучесть. Щели в обшивке были столь велики, что помпами выкачивалась не только морская вода, но и водоросли. В итоге судно затонуло на отмели. Но и после этого происшествия на «Ольгу» положили вторую обшивку, потом третью и с упрямством обреченных не устали посылать ее в море. Суденышко это никогда не удалялось от берегов, а при противном ветре стояло где-нибудь вблизи берега на якоре. Между тем при всей худости этого несчастного куттера Баранов не имел у себя лучшего судна.

Хвостов нервничал. Пьянящий запах моря манил его неугомонную душу померяться силами со стихией. Наконец-то началась погрузка шкур в трюмы «Елизаветы». Хвостов ожил. Он постоянно донимал вопросами Баранова, Плотникова и Кускова, был излишне требователен к Давыдову и лично следил за креплением груза талями. На Троицу Баранов закатил настоящий бал. Основными инструментами стали балалайки и гармоника, но Плотников, владеющий скрипкой, превзошел всех. Даже островитянки, одетые в русские сарафаны и приглашенные специально по случаю в качестве светских дам, прослезились. Песни и пляски продолжались до двух ночи. На следующий день Баранов пригласил офицеров попариться на дорожку в баньке, которая по крепости постройки превосходила дом Правителя. Сейчас в это тяжело поверить, но тогда, в начале XIX века, русские песни, музыка, речь наполняли Аляску и Алеуты жизнью.

В июне «Елизавета» была загружена и оставалось только получить соответствующие бумаги у Баранова. Воспользовавшись этой задержкой, Хвостов с Давыдовым отправились на соседний остров Афогнак, где Гаврила приметил заросли дикого лука и чеснока. Друзья, наученные горьким опытом, уже знали, что эти растения — единственное действенное средство от цинги, поэтому, набив свежей зеленью байдарку до отказа, они поспешили доставить ее на борт «Елизаветы».

Там же не без помощи местных жителей офицеры набрали красной рыбы, которая в те времена считалась чуть ли не кормом для скота.

25 июня 1803 года, отсалиював гостеприимной земле, «Елизавета» снялась с якоря. Однако начавшийся штиль в течение следующих трех дней не позволил судну отчалить от берега. Казалось, места, ставшие за полгода родными, не хотели отпускать юных искателей приключений. Баранов из-последок прислал традиционный пирог, который испекла его жена-островитянка. И все же в пять часов утра 27 июня слышался голос Хвостова: «По местам стоять! С якоря сниматься!» Паруса, наполнившись свежим ветром, подхватили судно и понесли его вдоль Алеутской гряды на юго-запад. Баранов радостно перекрестился, наблюдая за быстро тающим у горизонта парусом.

21 августа, преодолев расстояние от Кадьяка до Охотска менее чем за два месяца, судно «Елизавета» бросило якоря в устье реки Охоты. Когда вода ушла и волнение утихло, команда начала разгружать судно, оставшееся на мели. В течение двух с половиной часов из трюмов было выгружено все их содержимое. Российско-Американская компания получила существенный груз мехов, который впервые не просто перекрыв затраты на их добычу, но и принес Компании сверхприбыль, что обусловило дальнейшее развитие промысла и усиление русского влияния на берегах Америки.

После того как на «Елизавете» спустили ростры, сняли весь бегучий такелаж, марсели, стеньги, брам-стенги, брам-реи и вылили из трюма всю пресную воду, решено было завезти на берег якорь и верпы для стягивания судна. Усилившийся ветер вызвал волнение, лопнуло несколько тросов, но все-таки к десятому часу вечера судно было снято с мели и подтянуто к Охотскому берегу, у которого и ошвартовалось.

Первое путешествие в Русскую Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова окончилось. Судно «Святая Елизавета» не с чем было возвращаться на Острова и оно оставалось на зимовку в Охотске. Недолго думая, Николай и Гаврила решили ехать в Петербург, договорившись подольше остано-

диваться в сибирских городах, чтобы лучше изучить быт и нравы тамошних жителей.

Пятого сентября пошел первый снег и вскоре образовались такие сугробы, что морские офицеры решили освоить новое для себя дело — езду на собаках. Научившись этому интересному и столь необходимому для дальнейшего путешествия занятию, в конце сентября Гаврила и Николай двинулись на запад, пересекая Сибирь в обратном направлении. Приноровившись ночевать в снежных ямах и шалашах из ельника, питаться битым зверем и юколой, преодолевать на собаках и лошадях огромные расстояния по многометровому снежному насту, друзья наконец-то достигли Якутска, в котором необходимо было дожидаться, пока установится благоприятная для передвижения по замерзшей реке Лене погода. Путь продолжили с управляющим портом города Охотска, господином Полевым, который оказался весьма щедрым человеком, одаривающим сухарями всех встречавшихся по пути. Может, сейчас это покажется смешным, но в ту пору пшеничный сухарь зимой в краю, где не родил хлеб, был настоящей роскошью.

На Рождество 25 декабря кавалькада кибиток и повозок въехала в Иркутск, где, распрощавшись с Полевым, друзья двинулись дальше. Красноярск, Томск, Тобольск... Каждый из этих городов оставил в памяти неизгладимые впечатления. Миновав Пермь, 24 января морские офицеры в алеутских парках въехали в Казань, за которой начиналась густонаселенная часть России, казавшаяся такой необычной по сравнению с самыми восточными ее оконечностями. Пока добирались из Казани в Москву, шел дождь, который развез дороги и портил впечатление от сибирской искристой белизны. Январский дождь сделал свою работу и в Москве путешественники остались без кибитки, которая сломалась окончательно. Тем не менее радость от скорой встречи с родными перекрывала все: и простуду Давыдова, и погодные катаклизмы, и даже бурчание чем-то постоянно недовольного Хвостова. К вечеру с помощью каких-то сверхъестественных сил Николай все же сумел починить кибитку, и друзья покинули Москву. Через не-

сколько дней в доме у своего друга Гаврила Давыдов сделал последнюю запись в путевом дневнике: «Я не могу довольно описать радости, какую чувствовал при въезде в Петербург, что случилось 5 февраля в 9 часу утра. Давно ли, думал я, когда мы выезжали отсюда (ибо что значат протекшие 20 месяцев), сердце наше обременено было страданием разлуки с родными и близкими? Давно ли воображение наше представляло нам неизмеримые расстояния, бесчисленные опасности, иной свет, иное небо? Давно ли отчаянная мысль, что, может быть, мы никогда уже назад не возвратимся, снедала всю внутренность нашей души? Теперь все прежние страхи кончились, мы удовлетворили наше любопытство, принесли некоторые заслуги и с приятным воспоминанием о прошедших трудностях летим увидеться с нашими родными, благодетелями, друзьями, знакомыми. Всяк, кто бывал в отсутствии, испытал сию радости, но тот больше, в ком меньше было надежды некогда наслаждаться оною».

А потом... Конечно же, Николай Хвостов решил познать своего юного друга с пленительницей своего сердца. В родительском доме, переполненный впечатлениями и все время рассказывающий о дальних вояжах, иных народах и странах, Коля Хвостов окончательно заморозил Анечку Волкову. Родители влюбленных стали договариваться о помолвке. Это было тем более кстати — ведь Хвостов привез в родительский дом свое жалованье в размере двух тысяч рублей, огромную по тем временам сумму. Анечка писала стихи, Коля договаривался с отцом о поступлении на морскую службу своего брата, Гаврила — погрузился в чтение книг из библиотеки статского советника Хвостова, отца Николая. И вот спустя несколько месяцев, когда страсти поутихли, эмоции приобрели форму мыслей, изложенных на бумаге, как-то вечером в библиотеке Давыдову попалась книга Григория Шелихова, покойного тестя Николая Резанова. Вчитываясь в строки книги, юный мичман проникся планами Григория Ивановича в отношении Курильских островов. Само название новой территориальной единицы России будоражило воображение — Курилороссия!

В голове Давыдова стали рождаться новые дерзкие планы. И связаны они были именно с местами, откуда друзья только вернулись.

— А ведь это произведение издано супротив воли императрицы! — прокомментировал как-то Хвостов-старший восторженные комментарии Давыдова по поводу книги Шелихова. — У нас в России все, что может быть сколь-либо полезно, тут же становится тайным. Покойная Екатерина боялась, что за реализацию планов Шелихова возьмется кто-то из английских или французских купцов. Слава богу, Англия и Франция сцепились меж собою и им стало не до освоения дальних краев. А вот ежели кто-то из молодых Северо-Американских Штатов прочтет завещания Колумба Российского, тогда можно и с Курило-Россией, и с Аляской попрощаться.

Николай услышал только последнюю фразу, адресованную Давыдову старым дипломатом. Через минуту Николай и Гаврила уже живо обсуждали не только устройство новых земель, но и всю внешнюю политику России.

— Оставьте вы Компанию! — попытался убедить молодых людей Хвостов-старший. Ступайте обратно в военный флот. Войны нет, а служба там идет! Однако я не вправе выбирать вам жребий, потому не смею ничего советовать. Поступайте по сердцу! Что мне милее — я выразил.

— Я моряк, отец! — ответил Николай. — И не для того на свет вами представлен, чтобы по гниющим каютам отсиживаться!

— Ладно, Коля, воля твоя! — согласился отец. — Только сперва езжай в столицу и испроси аудиенции у графа Румянцева! Я напишу бумагу старому другу, а он даст совет. Он знает многое, о чем мы даже не догадываемся. Где война, где коммерция, а где служба. Ступай с Богом, а мы с матерью дожидаться тебя с ответом будем.

Друзья покинули тихое имение Хвостовых втроем, прихватив с собой Колиного брата, поступавшего в Морской кадетский корпус. Прошла неделя, вторая, месяц. Время тянулось бесконечной чередой томительных минут ожидания. И вот наконец, к исходу второго месяца, топот лошадиных копыт вспо-

дошил тихую отцовскую усадьбу. Прибыли Николай и Гаврила. Первым делом Николай попросил отца и мать выслушать его и принять то, что он им предложит.

Хвостов сообщил, что Российско-Американская компания, будучи ими весьма довольна, приглашала их снова идти в Америку, обещая им двойное жалованье, то есть каждому по четыре тысячи рублей в год. Решение юношами было уже принято — назад в Америку!

Сообщив это, Николай достал четырехста рублей, отложенные для родителей, и вручил их ошарашенной матери. Она не успела опомниться, когда юноша вручил еще и письмо. Распечатав и прочитав его, мать Хвостова в порыве чувств хотела порвать бумагу, но отец-дипломат спас положение, отобрал письмо. Оно содержало в себе обязательство Российско-Американской компании, состоящее в том, чтоб на время пребывания Николая в Америке из причитающихся ему четырех тысяч рублей, половину ежегодно выдавать в Петербурге его отцу и матери.

— Как ты для нас жертвуешь собою! — с рыданиями бросилась на шею сыну мать, но не дав ей окончить, Николай сам упал на колени.

— Матушка! Выслушайте меня! Дело уже сделано! Я не могу более остаться здесь, для того рыдаю и прошу вас, не отнимайте у меня сего единственного утешения: оно будет меня улаживать в разлуке с вами и ежечасно напоминать мне, чтоб я берег жизнь мою, которая для вас полезна. Если Отечеству послужить могу, то и вам, моим родителям, службу сослужу! Эти деньги помогут братьям и сестрам получить образование, а вам, батюшка и матушка, избавиться от лишений, которые преследуют нашу семью в последние годы.

Хотя Хвостов собирался с прежней бодростью, не выдавая своих истинных чувств, но все чаще родители стали замечать, что его спокойствие кажущееся, а вторичное путешествие сильно тяготит его душу. Эти чувства тяжело было скрыть от пронизательных взоров матери и отца. Видя колебания сына, они пытались отговорить его от опасного предприятия, но он тотчас принимал веселый вид и даже отшучивался.

Утвердившись в своем намерении, Хвостов с Давыдовым отбыли в Петербург. А родители Хвостова так и не узнали, что еще одной причиной, которая толкнула друзей на второе путешествие в Америку, стало то самое письмо Хвостова-старшего министру коммерции графу Румянцеву. Разве мог знать отец о том, что его старинный друг сам является членом Российско-Американской компании, что интересы Компании он не отделяет от интересов государства. Не мог он знать и содержание разговора, который состоялся при аудиенции его сына.

Когда морские офицеры посетили министра финансов, прочитав письмо Хвостова-старшего и узнав об их намерении оставить службу в Компании, Румянцев поинтересовался прежде всего у Хвостова:

— Чем обидела вас Компания, что вы хотите расстаться с ней?

— Помилуйте, ваше сиятельство, — ответил Николай, — мы с мичманом Давыдовым осуществили давнюю мечту: увидели мир! Но второй раз ехать за тем же... А вдруг здесь война, а мы там?

— Значит, вам дела стоящего не хватает? Я правильно понял?

— Именно так!

— А что если откроется какая-нибудь требующая особых трудов и отважности экспедиция, согласны ли вы принять участие в подобном деле?

— Чем она опаснее, тем для нас будет приятнее! — с жаром выпалил Хвостов, но взглянув на Давыдова, добавил: — Для меня приятнее!

— Приятнее для нас обоих! — поправил друга Давыдов.

— С миссией в Японию отправился посланник русского императора Николай Петрович Резанов. Может быть, вскоре откроются случаи, в которых удастся вам оказать России больше, нежели обыкновенную услугу. Я напишу бумагу, согласно которой вы поступаете в распоряжение Резанова по прибытии в Охотск. Если повезет — Японию увидите! Но главное не это. Сейчас задача государства — закрепить на наших восточных берегах! Любой ценой! Даже ценой нашей с вами

бренной жизни! Резанов — человек умный и дальновидный. Думаю, он отыщет способ сделать вас крепким кулаком России на дальних берегах.

— Но нас всего двое...

— Не сила, не количество, а только разум вершит волю государств. На Востоке, куда вы вновь отправляетесь, есть хорошая поговорка: соломинка ломает хребет верблюду, а не тяжелая ноша! Думаю, я еще услышу ваши славные имена!

С таким льстящим юношескому честолюбию напутствием 14 мая 1804 года друзья отправились в обратный путь...

Глава 8 В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Я удивляюсь, Господи, Тебе:

Поистине — кто может, тот не хочет!

Тебе милы, кто добродетель корчит,

А я не умещаюсь в их толпе!

А. Вознесенский

«Надежда» и «Нева», гонимые свежим ветром, все больше отклонялись к югу. Следующей задачей, вставшей перед Крузенштерном и Лисянским, было преодоление, пожалуй, самого коварного места на Земле — мыса Горн. Длительная остановка у бра-зильских берегов нарушила все ранее намеченные планы. Вместо того чтобы обойти мыс Горн в январе, в наиболее благоприятное для плавания время, корабли теперь могли быть там только в марте — в самый опасный, по мнению предыдущих путешественников, период. Поэтому Крузенштерн решил изменить согласованную с Лисянским инструкцию. В случае разлуки во время бури корабли должны были встретиться возле острова Пасхи или у Маркизских островов.

Пока форштевень «Надежды» рассекал воды Атлантики, оставляя позади белоснежные буруны, Лангсдорф и Тиле-зиус, проявляя поразительное усердие в своих научных

изысканиях, вновь взялись за изучение биофлюоресценции моря. В их научную дискуссию попытался вклиниться Крузенштерн, утверждая, что свечение происходит вследствие трения корпуса корабля о поверхность воды, но его наблюдения дружно были опровергнуты учеными, которые в этот раз объединились и совместно пытались решить очередную загадку Мирового океана. Однако в тот момент, когда они сошлись во мнении, что свечение воды вызвано наличием в ней фосфоресцирующих ракообразных¹ обитателей, снова подоспел Крузенштерн со своими догадками, подливая масла в огонь дискуссии. Мирное доселе сосуществование двух докторов естественных наук было нарушено. Тилезиус предположил правоту капитана, на что Лангсдорф ответил резким несогласием. Толстой, занятый в этот момент полюбопытным ему делом — препарированием находок ученых, тут же крикнул Ратманову:

— Лейтенант, ставлю на нашего ученого!

— Ставлю на обоих! — отозвался Ратманов. — На нашего — два пиастра, на вашего — один!

— Ты проиграешь, Макар! — елозя скальпелем по столу, подначивал Толстой. — Наш молодой и шибко умный, а ваш старыми теориями пользуется. Он никогда не признает правоту прогресса!

Пока друзья перекрикивались между собой, не понимавшие русскую речь ученые перешли на повышенные тона, размахивая руками и препарированными сефонофорами, которых в те времена за необычность форм именовали «португальскими фрегатами»². Наконец, когда первый порыв страстей стих, ученые припали к микроскопам.

¹ На самом деле простейшими представителями морской фауны.

² *Fragata portuguesa* — похожее на медузу ядовитое стрекающее. Главное отличие португальского фрегата от медузы в том, что это не одно существо, а целое сообщество совершенно разных особей, у каждого из которых своя задача — одни управляют движением, другие ловят добычу, третьи парализуют ее, а четвертые — переваривают и делятся питательными веществами со всеми членами колонии. Незадолго до описываемых событий именно Лангсдорф описал жизненный цикл этого удивительного существа.

— Нет, не согласятся между собой! — наблюдая эту картину, заключил Ратманов и удалился в каюту. Повстречавшись в переходе с Резановым, лейтенант что-то грубо буркнул в ответ на приветственный жест камергера. Резанов сделал замечание, которое растворилось в темноте перехода, так и оставшись без ответа.

Лангсдорф был неутомим в своем стремлении обогатить естественную науку знаниями о светящихся микроорганизмах, живущих в воде. Он ночами сидел недалеко от кюйт-камеры со своим уловом и продолжал ловлю в кильватере. Он нашел множество маленьких, часто даже микроскопических, неизвестных существ. Лангсдорф продолжал всех уверять, что в свечении воды нет ничего электрического. Своих светящихся «малюток» Лангсдорф с большим старанием и трудом срисовывал и описывал.

Вскоре Тилезиус, официальный естествоиспытатель экспедиции, начал уступать своему молодому и более расторопному коллеге Лангсдорфу. Конкуренция и разногласия вскоре вылились в открытое выяснение отношений в кают-компании. Как-то в один из вечеров Тилезиус попросил Лангсдорфа, чтобы тот показал ему свои рисунки. Получив их, старый профессор сразу начал их копировать. Он дал новые и, как считал его молодой коллега, неподходящие названия морским обитателям, которые уже были описаны и названы Лангсдорфом, и громко сказал, что хочет написать труд об этих животных и издать его. По сути это было форменное воровство. Разгорелся сильный спор. Грубое поведение обоих докторов, крепкие выражения и их брань привели в молчаливое оцепенение даже Толстого с Ратмановым.

Миновав 52° южной долготы, суда русских путешественников попали в царство китов. Гигантские животные, ничуть не опасаясь кораблей, подплывали так близко, что водяные брызги, вырывающиеся из их дыхательных органов, окатывали команду с ног до головы.

— Ну и вонь же от этих тварей! — выругавшись, заключил Ратманов, очищая китель от водорослей и сгустков планктона.

Киты величаво провожали суда несколько дней до тех пор, пока первые порывы ветра не указали на скорое изменение погоды. Корабли входили в полосу штормов и дождей. Непокойно было и на душе у офицеров. «Наилучший способ вразумить Резанова, — утверждал Левенштерн, — это если я (из желания подразнить) рассказываю ему об опасностях у мыса Горн при сильном ветре. Если же погода хорошая и корабль спокоен, то с ним ничего нельзя поделатъ — сразу же у него в голове появляются коварство и козни... Мыс Горн научит еще Резанова хорошим нравам и вежливости».

До сих пор не установлена истинная причина недовольства офицеров Резановым, но попытка язвительного Левенштерна «научить хорошим манерам» камергера путем запугивания мысом Горн могла вызвать совершенно непредсказуемую реакцию. Резанов по природе был человеком деликатным и спокойным — дипломат как-никак. Однако подобное поведение низших по отношению к его званию чинов могло спровоцировать и взрывную реакцию. Вряд ли в такой ситуации покажется удивительным то, что Резанов наглецов мог и «по матушке» словом пригладить, что никак не укрепляло и без того шаткие отношения на судне. Замечания со стороны Резанова в адрес офицеров были вполне справедливы: по сути, Крузенштерн попал в ситуацию, от которой так стремился уйти, набирая команду. У капитан-лейтенанта оказались в подчинении офицеры с более низкими, чем у него, званиями, и только один человек — Резанов — на четыре ступеньки Табеля о рангах был выше его. Камергер — звание, соответствующее флотскому званию контр-адмирала. Кроме того, Резанов был дипломатом — официальным лицом государства. По этикету того времени при появлении подобного лица на палубе судна офицеры обязаны были снимать шляпу в знак уважения к императору, наделившему полнотой власти посланника своего государства, чего Резанов в обиходе не требовал. Была и третья причина, которая позволяла Резанову брать на себя многие полномочия: суда были куплены на деньги Российской-Американской компании, одним из руководителей которой он, Резанов, и являлся. Собственно говоря, на деньги Резанова в

первую очередь. То есть он был совладельцем судна, на котором нанята им команда и капитан поносили его на чем свет стоит. Есть и четвертая причина, согласно которой Резанов пытался избавиться от позорного для себя статуса пассажира. Российская академия наук именно его, Резанова, наделила полномочиями руководителя научной части экспедиции, от чего он был быстро отстранен Крузенштерном, Горнером и Тилезиусом. Только немногими учеными, а именно Брыкиным и в первую очередь Лангсдорфом, было признано главенство Резанова, что ополчило против них остальных. Разногласия между Лангсдорфом и Тилезиусом не ограничивались только научными вопросами. Не приняли Лангсдорфа и офицеры «Надежды». «Всегдашняя поспешность этого человека действует на нервы», — писал, например, о Лангсдорфе в своем дневнике лейтенант Левенштерн.

Но вернемся к сути вопроса главенства экспедиции. Современные исследователи утверждают, что руководителем экспедиции мог быть только Крузенштерн, так как Резанов не являлся моряком, а следовательно, не мог руководить действиями судна. Именно в путанице с понятиями и кроется краеугольный камень вопроса. Руководителю экспедиции не обязательно быть моряком. Моряком должен быть капитан судна, коим являлся Крузенштерн. А руководитель экспедиции Резанов должен был нести иные функции — это, в первую очередь, координация действий ученых и моряков, организация и обеспечение экспедиции, делопроизводство, фиксация открытий и забота о сохранности экспонатов, управление действиями подчиненных, обеспечение успеха предприятия и, что немаловажно, ведение записей: отчетов, дневников, писем, то есть фиксация событий. Работа административная и потому мало связанная с профессией моряка. И тем не менее, судя по записям самого Резанова, дошедшими до нас, он отлично понимал в морском деле. Возможно, не на уровне профессионального моряка. Но терминология, которая используется в его записках, свидетельствует о том, что Резанов имел представление, о чем говорит, и прекрасно разбирался не только в элементах корабля, направлении ветров и курсах, но и умел пользоваться

астрономическими инструментами, определять курс, силу ветра и другие данные, столь необходимые для успешного плавания судна. То есть он не был «пассажиром» в том смысле этого слова, который пытается придать ему Крузенштерн.

Приведу такой пример: всем известный Жак Ив Кусто, путешественник и исследователь морей, являлся руководителем собственных экспедиций. И очень тяжело представить ситуацию, при которой на главенствующую роль в этих экспедициях решил бы претендовать капитан «Калипсо» Ив Паккале. А ведь на «Надежде» сложилась именно такая ситуация, при которой командир судна капитан Крузенштерн объявил себя руководителем экспедиции.

В письме, адресованном Александру I с Камчатки, Резанов четко укажет причину, по которой это произошло: «Я признаюсь Вашему Императорскому Величеству, что причиною была единая ревность к славе, ослепившая умы всех до того, что казалось, что один у другого оную отъемлет». Причем, судя по тексту письма, Резанов не вычеркивает себя и не отделяет от остальных. Но, как покажет дальнейшая деятельность Резанова, камергером двигала не жажда славы, овладевшая бароном Крузенштерном, а совсем иные — государственные — соображения. Позже Николай Петрович легко откажется от славы в пользу капитана «Надежды» и его команды. И войдет он в историю не грузной крепостной Империи — метрополии, а в историю новой — смелой, голодной, наполненной идеями и отвагой — почти что республиканской России! России, шагнувшей за горизонт, на другой континент. Именно Николай Петрович Резанов наречет новые русские земли американского континента Славороссией в память о поселении, разоренном индейцами-тлинкитами!

Так что формально главенство экспедицией все-таки оставалось за Резановым. Вот выписки из инструкции министра коммерции Н.П. Румянцева российскому посланнику в Японии Н.П. Резанову, датированной 22 июля 1803 года и подписанной императором Александром I: «1. Корабли "Надежда" и "Нева", в Америку отправляемые, имеют главным предметом торговлю Российско-Американской компании... сии оба судна

с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству Вашему...

2. Предоставляя флота господам капитан-лейтенантам Крузенштерну и Лисянскому во все время вояжа Вашего командование судами и морскими служителями яко частию, от собственного их искусства и сведения зависящую, и поручая начальствование из них первому, имеете Вы с вашей стороны обще с г-ном Крузенштерном долгом наблюдать, чтоб вход в порты был не иначе, как по совершенной необходимости, и стараться, чтоб все споспешествовало сколько к должному сохранению экипажа, столько и к скорейшему достижению цели, Вам предназначенной».

Выходит, что Резанову, которому и была адресована эта инструкция, предписывается предоставить господам капитан-лейтенантам Крузенштерну и Лисянскому командование судами и морскими служителями, так как исполнение Резановым задач экспедиции зависит от искусства и умения капитанов.

В Инструкции ни о каком равенстве между Резановым и Крузенштерном речи не идет. Резанов определен единственным руководителем экспедиции, которому вменено в обязанность советоваться с Крузенштерном по вопросам выбора маршрута. Именно так он и поступал. Решение двигаться на Камчатку, а не в Японию, например, было принято коллегиально. При этом полномочия Резанова расширены настолько, что он имеет право не только решать вопросы о необходимости заходов в порты и стараться принимать все меры по сохранению экипажа (что ранее всегда являлось прерогативой капитана корабля), но и к скорейшему достижению цели, определенной ему высоким указом императора.

Оппоненты, утверждающие обратное, наверняка обратятся к Петровскому Уставу морской службы, но не стоит забывать, что он относится только к Военно-морскому флоту. У первой же русской кругосветки было три основных цели: научно-исследовательская, дипломатическая и коммерческая. Решение каких-либо военных задач перед ней не ставилось. То, что суда вышли в плаванье под Андреевским флагом, опять же заслуга Резанова. И взят Военно-морской флаг России был

на борт не из-за военного назначения судов (они никогда не входили в состав Военно-морского флота страны), а только по причине сложной политической обстановки в мире.

Крузенштерн руководствовался Уставом, Резанов — инструкциями и распоряжениями царя, директоров РАК, ученого совета Академии наук. Недопонимание и излишнее высокомерие Крузенштерна при наличии противоречивых документов, определяющих его роль в составе экспедиции, лишили саму кругосветку единоначалия. В итоге Александр I, прекрасно умеющий приспосабливаться под уже сложившуюся ситуацию, в связи с отсутствием на борту Резанова объявит постфактум капитана «Надежды» начальником кругосветного плавания. Царь даже не придаст значения тому, по какой причине отправленный руководителем Резанов отказался от совместного плавания с Крузенштерном и передал свои полномочия капитану «Надежды».

Но этот спор разрешится позже, а пока же знаменитый мыс Горн решил проявить свой характер перед русскими моряками. Пусть читатель меня простит, но описание этого события я поручу его главным участникам — экипажу «Надежды» и «Невы» и членам посольской миссии Резанова. Вчитываясь в строки офицерских дневников, невольно погружаешься в атмосферу первозданного буйства природы, которое и сейчас можно ощутить на себе в проливах между южноамериканским континентом и Антарктидой.

«13/25 февраля 1804. В полночь мы были на широте мыса Горн, но поплыли дальше на юг, чтобы обогнуть мыс или преодолеть море.

14/26 февраля 1804. Утром ветер стал меняться. И со шквалами, дождем, снегом и градом он сменился на зюйд-вест. Мы спустили все паруса и приняли все меры, чтобы предупредить ярость ветра и быть готовыми к встрече бури. Барометр сильно упал. Но ветер остался марсельным и снова повернул на запад. Вы, мои хорошие, может, вы считаете, что мы уже погибли. Но мы, напротив, чувствуем себя очень хорошо. Мерзнем чертовски и ждем с нетерпением времени, когда можно будет снова снять нашу зимнюю одежду.

15/27 февраля 1804. Мы выбрали лучшее время года для того, чтобы обогнуть мыс Горн. Сегодня мы подняли снова столько парусов, сколько нам позволила погода и движение корабля, чтобы только идти вперед. “Каждый за себя! Бог за всех нас” — пароль на нашем корабле. После обеда был сильный шквал. Наш кливер был разорван, и мы принуждены были поставить наши штормовые паруса. “Неве” пришлось хуже; вихрем ее повернуло оверштаг, поэтому она должна была сразу же повернуть снова фордевинд. Спустя полчаса ветер немного утих.

17/29 февраля 1804. Мыс Горн утверждает свои права (дуррак тот, кто этого не делает). Шкавалы, снег, град, осадки, холод и дождь сменяли друг друга. Ветер все крепчает, и волны становятся все выше. (До сих пор я никогда не переживал еще худшей погоды.) Все наши пассажиры совсем тихие. Они находятся между страхом и надеждой. Мы старательно противимся непогоде».

Эта выдержка из дневника лейтенанта Левенштерна, а вот каким увидел мыс Горн руководитель духовной миссии отец Геден, недавно распрощавшийся по воле Толстого со своей бородой:

«13-го увидели мыс Джуан земли Штатов; 15-го шел снег, град, дождь и в 2 часа пополудни налетел от запада столь жестокий шквал (крепкий порыв ветра) с градом, что наше судно кругом повернуло; 16-го терпели шторм, в продолжение коего волнением сломало на баке надделанный борт и снесло с палубы бочку пресной воды, а потом еще волнением выломало надделанного борта три простенка от боку до шканцев и переломило лежащий у оных грот-брамлей. В это время и я плавал на палубе — чуть не выкинуло в море; штурмана Калинина бросило к штурвалу, а мичмана Каведяева — к люку кают-компания. 21-го находились мы в широте $59^{\circ}30'$ и долготы $73^{\circ}48'$. Далее сего места к Южному полюсу не проходили. 29-го были в широте 57° . В это время миновали мыс Горн — предмет чести мореходов. Хотя, обходя его, весьма много неприятностей терпели от крепких ветров, стужи, града, снега, тумана, слякоти и дождя, однако имели то удовольствие, что у

сего страшного, бурного и холодного мыса ели горячие блины и бразильские нежные ананасы. Ибо последний день февраля текущего високосного года был первый день нашей русской Масленицы. С 1 марта продолжалось наше плавание спокойно до 12-го. Сего последнего числа густой туман разлучил нас с «Надеждою» до самых Маркизских островов».

Но, пожалуй, самым интересным и эмоциональным воспоминанием являются записки одного из японцев, шестидесятилетнего Цудая, путешествовавшего на «Надежде»: «Мы отправились от острова Св. Екатерины дальше и проехали мимо Огненной Земли, огибая мыс Горн. Отсюда нам нужно было взять направление на север, но, к несчастью, сильной бурей с противным ветром мы были вынуждены бесцельно плыть на юг. В начале марта 1804 г., к нашему удивлению, пошел сильный снег, тогда как за несколько недель до этого было невыносимо жарко. Все на корабле стали опасаться за свою жизнь и говорили нам: «Нам уже не увидеть своей родины, так как теперь мы около 70° южной широты. Тут очень много айсбергов, и нам ничего больше не остается, как помереть между ними от холода и голода».

Какая необыкновенная у нас судьба! 14 лет назад, мы видели такие же айсберги недалеко от Северного полюса, в прошлом году были на экваторе, а теперь приблизились к Южному полюсу, подвергая опасности свои жизни! Однако нам не суждено было погибнуть и мы были вновь счастливы».

Шторм «свирепством своим уподобился бывшему 15 сентября в Скагерраке, с тою притом разностью, что волны носились здесь, как горы», — записал Шемелин. Эти волны крушили надстройки на палубах кораблей — однако люди, несмотря на качку и валивший их с ног ветер, продолжали работать. Напряженная борьба со стихией продолжалась трое суток. Моряки вышли из нее победителями. 3 марта 1804 года русские корабли впервые в истории отечественного флота обогнули мыс Горн и в условиях густого тумана вышли на просторы Тихого океана. Сколько ни звонили на обоих судах в колокола, сколько ни палили из пушек, все усилия кораблей отыскать друг друга в промозглом мареве оказались тщетными.

Согласно предварительной договоренности между капитанами «Надежды» и «Невы» корабли должны были встретиться у острова Пасхи. Капитан Лисянский, стоявший на вахте 4 апреля 1804 года, заметил узкую серую полосу у горизонта. Это и был долгожданный остров. Семидесятидневный переход, пожалуй, самый сложный за долгое время всей экспедиции, наконец-то окончился. Лисянский, намереваясь дождаться «Надежду», положил свое судно в дрейф и позволил матросам расслабиться. За борт был спущен грот-парус, чтобы матросы, не страшась акул, могли вдоволь наплаваться. После, не тратя времени попусту, Лисянский занялся описанием острова и его топографическими измерениями. Матросов и офицеров поразило то, что здесь в отличие от других мест, куда приходилось заходить «Неве», их не встретил ни один местный житель. Сперва могло показаться, что остров и не заселен вовсе, однако к исходу третьего дня матросы, отправившиеся на лодках пополнять запасы пресной воды, столкнулись с туземцами. Лейтенант Повалишин и несколько матросов были окружены местными жителями, как только лодка коснулась береговой черты. Прекрасно зная историю капитана Кука, убитого и съеденного дикарями, лейтенант приказал держать оружие наготове. Но островитяне проявили верх гостеприимства, пытаясь жестами показать свои добрые намерения по отношению к гостям. Повалишин, следуя указаниям капитана Лисянского, первым делом отдал бутылку с посланием для Крузенштерна на случай, если «Надежда» прибывает позже и корабли разминутся. Затем произошел обмен подарками. Ялик, прежде заваленный безделушками, вскоре опустел, но через полчаса был наполнен с помощью островитян картофелем и сахарным тростником. Местные жители также сообщили, что на острове нет источников пресной воды. Она собирается в период дождей и очень ценится его обитателями.

Вернувшись на судно, лейтенант рассказал все это капитану, передав заодно несколько зарисовок жилищ туземцев.

На следующий день, пользуясь попутными ветрами, «Нева» взяла курс на Маркизские острова.

Седьмого мая 1804 года марсовый «Невы» заметил остров Фагу-Хива — самый южный в цепи островов Маркизского архипелага. Увидев корабль, приближающийся к их острову, туземцы тут же бросились к своим лодкам и направились к «Неве». Лисянский, несмотря на добродушие аборигенов, не позволил пускать на борт судна более пяти человек. После торга, ставшего уже традиционным, шлюпки с «Невы» отправились пополнять запасы пресной воды. Местные жители, по словам Лисянского, «весьма честно меняли свои плоды и другие редкости и были так вежливы, что каждый из них, желая возвратиться на берег, просил даже у меня на то позволения». Пополнив запасы воды, «Нева» двинулась дальше на северо-запад в стремлении отыскать «Надежду», и 10 мая счастье улыбнулось командам судов. Во время посещения острова Нуку-Хива лодки обеих русских шлюпов буквально столкнулись друг с другом у берега. Радости команд не было предела.

Через час на ялике вдвоем с рослым островитянином прибыл на «Неву» посланник с «Надежды» лейтенант Головачев, сообщив, что их корабль за три дня до этого благополучно прибыл в бухту Анны-Марии и стал там на якорь. В шесть часов пополудни «Нева» бросила свой якорь в той же бухте недалеко от «Надежды».

Что же произошло с «Надеждой»? Не надеясь на постоянное попутного ветра, Крузенштерн решил не заходить на остров Пасхи, а следовать прямо к Маркизским островам. Во время продолжительного плавания Резанов выяснил, что груз, предназначенный для Камчатки, будучи запечатан в гнилые бочки, начал портиться. И эта порча дополняла убыток Компании от выпитого спиртного, которое тоже считалось грузом РАК. Начали гнить канаты и ванты, лежавшие в трюмах корабля. Корпус «Надежды» с трудом выдержал испытание штормами у мыса Горн и постоянно протекал. Обсудив ситуацию с Крузенштерном, Резанов вынужден был отказаться от первоначального намерения прежде всего попасть с посольством в Японию. Ведь пребывание в Стране восходящего солнца предполагало зимовку и должно было занять не менее полугода. Следовательно, и на Камчатку удастся

попасть в лучшем случае к маю 1805 года. За это время весь компанейский груз, несомненно, будет испорчен. Да и достаточным количеством провизии для столь длительного плавания экспедиция не располагала.

18 апреля умер кок «Надежды» — курляндец Иван Нейланд. Он стал второй, но не последней жертвой кругосветки. Повар занемог еще в Бразилии, а штормы у мыса Горн окончательно лишили его сил. Острый недостаток в свежих продуктах, все сильнее ощущавшийся на «Надежде», плохая акклиматизация и непрекращающаяся морская болезнь день ото дня все больше лишали его сил. Земляк Крузенштерна, согласно морским традициям, был погребен в море, а команда корабля, лишившаяся судового повара, стала голодать еще больше. Количество заболевших матросов множилось с каждым днем, и все те, для кого корабли стали домом — от матроса до капитана, от плотника до посла, — с нетерпением ожидали Сандвичевых островов, чтобы хоть как-нибудь освежиться и подкрепить свои ослабшие организмы.

Поэтому 24 апреля, подходя к Маркизским островам, Крузенштерн издал приказ: «Главная цель пристанища нашего на островах Маркизов есть налиться воды и снабжение свежими припасами. Хотя без согласия и доброй воли жителей все сие получить можем, но взаимные опасности запрещают нам прибегнуть к средству сему... Я уверен, что мы оставим берег тихого народа сего, не оставив о себе дурного имени. Предшественники наши, описывая нрав островитян сих, представляют нам его миролюбивым, они расстались с ними со всеми знаками дружбы, то и мы человеколюбивыми поступками нашими постараемся возбудить в них живейшую к нам признательность и приготовить для последовательных соотечественников наших народ, дружбой к россиянам пылающий».

И вот, стоящую на якоре у острова Нуку-Хива «Надежду» наконец-то имел удовольствие лицезреть капитан «Невы». Лисянский с двумя офицерами отправился в шлюпке навестить Крузенштерна. Море вокруг «Надежды» кишело голыми островитянками, которые жестами и телодвижениями пред-

лагали себя матросам. Вообще, местные жители оказались навязчиво гостеприимными, причем их добрые чувства, не знавшие границ, проявлялись во всем. Даже когда речь зашла о наполнении бочек пресной водой, эту работу взяла на себя группа туземцев, которым такой труд казался забавой. Смеясь, они с невероятной ловкостью наполняли бочки водой и, пользуясь отливными волнами, отталкивали загруженные лодки русских от берега.

Отец Гедеон отметил приезд короля острова, царственная персона которого впоследствии станет предметом издевательств поручика Толстого: «Когда матросы на шпиге поднимали бочки на корабль, тогда приехал король Тапега Китенуи со всеми своими родными и почетными людьми. Новоприезжие гости наши, увидев таковую работу, почли ее за игру, принялись и сами за то же, припевая по-своему. Один из матросов подлаживал им на волюнке — любезном и удивительном для них инструменте. Таким образом помогали они нам в работах и на судне».

Закончив работу и заработав на корабле ржавый гвоздь или мелкую безделушку, дикари прыгали с борта в море и, довольные собой, возвращались на остров.

Поднявшись на палубу «Надежды», Лисянский был поражен тем обилием безобразий, которые творились на судне его друга Крузенштерна. Судно было переполнено обнаженными туземками, не стесняющимися своих прелестей, и пьяными матросами. От дисциплины в течение трех дней ожидания «Невы» не осталось и следа. Облокотившись о фальшборт, спиной к Лисянскому стоял голый граф Толстой. Пожилой король Тапега Китенуи, стараясь понравиться новому знакомому, старательно наносил татуировки на тело графа, пожелавшего приобщиться к культуре островов. Поручик иногда зло замахивался на их величество, когда неосторожное движение царственной руки причиняло боль молодому повесе. Толстой между тем вел светскую беседу на французском с дочерью загорелым и сплошь татуированным незнакомым европейцем в набедренной повязке. Им оказался англичанин Робертс. Незнакомец резонно указал графу на то, что тот слишком вольно

обращается с местным королем и за это может быть съеден. Толстой в ответ на это громко рассмеялся и бросил в воду щепку, жестами приказал королю достать ее из воды. Грузный пожилой островитянин бросился в воду, подплыл к щепке и, схватив ее зубами, по-собачьи возвратился к судну. По пути к каюте Крузенштерна Лисянский видел еще много недопустимых безобразий, но, будучи на чужом корабле, не стал делать никаких замечаний и только брезгливо уворачивался от назойливо пристающих туземок.

— Я сделал остановку только для того, чтобы пополнить запасы мяса и воды! — как бы оправдываясь перед старым другом, завел разговор Крузенштерн. — На остров Пасхи мы не заходили, поэтому оставшуюся пресную воду пришлось урезать до половины стакана в сутки. Представь, что творилось с нами, когда мы увидели чудесные водопады островов. На острове есть свиньи. Завтра планирую устроить обмен безделиц на мясо, ведь оно, как известно, является лучшим средством от цинги.

— А вот это, с точки зрения медицины, сомнительно! — подначил капитана невесть откуда взявшийся Лангсдорф.

— Милейший доктор, — отозвался Крузенштерн, — вы бы лучше за вашим пациентом присматривали, а то камергер что-то совсем притих.

— Смее уверить вас, капитан, что мой пациент чувствует себя вполне прилично! Завтра господин Резанов планирует поездку в глубь острова с целью сбора этнографического материала для Академии наук. Присоединяйтесь! Это будет чрезвычайно интересное исследование. Острота ощущений перед неведомым сближает даже закоренелых врагов, — парировал колкость Лангсдорф.

— Непременно, доктор! А сейчас, с вашего любезного позволения мы хотели бы остаться наедине с господином Лисянским.

Лангсдорфа не нужно было долго уговаривать. Покинув корабль, неутомимый исследователь отправился на остров изучать его флору и фауну, в то время как капитаны продолжили свой разговор.

— Бог миловал, — продолжал Крузенштерн, — что господа офицеры не поддались пока тому же соблазну, что и матросы. Я оправил Беллинсгаузена, Левенштерна и Горнера произвести измерения и составить карты. Но в отличие от ученых и офицеров, матросов мне занять нечем. Да еще этот Резанов. Начальство чертово! Вроде и молчит уже, а само присутствие его раздражает. Толстой совсем от рук отбился! Он зачинщик и разжигатель всех безобразий на судне!

— Ссади его на острове или отправь под арест! — посоветовал другу Лисянский.

— Тем самым я милость Резанову сделаю. Поручик-то матросов лишь в карты учит играть, зато Резанову дерзит и ругается постоянно. Доводит его до нервных припадков так, что посланник весь день в каюте проводит. Мне это пока что на руку. Но пора уже, Юрий Федорович, команду строить!

Выйдя на шканцы, Лисянский был удивлен еще больше. Картина, представшая перед ним, не вписывалась не то что в рамки дисциплины, но и в рамки приличия. Очень подробно описал все происходившее на борту «Надежды» один из ее офицеров, лейтенант Левенштерн. По его словам, невозможно было помешать знакомству команды корабля с дикарками. Капитан Крузенштерн разрешал приходить девушкам каждый день на борт, чтобы это не происходило тайно. Был даже установлен определенный порядок: после того как корабль становился табу для посещений мужской части острова, о чем оповещал пушечный выстрел, с корабля громко звали девушек. Через полчаса после этого приплывали 30—40 юных островитянок. Их по порядку пускали на корабль и выстраивали. Все дееспособные на корабле искали себе пару. Оставшиеся девушки вынуждены были покинуть корабль. Ночью матросы практически не спали. Утром, еще до снятия табу, девушек снова выстраивали, считали. Затем девушки, восхищенные полученными подарками (как правило, это был кусок ржавого обруча или гвоздя, реже — стеклянная бусина), вплавь добирались до берега. На полдороге их встречали мужчины-туземцы и забирали у них все безделушки, заработанные ночами любви. Левенштерн оправдывает поведение своего

капитана излишней добротой и любезностью. Крузенштерн, по его словам, был настолько снисходителен к матросам, что в этой откровенной доброте капитана была скрыта его единственная слабость.

Естественно, добротой Крузенштерна пользовались все желающие. Язвительный и остроумный доктор Лангсдорф впоследствии с восторгом вспоминал темные тропические ночи, наполненные страстью: «Мы недолго могли философствовать, наблюдая за нашими новыми Венерами. Одна за другой они исчезли рука об руку с матросами внутри корабля, и богиня ночи простерла свою темную вуаль над мистериями, которые там совершались... Матросы, которые были небогаты сокровищами, чтобы вознаградить своих нимф, дарили им бутылки, кусочки фарфора и керамики от разбитой посуды, цветные тряпочки и другие тому подобные вещи, от которых те приходили в крайнее восхищение. Один из матросов, который уже не знал, чем ознаменовать высшую степень благодарности за милости, которые он получил, оторвал подкладку от пары старых бриджей и обмотал ее вокруг шеи своей возлюбленной, отчего та пришла в неописуемый восторг...».

Однажды, стоя на берегу, офицеры «Надежды» совещались, где лучше пополнить запасы пресной воды, как вдруг в их круг вошла молоденькая дикарка. Она села и неотрывно начала смотреть на рослого и красивого Крузенштерна, жестикулируя намекая на то, что не прочь одарить его своей любовью. Но так как капитан не обращал на нее внимания, она ушла. Вернулась девушка, уже вымазанная кокосовым маслом. Она решила, что теперь уж точно неотразима. Сначала засмеялись офицеры, затем их поддержали матросы. Они не были людьми разборчивыми, и как только Крузенштерн сказал одному из гребцов: «Если хочешь, можешь взять ее», матрос, «обняв прелестницу за талию, отошел шагов на пять и за небольшой изгородью принес жертву Венере».

Попытка со стороны Резанова образумить хотя бы офицеров обозлила их еще больше. Назревал очередной конфликт, и Резанов, даже не подозревая о том, пошел на его обострение.

Будучи больным из-за сложно перенесенного плавания во-круг мыса Горн, Резанов тем не менее прежде всего заботился о научной работе, этнографическая часть которой потихоньку начала сворачиваться, но пока еще держалась исключительно на энтузиазме Лангсдорфа и фанатизме Тилезиуса. Заботясь о коллекции для кунсткамеры, Резанов самолично начал менять корабельные гвозди на предметы быта островитян. Заметив это, Крузенштерн подошел к камергеру и с укоризной сказал, что железо еще может понадобится для починки корабля, посоветовав вести обмен на ножи. Попросив Фридрици и Головачёва обменять ножи на диковинные вещи островитян, Резанов был сильно раздосадован, когда офицеры вернулись с голыми руками. Как оказалось, оружие островитян и их посуда, выменянные на суше, были отобраны другими офицерами «Надежды», как только Головачёв и Фридрици ступили на палубу. Не помогли даже уверения в том, что это не лично Резанову предназначается, а для коллекции Академии наук. Тогда больной Резанов приказал приказчику Шемелину выменять у туземцев предметы их быта на топоры и ножницы, которые островитянами ценились больше всего. Резанов не знал, что Крузенштерн эти столь ценные предметы быта обменивал исключительно на свиней, пополняя мясные запасы экспедиции. Он считал, что только наличие свежего мяса может уберечь команду от цинги. И даже доводы Лангсдорфа, Тилезиуса, Либанда и Эспанберга, единогласно опровергавших это заблуждение, не сумели переубедить упертого капитана. Но тем временем Шемелин, взявшийся за дело с привычной купцу коммерческой хваткой, вскоре так насытил маленький островок топорами и ножницами, а трюмы «Надежды» — масками и каменными стрелами, что туземцы свернули торг с Крузенштерном, отказавшись менять ножи на свиней в соотношении один к одному, и потребовали увеличения платы. Ситуация не была критической, о чем свидетельствовало непрерывное хрюканье, доносившееся из трюмов, и заваленная плодами хлебного дерева палуба, но Крузенштерн счел деятельность приказчика Российско-Американской компании достаточным поводом, чтобы прилюдно отчитать Шемелина.

Накануне Крузенштерн отдал приказ, который после многократно повторял, о том, чтобы за старое железо и топоры покупали только жизненные припасы. Несмотря на это Шемелин продолжил торг, утверждая, что отчитываться за свои действия ни перед кем, кроме Резанова, не намерен. Тогда Крузенштерн сделал Шемелину выговор. Больной Резанов, узнав об этом, вышел на шканцы и при команде отчитал самого Крузенштерна, напоминая о субординации, интересах науки, а также о том, что все товары принадлежат Российско-Американской компании, приказчиком которой Шемелин и является. Также Николай Петрович, не стесняясь в выражениях, упрекнул Крузенштерна в том, что стыдно обманывать доверчивых островитян и покупать у них провизию за ничемные ржавые обрубки старых железных обручей от бочек вместо орудий труда. «Кстати, и любовь доверчивых местных девушек тоже», — добавил он, после чего удалился в каюту. Подобного на корабле, который Крузенштерн считал своим, он стерпеть не мог, и следующий день стал воистину судным для самого Резанова.

На «Неве» дела обстояли не лучше. Приказчик Компании Коробицын, отвечавший за компанейские товары, памятуя распоряжения Резанова, решил также произвести на Маркизских островах торг, чтобы выменять «какие-либо редкости или национальные вещи на разные железные компанейские товары». Однако почти все, что было доставлено им на «Неву», по словам служащего РАК, было присвоено капитаном Лисянским в собственность. «Для приласкания островитян, — писал Коробицын, — по требованию господина Лисянского, отпущено мною для подарков 2 куса суздальской чешуйки, за которые также и островитяне одарили его разными национальными вещами, которые по жадности его, Лисянского, присвоены были им также в собственность». Насколько справедливым было суждение Коробицына, сказать сложно, так как часть этих предметов и поныне украшает фонды отечественных музеев. Скорее всего, приказчик Компании хотел сгрузить эти предметы на «Надежду», отчитываясь перед своим начальником Резановым за проделанную работу, но Лисянский решил, что

в трюмах «Невы» редкие предметы с далеких островов будут доставлены в столицу не хуже, чем на «Надежде».

Незадолго до ссоры с Крузенштерном 1 мая 1804 года Резанов вместе с капитанами и офицерами обоих судов отправился на берег, чтобы по приглашению короля осмотреть место Морай, или королевское кладбище. Группа, помня печальный опыт капитана Кука, была вооружена до зубов и имела восемь вооруженных матросов для отражения внезапной атаки. Двигаясь тропинками по совершенно диким местам, путешественники попали в деревню, где жены короля угостили русских странников кокосовыми орехами. После непродолжительного отдыха, преодолев высокие горы, группа спустилась в долину, поросшую тропическим лесом, в центре которого и оказался Морай — королевское кладбище, табу для всех обитателей острова. Морай представлял из себя шалаш с остроконечной кровлей. В шалаше находилась вырезанная из дерева статуя и недалеко от нее — каменная. Несколько часов ушло на зарисовки. В это время проводник русских исследователей, англичанин Робертс, в свое время высаженный за какие-то грехи на этом острове, пригласил своих спутников в свой домик, находившийся неподалеку. Его семья, состоящая из жены — дочери вождя — и нескольких детей, очень обрадовалась незнакомцам. Здесь Тилезиус с Лангсдорфом привели в порядок свои записи и рисунки, попросив еще ненадолго задержаться, чтобы придать законченность эскизам. Только к вечеру утомленные зноем путешественники достигли берега и возвратились на судно.

К тому времени островитяне, менявшие свои украшения и предметы быта на ножи и топоры, наконец, получив все необходимое, прекратили обмен. Многие из них, завязав в листья обычные раковины или камни, подавали их на шестах и, получив в обмен топор или нож, забавлялись своим обманом. Как-то к борту «Надежды» подплыл дикарь. На шее у него было привязано что-то белое, похожее на украшение. Мориц Концебу принял его за огромный зуб и дал за него дикарю швейную иглу. Дикарь, как только торг был закончен, разразился громким смехом, и не без причины. Мориц купил очищенный

банан, который островитянин нацепил на шею, чтобы обмануть доверчивого кадета. Насмеявшись от души, туземец снова подплыл к кораблю. Он был настолько честен, что вернул иглу, но ее все же отдали ему в подарок.

Перед тем как покинуть корабль, Резанов вызвал к себе Толстого, строго отчитал его за татуировки и потребовал после выхода в открытое море прекратить хотя бы пьянство и картежную игру. Толстой охотно дал слово, но, как только Резанов сошел на берег, он притащил в его каюту свою обезьяну. Разложив на столе записи Резанова, охватывающие период плавания от острова Святой Екатерины до Маркизских островов, поручик прикрыл их сверху чистым листом бумаги и на глазах смысленной обезьяны принялся мазать его чернилами. После этого он убрал листок, дал обезьяне перо и оставил ее в каюте. Вернувшись на корабль и застав в своей каюте обезьяну, увлеченно «работающую» над его бумагами, Резанов в очередной раз велел арестовать Толстого. Однако через несколько дней поручик сполна отомстил Резанову.

Третьего мая капитаны обоих судов, не имея надежды получить свежей провизии в этой части острова, поехали в близлежащую за мысом губу, но вернулись оттуда не солоно хлебавши. На берегу остались только Тилезиус с Лангсдорфом. Жители вели себя добродушно, и ученые-натуралисты, преодолев по суше разделяющую бухту гору, только к ночи оказались в деревне дикарей. Изъясняясь знаками, они выяснили, где дом короля и, бесцеремонно ввалившись в королевские «покои», предстали пред ясны очи его островитянского величества.

Тилезиус и Лангсдорф, воспользовавшись любезным приглашением монарха, которому просто не оставили выбора, рискнули заночевать в деревне людоедов. Доверившись благорасположению дикарей, ученые пошли на этот неоправданный риск, чтобы на следующий день продолжить свои наблюдения природы и истории острова. Утром приехавший за профессорами Левенштерн имел удовольствие наблюдать, как светила науки ссорятся из-за искусно обработанного человеческого черепа, подаренного им королем. В итоге, судя по сохранившимся рисункам, череп достался Тилезиусу, а команда

«Надежды» с восторгом приветствовала отважных исследователей.

Но не успели натуралисты ступить на палубу, как к Лангсдорфу подошел лейтенант Головачев и попросил того пройти в каюту к Резанову. Однако не успел профессор и шагу ступить, как на его пути встал Ратманов и ехидно произнес:

— Посланнику теперь уже лучше! Он спит! Не стоит беспокоить его и испытывать на себе то, что было испытано утром всеми нами!

Так ничего и не поняв, Лангсдорф проследовал в трюм, где разложил ценности, полученные на острове, по отдельным коробкам.

— Завидую вам! — услышал Лангсдорф за спиной голос академика Курляндцева. — Наукой занимаетесь. А я по милости капитана от науки отстранен. И не только от науки — людей не вижу, держат меня, как скотину какую, на баке. Доплыть бы до Камчатки, а там... Пешком до Петербурга добираться буду, только бы не с Крузенштерном.

— Что происходит? — попытался выяснить недоумевающий Лангсдорф. — Объясните, коллега, что здесь случилось за время моего отсутствия? Что с Резановым?

— Вы же в курсе, какие отношения у господина посла с капитаном? Так вот, утром у них произошла очередная ссора, причем на шканцах — святом месте любого корабля. И эта ссора стала достоянием всей команды. А началось все с того, что приказчик Российско-Американской компании Шемелин, выполняя распоряжение Резанова, попытался произвести обмен сукна на редкости для кунсткамеры. Резанов действовал в интересах науки, сукно компанейское, и, собственно, поручение, данное Шемелину, никого не должно было касаться, но наш капитан отобрал у Шемелина компанейские товары. Не снеся подобной наглости, Резанов вышел на шканцы и спросил Крузенштерна, не стыдно ли капитану ребячиться? Далее камергер обвинил Крузенштерна в том, что тот препятствует возложенной на него, Резанова, Академией наук миссии по сбору ценностей для научной коллекции. Капитан

вскипел. Резанов попытался привести капитана в надлежащие чину чувства, напомнив ему, кто начальник экспедиции. И тут Крузенштерн заявил, что Резанов не начальник ему, после чего начал угрожать. Резанов спокойно ответил на наглости капитана: «Не думаете ли и меня на баке держать, как Курляндцева? Матросы вас не слушают. Имейте в виду, что стоит вам лишь коснуться меня, как сразу чинов лишены будете. Вы забыли законы и уважение». Потом Резанов удалился в свою каюту, но пребывал там в одиночестве недолго. К нему вбежал взбешенный Крузенштерн и, наговорив грубостей, удалился. Николай Петрович вынужден был позвать меня, Фридрици, Фоссе, Брыкина, чтобы хоть как-то противостоять дерзостям капитана. Резанов думал, что присутствие академиков и офицеров удержит Крузенштерна от дальнейших дерзостей. А тем временем наш капитан послал на «Неву» за Лисянским. Когда прибыл Лисянский и его офицер Берг, над Резановым устроили настоящий суд. Потребовали, чтобы он явился на палубу. Граф Толстой, офицер, в чьи обязанности входит первым защищать посла Его Величества, с кулаками бросился на Резанова, да так, что его едва сдержали. Затем был послан лейтенант Ромберг, который все ругался, но Резанов его даже слушать не стал. Тогда пришел Крузенштерн и потребовал бумагу, доказывающую начальство Резанова над экспедицией, так как команды обеих кораблей в неведении, кому же подчиняться. Резанов отвечал, что бумаги эти более Крузенштерна, чем команды и офицеров, касаются, что еще в Балтийском море предоставлял их Крузенштерну, но слыша крики: «Трус! Идти к нам боится!», взял бумаги и вышел на палубу. Увидев Крузенштерна в шляпе, Резанов приказал ему снять ее, хотя бы из почтения к императору, и, зачитав офицерам указ о своем назначении руководителем экспедиции, услышал в ответ хохот и вопрос: «Кто подписал?» «Государь ваш Александр» — отвечал Резанов. «А кто писал?» — не унимался Ратманов. «Не знаю», — сконфузился Резанов. «То-то «не знаю», — кричал Лисянский. — Мы хотим знать, кто писал, а подписать-то — знаем, что Александр все без разбору подпишет». «Но я дей-

ствительно не могу знать, кто в императорской канцелярии пишет указы!» — возмущенно ответил ему Николай Петрович. Тогда все офицеры, кроме лейтенанта Головачева и подштурмана Каменщикова, стали кричать Резанову: «Ступайте, ступайте с вашими указами, нет у нас начальника, кроме Крузенштерна». «Да он, видишь, еще и хозяйствующее лицо компании!» «Как же! — вторил Лисянский. — И у меня есть полухозяин — приказчик Коробицын!» А лейтенант Ратманов, ругаясь по матушке, кричал: «Его, скота, заколотить в каюту!». А сейчас посланник лежит в каюте один и что с ним — неизвестно.

Услышав это, Лангсдорф бросил свое занятие и поднялся на палубу, где нос к носу столкнулся с Крузенштерном. Попросив сообщить ему о здоровье Резанова, Лангсдорф услышал из уст капитана рассказ, практически дословно повторяющий слова Курляндцева. Единственным отличием было то, что в своем рассказе Крузенштерн пытался доказать свою правоту и неправомочность действий Резанова, благодаря которым, по мнению Крузенштерна, туземцы прекратили менять металлические предметы на свиней.

— Ничего удивительного, — как-то равнодушно отреагировал на услышанное Лангсдорф. — Во время нашего с Тилезиусом пребывания на берегу король сообщил, что на их острове весь быт подчинен исключительно интересам войны как средства выживания. Также он сказал нам, что его соплеменников в первую очередь интересовало железо. Те обрубки обручей, которыми мы так щедро одаривали наших венер, уже приточены на их копья и булавы. Причем оружия, благодаря нам, заготовлено такое количество, что хватит истребить население всех окрестных островов. Именно поэтому они столь спокойно возили на наш корабль своих жен, а после отбирали у них металл, которым мы их одаривали. Так что сейчас, когда остров изобилует топорами и ножницами, ножами, металлическими наконечниками стрел и рогаatinaми, сделанными из битых бутылок, интерес у туземцев к нам пропал. Не стоило так сердиться, капитан! Все равно никакой еды они теперь нам не продадут. Кстати, еще и по

той причине, что они стали сами беречь свиней для будущей войны. Мы выкупили у них столько животных, что если в ближайшее время война с соседним островом не начнется, дикарям придется начинать есть друг друга. А в практике выживания здесь заведено первыми поедать собственных детей, так что подумайте, стоит ли продолжать обмен наших товаров на свиней?

— Стоит! — резко оборвал профессора раздосадованный капитан.

Однако этот окрик Крузенштерна был лишь выплеском эмоций. «Надежда», чья течь увеличивалась едва ли не с каждым днем, требовала скорейшего достижения Камчатки, поэтому Крузенштерн решил идти дальше с имеющимися запасами провизии, надеясь получить ее в избытке у Сандвичевых островов.

Состояние Резанова ухудшилось до такой степени, что главный комиссионер компании Федор Шемелин вынужден был записать в своем «Журнале путешествия»: «...дух его лишился всей бодрости, после того воображались ему одни только ужасы смерти ежеминутные о том опасения (хотя не было к тому ни малейших причин). Он при малейшем шуме, стуке, на шканцах или в капитанской каюте происходящих, изменялся в лице, трепетал и трясся, биение сердца было беспрерывное. Он долгое время не мог приняться за перо и трясущимися руками что-либо изображать на бумаге; здоровье его в продолжении пути до Сандвичевых островов сколько за неимением свежей пищи, а больше от возмущения душевного и беспокойства разного рода так изнурилось, что мы опасались лишиться его навеки».

Вот до какого состояния был доведен человек, заботящийся о науке больше, чем о себе. Архипелаг Маркизских островов принес массу открытий первой русской экспедиции. По словам ее участников, русские за несколько недель пребывания произвели такое количество научных исследований, которое голландцы не произвели за всю историю своих путешествий в этой части Тихого океана. Здесь, на острове Нуку-Хива, начал проявлять свои неординарные таланты морского инжене-

ра еще один человек, судьба которого в будущем тесно будет переплетена с судьбами Хвостова и Давыдова.

Передо мною лежит его чертеж боевой лодки одного из тихоокеанских племен. И поражает не столько форма судна, сколько точность, с которой выполнен чертеж. Причем без единого инструмента, от руки, простым карандашом. Такие лодки жители острова Нуку-Хива использовали в военных целях, соединяя их по две платформой из досок. На этой платформе во время боя стояли воины. Сами лодки были сделаны грубо и парусом управлять не могли.

Чертеж и измерения лодки выполнены корабельным мастером «Невы» Иваном Петровичем Корюкиным. Тем самым Корюкиным, который устанавливал мачты на «Неве» на острове Санта-Катарина. Сейчас вряд ли кто вспомнит его имя, а ведь именно он создал судно «Авось», которое участвовало впоследствии в Курильском рейде. Судно, ставшее первым военным кораблем России на Тихом океане. Судно, название которого легло в основу названия поэмы Андрея Вознесенского и рок-оперы «Юнона и Авось». С именем Ивана Корюкина будет связано еще много историй, с которыми я познакомлю читателя позже. Пока же он, как и многие другие, вносил посильную лепту в исследование культуры островов Тихого океана.

Итак, 13 мая 1804 года суда первой русской кругосветной экспедиции второй раз пересекли экватор. Утром следующего дня доктор Горнер поймал за хвост обезьяну Толстого в то время, как она совершенно непрошено играла роль хозяина в его каюте. Горнер потребовал у Толстого, чтобы тот урезонил свое животное, раздраженно заявив, что безрассудство поручика и его подопечной может повредить науке. Толстой попытался поймать обезьяну и привязать ее на веревку, но она укусила поручика. Разозлившись, он схватил обезьяну в охапку и со всего размаху швырнул на палубу. Удар о доски палубы оказался столь сильным, что несчастное животное подняться самостоятельно уже не смогло. Диагноз прибывшего на крик доктора Эспанберга стал приговором для обезьяны. Получив многочисленные переломы, животное было обречено на мучительную

смерть. Чтобы прекратить страдания своей любимцы, Толстому пришлось пристрелить издыхающую обезьяну.

После трехнедельного перехода к Сандвичевым, или, как их сейчас называют, Гавайским, островам «Надежда» и «Нева» встали на якоря на траверзе острова Оаху. Однако надежды Крузенштерна на пополнение судов свежими припасами не оправдались. Те две свиньи, которых удалось выменять у местных жителей, вряд ли могли решить продовольственную проблему экспедиции. Доктор Эспанберг, осмотрев команду, пришел к заключению, что больных цингой на кораблях нет. Особых причин задерживаться у Сандвичевых островов не было, и капитан Крузенштерн, на судне которого открылась ко всем прежним неприятностям течь в носовой части корабля, решил, не мешкая, направить «Надежду» в сторону Камчатки.

29 мая Крузенштерн посетил «Неву» и вскоре, простившись с Лисянским, отбыл на свой корабль. В скором времени после того, на «Надежде» и «Неве» были подняты флаги, расставленные по вантам обоих кораблей матросы семикратно прокричали «ура!», после чего «Надежда» направилась к Камчатке, а «Нева» — в сторону Алеутских островов.

Глава 9 ЗНАКОМСТВО С КАМЧАТКОЙ

Чего ишу? Чего-то свежего!
Земли старые — старый сифилис.
Начинают театры с вешалок.
Начинаются царства с виселиц.

А. Вознесенский

*М*олодость, ясность мыслей и чистота поступков — вот то, что отличало вершителей судеб начала девятнадцатого столетия. О мечтателях, положивших души на алтарь государственности, как правило, принято говорить — мол, они родились не в то время!

Как же ошибаются те, кто равняет время и помыслы людские по своим ничтожным бытовым нуждам. Даже поэты, эта недремлющая совесть России, не всегда дотягиваются до деяний тех, кого берутся описывать. Не все вырастают из коротеньких штанишек кухонного мировоззрения. Нам ли, современникам, судить тех, кто обессмертил свое имя Поступком? Наш удел — честно и правдиво описать дела и мысли служителей государства, истинных стержней русской истории. Таким был молодой губернатор Камчатки генерал-майор Кошелев.

Не успев принять пост, прибывший из Охотска губернатор решил навести порядок на вверенной ему территории. Дело понятное и привычное любому чиновнику, входящему в новую должность. На Руси издревле повелось рассматривать высокие должности как государственную вотчину, данную чиновнику во временное пользование за сомнительные заслуги перед этим самым государством. Соответственно, подчиненные, наделенные той же психологией, обязаны подносить, доносить, ублажать в надежде на собственное возвеличивание. Однако суровый климат России внес свои коррективы, диктующие совсем иную модель поведения, модель, при которой трусам и доносчикам было неуютно, так как людей было мало и ареал их обитания был невелик. В итоге люди с нечистыми помыслами очень быстро оказывались в изоляции. За званиями и наградами на Камчатку и в Охотск добровольно никто из питерских чиновников не рвался. Но со временем посланные волей государя-императора чиновники разных рангов и сословий сбились в кучку и составили костную и непробиваемую государственную надстройку, угнетающую все то доброе и светлое, что было в русских людях, начавших заселять Сибирь и Дальний Восток.

Детище Шелихова и Резанова — Российско-Американская компания, монополизировав дальние рынки страны, начала превращаться в монстра, требовавшего все больших жертв. Вряд ли об этом мечтали отцы-основатели, вряд ли знали всю истину о том, что творится в сибирских поселениях и городках. Те далекие времена начали формировать новое сословие

чиновников. Простому приказчику уже не надо было рваться наверх, двигаться по служебной лестнице, делами и подвигами отвоевывать себе место под солнцем. Теперь достаточно было найти тепленькое местечко и заняться распределением ресурсов или, попросту говоря, обворовыванием собственного народа. Служащий мог за всю жизнь так и остаться какой-нибудь мелкой сошкой двенадцатого ранга, зато его дом к концу карьеры выглядел как дворец, а живот рос пропорционально украденному из кармана сперва простого обывателя, а затем и самого государства. Дальняя окраина России обворовывалась любым, имеющим хоть какую-то власть.

Люди стонали от всевозможных злоупотреблений, пьянства, воровства и разврата со стороны гражданских и военных чиновников, купцов и местного духовенства. Но тут в Нижнекамчатск прибыл новый командир гарнизона Павел Иванович Кошелев. Следует учесть, что Нижнекамчатск в начале XIX века представлял собой военное поселение, при котором числился порт. Вновь прибывший генерал должен был возглавить поселок, управлявшийся городским советом. Но первое же сообщение от генерал-майора Кошелева повергло в шок иркутского губернатора Трескина: «Ваше превосходительство, чтобы избавиться от всех главнейших негодяев и пьяниц в Иркутске или по каким-либо другим неизвестным для меня причинам, прислали их сюда членами областного правления и потом требуете, чтобы я присутствовал и советовался с этой грязною компанией свиней. Но если бы я и решился на эту меру, то этим стеснял бы только вас, ибо тогда бы ни Пестелю, ни вам не писать таких диких предписаний областному правлению, какие пишутся теперь». Заклеймив чиновничью хунту и обозначив ход своих дальнейших действий перед иркутским начальством, генерал-майор принялся за дело.

Павел Иванович Кошелев, накинув на плечи котиковый полушубок, разрабатывал планы борьбы с мерзостью, с которой пришлось столкнуться. Первым делом новый начальник повелел явиться к себе приказчикам Российско-Американской компании и представить детальную ведомость по расходам и доходам компании и всего края за прошедший год. Цифры

повергли молодого генерала в неопишемую ярость. Только чиновничий аппарат при доходе всей Камчатки в 20 тысяч рублей растратил на «нужды собственные и содержание» 42 722 рубля! Приказчики вылетели из казенного казарменного дома, как нашкодившие котята, а вслед за ними летели бухгалтерские книги.

От бывшего учителя, а ныне портового грузчика, Кошелев узнал, что школ, открытых правительством на Камчатке в середине прошлого века для русских и камчадалов, больше не существует. Камчадалы учились успешно и охотно отдавали своих детей в школы. Однако местные начальники вместо помощи всячески препятствовали деятельности учителей, и школы одна за другой стали закрываться. Последняя школа закрылась совсем недавно, с приходом прежнего коменданта Сомова.

Кошелев вспомнил бои под Измаилом, где он командовал штурмовым полком. Тогда в теплом Причерноморье Михаил Илларионович Кутузов, под началом которого тот состоял, перед генеральным штурмом распорядился переодеть полк в новую форму. Когда интенданты возмутились странным распоряжением генерала, Кутузов им ответил: «Вы, первые воры в нашей армии, простого солдата голодом морите, на сукне экономите, потому что он для вас не человек. Думаете, что все равно убьют, чего изводить материал и еду? Если не дадите нормальной жизни честным людям, позвольте им хотя бы с честью и при полном параде помереть! На Россию сегодня весь мир смотрит!» И послал интендантов в первую штурмовую роту простыми солдатами... в старых шинелях. Весь остальной полк получил новые. Эту науку Кошелев усвоил на всю жизнь. Но Камчатка — это не Причерноморье, и он сейчас не в посольской свите в Яссах, и уже лет десять как не адъютант суворовского любимца и измайловского героя графа Голенищева-Кутузова. И окружали его не офицеры, на которых можно положиться, а чиновничьи отбросы. Вся надежда оставалась только на солдат своего гарнизона и простой люд. На них и была сделана основная ставка, и Кошелев нанес первый удар.

Положение почетного ссыльного в должности правителя Камчатки генерала-героя не устраивала. Народ, доведенный до крайности, стонал под игом чиновничьего произвола. По словам историка А.С. Сгибнева, причитающийся нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам через посредство приказчиков Российско-Американской компании; все книги были с фальшивыми расписками; казенный порох служил большой доходной статьей чиновникам. На казенных судах перевозились преимущественно грузы Российско-Американской компании, а провиант Компания, не имея в Камчатке конкурентов, продавала по самым высоким ценам: например, пуд масла стоил 60 рублей, а флягу водки объемом в три ведра от 700 до 1000 рублей. Это при том, что на содержание солдата в Петербурге тратилось не более пяти копеек в день.

При таких ценах на провиант и при беспределе власти по камчатским поселениям начали распространяться слухи о грядущем голоде. И голод пришел. Солдатский паек был урезан на три четверти против нормы и выдавался наполовину порсою — толченой сухой рыбой. Из-за трудностей при доставке груза и вороватости всех, кто к этому грузу имел хоть какое-то отношение, большая часть его терялась где-то в пути. Груз медленно таял и на Якутско-Охотском тракте, и в Охотском порту при загрузке, и на выгрузке здесь, на Камчатке. Об этом знал и прежний губернатор, но предпочитал не вмешиваться. Вполне возможно, что именно с его молчаливого согласия творились местными чиновниками темные делишки. Когда же положение дел стало известно в Петербурге, ворам нужно было проявить смекалку и рвение, чтобы представить хотя бы планы по улучшению ситуации.

Тогда-то и родился беспрецедентный по своему безумию и глупости проект. 13 августа 1801 года военный губернатор Иркутска Б.Б. Леццано, исходя из предложения продовольственного комиссионера генерал-майора Новицкого, изложил его на бумаге. Суть нововведения касалась военного полка, расквартированного на Камчатке. Ему приписывалось заняться... хлебопашеством, причем с расчетом обеспечения зерном не

только самого полка, но и продажи излишков хлеба местному населению. Для этого требовались дополнительные людские и финансовые ресурсы. Для реализации этой авантюры была затребована астрономическая сумма 44 348 рублей 78 с половиной копейки. Кроме того, 33 333 рубля 21 копейка требовалась для покупки инструментов, семенного хлеба и скота, а также на доставку хлеба и скота в Камчатку. Но этого иркутскому губернатору с самой что ни на есть «русской» фамилией Лециано показалось мало. Видимо, укрепляя боевую мощь камчатской армии, иркутский губернатор распорядился растянуть жиденькую цепочку из трехсот пятидесяти казаков по всему восточному побережью полуострова от Нижнекамчатска до Петропавловской гавани. А придумал все это прежний комендант Сомов, чьи яркие рассказы убедили губернатора Иркутска развивать эту безумную затею. Придумал и под первым же благовидным предлогом успешно отбыл на материк, оставив о себе дурную память — «сомовское поветрие» — одну из самых мрачных страниц истории отдаленной российской земли. Своему же преемнику Кошелеву Сомов оставил тяжелое наследие своих агрономических изысканий.

Новый комендант начал с того, что счел самым необходимым: с экономии государственных средств, свернув этот перспективный разорительный проект. Если учесть, что менее чем за год средства на него были практически использованы, а говоря проще — украдены, неудивительно, что первыми пошли под суд те, кто был к этому делу причастен: чиновники и офицеры-подельники. Кошелев открыл, что Сомов и большая часть его офицеров занимались казнокрадством и грабили солдат и обывателей.

Принадлежавший нижним чинам провиант выписывался в расход и продавался частным лицам, а посредниками выступали приказчики Российско-Американской компании. Все книги и счета были с фальшивыми расписками. Продавали казенный порох Компании, которая сбывала его камчадалам по баснословно высоким ценам. Кошелев конфисковал у Компании весь порох и записал его на приход в казну, арестовав приказчика Компании Хлебникова за то, что тот не хотел по-

нижать цены на товары. Офицеров Кошелев запер до тех пор, пока те не придумают, как вернуть государству наворованные средства. Надо отдать должное Кошелеву: слово его было твердым, и многие воры отсидели в темнице долгих четыре года правления генерала. Правда, покинув темницу, они так и не раскаялись. Идея хлебопашества на Камчатке была свернута как бесперспективная, казаки собраны в военные гарнизоны. Но механизм уже был запущен, и на протяжении многих лет на Камчатку тянулись вереницы переселенцев, увеличивая армию не хлебопашцев, а хлебоедов.

В ноябре 1806 года все это припомнят генерал-майору Кошелеву на суде обиженные им чиновники, и только купец Хлебников, отдав должное честности правителя Камчатки, не станет наговаривать и обвинять своего обидчика, заявив, что «на добрые его качества многие обратили бы внимание». Судебные показания будут походить на какой-то глупый фарс. В деле Кошелева будет фигурировать даже такая запись: «Расстроив управление и порядок во всех частях, Кошелев возбудил такое неудовольствие и ненависть во всех жителях Камчатки, что для собственной защиты потребовал одобрительные подписки последних». Это все равно что заявить, будто Гитлер Сталина ненавидел до такой степени, что потребовал от него хвалебных од в свою честь. И уж совсем расстроят суд казаки, которые заявят, что готовы умереть за своего командира. А простые нижнекамчатцы, чьи честные имена сохранила для нас история — Михайло Казаринов, Иван Портнягин, Иван Калашников, Василий Протопопов, Иван Барнашев, Иван Петров, Егор Казаринов, Степан Юрьев, Дмитрий Дягилев, Андрей Попов, Яков Панов, Василий Абросимов, Василий Гусев, Михаил Попов, Василий Санников — обратятся к суду с прошением: «...обращая власть свою командование без пристрастия и без корысти; имеет добрую и простую душу; справедлив без лицепрятия; и старается всегда в пользу общую делать всякое добро, каковых его примеров множество, и потому совершенно имя его останется нам навсегда помяновением, что такого начальника не бывало и не будет, ежели он когда уедет в Россию».

Однако все это случится позже, а пока голод душил Камчатку. И не дефицит товаров стал его причиной, а цены, установленные Полевым. Да-да, тем самым Полевым, который встретил Давыдова и Хвостова и чья «щедрость» в раздаче хлебных корочек жителям Сибири стоила жизни тысячам камчадалов.

С определенной смелостью можно сказать, что прибытие «Надежды» в гавань Святых Петра и Павла в буквальном смысле стала спасением и без того немногочисленного отдаленного конца Российской империи от голодной смерти. И дело совсем не в продуктах — на самой «Надежде» их запас был мизерный, и его едва хватало на то, чтобы дотянуть до родных берегов. Спасение от голода для жителей Камчатки пришло в лице Николая Петровича Резанова, угнетаемого капитаном, больного и запертого в душной каюте посланника русского Императора.

1 июля 1804 года в восемь утра марсовый «Надежды» с салинга разглядел берега Камчатки. Родина встречала отважных путешественников бесподобными по своей красоте картинами: Стрелочная, Авачинская и Горелая сопки, нежась в первых лучах солнца, указывали вход в Авачинскую бухту.

Однако Крузенштерн, ищущий славу первопроходца, приказал сделать разворот оверштаг и, изменив направление с северного на западное, пустился на поиски острова Сербяного, слухи о котором распространил Лаперуз, хотя на карты этот остров нанесен не был. Ночью была буря, и спешащая за открытиями со скоростью в девять узлов «Надежда» вновь отдаляла ударившихся в воспоминания о Ревеле Крузенштерна и Левенштерна, а с ними и всю команду, от родных берегов. Неделя непрерывного рысканья по морским просторам не принесла никаких результатов. Каждый новый день грозил взрывом недовольства со стороны матросов. Количество больных росло, но капитан, одержимый идеей поиска острова, приказал доктору Эспанбергу разделить свиную тушу между больными в попытке отсрочить еще хоть на день свидание с родными берегами. Доктор Эспанберг

оказался настолько меркантилен, что вместо того, чтобы разделить по приказу Крузенштерна мясо среди больных, приготовил для себя сочное рагу, которым полакомился следующим же вечером. Его разоблачил Левенштерн, поймав доктора в буквальном смысле «на горячем», но рагу уже бурчало в животе и вернуть его не представлялось возможным. Доктор был на судне в единственном экземпляре и, чтобы не создавать лишних проблем, лейтенант не стал докладывать о проделках прожорливого эскулапа.

В конце концов, поняв, что никакого острова не существует, Крузенштерн направил «Надежду» в сторону Камчатки, и только 15 июля 1804 года судно вошло в Авачинскую бухту. Место стоянки указывал повалившийся на левой борт и приотпленный на треть бимса корабль Сарычева «Три святителя», принимавший участие в экспедиции Биллингса. Моряков удивило то, что судно, чей корпус находился в прекрасном состоянии, не используется для плаваний, а служит бакеном.

На следующий день в доме коменданта для участников первой русской кругосветной экспедиции был дан обед. Стол ломился от всевозможных рыбных блюд. Королевой пира была горбуша, которая местными жителями за деликатес не считалась, зато ее вкус был оценен путешественниками. Крабы, камбала, различные моллюски дополняли великолепие стола. Комендант Петропавловского гарнизона майор Крупский оказался человеком добрым и открытым. После обеда Крупский освободил для Резанова одну из комнат в своем доме, чему ослабевший посланник был несказанно рад.

Ком обиды подкатил к горлу камергера, еда не лезла в рот, когда он видел, как товары Российско-Американской компании, столь ценные для этого края, выгружаются, а точнее, сваливаются прямо на берегу безо всякого порядка и описи. Он не знал, что Крузенштерн, выбросив на берег весь груз, принадлежащий Компании, запретил своей команде даже за самую высокую плату переносить груз в компанейские магазины. Тем не менее, рассчитывая на справедливость здесь на берегу, Резанов не стал менять решений капитана, резонно понимая, что своим поведением Крузенштерн только усугубляет

сложившуюся ситуацию. Николай Петрович вспомнил, что не далее как вчера он был изгоем на собственном корабле. Резанов взялся за перо, и уже вечером нарочный скакал в Нижнекамчатск. В его сумке лежало послание от Резанова, адресованное губернатору Камчатки Кошелеву: «Имею я крайнюю нужду видиться с вашим превосходительством и по высочайше вверенным мне от Государя Императора поручениям получить нужное от вас как начальника края сего, пособие. У меня на корабле взбунтовались в пути морские офицеры. Вы не можете себе представить, сколь много я вытерпел огорчения и насилию мог с буйными умами дойти до Отечества. Сколь ни прискорбно мне, совершив столь многотрудный путь, остановить экспедицию, но при всем моем усердии не могу я исполнить японского посольства, и особенно, когда одни наглости офицеров могут произвести неудачу и расстроить навсегда государственные виды. Я решился отправиться к Государю и ожидаю только вас, чтоб сдать вам, как начальствующему краем, всю вверенную мне экспедицию». Строки письма были пронизаны болью и отчаяньем человека, у которого не осталось ни моральных, ни физических сил для окончания начатого дела.

Но поскольку расстояние между городами составляло более семисот верст, рассчитывать на скорый приезд губернатора не приходилось. Отправляться же с посольством в Японию командой, поднявшей бунт, Резанов не собирался. Будучи сам судебным чиновником самого высокого ранга, Резанов силою своей власти вполне мог бы устроить суд над Крузенштерном и офицерами самостоятельно. Однако, будучи трезвомыслящим человеком и политиком, Николай Петрович понимал, что восстановление справедливости подобным образом сорвет не только посольство в Японию, но и всю кругосветку. Ожидая Кошелева, Резанов обдумывал ситуацию и мысленно искал пути замирения с Крузенштерном. Ситуация осложнялась тем, что Крузенштерн за полтора года плавания так и не понял сути претензий Резанова, искавшего не славы, а средств установления Россией господства в северной части Тихого океана. Ведь экспедиция назначалась вовсе не для того, чтобы прока-

тить Крузенштерна и господ морских офицеров кругом света ради их собственной славы и славы России. Государство не нуждалось в громких заявлениях о себе. На Черном море был разгромлен турецкий флот, на юге Россия вышла к Кавказу. Европейские войны пока мало влияли на государство, которое концентрировало свои ресурсы. Россию знали и уважали в тогдашнем цивилизованном мире как никогда! С ней считалась не только старушка Европа, но и новорожденные Североамериканские штаты строили свою политику с оглядкой на великое славянское государство. Русские оказались нужны всем: француз Наполеон искал способ замирился с Александром I, чтобы окончательно развязать руки в Европе; Британии русские нужны были как надежные союзники в войне с тем же Наполеоном; Испания была уже не в силах контролировать свои колонии и рассматривала Россию как союзницу в защите колониальных завоеваний. В отличие от Крузенштерна Резанов, трезво оценивающий тогдашние политические реалии, считал основной целью экспедиции удовлетворение нужд и видов Российско-Американской компании, а с ней и всего государства Российского в северотихоокеанском регионе.

Николай Петрович, уединившись в комнате, перелистывал бумаги. Глазами наткнувшись на инструкцию Компании, Резанов в очередной раз прочел: «Корабли “Надежда” и “Нева”, в Америку отправляемые, имеют главным предметом торговлю Российско-Американской компании...». Крузенштерн так и не осознал, что его действия ставили под угрозу не только установление дипломатических и торговых отношений с Японией, но и грозили срывом важного государственного дела.

«Значит, все-таки суд, который расставит все точки над «і», — размышлял Резанов. — Надо будет объяснить Кошелеву ситуацию. Выговор — это самое большое наказание, иначе так и не будет реализован проект кругосветного плавания и посольства в Японию. Не наладив отношения с Японией, мы рискуем остаться без базы снабжения злаками новых земель российских. Да и границы между сопредельными государствами надо бы определить точно. И все-таки, если Крузенштерн откажется, кто окончит плавание? Произвести своей

властью в капитан-лейтенанты Головачева? Тогда он окажется на судне единственным офицером. Остальные его не терпят и не поплывут с ним. Ратманов, Левенштерн, Ромберг? Чем они лучше Крузенштерна? Интересно, а где сейчас лейтенант Хвостов? Он как человек со стороны мог бы принять на себя командование кораблем и с успехом закончить начатое. Однако Россия-матушка велика. И сыскать его в этот ответственный момент не предвидится возможным. А жаль...

Не мог знать Резанов, что Хвостов в это время находился совсем недалеко, в Охотске, готовя очередное судно к отплытию на восток. Не мог Николай Петрович даже предположить, что следующее письмо, написанное его рукой и адресованное начальнику Охотского порта Башуцкому, станет инструкцией для того же Хвостова, которого ему так сейчас не хватало.

Между тем петропавловский комендант майор Крупский со своей стороны сделал все возможное, чтобы облегчить соотечественникам пребывание в гавани. Он приказал ежедневно печь хлеб для команды и доставлять свежую рыбу, разрешил охоту на зверя, указав, где в окрестностях он водится в избытке.

После прибытия «Надежду» разоружили и освободили от всего компанейского груза, кроме железа, которого, по свидетельству Крузенштерна, было не менее шести тысяч пудов. А Резанов, узнав об этом, вспомнил, как ему полтора месяца назад было запрещено менять ржавые куски обручей от бочек на этнографический материал.

Товар компании лежал здесь же, на берегу. Крузенштерн, который счел свой долг доставки груза РАК к берегам Камчатки выполненным, не позаботился ни о его сохранности, ни о транспортировке в компанейские магазины. Этим по просьбе Резанова занялись солдаты гарнизона. Также в дом коменданта была выгружена часть научной коллекции, собранной Лангсдорфом. Лангсдорф, впервые ступивший на землю России, проявил огромный интерес к Камчатке. Пока шла подготовка к плаванию в Японию, ученый все свободное время посвящал исследованию природы и населения полуострова. Труды Лангсдорфа отмечал и Резанов в письмах президенту

Академии наук Николаю Николаевичу Новосильцеву. Здесь, в Петропавловске, Лангсдорф в течение нескольких недель изучал обстановку и сильно жалел о том, что, имея возможность за год выучить русский язык на русском корабле, так и не воспользовался этим прекрасным шансом. Теперь они с Тилезиусом вынуждены были молча наблюдать и записывать в дневники свои наблюдения. Однако Лангсдорф не был бы Лангсдорфом, если бы опустился до простого зрителя. Через несколько дней он предложил Резанову заняться до прибытия Кошелева прививанием от оспы. Первые прививки он сделал себе и коменданту Крупскому. Затем были привиты солдаты, а после и все находившиеся в округе камчадалы. Здесь, на Камчатке, молодой ученый взялся за написание книги об организации образцового госпиталя. Он продолжил свою переписку с академиком Крафтом — с тем самым, которого просил, чтобы тот включил его в состав экспедиции, с целью предложить какие-либо улучшения: «С отменным удовольствием устремил я в сие время первые мои взоры на сельские страны Камчатки. Первая потребность для сей страны состоит в том, чтобы более заселить оную и иметь добрых землепашцев, ремесленников и промышленников. Здесь вовсе недостает тех познаний, которые в просвещенном государстве служат к удовлетворению первых потребностей, как, например: весьма бы нужно завести здесь гончарную работу, кирпичные заводы, варение мыла и соли и иметь искусных людей в ловли китов, в солении к сушению рыб и проч.; также весьма полезно бы устроить мельницы, обсушить болотистые места и проч. По изобилию различных физических предметов, здесь найденных, делаю уже я вообще заключение, что земля сия способна к большому усовершенствованию и заслуживает особенное внимание».

В письме Иоганну Блуменбаху от 23 августа 1804 года Лангсдорф описывал физико-географические особенности Камчатки и подробно развивал мысль Резанова о том, что полуостров следует снабжать всем необходимым, налаживая торговлю с Японией и Китаем, а не везти туда товары из европейской части России через Сибирь. В этом же письме

Лангсдорф сообщал о большой энтомологической коллекции, собранной им на Камчатке, и сравнивал насекомых этого полуострова с насекомыми Португалии.

Ожидание губернатора Камчатки затянулось. Неопределенность стала нервировать офицеров «Надежды». По Петропавловску поползли слухи. «Прибытие Кошелева сильно изменит здешние перспективы, — писал лейтенант Левенштерн. — Распространился слух, что Резанов с помощью Кошелева будет производить аресты, а также, что из поездки в Японию в этом году ничего не выйдет, и мы вынуждены будем зимовать на Камчатке».

Пока Крузенштерн и офицеры судна накручивали себя домыслами, Резанов с присущим ему энтузиазмом взялся за решение проблем, захлестнувших Камчатку.

Что первым делает современный столичный чиновник, прибывший в региональный центр? Правильно — обирает местных чиновников, а те заблаговременно обирают местное население. Это своеобразный ясак, только осовремененный. Такое действие принято считать чуть ли не национальным явлением. Однако подобная мысль оскорбляет память тех, кто носил свой чин с достоинством, сознавая истинное значение этого слова. Слово «чин» означает свершение, стремление к окончанию действия с позитивным результатом. Слова «чинить», «сочинять», «почин», «начинание» имеют тот же корень и несут в себе позитивный эмоционально-лингвистический заряд. Чиновник — это вершитель! Это действенное лицо государственной машины. Его функция — осуществлять связь между законом — собранием правил нравственных норм народа — и самим народом, эти правила определяющим. Именно оттого, что закон неразрывно связан с нравственностью, действия чиновника подлежат в первую очередь оценке с точки зрения духовных начал самого народа. Чиновник — это творец справедливости в истинном, первоначальном смысле этого слова. Сегодня подобное звучит смешно, и в первую очередь оттого, что нравственность современного чиновника основана на его материальном достатке. Телесные начала убили в нем духовность, заменив

ее бессовестным словоблудием, за которым, как за ширмой, скрыта животная сущность мотивов его поступков. Эта материальность ставит современного чиновника по ту сторону борьбы добра со злом, в которой духовность находится на стороне добра, в то время как материальность — на стороне зла. Поэтому визиты больших чиновников воспринимаются современным обществом как зло. А Николай Петрович Резанов был чиновником в изначальном понимании этого слова. Он был вершителем во благо народа, его возвысившим. Об этом указывает и его отказ от продолжения плавания, а соответственно, от славы руководителя, ради оценки истиной обстановки в Русской Америке, и поддержка действий Кошелева на Камчатке, и спасение от голодной смерти жителей Аляски, и жесткость позиции по отношению к Японии во благо будущего империи, наделившей его полномочиями.

Однако потомки не оценили начинаний Резанова, положенных им на Камчатке, и, не обладая мышлением организаторов и пассионариев, извратили суть происходившего. Капитан первого ранга Дмитрий Афанасьев в своей рецензии на известное сочинение Петра Александровича Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании», изданное в 1864 году, так «разукрасил» нашего героя: «Сей господин Резанов был человек скорый, горячий, затейливый писака, говорун, имевший голову, более способную созидать воздушные замки, чем обдумывать и исполнять основательные предначертания... Рассчитывая, что частные купцы, доставляя свои товары в Охотск и в Камчатку сухим путем через Сибирь, не могли продавать их так дешево, как товары, привезенные от компании морем, он назначил всем вещам в Камчатке очень низкие цены, даже в убыток компании, с тем намерением, чтобы, уронив частных купцов, захватить в пользу компании монополию...».

Резанов стал прислушиваться к замечаниям Крупского и других камчатских лиц о деятельности комиссионеров своей Компании. До него дошел рассказ о том, что Кошелев три месяца продержал приказчика Хлебникова на гауптвахте с требованием снизить цены на товары, но тот, не получив раз-

решения правителя Охотской конторы РАК Полевого, так и не сделал этого. Несколько дней спустя, проанализировав рассказы об этих и других злоупотреблениях Компании на Камчатке и в Охотске, Резанов приказал комиссионеру Выходцеву прибить на стене торговой компанейской лавки следующее объявление: «Высочайше покровительствуемая Его Императорского Величества Российско-Американская компания, сопрягая пользы торговли с пользами своих соотечичей, извещает всех жителей Камчатской области, что к удовольствию их открыла она продажу привезенных на корабле «Надежда» товаров по нижеследующим ценам, с тем, что водка, спирт и прочие вещи и товары продаются без малейшей примеси, обмера и обвеса. Компания предоставляет каждому из покупающих право слышать товар с засвидетельствованными пробами доброт, проверять вес и меру, и просить всех быть уверенными, что никакие злоупотребления в частной торговле доселе существовавшие в Компании, терпимы быть не могут, так что ежели б, против всякого чаяния, кто либо из находящихся в службе ее преступил ее правила, таковой подвергнет себя суду, яко нарушитель общего доверия, которое долженствует быть главным в торговле основанием».

Так что обвинение Афанасьева — это обвинение, брошенное Резанову в его благородстве, порядочности и любви к Российско-Американской компании, своему детищу, которое он не хотел компрометировать в глазах земляков. Причем всегда идущий до конца Резанов проследил за тем, чтобы цены были действительно снижены: на сахар и ткани, например, в два раза, на табак — в четыре, на мыло — в пять раз. Кроме всего прочего, в первый свой приезд на Камчатку Резанов, видя нужды простых солдат, охранявших дальний уголок России, выдал Камчатскому гарнизону «безвозмездно 200 пудов железа, 2 пуда укладу¹, 2000 аршин тонкого холста, 5 пудов сахара рафинада, 5 пудов мыла, 12 пудов пенькового прядева на рыболовные сети, 2 бочки табаку амерфортского, 2 ящика

¹ Высококачественная сталь особой закалки, идущая на изготовление лезвий клинков, сабель, кинжалов.

белых немецких стекол, 200 аршин выбойки¹ и 100 кусков китайской бумажной ткани (дабу)». Это была часть груза, привезенного «Надеждой». Об этом Афанасьев и не упоминает. Как замалчивает и то, что милостями Резанова наполнились склады госпиталя и что он безвозмездно раздал хлебопашцам металлические плуги, стоявшие по тем временам целое состояние. Размышления Афанасьева по поводу Резанова наивны и инфантильны. Однако это не мешает им кочевать из книги в книгу, выставя в дурном свете Резанова, с которым Афанасьев не мог быть знаком.

Зато русские ученые Курляндцев и Брыкин, путешествовавшие вместе с камергером и пострадавшие от капитана «Надежды» не меньше Резанова, наотрез отказались продолжать путь с Крузенштерном и попросили разрешения вернуться в Петербург по суше. Формальной причиной стала мочекаменная болезнь Курляндцева, которая мучила его на протяжении всего плавания, истинная же причина — нежелание ученых дальше терпеть унижения и притеснения на корабле. Брыкин попросил сопровождать Курляндцева и оказывать ему всяческую медицинскую помощь по мере необходимости. Но судьба самого доктора сложилась печально: вскоре после прибытия в столицу русского ученого не стало. Тягости пути и нервное перенапряжение слишком рано свели в могилу еще одного свидетеля кругосветки. Следующие изменения в составе посольства произвел сам Резанов. Своим решением он отправил в Иркутск переводчика Киселева — крещеного японца. «Во все время пути — по словам Резанова, — продолжавшиеся у японцев с ним ссоры превратились наконец в жестокую злобу и ненависть, они поклялись ему, что будет он примерно наказан, как за принятие христианской веры, так и за изменческие его против Отечества услуги».

И только судьба поручика Федора Толстого оставалась нерешенной. Резанов исключил его из состава миссии, но донести до пройдох свое решение пока не мог: Толстой с командой жил на корабле и на берегу не появлялся.

¹ Ситец, холщовая ткань с вытисненным рисунком в одну краску.

Покончив с реорганизацией предстоящего мероприятия, камергер решил заняться административным устройством края, который нуждался в позитивных изменениях. Обширные планы Резанова определили дальнейшее развитие не только Петропавловского порта, но и всего региона на многие годы вперед: «...Предварительно обязан я донести Вашему Императорскому Величеству, что Петропавловская гавань может быть средоточием всей торговли Российско-Американской компании, а особливо когда торг с Япониею открыт будет и сделается важным городом. Я приступил уже здесь к учреждению фактории и предписал Охотской конторе нанять 20 человек для постройки здесь магазинов, производства разных работ и разведения скотоводства, для которого велел выслать и рогатого скота, ибо здесь лугов весьма изобильно... В рассуждении земледелия нашел я, что попечением и трудом начальствующего здесь генерал-майора Кошелева имело бы величайшие успехи, ежели б только всегда в свое время доставляемы ему были необходимые к тому пособия. Недостаток рогатого скота и лошадей, а еще более малолюдство края сего останавливает хлебопашество... Я должен также Вашему Императорскому Величеству представить замечания мои о приметном здесь уменьшении народа: 1-е — недостаток медицинских чинов, от которого оспа, желтая горячка и другие поваральные болезни вырывают здесь людей селениями, гибель от одного острожка до другого распространяется весьма скоро; многие опустошены поголовно, и нет средств к прекращению таковых бедствий, сверх того свирепствует болезнь венерическая. 2-е — недостаток хлеба, 3-е — недостаток соли; при всем обилии рыбы бедные жители не имеют возможность запасать ее. Они квасят из нее для санных собак корм, и в случае недостатка имеют к нему прибежище и к коре березовой. Отсюда цинготные и другие болезни имеют начало. Компания снабдила здесь для солеварения полосным на цирене¹ железом, доколе толстое листовое железо прислано будет, от экипажа нашего уделили мы также для спасения жителей соли. 4-е — недостаток пороха останавливает также возможность

¹ Вернее — ширен — солеваренная сковорода, котел.

пользоваться изобилующего здесь дичиною и дикими баранами, чрез что жители, лишаясь вкусной и здоровой пищи, прибегают также к гнилой рыбе, и у самого здорового человека все соки повреждающей до того, что семейства умирают бездетными. 5-е — еще более препятствие размножению жителей — недостаток женского пола. Здесь теперь более нежели на 30-ти человек по одной женщине. Молодые люди приходят в отчаяние, а женщины разными по нужде хитростями вовлекаются в распутство и делаются к деторождению неспособными. Обозрев со временем область сию, донесу я тогда Вашему Императорскому Величеству обстоятельнее... Горячие ключи близ Малькинского селения дают способ устроить при них больницу... Оконча в Японии посольство, надеюсь я прийти сюда в июне будущего года и, доставя Вашему Императорскому Величеству всеподданнейшие мои донесения, того ж месяца отправлюсь на Кадьяк и, отпустя суда в Кантон и оттуда круг мыса Доброй Надежды в Санкт-Петербург, располагаю остаться в Америке на зимовку и, исполня Высочайшие Вашего Императорского Величества мне поручения к образованию края сего, возвращусь на выстроенном там брике в Камчатку 1806-го года. Объехав весь полуостров и сочиня топографическое и статистическое описание Камчатки, совершу я путь мой сухим путем, чтобы сделать о чукчах и других прилежащих к Камчатке народах справедливые замечания, обозреть охотскую дорогу и удостовериться на месте о возможности к отвращению затруднений, а между тем повсеместные сделать все нужные для японского торгового распоряжения, без какой-либо деятельности не достигнет он желаемого успеха...»

Так что деятельный Резанов и здесь, на Камчатке, времени не тратил зря. Его мысли были поглощены просвещением края и его развитием, установлением связей с Японией, топографическими исследованиями Камчатки, налаживанием регулярного снабжения американских факторий. Но все это повисло на волоске и зависело теперь от поведения команды «Надежды».

За три дня до прибытия губернатора на песчаной косе, которую и поныне называют Кошкой, произошло событие, разо-

злившее Резанова еще больше. Матросы «Надежды» повадились ходить к женщине, жившей там. После удовлетворения своих инстинктов они, откланявшись, покинули ее, не оставив ожидаемого ею вознаграждения. Женщину это рассердило. Позвав к себе на ночь матроса Щитова, она начала кричать и заявила прибывшим на ее крики солдатам гарнизона, что Щитов хотел ее изнасиловать. Явившийся на место происшествия майор Крупский доложил Резанову об инциденте. Николаю Петровичу было горько сознавать, что порядки, введенные Крузенштерном на Нуку-Хиве, продолжали действовать и на родной земле. Силой данной ему власти он собирался наказать виновника и пресечь действия матросов, позорящих своим поведением государство и дискредитирующих экспедицию. Резанов при расследовании этого дела намеревался вынести приговор по законам военного времени. Матроса спасло лишь появление губернатора.

Генерал-майор Павел Иванович Кошелев, правитель Камчатки, прибыл в Петропавловск 10 августа 1804 года с двумя офицерами и в сопровождении 60 солдат.

В этот же день, впервые за месяц, к Резанову явился Крузенштерн и поинтересовался, куда выгружать подарки японскому императору и посольские вещи? Он был уже наверняка уверен, что плавание в Японию сорвано и что окончить путешествие придется по суше. А за ценности он нес материальную ответственность и потому спешил от них избавиться.

— Это сейчас не столь важно! — едва сдерживая свой гнев, ответил Резанов. — Да и не ваше это дело! Вы теперь — разбойник и бунтовщик!

— Значит, судьба моя решена?

— Не в моей власти решать вашу судьбу! Однако хочу, чтобы вы знали, что сор из избы выносить не буду.

Крузенштерн тут же направился к Кошелеву и передал ему суть разговора с Резановым. Однако генерал-майор принял сторону Резанова и предложил Крузенштерну до начала суда попробовать замирился с Резановым, на что гордый капитан «Надежды» ответил отказом. Как раз в момент разговора в комнату вошел Резанов.

— Вы, военный человек, морской офицер, как вам не стыдно! — вырвалось у Резанова. — Вас старшие по чину, положению и возрасту люди уговаривают во славу не себя — России, закончить начатое, только приструнив свою гордость! Да вас в колодки или на виселицу за неповиновение надо, а мы — просим!

— Дело превыше всего! — заключил Кошелев. — Вы уж, господа, решайте сами! Я вам не судья, а только свидетель всему, что слышал. Но господин Крузенштерн, знайте, что формально я обязан провести расследование. И только доброе согласие с господином Резановым может сейчас спасти ваше положение.

На следующий день губернатор Камчатки приступил к следствию, которое длилось недолго. Допросы капитана «Надежды» и всех морских офицеров проводились лично Кошелевым в присутствии камергера Резанова и тщательно записывались. Генерал в парадном мундире, сидя за столом в своем доме, внимательно изучал бумаги. В углу, не вмешиваясь в процесс, за всем происходящим наблюдал Резанов. Согласно Табелю о рангах губернатор Камчатки и русский посол были равны в звании, но, как лицо заинтересованное, Резанов не мог позволить себе участвовать в процессе по расследованию происшествий, участником которых сам являлся. Должность обер-прокурора Первого департамента Сената это позволяла, не позволяла совесть. Поэтому роль судьи выполнял начальник Камчатки, которому по занимаемой должности положено было разрешать все проблемы на вверенной территории. За отдельным столом скрипел пером писарь. За протоком следил командир гарнизона капитан Федоров.

Первым перед генералом Кошелевым предстал капитан-лейтенант Крузенштерн.

После обычной в таких случаях протокольной части начался допрос по существу заявления Резанова.

— Допускаете ли вы, командир российского судна, вероятность неподчинения российским законам и указаниям царствующей Особы и Его правительства? — задал вопрос Кошелев.

— Нет! — по-военному кратко ответил Крузенштерн.

— Допускаете ли вы исключения, когда можно, по вашему мнению, ослушаться высочайших указаний Его Императорского Величества или правительства?

— Нет!

— Известно ли вам было, господин капитан-лейтенант, что начальником всей экспедиции назначен его превосходительство камергер Резанов, которому вы должны неукоснительно подчиняться?

— Нет! — не моргнув глазом, солгал Крузенштерн.

— Разве находящийся здесь камергер Его Величества не давал вам для прочтения рескрипты Императора, инструкции министра коммерции графа Румянцева и доверенности от Правления Российско-Американской компании перед выходом в плавание на Кронштадтском рейде? — задал следующий обезоруживающий вопрос Кошелев.

Крузенштерн замешкался и вспомнил первые часы плавания, когда он и Резанов делили одну каюту. Вспомнил он и бумаги, которыми они обменялись. Вспомнил и то, что он, капитан корабля, отложил в сторону гербовый пакет с вензелем Александра I, так и не вскрыв его. А ведь именно это письмо, над которым офицеры смеялись на Маркизских островах, и подтверждало полномочия Резанова.

— Да, давал! — подавленно ответил Крузенштерн.

— В таком случае, чем вы объясните ваше неподчинение начальствующему над экспедицией лицу? — генерал насупился.

— Я не читал бумаг! Мне некогда было их прочесть в начале путешествия, а потом я их вернул камергеру. В этом я признаю свою вину, — произнес Крузенштерн. И тут же, словно спохватившись, что сказал лишнее, попытался найти оправдание себе и в этой ситуации. Иначе он не был бы Крузенштерном. — Всею виною обстоятельства. Это они, ваше превосходительство, не позволили мне вовремя ознакомиться с документами.

— Стало быть, теперь вы признаете за собой вину?

— Теперь признаю, — растерянно ответил Крузенштерн, припертый к стенке вопросами генерала.

— После сегодняшней сцены вы не можете больше командовать! — заключил генерал.

Выйдя из дома Кошелева, Крузенштерн расплакался. Дальнейшая судьба его была незавидна: вряд ли ему разрешат вернуться в Петербург. Максимум до Иркутска, где очередной суд закует его в кандалы. Жену лишат всех привилегий, имение отберут. Имя обесславят. А маленький сын... Что будет с ним? Вместо Морского корпуса, как мечтал отец, тяжелая доля батрака или, что еще хуже, крепостного? Надо было соглашаться на предложения Кошелева и Резанова. Тевтонская гордость не позволила! Где ты теперь, гордость? Не ты ли льешься горячими слезами из глаз капитана, так мечтавшего о славе? Вдруг капитан «Надежды» вспомнил о письме, лежавшем в его кармане. Его милая жена Юлия отправила эту весточку на другой конец света, не зная, найдут ли ее слова любви адресата, ведь столько опасностей подстерегало дорогого мужа по пути. Крузенштерн вынул из кармана письмо и его взгляд остановился на фразе, написанной аккуратным бисерным почерком: «Для сердца, обладающего чувством, обычный брак — несчастье. Какая это малость, когда приходится жить лишь терпением и лишь из чувства долга быть принужденным оставаться верным своим обязательствам — ах! насколько все у нас с тобой иначе». Действительно, любовь Крузенштерна и его жены Юлии достойна отдельного романа. И этот роман имел все шансы прерваться здесь у берегов Камчатки, в блистательном, но неоконченном плаванье.

Вечером того же дня генералу Кошелеву был доставлен пакет от камергера. Развернув послание, генерал прочел содержание: «Ваше превосходительство изволили быть свидетелем справедливых укоризн моих капитану Крузенштерну, не только забывшему все должное ко мне, яко особе главного начальника, уважение, но преступившему наконец в рассуждении меня все меры человечества. Гнилые оправдания его состояли в том, что будто бы не знал он, что облечен я государевою доверенностью, что хотя давал я ему еще до путешествия моего на Кронштадтском рейде прочесть высочайше пожалованную мне инструкцию и указы, но что он продержал их, но не чи-

тал; что когда кричал он на меня, что поступит дорогою, как я не ожидаю, то это не отчего иного, как от его горячности, что ежели и бывали у него вахтенные офицеры пьяны без чувств и он сам должен быть править вахту, то это случилось будто бы однажды, как будто не довольно для гибели судна и одного разу; что подпоручик граф Толстой ругал меня, но что это было не на шканцах, а в каюте; что лейтенант Ратманов не говорил с ругательством, чтоб в каюту заколотить меня, но что сказал это гораздо вежливее, и прочие, подобные сему, делал он в присутствии вашем оправдания. Предоставляя себе от всемилостивейшего государя законную защиту в претерпении моих от людей, поправших святость высочайшей его воли, я покорнейше прошу ваше превосходительство как начальника края сего и беспристрастия заслуживающего доверия исследовать здесь через чиновников посольства, штурманов и всего экипажа корабля справедливость всех сих происшествий, а особливо последнего в островах Мендозиных¹, а между тем спросить графа Толстого, какие причины понудили его выйти из повиновения, уверен ли он был, что он не принадлежит начальству моему, и от кого получил он в то время уверение, так же производил ли он мне грубости и ругательства; что причиною было письма его ко мне, в котором он раскаивался, и все их показания покорнейше прошу доставить к Его Императорскому Величеству при вашем рапорте. С совершенным почтением имею честь быть...

P.S. Я прилагаю к сведению вашего превосходительства описание происшествия в Мендозах и покорнейше прошу исследовать также, хотел ли граф Толстой остаться в Сандвичевых островах и что тому было причиною, а притом от кого было на жизнь мою покушение, от которого матросы остерегали меня, а также часто ли лейтенант Ромберг правил пьяный вахтою. Резанов».

Письмо было подшито к делу. Следствие продолжалось в течение недели. Генерал Кошелев лично опросил всех офицеров, членов посольской миссии, ученых и служащих

¹ Имеются в виду Маркизские острова, названные в честь вице-короля Перу маркиза Мендосы.

Российско-Американской компании. На вопрос Кошелева по поводу самосуда на островах Лангсдорф со свойственной ему прямою заявил:

— Мне вообще тяжело понять причину, по которой капитан запретил вести обмен реликвий и утвари островитян на железо. Здесь в гавани Святых Петра и Павла оказалось, что трюмы «Надежды» переполнены железом. Если его разгрузить, придется нагружать судно балластом! Пушки, якоря, ядра, обручи для бочек, гвозди, топоры, пилы, ножи, штыки, кницы, скобы, вертлюги, уключины, картечь, просто листовое железо — всего этого было в избытке!

Генерал-майор Кошелев признал капитана Крузенштерна виновным в нанесении камергеру Его величества и посланнику Резанову оскорблений и моральных страданий. На следующий день должен был быть вынесен приговор. Всю ночь каюта Крузенштерна была освещена. Кошелев с Резановым тоже не спали. Официально губернатор Камчатки обязан был отстранить Крузенштерна от командования судном, затем передать дело для дальнейшего производства сибирскому генерал-губернатору Селифонтову. Но ночное совещание двух благородных и великодушных людей, истинных служителей России, забывших о своих собственных интересах, принесло свои результаты. Кошелев готов был во имя окончания столь важной для страны миссии превысить полномочия и не дать делу ход. Резанов же со своей стороны во имя тех же высоких целей готов был простить Крузенштерна и команду.

На следующий день, когда накал страстей достиг своего пика и Кошелев объявил приговор, из темноты комнаты вышел Резанов и присел рядом с Кошелевым.

Крузенштерн обратился к Кошелеву и стал умолять того не давать делу ход. Выгораживая себя, Крузенштерн свалил собственную вину на молодого графа Толстого, предав своего товарища. Крузенштерн сделал из Толстого козла отпущения в надежде на то, что Резанов все равно не простит хулиганств графа. Но и тут Крузенштерн судил по себе. Резанов не просто простил Толстого, но и просил за него прощение перед императором.

— Господин капитан-лейтенант, — обратился Кошелев к Крузенштерну, — несмотря на открывшиеся обстоятельства готов предложить вам посредничество и предложить забыть обиды и окончить начатое во славу России! Со своей стороны обещаю не дать делу ход, если вы и вся команда принесете извинения господину Резанову, которого вы несправедливо обидели и оскорбили в его лице Государя-императора.

Любой бы на месте Крузенштерна согласился бы на это предложение, не раздумывая, но Крузенштерн гордо ответил:

— Сейчас я не могу и не имею права действовать только от своего имени, и один я ни на что не могу согласиться!

Вечером в кают-компании «Надежды» состоялся офицерский совет. Были высказаны разные мнения. Ратманов, матерясь и ругаясь, заявил, что он лучше пешком отправится в столицу, чем позволит Резанову еще раз взойти на корабль. На защиту камергера встал Головачев, но его тут же лишили слова, заявив, что лезть — не самый лучший способ продвинуться по службе. Головачев вызвал Ромберга, бросившего это тяжелое обвинение, на дуэль, но Крузенштерн разнял их, заявив, что одного ссыльного в его лице пока достаточно. Левенштерн, самый расудительный и хладнокровный офицер, взял слово:

— Господин капитан, так же как и мы, вы должны научиться ради согласия подавлять все личные обиды, все ссоры и следовать воле Императора и цели нашей экспедиции. Время, место и обстоятельства не оставляют нам выбора. Кошелев дарит нам шанс успешно справиться с возложенной на нас задачей. Его прямота и любовь к справедливости — тому порука. Генерал Кошелев заслужил премного благодарности с нашей стороны.

— Утром пойдем извиняться перед Резановым, иначе не видать нам ни окончания плавания, ни Петербурга, ни наград, ни почестей! — заключил Фаддей Беллинсгаузен.

— А я не пойду! — вдруг резко ответил Головачев. — Мне не за что извиняться перед этим достойным человеком!

— Достойным? — зло передразнил лейтенанта Ратманов. — Смотрите, не пришлось бы вам, лейтенант, перед всей командой потом извиняться!

Предложение о мире с Резановым исходило от младшего по званию офицера, Фаддея Беллинсгаузена. Да, это сказал тот самый, в будущем выдающийся человек, первооткрыватель Антарктиды. Этот корабельный совет здесь, в гавани Петра и Павла, запомнится ему на всю оставшуюся жизнь. Не высказал бы Головачев на этом совете свое отношение к Николаю Петровичу, наверняка остался бы в живых и пополнил плеяду славных русских мореплавателей. Огибая впоследствии берега острова Святой Елены, Беллинсгаузен всегда заказывал корабельному священнику панихиду. Пример душевных качеств, который являл Головачев на протяжении всего плавания на «Надежде», Фаддей Беллинсгаузен пронесет через всю жизнь. Сам Беллинсгаузен во время плавания старался избегать встреч с камергером, чтобы не раздражать остальных офицеров «Надежды». При них же вел себя с Резановым подчеркнуто холодно. Однако Николай Петрович в своих письмах с далеких Алеутских островов оправдал и его поведение, как будто предчувствуя, что этот мальчишка еще прославит Россию: «Я рекомендую здесь отлично мичмана барона Беллинсгаузена, которой все время путешествия пользовался познаниями астронома Горнера, и один есть из всех, которой употреблял время в пользу и подает надежду быть всегда употребленным с пользою для компании и отечества. Я забываю личные обиды, когда вижу его усердие ко благу общих, а притом человек сей по молодости лет, а не по другому чему, вовлечен в сии неприятности». Итак, к вечеру с легкой руки мичмана Беллинсгаузена офицерами «Надежды» решено было замирились с Резановым.

19 августа 1804 года к комендантскому дому, в котором проживал Николай Петрович, явились все офицеры «Надежды» во главе с капитаном Крузенштерном. Резанов лично вышел на крыльцо встречать визитеров. Глядя на российских моряков, он с горечью подумал о том, как много обид пришлось ему вынести от них — его соотечественников. «Не ирония ли судьбы заключается в том, что приходилось мне повсюду в Европе видеть большое уважение к собственной персоне, когда в мою честь выстраивались почетные караулы, отдавая

воинские почести посланнику Великого Государя Великой Империи, а ныне принимать извинения от своих, российских подданных Его Императорского Величества...» — напишет он вечером в своей Синей тетради.

Крузенштерн и Резанов вновь обменялись гербовыми бумагами. В этот раз, чтобы больше ни у кого не возникало сомнений в главенстве экспедиции и чтобы в дальнейшем не подрывать принцип единоначалия, капитан и камергер вслух зачитали свои инструкции. Резанов прочел рескрипт Александра I. Затем Крузенштерн прочел в порядке датировки инструкции от императора и Российско-американской компании:

— ...В дополнение XV пункта сей инструкции главное управление вас извещает, что Его Императорское Величество соизволил вверить не только предназначенную к Японскому Двору миссию в начальство его превосходительства Двора Его Императорского Величества господина действительного камергера и кавалера Николая Петровича Резанова в качестве чрезвычайного Посланника и Уполномоченного Министра, но и сверх того Высочайше поручить ему благоволил все предметы торговли и самое образование Российско-Американского края... — произнес Крузенштерн.

Офицеры сконфуженно опустили глаза. Оказывается, не только указ Александра I, поднятый ими на смех на островах, подтверждал полномочия камергера, но и инструкции РАК, с содержанием которых Крузенштерн уж точно был знаком. Ситуация становилась неловкой. Создавалось впечатление, что сейчас Крузенштерн сам себя поставил наконец на место.

— Не держу зла на вас, Иван Федорович! — обратился Резанов к капитану «Надежды». — Мы оба служим России, а честь государства превыше людских обид! Человек слаб, и каждый из нас способен на поступки, не красящие его и не добавляющие достоинства. Зато обоюдное прощение возвышает нас над нашей слабой сутью! Благослови вас Господь!

Крузенштерн опять вспомнил жену и сына, совсем еще крошку. Он протянул руку Резанову и крепко пожал ее. Резанов подошел к Головачеву.

— Мы должны все забыть и простить! — произнес камергер.

Головачев вспомнил, что он, не имея вины перед камергером, не хотел идти извиняться, и сейчас, стоя здесь, получил еще один урок великодушия от Резанова. Каждый член команды, какую бы сторону ни принял, был так или иначе виноват в происшедшем. Головачеву предстояло простить экипаж своего корабля, конфликт с которыми был вызван его расположенностью к Резанову. И Головачев простил офицеров «Надежды». Но офицеры не простили его.

Не мог знать Резанов, что его отношения с Крузенштерном сыграют роковую роль в судьбе лейтенанта Головачева, которому как стороннику Резанова офицеры «Надежды» при молчаливом попустительстве злопамятного и мстительного Крузенштерна объявят бойкот. Лейтенант Головачев застрелится у себя в каюте. Случится это 25 апреля 1806 года при стоянке «Надежды» у острова Святой Елены. Незадолго до этого Головачев вручит приказчику Российско-Американской компании Шемелину свой бюст с просьбой передать его Николаю Петровичу Резанову. «Он сам будет знать, для чего я это делаю...» — последним завещанием прозвучат слова лейтенанта. Помощник капитана Крузенштерна, лейтенант Ратманов, заступивший в ту злополучную ночь на вахту, в качестве непосредственной причины этой трагедии назовет объявление войны России наполеоновской Францией. Головачев, якобы являвшийся поклонником французской культуры и Наполеона, не представлял, по словам Ратманова, возможности оставаться офицером боевого корабля, перед которым была поставлена задача топить французские суда. Доведением до самоубийства своего же офицера команда взяла на душу смертный грех. Однако как официальное прикрытие этого печального события история приняла записи Ратманова, и то с большой натяжкой: Головачев уже участвовал в войне с Францией в составе эскадры Ушакова, и вряд ли известие о новой войне могло взволновать его настолько, чтобы человек в здравом уме лишил себя жизни. К примеру, другие морские офицеры Штейнберг и Завалишин тоже были большими почи-

тателями Наполеона, однако на самоубийство не покушались, а попытались организовать республику в России наподобие французской, за что и были сосланы в Сибирь, войдя в историю как декабристы...

Пока же Ратманов ждал, что скажет камергер в его адрес, Резанов двигался вдоль шеренги офицеров. Улыбаясь, Резанов подошел к Ратманову, с которым был одного возраста.

— Состояли при эскадре Ушакова? — задал вопрос Резанов.

— Штурмовал Корфу! — выпалил будущий адмирал, курсник Крузенштерна и Лисянского по Морскому корпусу.

— Похвально, лейтенант! Но за что вы хотели запереть меня в моей каюте? Обидно, что, не зная меня, вы меня в грош не ставите! Ваши ведь слова?

— Полноте, Николай Петрович! — попытался разрядить ситуацию Кошелев. — Если все должно быть прощено и забыто, то объяснениям не должно быть места!

— Обидно, Павел Иванович! — ответил Кошелеву Резанов, продолжая двигаться вдоль шеренги. — Господа чувств моих на корабле не щадили, а я ведь к совести зываю! Не так ли, господин Ромберг? Вы ведь всегда на вежливость отвечали грубостью! Однако я зла не держу. Поздно воспитывать...

Затем Резанов приблизился к Левенштерну.

— Примите искренние извинения, если чем несправедливо обидел! — произнес камергер.

— Это вы простите меня, Николай Петрович! — ответил лейтенант.

— А вы, Беллинсгаузен, были неправы, когда не признавали меня на вашем корабле! — весело произнес камергер, похлопывая по плечу будущего первооткрывателя. — Только с Головачевым мы жили в мире и согласии.

В комнату вошел Шемелин, который тут же получил дружеский нагоняй.

— А ты, мой дорогой, все же слушайся капитана! — заключил Резанов, пытаясь помирить Шемелина с Крузенштерном.

Затем Резанов пригласил всю честную компанию к столу разделить с ним завтрак. После нескольких стаканов водки

ситуация разрядилась окончательно. Под окнами комендантского дома неожиданно послышался шум. Это матросы «Надежды», разузнав о благополучном исходе дела, пришли поприветствовать команду и Резанова. Резанов и Крузенштерн вышли на улицу. Неожиданно матросы подхватили камергера и стали качать на руках. Несмотря на состоявшееся замирение, офицеры отказались от обеда, предложенного Резановым от всей души.

Здесь надо отметить, что не Кошелев, а сам Резанов решил окончательно замять это дело, для чего 27 августа 1804 года из Петропавловска с письмом обратился к самому Императору: «Донося Вашему Императорскому Величеству из Бразилии о случившихся между мною и морскими офицерами несогласиях, наказывались мы среди всего пути нашего, что неприятные известия дадут Вашему Императорскому Величеству прискорбное о нас заключение, что какая-либо личность могла взять верх над пользою государственной. Я признаюсь Вашему Императорскому Величеству, что причиною была единая ревность к славе, ослепившая умы всех до того, что казалось, что один у другого оную отъемлет. Сим энтузиазмом, к несчастию своему, воспользовался подпоручик граф Толстой по молодости лет его, и наконец взаимное всех к пользе общей усердие, возродило еще более прежнего взаимное друг к другу уважение, то и остался он жертвою поступка своего. Обращая его к месту своему, всеподданнейше прошу Всемилощивейшего ему прощения, ибо жестоко для чувствительно-го сердца наказание лишена быть способов разделить славу великого подвига. Я чувствую себя виноватым, поспеша моим донесением, повергая себя к стопам Вашего Императорского Величества, всеподданнейше прошу прощения себе и всем морским офицерам».

Резанов не только команде «Надежды» выпросил прощение, но и самому непримиримому забияке и дебоширу корабля, графу Федору Толстому, которого Крузенштерн пустил на заклание. Крузенштерн, как покажут дальнейшие события, оказался неспособным на подобный нравственный подвиг, совершенный Резановым, простившим своего

злейшего врага — поручика Толстого. Крузенштерн так и не сумеет простить Резанова до конца своих дней. Судьбой Толстого Резанов распорядился со свойственной ему философией. Зная проблемы народонаселения Русской Америки, с первым же судном Толстой был отправлен в распоряжение Баранова на Кадьяк. Это, по мнению Резанова, и было бы достаточным наказанием, и привило бы графу тягу к полезной деятельности. Кроме того, лишения и суровый климат могли серьезно повлиять на необузданный его нрав и направить его неугасимую энергию в благотворное русло. При этом Николай Петрович направил письмо губернатору Сибири Селифонтову с просьбой не позволять буйному графу появляться в столичных городах, а проследить, чтобы Толстой по возвращении из Америки прибыл в свой полк.

Однако до пункта назначения Толстой не доплыл. Во время шторма судно, на котором граф был отправлен на край земли, было выброшено на один из островов Алеутской гряды.

Во время пребывания на острове Толстой жил среди алеутов, носил их одежду, охотился вместе с ними. Он построил себе деревянную хижину и научился у местного шамана снимать боль наложением рук. Алеуты предлагали ему стать их царем и давали в жены первую красавицу. Раздумывая над этим предложением, граф бродил среди береговых скал и чуть не свалился в пропасть, где, по его словам, ему явилось лучезарное видение святого, осадило его, и он был спасен. Тогда же он увидел проходивший вблизи острова корабль и зажег костер. С корабля заметили огонь и спустили шлюпку. Это была одна из любимых историй Толстого, рассказываемых им в модных столичных салонах. После этих животрепещущих рассказов обязательно следовала демонстрация татуировок, которыми было исписано все тело Толстого. Что же происходило на самом деле и где Толстой провел почти полтора года, так и осталось тайной графа.

Император между тем простил морских офицеров. Мало того, по просьбе Резанова их по возвращении из плавания ожидали почести и слава. Для себя же камергер просил единственную награду, которую считал наивысшей — возможность

послужить Отечеству, при этом повергал себя к стопам монарха в нижайшей просьбе о награждении остальных участников экспедиции.

Изменился и тон писем Крузенштерна с требовательного на заискивающий. Его донесения Российско-Американской компании прямо пронизаны льстивым раболепием перед Резановым: «Честь имею уведомить главное правление о благополучном прибытии корабля “Надежды” в гавань Св. Петра и Павла 3/15 июля прошедшего месяца. Его превосходительство Николай Петрович, конечно, уведомил главное правление, какие причины понудили нас идти прямо сюда и может сообщил копию с моего письма. Я ласкаюсь надеждою, что главное правление одобрит сие мое представление, исполнением которого не только спасена большая часть богатого груза, довезенного ныне, исключая муки, без малейшей потери, но и весь край сей облегчился пониженными Николаем Петровичем ценами... Неудовольствия, которые происходили между его превосходительством Николаем Петровичем и мною почти с самого начала вояжа, понудили меня просить из Бразилии о увольнении моем от службы компании, но, слава богу, что все теперь кончилось, и я охотно выполняю последние договоры мои, т.е. по окончании миссий возвратиться тотчас в Россию через Кантон или чрез Японию, как выгоднее будет для компании и что зависит от распоряжения Николая Петровича... Главное правление, конечно, не сомневаясь в моей ревности к пользе Американской компании, легко проверит мою радость, что главный предмет сего вояжа уже достигнут, товары все доставлены в целости; я надеюсь, что китайской, а еще более японской груз, ежели мы установим сию торговлю, доставит компании такие же выгоды в Петербурге...»

Откуда взялось столько любезности в письмах Крузенштерна с Камчатки, становится ясно, когда читаешь последнюю фразу этого послания: «Хотя главное правление при отправлении моем обещалось доставить фамилии моей по 2000 руб. в год из числа следуемого мне жалованья, но, не получив здесь никакого известия от оной, то и прошу всепокорнейше еже-

годно к 1-му числу февраля послать непременно сии деньги в Ревель». Собственно, к напоминанию о деньгах и сводилось все письмо. Поэтому и тон соответствующий был подобран. Напиши Крузенштерн всю правду о том, как «судили» на корабле Компании одного из ее учредителей, вряд ли стоило и напоминать о деньгах, которые нужно было выслать в Ревель. За такое не деньгами поощряют, а в кандалы заковывают.

К тому времени у Резанова было готово почти что все для успешного осуществления плавания в Японию. В течение нескольких дней стараниями Кошелева «Надежда» была обеспечена провиантом, отремонтированы и заменены снасти.

Правда, несколько изменился состав миссии. Вместо Толстого в свиту Резанова были приняты младший брат Кошелева и капитан Федоров, командир портового гарнизона, мечтавший увидеть мир. Вместе с ними для придания веса миссии к японским берегам отбыло еще восемь солдат. Также в состав вверенного ему посольства Резанов включил Лангсдорфа и произвел его своей властью в надворные советники, повысив при этом статус Лангсдорфа от вольнонаемного натуралиста до официального члена государственной дипломатической миссии. Согласно Табелю о рангах новое звание Лангсдорфа ставило его по статусу на две ступени выше Крузенштерна, впрочем капитан «Надежды» к этому серьезно не отнесся, а щедрый в своих чувствах Резанов и не знал, что таким своим решением начал блистательную карьеру при русском дворе академика РАН и дипломата Георгия Лангсдорфа — будущего первого российского посла в Бразилии. Как знать, может, неудачное японское посольство стало той отправной точкой, от которой, наделенный природным умом и потрясающей интуицией, ученый начал постигать искусство дипломатии.

Свое решение о сохранении в составе экспедиции Лангсдорфа в письме к президенту Петербургской Академии наук Резанов объяснил так: «Основательность в заключениях Лангсдорфа мне более нравится и, кажется, Академия в записках Лангсдорфа не найдет столько знакомого, как в записках Тилезиуса. Он (Лангсдорф) в трудах неутомим... Кроме

природного немецкого языка он знает латынь, французский, английский и португальский. Он и медик практикованный, и надеюсь, что японцам чрез то приятен будет. Ежели торг с ними открыт будет, оставляю его там с несколькими людьми, чтоб поставить твердую российскую ногу, доколе настоящего агента от двора учреждено не будет». То есть, еще пребывая на Камчатке, Резанов готовил Лангсдорфа, способного к языкам и к наукам, на роль посла.

Кошелев же, желая облегчить плаванье путешественникам, распорядился снабдить экипаж самой лучшей провизией. По его указу из Нижнекамчатска сержант Семенов привез пять живых быков, совершив беспрецедентный по тем временам вояж в Нижнекамчатск и обратно всего за 17 дней. За это время он преодолел в целом около полутора тысяч верст. Делая ставку на мясо, которое Крузенштерн упорно продолжал считать лучшим противочинготным средством, на судно была загружена солонина, баранина, оленина, множество битой и живой дичи. Персональным подарком Кошелева стала бочка спиртовой настойки на черемше — диком чесноке. Перед отплытием губернатор лично посетил судно, чтобы лишний раз убедиться, что субординация и взаимное уважение между Крузенштерном и Резановым восстановлены в полной мере. Сохранилась переписка, подтверждающая это. Когда два великих человека договариваются между собой, они начинают вершить большие поступки. Именно это и произошло после замирения Крузенштерна и Резанова. По предложению камергера капитан «Надежды» собрал с команды около двух тысяч рублей для постройки в Петропавловске водолечебницы. Столько же от имени Российско-Американской компании выделил на эти цели и сам Резанов. Этот поступок стал знаком благодарности Кошелеву.

Когда последние приготовления были окончены, моряки и ученые, буквально влюбленные в этот край, простились с благословенной землей Камчатки. Крепость салютовала от важным морякам тринадцатью выстрелами.

Выйдя 9 сентября 1804 года из Петропавловска, «Надежда» взяла курс на юго-запад, к японским берегам.

Глава 10 ПЕРВАЯ РУССКО-ИНДЕЙСКАЯ

И никто не знает, кто чей сын,
Материнский вырезав живот.
Под какой из вражеских личин
Раненая родина живет?

А. Вознесенский

Лисянский стоял на мостике и провожал взглядом удаляющуюся «Надежду». Его друг Крузенштерн направлялся к берегам Камчатки, оставив капитану «Невы» указание Российско-Американской компании направляться с Сандвичевых островов на остров Кадьяк в распоряжение господина Баранова, «хозяина Аляски». Лисянский очень не любил всех этих «хозяев». Только от одного подобного хозяина в лице Резанова он избавился, как предстояло направляться к другому. С одной стороны, Лисянского огорчал тот факт, что переход от Сандвичевых островов к побережью Северной Америки ему предстоит преодолеть в одиночку. С другой стороны, с этих пор руки капитана «Невы» оказались развязаны, и он мог заняться исследовательской деятельностью, прерогатива которой была до сих пор у Крузенштерна.

Воспользовавшись этим обстоятельством, Лисянский занялся исследованиями и картографическими работами. Итогом многодневных поисков и описаний побережья островов стала первая относительно точная карта архипелага Сандвичевых островов. За время пребывания на островах Лисянский познакомился с местным королем Камеамеа. Эту встречу король Сандвичевых островов запомнит навсегда, окрестив русских путешественников «самыми добрыми людьми».

Впоследствии, когда молодая Российско-Американская компания начнет подыскивать торговых партнеров, готовых обеспечивать бесплодные земли Аляски и Алеутских островов всем необходимым, Камеамеа наладит отношения с приказчиками РАК и даже попросит русского царя Александра I

о принятии его народа в российское подданство. У России появится реальный шанс закрепиться в центральной части Тихого океана, решая сразу несколько проблем: обеспечение Русской Америки, контроль торговых путей, военно-морское присутствие в океане, но Александр, не разглядев далеких перспектив, откажется от такого подарка щедрого островитянина. Целых сто лет острова будут оставаться никому не нужным уголком земли, пока вновь не попадут в поле зрения США. В 1898 году, в разгар испано-американской войны, США аннексируют Гавайи и в 1900 году предоставят им статус самоуправляемой территории. С 1901 по 1902 год первым президентом сената Гавайских островов станет Николай Судзиловский-Руссель, известный также под именем Каука Лукини (по-канакски «русский доктор»), который за время нахождения в должности успеет провести реформы в поддержку канаков, но не сможет противостоять влиянию Штатов и будет лишен американского гражданства за антиамериканскую деятельность. В тот же год его лишат и российского подданства. Так Россия упустит второй шанс присоединить Сандвичевы, или, как они уже назывались в ту пору, Гавайские острова. И только 21 августа 1959 года Гавайи получают статус пятидесятого штата США.

Пока же «самые добрые люди», распрощавшись с гостеприимным королем, отправились дальше на северо-запад, где попали в страшнейший шторм, едва не стоивший жизни кораблю и его команде. «Нева» дважды садилась днищем на коралловые отмели, которые Лисянский так и окрестил «отмелями Невы».

Через двадцать шесть дней 28 мая 1804 года судно Лисянского достигло Трехсвятительской гавани. Навстречу «Неве» на ялике вышел Иван Иванович Баннер, первый помощник Баранова, имевший в распоряжении небольшой бот, на котором он метался по всем островам архипелага, решая насущные дела Компании. Присланный на «Неву» лоцман едва не посадил судно на мель при проводке в Павловскую гавань, и только мастерство команды и находчивость Лисянского спасли «Неву» от гибели. Тем не менее в два часа дня, когда

корабль бросил якоря у селения, крепостные орудия салютовали участникам первой русской кругосветки одиннадцатью пушечными выстрелами. Якоря были положены рядом с американским судном «О'Кейн», стоящем на траверзе крепости.

Часть команды «Невы», включая отца Гедсона и плотника Корюкина, высадилась на берег острова Кадьяк. Русские промышленники, проживавшие на островах, были удивлены молодеческому здоровью моряков, обогнувших половину Земного шара. Отдавая должное Лисянскому, следует признать, что это была всецело его заслуга. Отец Гедсон тут же приступил к описанию всего, что увидел. Благодаря его записям мы можем представить себе столицу Русской Америки такой, какой ее увидели путешественники:

«В Павловской гавани все строения из елового леса. На берегу, близ которого на якорях стоят суда, такелажная с другими большими для поклажи горницами. Напротив оной на горе новый правительский дом с библиотекою, а от него в виде продолговатого четырехугольника восемь разных семейственных домов. Против правительского дома при самой оконечности мыса стоят церковь и колокольня с ветхими крышами. Пред самым входом в церковь по правую сторону — общая компанейская поварня, а по левую — сарай для байдар и разных поделок, позади сарая — кладовые для кормов и балаган, т.е. на столбах сарай, в котором пол из жердей для свободного проходу воздуха; в нем хранится юкола и качемаз¹. В кладовых содержат китовое, сивучье и нерпичье мясо, жир китовый и сивучий, сарану и ягоды, шикшу², бруснику, морошку. Все оные кормовые припасы привозятся из артелей».

Сам Гедсон задержался в гавани ненадолго, отправившись вскоре вокруг островов в стремлении принять как можно больше алеутов в лоно православной веры. Всего же деятельный монах за два месяца крестил более полутысячи детей и произвел около сорока венчальных обрядов. При этом многие

¹ Качемаз — провесная или вяленая рыба осенней заготовки, не столь сухая, как юкола.

² Шикша — ягода и растение водяника, *Empetrum nigrum*; зовется и просто ягодой; водяника, вороника, верес.

алеуты крестились дважды, а то и трижды в стремлении заполучить нож, гвоздь, рубаху или крестик, который на Островах считался амулетом, обладавшим особой силой.

На следующий день в доме Правителя Баннер вручил Лисянскому бумагу от Баранова, в которой тот извещал о взятии тлинкитами крепости Святого Михаила на Ситке и просил помощи. Узнав о том, что Баранов еще в начале апреля вышел из Павловской гавани в Якутат с двумя 4-пушечными гукорами — «Святая Екатерина» и «Святой Александр Невский» в сопровождении 120 русских и с 800 кадьякскими воинами на 300 байдарках, и проникшись значимостью планов Баранова, Лисянский, не теряя времени, отдал приказ подготовить судно к боевому походу: поправить и привести такелаж «Невы» в надлежащее состояние.

Сгрузив на Кадьяке библиотеку, собранную лучшими умами России, а также экспонаты для музея, состоящие из портретов, рисунков и картин из Петербургской Академии художеств, чертежей и макетов разных судов, картографических материалов и научных приборов, «Нева» снаряжалась для военного похода. Сегодня это может показаться странным, но русские люди, даже на грани выживания, заботились о науке и культуре, которую они несли диким племенам Северо-Западного побережья Тихого океана. Основателем Кадьякской библиотеки считается Григорий Иванович Шелихов. Еще в 1794 году он отправил в колонии «классические, исторические, математические» книги.

После завершения работ по разгрузке и оснащению судна, спустя всего две недели, 15 августа 1804 года, «Нева» была отбуксирована байдарками к выходу из гавани, и в три часа пополудни Лисянский отдал команду ставить паруса. Пять дней спустя «Нева» добралась до точки сбора у острова Ситка. Словно тень, на удалении нескольких кабельтовых, за русским кораблем следовало американское торговое судно, внося определенную долю нервозности в слова и действия Лисянского.

Берега встречали моряков гробовой тишиной и оцепенением. Казалось, эти девственные леса и заливы не были знакомы

с людьми и приветствовали их своей первозданной красотой и очарованием. Однако идиллическая картинка длилась недолго. Не успела «Нева» бросить якорь, как к судну подплыла лодка с четырьмя вооруженными тлинкитами. Их намерения так и остались неясными, потому как замеченные ими две большие алеутские лодки заставили непрошенных гостей ретироваться. Вечером Лисянский оставил в судовом журнале следующую запись: «...Обе эти лодки были компанейские байдары; приехавший на них штурман Петров привез донесение, что принадлежащие Российско-Американской компании суда «Александр» и «Екатерина» стоят здесь уже 10 дней. Они пришли из Якутата и ждут Баранова с партией, отправившейся для промысла под прикрытием двух парусных судов «Ермак» и «Ростислав». К моему сожалению, я слышал, что ситкинские жители собрались в одно место и решились всеми силами препятствовать русским возобновить свои поселения. Однако ж я надеялся, что это дело обойдется без всякого кровопролития. Около захода солнца прежняя лодка опять появилась, но только с другими людьми, которые приглашали нас к себе; но я сказал им, чтобы они приезжали в Крестовскую гавань. Гости эти были вооружены огнестрельным оружием и просили меня променять им несколько ружей, давая за каждое по два морских бобра. Лица у них испещрены были красной и черной краской; у одного от самого лба до рта сделан черный круг наподобие полумаски, борода же и прочие части вымазаны светлой чернью. Желая быть в совершенной готовности к отражению всякого внезапного нападения, я к ночи приказал половине наших пушек зарядить ядрами, а другую картечью».

Через несколько дней рядом с «Невой» на якорную стоянку встало судно, преследовавшее ее от самого Кадьяка. Как и предполагал Лисянский, им оказался «О'Кейн», капитан которого вежливо поздоровался с Лисянским, но на приглашение подняться на борт «Невы» ответил отказом. Официальным поводом прибытия на Ситку американцы объявили торговые нужды. Дескать, наменять у тлинкитов бобровых шкурок прибыли. Естественно, Лисянский не поверил. Не зная намере-

ний американцев, капитан «Невы» на всякий случай приказал спустить за борт наполненную порохом шлюпку, превратив ее в брандер, чтобы в случае, если американец поддержит тлинкитов, поднять «О'Кейн» в воздух.

На следующий день американское судно посетила байдара с тремя тлинкитами. Мальчик-алеут, бежавший из индейского плена, опознал в одном индейце Катлиана — вождя тлинкитов. Не теряя времени, Лисянский, получивший возможность решить проблему Русской Америки одним ударом, послал за отчалившей от «О'Кейна» байдаркой. Ялик с «Невы» во главе с лейтенантом Арбузовым устремился в погоню. Взаимная перестрелка не дала результатов и Арбузов несолоно хлебавши вернулся на свое судно. У Лисянского же развеялись сомнения в отношении американского капитана. Не стесняясь присутствия русских, он в открытую нагло вооружал индейцев. По иронии судьбы через несколько дней сам «О'Кейн» был атакован небольшой байдаркой с тлинкитами. Индейские ружья, которые сами же американцы недавно продали, оказались нацеленными на них.

Между тем в ожидании Баранова Лисянский принял командование маленьким флотом на себя. Он провел ревизию запасов вооружения и пороха и пришел к неутешительным выводам: «На обоих компанейских судах нашел большой недостаток. На каждом из них находилось по две шестифунтовых пушки и по два четырехфунтовых картауна¹, не было, однако ж, ни пороха, ни такелажа столько, чтобы они могли исполнить свое предприятие с желаемым успехом. Я удивился, как можно было отправить эти два перевозочных бота (так как судами назвать их нельзя) в столь худом состоянии против народа, который, сделав преступление, употребил все зависящие от него меры для своей защиты и снабдил себя достаточным количеством огнестрельного оружия. И потому, войдя в хозяйственное распоряжение этими судами, я приказал их начальникам требовать от меня всего нужного, а между тем прибавил на каждое из них по две пушки с достаточным ко-

¹ Картаун — здесь фальконет.

личеством снарядов». В трюмах «Невы» осталось лежать достаточное количество пушек для вооружения остальных судов экспедиции.

Восьмого сентября, видя серьезность русских намерений и агрессивный настрой тлинкитов, американский капитан на своем «О'Кейне» решил от греха подальше убраться из этих негостеприимных мест.

Еще полмесяца прошло в нетерпеливом ожидании, пока наконец, взволнованный долгим отсутствием Баранова, Лисянский не отправил вооруженный фальконетами баркас на отыскание «Ермака» и «Ростислава». И так уж распорядилась судьба, что именно вечером этого беспокойного дня в заливе появились первые алеутские байдарки. К восьми вечера, когда солнце дарило последнее тепло Тихому океану, все в заливе ожило: алеутские байдарки прибывали одна за другой и тут же причаливали к берегу. К ночи узкая береговая полоса, заранее отчищенная командой «Невы» от кустарника, засветилась десятками костров. Лисянский, сознавая всю опасность этой кажущейся идиллии, приказал вооруженному баркасу дежурить у входа в залив и дать знать выстрелами фальконета в случае, если тлинкиты решат устроить ночную вылазку в лагерь алеутов. Через минуту лодка лейтенанта Повалишина скрылась в наступающих сумерках. Поднявшись на бак, капитан «Невы» увидел, как из-за береговой гряды вспыхнул огонек на носу большого каноэ.

Первая партия под предводительством Кускова состояла из 60 байдарок и более 20 русских. Приблизившись к «Неве» на своем каноэ, Кусков салютовал русскому кораблю ружейным выстрелом. В ответ с борта «Невы» в небо взвились две ракеты. Полагая, что байдарки будут приходить всю ночь, Лисянский приказал повесить по фонарю на каждую мачту, обозначив освещением своего судна место сбора военной экспедиции русских. Тем временем Кусков, расположившись за столом кают-компаний «Невы», поведал о приключениях Баранова и его байдарочной флотилии на пути к Ситке.

...Баранов летом вставал рано, не позже пяти утра. Следуя привычке, выработанной годами пребывания на остро-

вах, Правитель Русской Америки вышел на берег и умылся, зачерпнув морскую воду набежавшей волны. Его тяготили мысли о потерянной Ситке. Он еще не знал, что после инспекционного исследования деятельности Компании Николай Резанов пришел к неутешительным выводам: предыдущий 1803 год стал критическим для всего предприятия. Хотя и сам Баранов чувствовал, что вся его деятельность висит на волоске. Слишком сильное противодействие со стороны местного населения, американских промышленников, да и самой природы с каждым днем уменьшали шансы на дальнейшее успешное пребывание русских на Алеутских островах и Аляске. Несколько утонувших судов с людьми и товарами приводили к бедственному положению всех обитателей факторий: и русских, и алеутов. Решений этого вопроса было несколько. Одно, простое — свернуть свою деятельность до лучших времен, которые могут и не наступить. И второе, посложнее — закрепиться любыми силами, укорениться, вгрызаясь зубами в эти Богом забытые земли. Первую мысль Баранов откинул сразу. На реализацию второго плана у него просто не было сил. А без захвата острова Ситка, где индейцы-тлинкиты разорили Михайловскую крепость, дальнейшее пребывание на островах ставило на грань выживания всех подчиненных ему людей. Тем не менее Баранов решил собрать экспедицию, грандиозную по тамошним масштабам. Кроме многочисленного флота байдарок он решил задействовать флотилию из всех имеющихся судов. Однако только «Екатерина» и «Александр Невский» могли без ущерба преодолеть такое расстояние и оказать своими пушками эффективное воздействие на индейцев. Кроме того, заложенные по приказу Баранова два судна: бриг и шхуна — уже достраивались на верфях Павловской гавани в Якутате. «Ольгу» и «Дельфин» Баранов оставил Баннеру, располагая силами своего заместителя, как последним резервом...

Глядя в голубые глаза океана, Баранов мысленно возвращался к событиям пятилетней давности. Русское поселение и крепость на острове Ситка были основаны им, главным правителем Русско-Американской компании, летом 1799 года для

создания базы в новом перспективном промысловом районе. Крепость была построена на земле, которую вожди ситкинских индейцев — тлинкитов-киксади — продали русским, выделив ее из своих охотничьих угодий. Расчет тлинкитов, совершивших эту коммерческую сделку с чужаками, строился прежде всего на том, что русская крепость станет серьезным аргументом в межклановых разборках с соседними племенами — дешитанами и хуцнуву, поэтому поначалу все было гладко.

Расшатывать ситуацию начали англичане и американцы, потому что наличие русской крепости в богатых каланом водах Норфолк-Саунда не входило в их промышленные планы. Русские наложили руку на весь промысел пушнины на Северо-восточном побережье Америки, чем приносили немалый убыток бостонским и лондонским предпринимателям. Быстро оценив ситуацию, капитаны нескольких судов подговорили тлинкитов избавиться от русских. При этом они, естественно, подкрепили свои слова, так сказать, материально, продав индейцам порох, ружья, фальконеты и пушки. При этом англосаксы не преминули напомнить тлинкитам, что русским служат их злейшие враги — эскимосы-чугачи и алеутики¹. Обменяв меха на оружие и подослав в Михайловскую крепость своих лазутчиков, «доблестным» американцам и англичанам оставалось только дожидаться, когда индейцы осуществят нападение. В июне 1802 года Михайловская крепость была взята штурмом. Тлинкиты, о чьих зверствах ходили легенды, превзошли сами себя. Были вырезаны практически все обитатели крепости. От погибших русских промышленников не осталось ничего, кроме имен: Медведников Василий Григорьевич, начальствующий, «города Тотьмы мещанин»; Лебедев Захар, «поступивший из Лебедевской компании, а какого он звания и города не значится»; Наквасин Прохор, староста, «иркутской мещанин»; Овдин Емельян, «кяхтинской мещанин»; Кабанов Харлампий, «тюменской мещанин»; Карпов Алексей, «иркутской мещанин»; Куниновский Лев, «иркутской цеховой»; Тумакаев Григорий, «города Томска ясашной»; Кузмичев Проко-

¹ Племя эскимосов, обитавших на юго-западной части острова Ситка.

пий, «томской округи большой волости аргунской ясашной»; Рыбалов Егор, «тюменской ямщик»; Маланьин Иван (Кунгур), «кунгурской крестьянин»; Шанин Андрей, «верхнеудинской округи Ильинского острогу Тресковской деревни крестьянин»; Мачульский Кондратий, «томской округи бурекульской волости крестьянин»; Смирной Николай, «солевычегодской крестьянин»; Чуприяновский Андрей, «буктинской волости крестьянин»; Пинуныров Михайло, «яренской округи коквитской волости крестьянин»; Чумляков Никифор, «тюменской ямщик»; Шемелин Афанасий, «иркутской округи Кутулицкой деревни крестьянин»; Мартынов Степан, «титularной советницы Елены Повалишиной человек»; Клохтин Герасим; Изохтин Дмитрий, «тарской крестьянин»; Евглевский Алексей, «города Тобольска завальной деревни крестьянин».

Самая страшная участь постигла несчастного Алексея Евглевского — вместе с крещеным алеутом Василием Кочесовым он был захвачен тлинкитами, которые питали особенную ненависть к крещеным алеутам. А тут их добычей стал знаменитый охотник родом с островов Лисьей гряды, известный среди индейцев и русских как непревзойденный меткий стрелок. Василия Кочесова индейцы называли не православным именем, а по-алеутски — Гидак. Заполучив в свои руки превосходного стрелка, сумевшего уложить при штурме крепости с десяток тлинкитов, индейцы постарались сделать его смерть, как и смерть его русского товарища, как можно более мучительной. По словам Кирилла Хлебникова, «варвары не вдруг, но повременно отрезывали у них нос, уши и другие члены их тела, набивали ими рот, и злобно насмехались над терзаниями страдальцев. Кочесов не мог долго переносить боли и был счастлив прекращением жизни, но несчастный Еглевский более суток томился в ужаснейших мучениях».

Одушевленные успехами, индейцы двинулись на Якутат в сторону Славороссии, но Кусков вовремя сумел укрепить крепость, и атака была отбита. Решив, что с них хватит и разорения Михайловской крепости на Ситке, двести байдарок, переполненных тлинкитами, отправились восвояси, но внезапно начавшийся шторм практически полностью уничтожил байда-

рочную флотилию. Казалось, что природа сама отомстила за жестокости тлинкитов. Русским нужно было использовать это обстоятельство и вернуться на Ситку, но тогда Баранов еще не знал об этом событии, да и сил у русских было маловато. О подорванном моральном духе и говорить не приходилось.

Лишь два года спустя ситуация изменилась в корне. Население колоний увеличилось, был выстроен целый флот, союзники русских — алеуты сами с воодушевлением вызвались сопровождать Баранова, чей авторитет среди местного населения был непререкаем.

Еще 2 апреля 1804 года байдарочная флотилия, состоящая из 300 байдарок под управлением Демяненкова, была отправлена в Славороссию, куда сам Баранов прибыл с судами «Екатерина» и «Александр Невский» 25 мая. Тут, как и было оговорено ранее, стояли выстроенные под руководством Кускова два парусных суда. 100-тонный бриг Баранов нарек «Ермаком», а 110-тонную шхуну — «Ростиславом».

В течение месяца русские готовились к предстоящему военному походу не только в военном отношении. Дипломатичный Баранов сумел договориться с некоторыми кланами тлинкитов, живших на севере. В обмен на обещание с их стороны не ходить защищать индейскую крепость на Ситке, Александр Андреевич пообещал не вторгаться в воды, прилегающие к их селениям, и не промышлять там калана. В знак вечной дружбы, под бой бубнов и ритуальные пляски, на землю выволокли куттер «Святая Ольга» и торжественно сожгли. На индейцев это зрелище произвело неизгладимое впечатление, и они прониклись мыслью, что раз уж Баранов так легко готов сжигать свои боевые корабли, значит, за ним силища. Чтобы окончательно убедить в этом индейцев, Баранов дал одному из сыновей местного вождя лук со стрелами и предложил выстрелить ему в сердце, чем кровожадный дикарь, воспитанный вполне в духе местного мракобесия, не преминул воспользоваться. Стрела, ударившись в грудь Баранова, попросту расщепилась. Уважительно взыв, толпа индейцев повалилась ниц. Трюк со спрятанной под рубахой кольчужой Александр Андреевич демонстрировал не раз. Как всегда, он произвел неизгладимое

впечатление на дикарей. Что же касается сожжения «Ольги» — благом было то, что она вообще доплыла до Якутата. Текущему и прогнившему насквозь кораблю давно пора было закончить свои дни в печках промышленников, но предприимчивый Баранов даже уничтожение корабля с целью извлечения железа для постройки других судов превратил в ритуальное шоу.

Отправив «Екатерину» и «Александра Невского» к Ситке и прикрыв байдарочную флотилию шхуной «Ростислав» под командованием Кускова, Баранов сам вышел из Якутата на «Ермаке» на следующий день 25 августа и соединился с остальными судами у Ледяного пролива. Ранним утром 26 августа оба корабля и байдарки вошли в пролив. Утренний густой туман скрыл берега и льды, как правило, не таившие круглый год, за что пролив и получил свое название. Начавшийся прилив подхватил «Ермак» и увлек его в протоку между скалами и льдами. «Ростислав» и сотни байдарок, повинувшись капризу природы, понеслись вслед за «Ермаком». Ледяные айсберги величиной с мачты судов проносились мимо, едва не задевая реи. Течение успокоилось только на выходе из пролива. Однако новая напасть не застала себя долго ждать: отливом суда потащило обратно в протоку. Ни постановка парусов, ни верпование, ни буксировка с помощью байдар — ничто не могло спасти корабли от крутого нрава здешних вод.

— Как в адскую пропасть... — только и успел произнести Баранов, когда судно попало в водоворот и его стало раскручивать, словно юлу.

Лишь через двенадцать часов с помощью невероятных усилий, отталкиваясь баграми от льдин, кораблям, противостоящим течению, с трудом удалось выйти на чистую воду. На удивление экспедиция понесла небольшие жертвы: кормовой ялик «Ермака» от удара о льдину разлетелся вдребезги, был поврежден нок гафеля и утоплена одна трехлючная байдарка. Людских жертв удалось избежать чудом.

Преодолев препятствия, Баранов отдал приказ двигаться вдоль берегов на юг в сторону острова Ситка.

Проходя индейские селения Какнаут, Коуконтан, Акку, Таку, Цултапа, Стахин, Кек и Куо, алеуты свободно промышляли бобров и набили их около полутора тысяч. Тлинкиты, заведя такую грозную армаду, разбежались от страха, но здешние селения флотилия не трогала. Только Кек и Куо были подвергнуты бомбардировке с кораблей — в отместку за истребление алеутов в Михайловской крепости и мученическую смерть, которую приняли русские в этих селениях. Обойдя остров Ситку, флотилия благополучно достигла Крестовской гавани, куда в течение последующих четырех дней подтягивались алеуты.

На следующее утро, сойдя на берег, Лисянский был поражен резко изменившимся пейзажем: «Требуется великий дар красноречия, чтобы надлежащим образом описать картину, представившуюся мне при выходе из шлюпки. Некоторые семейства успели уже построить шалаши, иные же еще начали делать их, и байдарки ежеминутно приставали к берегу во множестве. Казалось, все окружавшие нас места были в сильном движении. Иные люди развешивали свои вещи для сушки, другие варили пищу, третьи разводили огонь, а остальные, утомясь от трудов, старались подкрепить силы своим сном. При выходе моем из шлюпки собралось навстречу нам около пятисот русских американцев [имеются в виду алеуты. — *Авт.*], между которыми были и тойоны (старшины или начальники)».

К полудню того же дня тлинкиты, обеспокоенные происходящим в бухте, сделали первую вылазку. Их жертвами стали несколько алеутов, имевших неосторожность подойти к противоположному берегу на двулючной байдарке, где хозяйничали индейцы. Дурную весть принес лейтенант Арбузов, громко и четко, как и велел морской Устав, отрапортовавший Лисянскому о произошедшей неприятности. Не успел Лисянский опомниться от неожиданности, как людская масса островитян, услышавших рапорт лейтенанта, гонимая жаждой мести, ринулась к байдаркам. Чтобы взять под контроль возникшую ситуацию, Лисянский приказал Арбузову возглавить горячих алеутских парней и направить их деструктивную энергию

в нужное русло. Более всего капитан «Невы» опасался, чтобы извещенные об отсутствии Баранова тлинкиты не спровоцировали неорганизованную высадку по всему побережью, где они без труда могли расправиться с алеутами. К пяти вечера байдарочная флотилия во главе с Арбузовым вернулась в лагерь. Лейтенант рассказал Лисянскому, что подходил к стенам сожженной три года назад Михайловской крепости, но индейцев в окрестностях не обнаружил.

К 25 сентября вся партия, кроме трех десятков байдарок, собралась у побережья острова Ситка. Лисянский при этом был удивлен, что островитяне не были перебиты индейцами на подходе или поодиночке, когда любопытные алеуты, чугачи и кадьякцы осмеливались приблизиться к поселениям тлинкитов. Судьба же отставших от основной партии байдарок так и оставалась неизвестной. Единственная надежда была на то, что отставших алеутов подобрал «Ермак».

В ожидании Баранова ежедневно толпились на палубах «Невы» неугомонные и пронырливые алеуты и чугачи, которым по приказу Лисянского не делалось никаких ограничений, и они свободно разгуливали по судну, изучая и любуясь его конструкцией. «Наши пушки, ядра и прочие снаряды приводили их в изумление, — писал Лисянский в своих дневниках. — Тойонов потчевал я водкой в каюте. Они, конечно, уехали с теми мыслями, что на корабле моем собраны самые лучшие сокровища, так как стулья, столы и моя койка превышали их воображение. После обеда чугачи забавляли нас на берегу своей пляской. Вся партия, подойдя к нам, стала в кружок. Сперва запели они протяжно, а потом песня становилась мало-помалу веселее. Пение свое сопровождали они телодвижениями, которые под конец превращались в иступленные. Танцовщики были в то же время и музыкантами, а музыка состояла из их голосов и старого жестяного изломанного котла, который служил им вместо литавр». В награду за эти импровизированные концерты команда поделилась с обитателями островов табаком и разбавленным вином. Вечером, довольные и преисполненные самыми лучшими чувствами к русским, алеуты возвращались на берег.

К вечеру в Крестовскую гавань вошел «Ермак» с Александром Андреевичем Барановым на борту. Судно буксировали те самые байдарки, которые все считали погибшими. После общего сбора силы составили: 120 русских промысловиков Баранова, 50 членов экипажа «Невы» и более 800 алеутов и эскимосов-чугачей.

Прибыв на «Неву», Баранов представился капитану. Выслушав рассказы друг друга о своих приключениях, руководители предстоящей военной операции выработали тактику. «Неве» с ее мощными пушками отводилась роль плавучей артиллерийской батареи, которая своими залпами должна была прокладывать дорогу наступающим русским отрядам. Судам «Александр», «Екатерина» и «Ермак» с их малыми калибрами артиллерии отводилась роль кораблей непосредственного огневого прикрытия. Самих же отрядов было несколько. Резонно решив, что военная выправка морских офицеров как нельзя лучше отвечает поставленным задачам, Лисянский с согласия Баранова сформировал два отряда военно-морского десанта из моряков «Невы» под руководством лейтенантов Арбузова и Повалишина. В задачу моряков входило связать боем фланги со стороны реки и со стороны леса, в то время как Баранов с несколькими пушками, сопровождаемый алеутами, намеревался атаковать главные ворота крепости. Расчеты нескольких пушек, снятых с левого борта «Невы», также состояли из моряков. На самом же судне под командой Лисянского осталось около полутора десятков человек, которые огнем корабельной артиллерии должны были прикрыть наступающих.

29 сентября флотилия из пяти кораблей, буксируемая байдарками, приблизилась к побережью. Согласно ранее оговоренному плану с борта «Невы» был произведен залп по близлежащему кустарнику, после чего несколько лодок с Барановым во главе, поблескивая веслами на утреннем солнце, двинулись к месту, где совсем недавно разыгралась трагедия. Со своей стороны Лисянский прикрыл высадку русских баркасом, вооруженным фальконетами, во главе с лейтенантом Арбузовым. Лодка, курсировавшая вдоль берега, в случае опасности

должна была обозначить своими выстрелами направление, с которого надвигалась беда. Когда Баранов ступил на берег и двинулся во главе небольшого русского отряда в сторону сожженной Михайловской крепости, алеуты, воодушевленные смелостью Правителя, высадились на берег. И уже через полчаса весь склон горы, на которой располагалась крепость, был заполнен сохнувшими байдарками и людьми. Тем временем Александр Андреевич водрузил на импровизированном флагштоке знамя русского государства на высоком скалистом берегу, который был избран Барановым местом новой русской цитадели. Трепещущий на ветру триколор обозначил центр лагеря на горе Кекур.

Прежнее место, на котором была расположена уничтоженная тлинкитами Михайловская крепость, сам Баранов считал не самым удобным, но в знак своих добрых намерений по отношению к индейцам построил ее в низине. В то же время индейцы возвели собственную крепость на практически неприступной скале, которую теперь и предстояло штурмовать русским. Само название укрепления — Шисги-Нува переводилось как «Крепость молодого деревца».

Уже через час на берег с кораблей было доставлено шесть пушек разного калибра. Не теряя времени, алеуты, чугачи и русские совместными усилиями начали строить новые укрепления. К полудню на берег высадился капитан «Невы». Сделав залп из привезенных пушек, Баранов и Лисянский провозгласили «сии места отныне и до веку короне Российской принадлежащими» и назвали новое укрепление Новоархангельской крепостью. Пока русские разворачивали свой военный лагерь, к ним пришел один из индейских шаманов и попытался убедить пришельцев, что тлинкиты хотят мира и готовы прекратить возникшее несогласие без пролития крови. Однако его отказ проследовать на корабль Лисянский расценил как попытку затянуть время, после чего шаман был отправлен в индейскую крепость с требованием от русских покинуть укрепления воинственным тлинкитам. Пока на берегу проходили переговоры, штурман «Невы» Калинин заметил большую индейскую пирогу, которая направлялась в сторо-

ну берега. Сделав холостой выстрел, он привлек внимание Лисянского, который тут же послал лейтенанта Арбузова на перехват непрошенных гостей.

Погоня была продолжительной, и наконец у одного из прибрежных островов Арбузову удалось перехватить индейскую пирогу. Арбузов и несколько матросов вели непрерывный огонь из ружей и нескольких фальконетов. Индейцы, у которых оказалось также немало огнестрельного оружия, отчаянно оборонялись. Приблизиться вплотную русским удалось только тогда, когда пирога пристала к островку. Из нее выскочил какой-то человек и скрылся в прибрежном кустарнике. Ни Баранов, ни Лисянский, наблюдавшие за боем со скалы, даже предположить не могли, что высадившийся с лодки индеец есть не кто иной, как вождь Катлиан, тойон тлинкитского племени киксади, в будущем руководитель индейской обороны. Попади он в руки Арбузова в тот день — наверняка не было бы кровопролития и можно было бы избавить от напрасных жертв и русских, и тлинкитов. Высадив своего тойона на острове, индейцы на пироге устремились к побережью.

Когда индейская пирога была всего в нескольких метрах от берега, раздался неожиданный взрыв. Индейская лодка взлетела на воздух, а изувеченных гребцов подобрал баркас Арбузова. Тлинкитов было шесть человек. Двое индейцев находились в очень тяжелом состоянии. По приказу Баранова их отправили на «Неву», где доктор Либанд оказал им должную медицинскую помощь. Как оказалось, Арбузов метким выстрелом из фальконета попал в один из мешков с порохом, который перевозили индейцы для своей артиллерии, находившейся в крепости. Узнав об этом, Баранов воодушевился, рассчитывая на легкую победу. Лишенные пороха индейцы отныне не казались ему грозной силой, поэтому и на переговорах, которые велись в этот и на следующий день, Александр Андреевич избрал ультимативную форму общения с тлинкитскими тойонами. Прежде всего, Правитель потребовал от тлинкитов выдачи плененных ими в Михайловской крепости русских и алеутов, среди которых были женщины и дети.

Не получив вразумительного ответа (звуки «у-у», которые издавали парламентареры, покачивая головами, вряд ли можно считать вообще ответом), Баранов принял решение утром атаковать крепость Шисги-Нуву.

Обороной Крепости Молодого Деревца руководил военный вождь клана киксади Катлиан. Воины каждого из шести домов ситка-киксади — Дома Мыса, Дома Глины, Сильного Дома, Дома Сельди, Дома Стали и Дома Внутри Крепости — были организованы в отдельные боевые отряды, каждый из которых возглавлялся вождем своего домохозяйства. Важную роль в поддержании боевого духа индейцев играл шаман Стунуку. Крепость Шисги-Нуву представляла собой типичный образец тогдашнего фортификационного искусства тлинкитов. Она осталась запечатленной в рисунках Лисянского.

К обеду 1 октября 1804 года все пять кораблей русской флотилии, буксируемые алеутскими байдарками, подошли вплотную к берегу и приняли линейное построение, направив все свое оружие на индейское укрепление, над которым тут же взвился белый флаг. Лисянский приказал поднять белый флаг и на «Неве». Время шло, а кроме поднятия флага, никаких иных мирных инициатив индейцы не предпринимали. Поняв, что русских водят за нос, Лисянский приказал дать залп из всех орудий вначале по береговой полосе, а затем перевести огонь на крепость. После того как прибрежные кусты были «причесаны» картечью с русских судов, началась высадка морского десанта лейтенантов Арбузова и Повалишина. По пути Арбузов сумел сжечь индейский склад и уничтожить пироги, стоявшие у берега. После того как пушка была перенесена с баркаса на берег, морской десант начал обстрел крепости. Охватив укрепление тлинкитов с флангов, офицеры подали знак Баранову, который с основными силами, состоявшими из алеутов и чугачей, начал высадку напротив центральных ворот крепости. У Баранова было также два орудия, которыми он пытался пробить стены Шисги-Нуву. Однако от бревен в два обхвата русские ядра отскакивали как горох. Еще две пушки, доставленные с «Невы», мало изменили обстановку. Когда моряки и охотники охватили неприятельскую крепость с трех

сторон и приблизились на дистанцию ружейного выстрела, тлинкиты открыли по ним огонь. Видя упорство осажденных, Баранов в пять часов вечера отдал приказ на штурм вражеских укреплений. Преимущество было на стороне обороняющихся, укрытых на возвышенности за толстым слоем бревен, в то время как идущие на приступ русские и их союзники-островитяне стали отличными мишенями на открытой площади, лежащей перед крепостью. Русские располагали на берегу пятью пушками, ста пятидесятью ружьями и тысячей людей. Тлинкиты сумели собрать под свои знамена около восьмисот индейцев, объединив под началом вождей Скаулькета и Катлиана враждующие между собой племена (беспрецедентное в межклановых отношениях событие) и вооружившись двумя пушками, четырьмя фальконетами и двумя сотнями ружей. Силы оказались примерно равны. Несмотря на ураганный огонь со стен крепости, Арбузов и Повалишин начали обстрел северных и южных ворот укрепления. Медленно наступая, русские форсировали реку Колошенку¹ и подошли вплотную к воротам цитадели. С криками «ура!» осаждавшие бросились на стены крепости.

Это был самый критический момент обороны индейского укрепления. Наступала ночь, и вожди понимали, что пассивная оборона не даст результатов. Ворота трещали под натиском русских. Корюкин привычно орудуя топором, ломал их. Первые алеуты уже карабкались по стенам крепости, когда Катлиан решился на вылазку, сыгравшую переломную роль в отражении приступа.

Как описывается в преданиях, облачившись в боевую Шапку Ворона и вооружившись кузнечным молотом, — поскольку для задуманного им дела молот был более пригоден, чем ружье или кинжал, — вождь киксади покинул крепость через задние ворота. С отрядом самых отчаянных и сильных воинов Катлиан вошел в воду по самую голову, так что над водой виднелся лишь шлем в виде вороньей головы с огромным клювом, и, шагая по дну неглубокой речки Колошенки,

¹ Сейчас Индиан-ривер.

двинулся к ее устью. Индейские воины сплывались вниз к ее устью, уцепившись за древесные стволы, дрейфующие по течению, и нанесли Баранову удар сзади. Сам Александр Андреевич, раненный в руку, на какое-то время исчез из поля зрения алеутских воинов.

Не видя в своих рядах Баранова, алеуты под мощью неожиданного и сильного удара дрогнули. В сумерках они приняли появившихся за их спинами индейских воинов за крупные силы неприятеля. В рядах наступающих в самый ответственный момент, когда под ударами топора, которым профессионально орудовал Корюкин, уже слетели с петель ворота и картечный залп русской пушки расчистил дорогу наступающим, началась паника. Лисянский, наблюдавший с борта «Невы» за боем, оценил ситуацию следующим образом: «Пушки наши действовали также весьма успешно, и крепость была бы непременно взята, если бы кадыкцы и некоторые русские промышленники, употребленные для перевозки артиллерийских орудий, не разбежались. Неприятель, пользуясь этим случаем, усилил свою стрельбу по нашим матросам и в короткое время переранил всех и одного из них убил. Арбузов и Повалишин, видя, что нападение было неудачно, решились отступить».

Много бы еще пало в этом арьергардном бою, если бы не храбрость матроса «Невы» Артемия Павлова. Когда бестолковый расчет той самой пушки, что пробила брешь в обороне противника, поддавшись общей панике, бросился наутек, не растерялся лишь один Павлов. С зажженным фитилем, пробилаясь сквозь толпу отступавших соотечественников, Артемий бросился к орудью, заряженному картечью, и дождавшись, когда тлинкиты займут весь проем ворот, произвел выстрел. Неожиданный залп охладил наступательный порыв индейцев, и они еще какое-то время не решались сунуться в ворота, подарив драгоценное время отступавшим к воде русским отрядам. Единственным, кто бросился на помощь Павлову, был Корюкин. Пока корабельный плотник топором и саблей сдерживал воинственный пыл индейцев, матрос, умело действуя шомполом, успел перезарядить пушку и готовился произвести очередной выстрел. Но осмелевшие тлинкиты, ранив Корю-

кина, которого с трудом удалось вынести с поля боя, заметили, что против них действует всего один храбрец. Подбежав к оборонявшемуся одним лишь шомполом Артемию Павлову, индейцы, пользуясь его беззащитностью, подняли героя на копья.

Воодушевленные видом бегущего с поля брани противника, тлинкиты, в стремлении прижать к воде и перебить уцелевших, бросились в погоню. Но не успели они сделать и нескольких десятков шагов, как на них обрушилась вся русская корабельная артиллерия. Это Лисянский, оценив критическое положение прижатых к кромке воды соотечественников, приказал дать залп всем бортом, рискуя зацепить своих же. Понимая, что ночью при столь мощном огневом прикрытии развить успех не удастся, индейцы поспешили ретироваться и укрыться за надежными стенами своей крепости. Раненный картечью, выпущенной из пушек «Невы», Повалишин тем не менее продолжал руководить организованным отходом русских.

Это дало возможность Арбузову посадить всех людей, включая раненых Повалишина и Баранова, на гребные суда и, прихватив с собою артиллерию, спокойно вернуться на корабли. Пока команда погружалась в лодки, умер матрос с «Невы» Иван Сергеев. Раненые моряки гребли изо всех сил, спасая себя и своих товарищей. И все-таки одного из раненых спасти не удалось — еще один матрос, Андрей Иванов, умер на следующий день на борту «Невы» на руках доктора Либанда. Всего же в сражении погибло трое матросов, три русских промышленных и четверо кадыкцев; среди раненых насчитывалось девять русских промышленных, шесть кадыкцев и двенадцать матросов из экипажа «Невы». Подлекарь Мутовкин, оказывавший помощь раненым матросам, был сам ранен в правую руку, но продолжал перевязывать их. Вторая пуля, попавшая в ногу, настигла его у самой кромки воды, когда он помогал окровавленному Повалишину грузиться в баркас. Штурман Мальцев, последним покинувший многострадальный берег, тоже был ранен в ногу. Матросу Осипу Аверьянову пуля пробила щеку и выбила зубы. Фад-

дей Никитин, Ульян Михайлов и канонир Федор Егоров были ранены в руки, Иван Алексеев — в лоб. Алексею Потяркину перебило ядром руку. У Митрофана Зеленина доктор Либанд достал пулю из ноги. В Михаила Шестакова один из индейцев выстрелил в упор. Матросу повезло в том, что в суматохе боя тлинкит забыл вложить в ствол пулю и Михаилу только опалило выстрелом лицо и руку, которой прикрывался матрос. Андрея Худякова спас спрятанный за пазуху Андреевский стяг, который он собирался водрузить на стенах поверженной индейской крепости. Окровавленная материя стяга была изрешечена дробью, половина которой застряла у матроса в груди.

Взбешенный Арбузов вошел в кают-компанию, на столе которой доктор Либанд оперировал Баранова, изымая из мягких тканей руки костные обломки.

— Если бы все поступали с такою же храбростью, какую показали матросы, то крепость не могла бы долго держаться: пушки были уже у самых ворот и несколько выстрелов решили бы победу в нашу пользу. Но трусость кадыкцев все испортила.

Баранову слова лейтенанта доставили дополнительную боль. Он простонал, а находившийся рядом Лисянский ответил за него:

— Силами одних матросов всех проблем края не решить. Крепости надо заводить и гарнизоны в них. А кадыкцы кто? Охотники, рыболовы, промышленники. Они хоть и смелые, но недостаточно дисциплинированные. Да и не воины они вообще.

— Солдаты нужны... — простонал Баранов. — Сколько прошу, а все без толку. Ну, ничего. Крепость русская здесь уже стоит, а солдат воспитаем из детей наших.

Произнеся это, Правитель Русской Америки от потери крови лишился сознания.

Утром ободренные успехом тлинкиты произвели залп из своих немногих пушек по русским кораблям, не причинив им видимого урона. Чтобы утихомирить зарвавшегося противника, Лисянский приказал подойти вплотную к берегу и открыть

бесперывный артиллерийский огонь по крепости до тех пор, пока хватит пороха и ядер.

Сквозь грохот канонады «Невы» в каюте Лисянского слышался голос приходящего в себя Баранова:

— Милостивый сударь, за болезнью своею не имею я возможности продолжить начатое. Соизвольте взять командование на себя, а также принять меры, какие только сочтете нужными к окончанию начатого дела.

— Безусловно, Александр Андреевич! Не извольте беспокоиться — начатое вами закончат пушки «Невы».

Огневой вал корабельной артиллерии принес результаты. К обеду к судам флотилии прибыл тойон со своим племянником, который был отдан в аманаты¹. Русские выдвинули несколько условий прекращения огня: выдать всех пленных, прислать от каждого рода по два аманата и покинуть крепость, после чего Лисянский пообещал отпустить заложников. Переговоры продолжались несколько дней. Аманатов хитрые индейцы не спешили отдавать русским, оттягивая время. Между тем в самой крепости произошел внутренний раскол, и несколько кланов еще днем покинули укрепление, через ворота, ведущие в лес.

Понимая, что в одиночку сопротивляться русским бессмысленно, Катлиан послал гонца в поселок соседнего племени Хуцнуву-куан, прося о помощи. Однако, так и не дождавшись помощи от союзников, испытывая острую нехватку боеприпасов и опасаясь возможности вторичного штурма, тлинкиты были вынуждены покинуть укрепление. По условиям соглашения с Барановым им следовало переселиться на указанное им место в тридцати верстах от крепости. Однако

¹ Заложники. Для обеспечения собственной безопасности русские колонизаторы практиковали взятие в аманаты местных жителей. На самом деле этот прием несколько не был похож на практику взятия заложников в современном понимании. В знак доверия друг к другу туземцы сами отдавали детей своих тойонов или вождей в аманаты. Индейцы Северо-Запада Америки, например, зачастую через аманатов получали ценную для них информацию. В то же время тойоны и вожди рассчитывали на то, что вернувшийся аманат обогатит племя званиями, полученными у русских.

Катлиан, полный решимости продолжать борьбу, тайно под покровом ночи покинул Шисги-Нуву. Вместо того чтобы, согласно предложению русских, уйти по воде на своих каноэ, индейцы-тлинкиты совершили тяжелейший переход через горы. Катлиан отступил, но не капитулировал.

Ровно неделю спустя после штурма, взору Лисянского, посетившего крепость тлинкитов, представилась следующая картина: «8-го числа судьба ситкинского укрепления решилась. Сойдя на берег, я увидел самое варварское зрелище, которое могло бы даже и жесточайшее сердце привести в содрогание. Полагая, что по голосу младенцев и собак мы можем отыскать их в лесу, ситкинцы предали их всех смерти».

Однако Лисянский ошибся в своих оценках. В крепости находилось гораздо больше детей и более меньшего возраста, которых индейцы забрали с собой. Об этом свидетельствует приказчик Российско-Американской компании Коробицын: «По выходе же их из замка найдено во оном из состоящего их имения несколько порожних сундуков и до 50 медвежьих кож, один чугунок, фунтового калибра фальконет, 3 престарелых женщины, одного 7-ми или 9-тилетнего мальчика и трех 4-летних заколотых мальчиков же». Убитые мальчики оказались плененными некогда алеутскими детьми, которых тлинкиты принесли в жертву местным богам.

Исследовав индейское укрепление, Лисянский оставил его описание: «Ситкинская крепость представляла неправильный треугольник, большая сторона которого простиралась к морю на 35 сажен [65 м]. Она состояла из толстых бревен наподобие палисада, внизу были положены мачтовые деревья внутри в два, а снаружи в три ряда, между которыми стояли толстые бревна длиной около 10 футов [3 м], наклоненные на внешнюю сторону. Вверху они связывались другими также толстыми бревнами, а внизу поддерживались подпорками. К морю выходили одни ворота и две амбразуры, а к лесу — двое ворот. Среди этой обширной ограды найдено четырнадцать барабор [домов], весьма тесно построенных. Палисад был так толст, что немногие из наших пушечных ядер его пробивали; а потому побег ситкинцев надо приписывать имевшемуся у них

недостатку в порохе и пулях. В крепости мы нашли около 100 наших пушечных ядер; я приказал отвезти их на корабль. Кроме этого, нам достались две оставленные неприятелем небольшие пушки. В бараборах отыскано некоторое количество вяленой рыбы, соленой икры и другой провизии, также множество пустых сундуков и посуды.

Крепость была отдана на разграбление алеутам, а затем сожжена. Баранов с Лисянским вернулись в Новоархангельск, где вовсю кипела работа по оборудованию нового русского укрепления, которому в будущем суждено было стать столицей Аляски.

Индейцы ушли на другой конец острова и при помощи людей Хуцнуву-куана к весне 1805 года выстроили уже новую крепость в проливе Чатам, на острове Чичагова. Она была названа Чаатлк'аа-Нуvu — Крепость Маленького Палтуса. Цитадель была обнесена валом и частоколом, а единственный подход к ней посуху прикрывала засека из огромных древесных стволов. Русский толмач, вернувшийся из разведывательной поездки, сообщал, что тойоны русским не доверяют, а «новопостроенная ситкинская крепость походит на старую, но гораздо хуже укреплена. Она стоит в мелкой губе и перед ней по направлению к морю находится большой камень». Катлиан явно учел опыт осенних боев и постарался по возможности обезопасить себя от грозных пушек «Невы». Чтобы положить конец вражде, Александр Андреевич Баранов направил в ставку Катлиана посольство, возвратившееся в Ново-Архангельск вместе с братом вождя, Сайгинахом.

Так закончилась первая русско-индейская война. Активные боевые действия, несмотря на мир с Катлианом, подписанный в том же 1805 году, продолжились. Но они уже не носили организованного характера, не имели четких целей и наносили встающей на ноги в лесах Америки молодой Российско-Американской компании все меньший ущерб.

Современному читателю может показаться, что противостояние между индейцами и русскими не было столь серьезно, как об этом поведали участники тех событий Лисянский,

Баранов и Хлебников. Но чтобы понять, с каким сильным противником столкнулись наши предки на американских землях, обратимся к анализу одного из лучших специалистов по Мезоамерике А.В. Зорину: «Продвигаясь на юг вдоль материкового побережья Аляски в поисках более богатых промысловых угодий, русские партии охотников на морского зверя постепенно приближались к территории, заселенной индейцами-тлинкитами — одним из наиболее могущественных и грозных племен Северо-Западного побережья. Русские называли их колошами (колюжами). Имя это происходит от обычая тлинкитских женщин вставлять в разрез на нижней губе деревянную планку — калужку, отчего губа вытягивалась и отвисала. «Злее самых хищных зверей», «народ убийственный и злой», «кровожаждущие варвары» — в таких выражениях отзывались о тлинкитах русские первопроходцы. И на то у них были свои причины. Численность тлинкитов к началу XIX века составляла, вероятно, более 10 тысяч человек, причем наиболее густонаселенными были куаны (поселения) Чилкат, Ситка и Стикин.

Селения тлинкитов включали в себя от 4—5 до 25 больших дощатых домов, стоящих чередой вдоль берега моря или реки фасадами к воде. Дома имели каждый свое имя (Дом Касатки, Дом Звезды, Дом Костей Ворона и пр.), которое зависело от родового тотема, местоположения, размеров. При постройке или перестройке дома приносились человеческие жертвы — под его опорными столбами закапывались тела убитых рабов. Фасады и внутренние перегородки украшались резьбой, перед входом иногда ставились тотемные столбы. Несмотря на свою воинственность, отмечаемую всеми ранними путешественниками и исследователями, тлинкиты вовсе не были примитивными дикарями-грабителями. То был народ не только воинов, но и охотников, рыбаков, ремесленников, торговцев. Куаны, населенные соперничающими кланами, соединялись между собой прочными торговыми связями. При обмене роль денег выполняли выделанные оленьи шкуры (ровдуги), а позднее — одеяла. Раб в первой половине XIX века стоил 15—20 ровдуг, каноз — от 10 до 15. Тлинкитские торговцы бдительно обере-

гали сферы своего влияния от проникновения нежелательных конкурентов, будь то индейцы или белые.

Хотя далее речь пойдет преимущественно о военном быте тлинкитов, следует иметь в виду, что главным в их жизни была все же не война, и не торговля, а морской промысел. Вся их жизнь, как и жизнь прочих прибрежных племен, была тесно связана с морем и полностью зависела от него.

Каждый мужчина-тлинкит постоянно готовился к войне и подготовка эта велась с самого раннего детства. Уже с трехлетнего возраста тела мальчиков закалялись ежедневными купаниями в холодной воде, а периодические порки приучали их терпеливо переносить боль. «Когда дитя начинает говорить, — отмечает К.Т. Хлебников, — то родственники его, дяди и другие, имеют обязанность каждое утро купать его в речной или морской воде, невзирая ни на какие морозы, до тех пор пока привыкает терпеть холод... дядя, исполняя обыкновение, за непослушание и крик сечет розгами». В сказании об акойском герое Дахкувадене говорится, что «в то время индейцы полагали, что ледяная вода делает храбрым и сильным», а потому дед купал мальчика в море до тех пор, пока «тело его не коченело, словно у мертвеца». Дахкуваден плавал в ледяной воде, спал без одеяла и в результате «стал сильным, как скала». Кроме того, «чтобы показать свою храбрость, укрепить тело и дух», взрослые мужчины также подвергали себя бичеванию, а иногда даже наносили себе во время купания в морской воде раны острыми камнями. Хотя тлинкитское общество и не создало прослойки профессиональных воинов или военных предводителей, каждый тлинкит был превосходно снаряжен для битвы.

Неотъемлемой принадлежностью каждого мужчины, самым распространенным среди тлинкитов оружием был кинжал. Он постоянно носился в ножнах из жесткой кожи, которые вешались на шею на широком ремне. На ночь его клали у постели. Оружие это так и называлось чиханат — «справа от меня, всегда наготове» или «вещь под рукой». Изначально кинжалы были каменные. Затем камень сменили медь и железо. Позднее появились кинжалы типа гватла (от gwala — «уда-

рить»), с одним лезвием и резным тотемным навершием, но ранние кинжалы имели иногда два клинка — нижнее, колющее, и верхнее, более короткое, режущее. Находящаяся между ними рукоять обматывалась полоской кожи, коры или шнуром из человеческих волос. Закреплялось это длинным ремешком, который дважды обвивался вокруг запястья. Воин пропускал свой средний палец сквозь разрез на конце этого ремня — таким образом боевой нож намертво крепился к его руке и его невозможно было вырвать даже у убитого.

К оружию ближнего боя относились также копьа и палицы. Палицы, изготовлявшиеся из дерева, камня, кости и даже металла, применялись тлинкитами сравнительно редко. Уже в начале XIX века они переходят в разряд фамильных реликвий. Согласно устным преданиям увесистые дубинки с резными каменными навершиями носились вождями скрытно под одеялами и использовались при внезапных нападениях на личных врагов. Подобно копьа, лук также использовался и на войне, и на охоте, но на войне гораздо реже. Это объясняется отчасти тем, что тлинкиты обычно нападали на противника на рассвете, когда эффективность стрельбы из лука была минимальной. К тому же тлинкитские воины предпочитали рукопашную схватку, в которой не было места для лука и стрел. Кремневые ружья конца XVIII — начала XIX века били на 300—400 шагов, причем нарезные винтовки отличались большей кучностью боя. Несмотря на все недостатки огнестрельного оружия той эпохи, оно играло решающую роль в военных столкновениях, что быстро осознали индейцы Северо-Западного побережья. Ю.Ф. Лисянский сообщает, что в его время тлинкиты уже практически оставили лук, заменив его огнестрельным оружием. Оружие это получалось с европейских торговых судов в обмен на шкуры морских выдр. Для XIX века наиболее типичным оружием такого рода является мушкет Компании Гудзонова залива. Для него отливались свинцовые пули, но он мог стрелять и галькой. Известны и медные пули. Ружье называлось уна («нечто стреляющее») или хан уна («военное ружье»). Для сравнения следует отметить, что подчиненные РАК эскимосы и алеуты, составлявшие большую часть про-

мысловых партий и боевых ополчений Компании, в основном применяли на войне то же оружие, что и на промысле. По наблюдениям Ю.Ф. Лисянского, «кадыкское оружие состоит в длинных пиках, гарпунах и стрелках, которыми промышлялись морские звери». Огнестрельное оружие туземным союзникам РАК доверялось лишь в исключительных случаях и правление Компании придерживалось такой практики вплоть до конца второго десятилетия XIX века, когда беспрестанные стычки с тлинкитами вынудили его пойти на снабжение ружьями и пистолетами своих партовщиков-аборигенов. В целом же и по вооружению, и по боевым качествам туземные ополчения РАК сильно уступали своему главному противнику — тлинкитским военным отрядам.

Вооружение самих русских промышленных также отнюдь не превосходило тлинкитских арсеналов ни численно, ни качественно. В 1803 году укрепления РАК были снабжены медными единорогами (чугунных пушек, как отмечает К.Т. Хлебников, «было весьма немного»), а на вооружении артелей и гарнизонов находилось в общей сложности до 1500 «ружей, винтовок и штуцеров». Относительно сравнительного достоинства огнестрельного оружия тлинкитов и русских, красноречиво свидетельствуют слова Н.П. Резанова, который в 1805 году писал о колошах: «у них ружья английские, а у нас охотские, которые по привозе отдаются прямо в магазины в приращение капитала Компании и никогда никуда за негодностью их не употребляют». Подобный паритет в вооружении (а то и перевес в нем на сторону тлинкитов) является одной из главных особенностей русской колонизации Северо-Западного побережья. Это, в сочетании с малочисленностью собственно русских — служащих РАК, во многом объясняет тот факт, что обычно инициатива в военных действиях находилась в руках индейцев. За весь период вооруженных столкновений Компания предприняла лишь одно наступательное действие — знаменитый поход Баранова на Ситку в 1804 году, для осуществления которого пришлось напрячь все силы и даже использовать помощь извне (прибытие «Невы» под командованием Ю.Ф. Лисянского). В большинстве случаев рус-

ские предпочитали действовать путем дипломатии и на этом поприще приказчики и комиссионеры РАК стали настоящими мастерами.

Тело тлинкитского воина было надежно защищено против всех видов известного ему оружия, за исключением пушек. К числу санкет (доспехов) относились: деревянные шлем и забрало («воротник»), дощатые деревянные кирасы, наголенники и наручи, рубахи-безрукавки из толстой кожи, боевые плащи из согнутых вдвое лосиных шкур, а позднее еще и «куяки», усиленные металлическими полосами.

Шлем вырезался из древесного узла или корня, изображая собой лицо человека или морду животного, раскрашивался или покрывался шкурой, украшался инкрустацией из меди и раковин, пучками человеческих волос. Шлем надевался на голову поверх меховой шапки и крепился под подбородком кожаными ремешками. Шею и лицо до уровня глаз покрывал воротник-забрало, который поддерживался на месте петлей или продолговатой деревянной пуговицей, зажатой в зубах воина.

Кираса имела несколько разновидностей. Она изготовлялась из дощечек или комбинации дощечек и палочек, которые скреплялись вместе и оплетались тонко скрученными нитями сухожилий. Отдельные части доспехов скреплялись кожаными связками. Нагрудник имел внизу V-образный выступ для защиты живота и гениталий. Руки от запястий до локтевого сгиба защищали наборные деревянные наручи, а такие же дощатые наголенники прикрывали ноги от колен до подъема ступни.

Деревянные доспехи могли носиться в сочетании с кожными доспехами. Кожаные рубахи-безрукавки достигали бедра, а иногда спускались и ниже колен. Они состояли из одного или нескольких слоев шкур морского льва, лося или карибу. Многослойными бывали и боевые плащи. Подобные доспехи изготовлялись из согнутой пополам шкуры, где сбоку прорезалось отверстие для левой руки, а верхние края скреплялись, оставляя отверстие для головы. Защищенная левая сторона подставлялась врагу в боях, особенно во время поединка на

ножах. Внешняя поверхность расписывалась тотемными символами.

Нет сведений о применении кадьяками и чугачами защитного вооружения в боях с тлинкитами, хотя сохранились образцы подобных доспехов и подробное их описание, сделанное иеромонахом Гедеоном. Однако они были гораздо примитивнее подобного вида защиты у тлинкитов. Кинжалы, палицы, а также боевые шлемы и ружья, подобно домам и каноэ, получали особые названия (например, кинжал-Касатка, шлем Шапка Ворона и пр.).

Иногда столкновения враждебных сил происходили на море, как то случилось в битве хуцновцев и стикинцев у современного Врангеля (Стикин-куан). В таких случаях особое значение приобретали и мореходные качества батов, и умелое управление ими, опытность кормчих и слаженность действий команды. Боевые маневры военных каноэ описал Дж. Ванкувер, моряки которого испытывали их на самих себе. Он рассказывает, как его баркас был атакован индейской пирогой, которой правила женщина-кормчий. Индейцы пытались остановить англичан. Когда капитан приказал открыть огонь, то индейцы, сгрудившись разом у одного борта каноэ, подняли противоположный борт и укрылись за ним от пуль, как за щитом. Отступая, они направляли свою пирогу таким образом, чтобы из-за ее высокого резного носа преследователи могли видеть только быстро двигавшиеся руки гребцов, практически неуязвимых для вражеских выстрелов.

В таких условиях особое значение приобретали боевая выучка и дисциплина воинов. Каждый из них имел в каноэ свое, строго закрепленное за ним, место. Если в походе кто-либо погибал, то на его месте при возвращении домой привязывалось вертикально стоящее весло и встречающие женщины, лишь заведя издали приближающееся каноэ, уже знали, чей муж, сын или брат расстался с жизнью на этой войне. На носу головного каноэ военной флотилии находился «адмирал» (шакати). Дж. Р. Свэнтон упоминает также о «человеке на носу», отличая его от главы отряда. Этот человек исполнял обязанности разведчика и часового, а когда отряд останавливался на

ночлег, «он шел вперед и осматривал место и они не ложились спать, пока он не сделает этого». Глава военного отряда именовался «генералом» (хан кунайе). Каково было реальное распределение обязанностей между этими тремя членами экспедиции, сказать трудно, поскольку сведения о каждом из них почерпнуты из разных источников.

Прибывшим в конце XVIII века в страну тлинкитов русским промышленным поневоле пришлось постигать сложные обычаи войны и мира аборигенов, в полной мере считаться с ними».

Кирилл Хлебников, знакомый с тлинкитами не понаслышке, оставил следующее описание: «“Тринглит” — значит народ. Это индейское племя, носящее название птиц и зверей (“ворона”, “орел”, “волк” и др.), в количестве 5500 человек, больше всего оказывало сопротивление русским в Аляске. Всего индейцев в Аляске, по подсчету епископа Иннокентия Вениаминова, было 40 000 человек. Все они были жителями Русской Америки в 1840 году. Колоши появились в Аляске за два-три столетия до прибытия русских. Колоши встречались с испанцами и с американцами, которых прозвали “бостонцами”. “Калюжане” впервые встретились с русскими в июне 1792 года, когда Баранов с партией охотников был в Нучекском заливе. Индейцы хотели помериться с русскими силой и потерпели поражение. Они скальпируют врагов, особенно женщин. Когда прибыли русские, индейцы узнали ценность мехов и начали охотиться на бобров, выдр, котиков и соболей. Самым лакомым их блюдом являются позеленевшие мозги и загнившие головы рыб и оленей. Индеец часто выходит один на один против медведя. У индейца только один нож и маленькие злые собачонки. Индеец высок ростом с хорошо развитыми руками и грудью. Женщина во время ходьбы похожа на утку. Она постоянно сидит за какой-нибудь работой. Речь индейцев — настоящая музыка и льется неудержимым потоком. Они говорят образно, цветисто и умело. Их язык — язык природы и ее явлений. Каждый клан колош живет в одном селении. Во главе клана стоит начальник рода (тойон), который выбирается из лиц, имеющих в своем роде много героев.

Советы происходят по ночам, без шума и крика. Женщины и дети на совещания не допускаются. Пред советом все молчаливо курят трубки. Избранный тойон устраивает празднества с танцами и подарками. Жезл в руках тойона — символ неприкосновенности — и он с ним может проходить среди сражающихся. Никто не тронет его. Женщины во время драк мужчин разнимали их и успокаивали. Если же мира не было, то сами женщины с ножами начинали бой между собою. Женские бои всегда происходили возле воды. Полуобнаженные, с распущенными волосами, стоя по груди в воде, они бились ножами. Резали друг друга в куски. Вода окрашивалась кровью. Бойцы падали в воду и тонули. Тогда мужчины бросались и прекращали женский бой».

Перечитывая труды Зорина и Хлебникова, невольно проникаешься мыслью — насколько отличными были методы ведения войны у коренных обитателей Восточного и Северо-Западного побережий Северной Америки от общепринятых представлений, навязанных американскими писателями. Европейцы, колонизировавшие новый континент, создали миф о дикости коренного населения Америки лишь для того, чтобы оправдать свои действия по его уничтожению. Индейцы не были теми дикарями, какими хотели представить их европейцы. Фенимор Купер и Майн Рид, обессмертившие в своих произведениях гуронов и ирокезов, могикиан и делаваров, совершенно не утруждали себя мыслью, что индейцы, по сути, вели освободительную войну против захватчиков-европейцев. Быстро перенимая методы и средства борьбы у своего противника, индейцы становились грозной силой на пути любых колонизаторов.

Так что враг Баранову и его подчиненным достался серьезный, а победа далась все-таки немалой кровью. Правитель понимал, что силой любви туземцев не завоеешь. И он избрал иной путь — путь сотрудничества. Русские, в отличие от европейцев, несли коренным жителям побережья передовые технологии, знания о сокровенных тайнах Земли, познакомили с искусством и культурой. А. Ляпунова писала с ссылкой на Г.А. Аграната, что «отношение русских к коренному на-

селению Алеутских островов и Аляски отличалось от крайне жестокой политики испанских, а затем и англо-французских колонизаторов Америки уже тем, что русские никогда не стремились к геноциду, а, наоборот, полагались на доверие во взаимоотношениях при совместной трудовой жизни, основанное на отсутствии расовых предрассудков».

После завершения военной экспедиции на Ситку «Нева» вернулась на Кадьяк, где к середине ноября была разоружена, а матросы, по словам капитана Лисянского, испытали такую радость, что «после столь продолжительного плавания, а особенно после ситкинского похода, даже и пустая земля должна была показаться им гораздо приятнее, нежели самый лучший корабль».

Пока Резанов пытался установить дипломатические отношения с Японией, а Крузенштерн переживал вынужденный плен на собственном судне у японских берегов, Лисянский и его команда зимовали на Кадьяке. Русские моряки в течение первой недели соорудили несколько домов по типу построек местных жителей, вкопав их по окну в землю. В отличие от коренных жителей, практически впадавших в спячку на зимний период, моряки осуществляли различные работы по благоустройству своего лагеря. Ежедневное построение и несение вахт позволили аж до лета поддерживать среди моряков команды железную дисциплину. Во время зимовки на Кадьяке Лисянский вместе со штурманом Даниилом Калининым описал всю группу островов Кадьяка, составил подробный план Чиниатского залива с гаванями Павловской и Трех Святителей. Во время этих исследований Лисянский пропутешествовал на трехлучной байдаре более четырехсот верст, уверяя, что он никогда не знал лучшего гребного судна. О досуге команды «Невы» поделился подробностями и Коробицын: «В продолжение 11-месячного нами на Кадьяке пребывания имели довольно изрядные для всех нас квартиры. В рассуждении же кушанья мы имели у себя в достаточном количестве заготовленной всякой провизии. Также из числа тамошней довольно имели всегда доставляемой от компании дичины, свежей рыбы, молока и масла. А по случаю находя-

щегося тамо у компании скотоводства из числа рогатого скота и достаточного количества свиней, имели случай и из числа оных животных до 10 штук быков употребить как для себя, так же и для корабельной команды в пищу. И время провели без дальней скуки.

О святках подштурманом нашего корабля с матросами представляем был театр, иггранные на оном роли мельника и збитеньщика. О маслянной делана была ледяная горка, а в неделю Пасхи — круглые качели и по временам, в праздничные и торжественные дни — фейерверки, на которые собирались из числа кадиакских обоого пола довольное количество зрителей, которыми представляемы были также и свои увеселительныя игрушки, состоящие из песен и безобразного кривляния — пляски, в странном, по обыкновению, их одеянии и масках, для чего многие, живущие от Павловской гавани в расстоянии 50 верст и более, приезжали с семействами, что между ими почитается за большое удовольствие и прогулку...

Наконец, когда затяжная зима закончилась, Лисянский, пользуясь попутными ветрами, вновь привел свою «Неву» в Новоархангельск. В конце июня 1805 года судно бросило якорь в Ситкинском заливе. Новоархангельск менее чем за год изменился до неузнаваемости. За зиму русские поселенцы при поддержке местного населения сумели обжить этот суровый клочок земли и превратить небольшой поселок в настоящий город. Едва матросы «Невы» успели убрать паруса, как на судно поднялся Баранов. Лисянский был рад, что нашел Правителя в добром здравии. Рана в руку, полученная при завоевании этих мест, практически не беспокоила Александра Андреевича. Беспокоил его тлинкитский вождь Катлиан, окопавшийся на противоположной стороне острова. Правитель, памятуя незаурядные дипломатические способности Лисянского, привлек капитана «Невы» к последующим переговорам с индейцами.

Чтобы положить конец вражде, Баранов направил в ставку Катлиана посольство, возвратившееся в Ново-Архангельск вместе с Сайгином — братом вождя.

Во время переговоров Сайгинах убедил Баранова с Лисянским в том, что его брат готов к диалогу, если русские простят его, а индейцы не будут подвергнуты репрессиям. Получив гарантии Баранова и Лисянского, индейский вождь, наконец, решился пойти на примирение с русскими. Едва на «Неве» успели закончить работы по замене бизань-мачты, как после полудня 28 июля 1805 года в сопровождении одиннадцати воинов в Ново-Архангельск прибыл Катлиан. Несмотря на прохладный прием вождь тлинкитов пробыл в Ново-Архангельске до 2 августа, ведя переговоры с Лисянским и Барановым. Юрий Федорович Лисянский оставил детальное описание этой встречи:

«Сперва разговор наш касался до оскорбления, семейством его нам причиненного, а потом начали толковать мы о мире. Катлиан признал себя виновным во всем и впредь обещался загладить проступок свой верностью и дружеством. После сего г. Баранов отдал ему табак и синим капотом с горностаями... Прощаясь с нами, Катлиан изъявил свое сожаление, что не застал кадьякцев, при которых ему сильно хотелось поплясать, уверяя, что никто не знает так много плясок разного рода, как он и его подчиненные».

Так что странное желание индейского вождя проявить свои незаурядные хореографические способности перед победителем так и не было удовлетворено.

Пока велись переговоры, штурман «Невы» Калинин произвел съемку побережья острова Ситка, переименованного по настоянию Лисянского в остров Баранова. Кроме того, экипажем шлюпа были открыты еще два острова, которые назвали в честь адмиралов — островами Чичагова и Круза¹.

Отправляясь на следующий день «на лечебные воды», Лисянский заметил у входа в гавань наполненные ветром, но сильно потрепанные паруса двух торговых американских

¹ Адмирал Александр Иванович Круз (1731—1799) — российский военачальник, автор нового построения боевых порядков кораблей и новаторских приемов боя, впоследствии названных «ушаковской тактикой». Круз применил «ушаковскую тактику» на два месяца раньше самого Ушакова.

кораблей, поразивших Юрия Федоровича изяществом и красотой своих форм. Не знал он тогда, что одному из этих прекрасных судов суждено сыграть ключевую роль в дальнейших событиях, произошедших в этих краях.

Корабль Трескота «Мэри» и Джона д'Вольфа «Юнона», пережившие жестокие шторма, бросили свои якоря недалеко от «Невы». Американские капитаны попросили Баранова помочь им с починкой судов. К сожалению, в своих записках Лисянский не оставил нам воспоминаний о беседах с капитаном «Юноны» Джоном д'Вольфом. Русский путешественник даже представить себе не мог, что общается с одним из немногих американцев, который так же, как и он, вскоре обогнет Земной шар.

Только в августе 1805 года «Нева» снова отправилась в путь. Приняв на борт груз пушнины, шлюп должен был отвезти его в Китай на рынки Кантона. Более месяца шла «Нева» через Тихий океан, не встречая никаких признаков земли. Но поздним вечером 15 октября 1805 года, когда Лисянский, отдав последнее приказание вахтенному офицеру, собрался уже спуститься в каюту, корпус «Невы» дрогнул: корабль сел на неизвестную доселе коралловую отмель. С большим трудом шлюп был снят с мели. И как бы в утешение — совсем недалеко от нее, среди водной пустыни Тихого океана, экипаж «Невы» заметил необитаемый, до этого никому не ведомый остров.

Капитан шлюпа предложил было назвать остров именем своего корабля — Невским. Но офицеры и матросы никак не прореагировали на слова командира. Положение прояснил штурман «Невы» лейтенант Повалишин:

— Команда просит, Юрий Федорович, в знак уважения к вашим заслугам, в знак благодарности и любви к вам, нашему начальнику и товарищу, назвать этот остров вашим именем.

Глубоко тронутый оказанной ему честью, Лисянский попытался было отказаться, но его уже окружила команда, и офицеры и матросы радостно повторяли: «Остров Лисянского! Остров Лисянского!» Впоследствии Юрий Федорович ска-

зал о поступке своих подчиненных, что они «наградили меня высшей наградой, о которой я мог мечтать».

Моряки во главе со штурманом Повалишиным водрузили на берегу Российский и Андреевский флаги, а также оставили на острове капсулу с указанием даты его открытия, именем командира «Невы», а главное — объявлением того, что с этого момента остров Лисянского является территорией России. «Нева» же продолжила свое движение на юг. И безрезультатно — 11 октября с борта шлюпа обнаружили коралловый риф, названный рифом Крузенштерна. К сожалению, эти новые приобретения почему-то оказались России не нужны, и Александр I поспешит отречься от этих островов, боясь, что из-за безлюдного клочка суши может разгореться война с Англией, Испанией или, не дай Бог, с Францией.

А пока, не задумываясь над будущим вновь открытых земель, Лисянский, поймав попутный ветер, направил «Неву» на юго-запад для встречи с «Надеждой».

Глава 11 ЯПОНСКАЯ МИССИЯ

Божий замысел я искажил,
Жизнь сгубив в муравейне.
Значит, в замысле не было сил.
Откровенье — за откровенье.

А. Вознесенский

Прежде чем приступить к дальнейшему описанию приключений героев этой книги, сделаем небольшой исторический экскурс в прошлое к истокам русско-японских отношений, чтобы понять замысел русского правительства, отправившего с первой кругосветной экспедицией посольскую миссию в далекую Японию. Ознакомившись с изложенными фактами, можно понять ход мыслей Резанова и мотивы принятия его самостоятельных решений.

И если какой-нибудь очередной правитель России, подобно Александру II, подарившему Аляску Америке, решит избавиться от Курильских островов и Сахалина в пользу Японии, очень важно, чтобы он и его современники знали, почему и какой ценой достались России эти новые земли. Может быть, тогда простые люди встанут на защиту земли, которая по праву считается русской. Чтобы щедрость, граничащая с глупостью, больше не ущемляла права государства на эти земли, а нам не пришлось краснеть перед потомками, объясняя, почему мы избавляемся от земель, пропитанных потом и кровью наших предков.

Работая над книгой, я наткнулся на статью известного русского исследователя Дальнего Востока Бориса Полевого, в которых была кратко изложена история освоения Курильской гряды и Сахалина. Из текста статьи становится ясно, зачем вообще понадобилась дипломатическая миссия в Японию, с которой отбыл Николай Петрович Резанов на корабле «Надежда». Россия, расширяя горизонты познаний о Земле и стремясь не столько к политической, сколько к культурной экспансии, должна была быть уверена в безопасности своих границ. Однако в Петербурге этого казалось мало. Славянская ментальность требовала налаживания добрососедских отношений. А это проще всего было сделать путем торговли и культурного обмена. Кроме того, нужно помнить, что сама первая русская кругосветная экспедиция была снаряжена для обеспечения русского Дальнего Востока и Русской Америки. В случае удачи японского посольства необходимость в дорогих кругосветных экспедициях отпала бы. Достаточно было бы иметь на Тихом океане обширный торговый флот, который более эффективно и быстро сумел бы снабжать отдаленные концы России провизией и товарами первой необходимости.

Русское движение к тихоокеанскому югу началось с указа об организации Второй Камчатской экспедиции, появившегося в 1732 году, в котором было сформулировано правительственное задание: «островов жилых и пустых учинить опись

и осмотр, сколько возможность допустить» вплоть до самой Японии. Исполнение было возложено на Мартына Петровича Шпанберга.

С 1735 года в Охотске началось строительство судов для южной экспедиции. Уже в 1737 году были спущены на воду бригантина «Архангел Михаил» и дубель-шлюп «Надежда», отремонтирован бот «Святой Гавриил», который в 1732 году принимал участие в открытии северных берегов Америки. Из-за наступления холодов плавание перенесли на 1738 год. Инструкция обязывала Шпанберга «идти к тем островам, кои пошли от Камчатского полуденного (южного) носу к Японии и из них несколько уже были во владении российском...». На «новых южных островах» моряки должны были с айнами «поступать ласково и ничем не озлоблять и недружбы не показывать, а наведатца коль велики такие острова или земли и куда они пошли и чем довольствующа и притом, усматривая случая для лутчего приласкания давать малыя подарки...».

13 июня 1738 года суда из Охотска вышли в плавание к берегам Камчатки, откуда лишь 15 июля Шпанберг повел два из них к Курильским островам. Из-за плохой погоды они не смогли пройти далее острова Уруп, а нехватка продовольствия и болезни заставили возвратиться с тем, чтобы основное плавание совершить уже в 1739 году. Именно оно оказалось наиболее успешным. В нем участвовало уже четыре судна: бригантина «Архангел Михаил», дубель-шлюп «Надежда», бот «Святой Гавриил» и построенный на Камчатке бот «Больше-рецк». Плавание 1739 года началось 21 мая, и уже 16 июня его участники «усмотрели Японской земли берег». Здесь произошла вполне мирная и даже теплая встреча с японскими жителями — рыбаками, в том числе с одним из чиновников. Подробное знакомство с Южными Курилами произошло на обратном пути. Наиболее обстоятельно исследовали остров Шикотан, который Шпанбергом за свои причудливые берега был назван «Фигурным» (впоследствии, однако, русские моряки часто называли его по имени первооткрывателя — остров Шпанберга).

Четвертого июля моряки отправились осматривать ближайшую бухту. По возвращении они сообщили: «...на том острове растет лес березовый и еловый и жимолостник, наподобие вереса, токмо другово роду и трава сладкая и сарана и смородина и протчие травы, которых за неведение написать неведомо. Також на оной шлюпке привезли колотое сухое дерево словое и сказывали, что на оном острове имеются две речки». Поэтому уже вечером была послана еще раз шлюпка с 14 бочками за водой. «5 июля квартирмейстер Антип Картунов привез с Шикотана виноградную ветвь и различные цветы и сообщил, что на острове видели семь айнов». Запись 6 июля: «...поехал от нас с бригантины штурман Матвей Петров на шлюпке нашей и при нем квартирмейстер и 4 человека гребцов и два человека курильских толмачей... повелено одного Фигурного острова губу вымерить, в ней глубину и удобна ль она губа в приключившееся время быть гаванью для отстоя... видели (вдали) людей и собаку». Седьмого июля моряки осматривали остров Зеленой. Сюда «для обсервации с инструментами» был послан геодезист Иван Свистунов, за год до этого составивший самый первый точный план Авачинской губы. На следующий день там обнаружили селение айнов и немедленно послали шлюпку, а вскоре в журнале появилась запись: «Мичман Шельтинг был на берегу в деревне и привез к Шпанбергу... 8 мужиков мохнатых, подобных нашим курильцам». Следует отметить сразу, что русские при первом же знакомстве с новыми землями производили геодезические и картографические работы, измеряли глубины и делали привязку к местности, давали новооткрытым землям русские названия.

Позже участники плавания осматривали остров Цитронный — так Шпанберг назвал часть острова Итурупа, а затем Кунашир и северо-восточный берег Матсмая — Хоккайдо. Тогда Шпанберга особо интересовал вопрос, какое отношение имеет население южных Курил к Японии? Южнокурильские айны сообщили ему: «Под властью японского хана только один Матсмай остров, а протчие острова неподвластны». Убедившись в том, что Южные Курильские острова «не

принадлежат к владению японского хана», Шпанберг сразу же начал ратовать за их скорейшее присоединение к России. 29 августа 1739 года, вернувшись в Охотск, он объявил, что ему удалось «большие и малые острова, лежащие от сорока трех и до сорока шести градусов, в подданство привести, а от сорока шести градусов и до последнего острова без всякого опасения можно привести в самой скорости». Шпанберг просил разрешить ему уже в 1740 году организовать новую экспедицию к Южным Курилам. Согласие было дано, а специальная инструкция предписывала: «Следовать к тем островам, которые близ японских островов Вами обысканы, а именно Фигурный и Зеленый, також и угол берега или острова Матмаева и оные окуротно смотреть...». При этом он должен был «наиприлежнейшее старание прилагать, чтоб о всем, что в примечание достойно как при берегах, так и внутри тех островов, обстоятельное и совершенное известие и знание получить». Однако Витус Беринг, готовясь в плавание к берегам Америки, отложил новую экспедицию на Южные Курилы. Следуя слову Петрову, великий первопроходец устремил свой взгляд на северо-восток, а не на юг. Тем не менее в 1742 году Мартин Шпанберг предпринял новую попытку попасть к Южным Курилам, но плохая погода разрушила его планы. А осенью 1743 года деятельность Второй Камчатской экспедиции, к сожалению, была приостановлена... Правительство решило, что в дальнейшем на Курилы будут ездить только ясачные сборщики. Имевшиеся же у них плавсредства первоначально позволяли им обходить только более близкие северные острова.

Вновь русские вышли к южным Курилам лишь четверть века спустя — в середине 60-х годов, когда ясачный сборщик Иван Черный получил на Урупе первый ясак с пришедших туда итурупцев и даже поручил одному итурупскому «лутшему мужику» сбор ясака и с острова Шикотана. Регулярности в сборе ясака на Южных Курилах русские достигли лишь к семидесятым годам XVIII века.

В России во второй половине XVIII века уже не вызывало сомнений, что все Курильские острова до самой Японии, то

есть включая Южные Курилы, являются российскими владениями. И сегодня не стоял бы вопрос о притязаниях Японии на «северные территории», иначе могла бы сложиться судьба Русской Америки, да и Камчатки — тоже. Если бы был исполнен указ Екатерины II от 22 декабря 1786 года, то освоение Россией Приамурья, Приморья и Сахалина могло начаться на семьдесят лет раньше.

Это был указ об организации первой русской кругосветной экспедиции, целью которой было закрепление прав России на все земли на берегах Тихого океана, открытые русскими людьми. Поводом к этому указу послужила записка Екатерине II президента Коммерц-коллегии графа Александра Романовича Воронцова и члена Коллегии иностранных дел графа Александра Андреевича Безбородко о необходимости объявить морским державам о правах России на острова и земли в Тихом океане: «Северо-западный берег Америки с островами, около оного находящимися, и другими грядями, оттоле до Камчатки и от сего полуострова до Японии простирающимися, открыт из давних времен одними российскими мореплавателями...

Но как по общепринятому правилу на неизвестных земли имеют право те народы, которые первое открытие оных учинили, как то в прежния времена и по сыскании Америки обыкновенно делалось, что какой-либо европейский народ, нашедши неизвестную землю, ставили на оной свой знак... в чем и все доказательства права к завладению заключалось, то вследствие сего неоспоримо должны принадлежать России:

...4-е. Гряда Курильских островов, касающаяся Японии, открытая капитаном Шпанбергом и Вальтоном».

Поводом для написания этой записки послужило объявление Джеймсом Куком ряда территорий в Америке владениями английского короля, открытых ранее Витусом Берингом и Алексеем Ильичом Чириковым. К тому же в Петербурге стало известно об отправке в 1786 году кругосветной экспедиции Лаперуза. Еще не было известно, что в том же году Япония впервые предъявила свои претензии на Южные Курилы, направив туда экспедицию Могамы Токунаи.

Далее Воронцов с Безбородко считают, что: «...о присвоении России тех островов с высочайшего вашего повеления объявлено было чрез российских министров при дворах всех морских европейских держав, что сии открытыя земли Россией не могут иначе и признаваемы быть, как империи вашей принадлежащими».

На это предложение Екатерина II отреагировала мгновенно. В тот же день, 22 декабря 1786 года, императрица издала соответствующий указ Коллегии иностранных дел. Однако опытные и дальновидные политики Воронцов и Безбородко понимали, что одного такого объявления недостаточно, поэтому сразу предложили завести в русских тихоокеанских владениях несколько военных морских судов, для чего «отправить из Балтийского моря два вооруженных небольших судна, подобныя употребленным капитаном Куком, а при них две вооруженных морския шлюпки... коим и назначить объехать мыс Доброй Надежды, а оттоль... идти на Камчатку... Сии суда, пришед к северному краю Японии, могут, разделясь на двое, приступить к новейшим открытиям... Первая из сих флотилий может обстоятельнее осмотреть острова, от Японии к Курильской Лопатке простирающиеся...»

Предложения Воронцова и Безбородко легли в основу указа Екатерины II об отправке военной эскадры в Тихий океан для охраны российских владений и наставления Адмиралтейств-коллегии начальнику первой русской кругосветной экспедиции, которым был назначен капитан 1-го ранга Григорий Иванович Муловский. Главной целью экспедиции было «утверждение российского права на все, донныне учиненные российскими мореплавателями, или вновь учиненными быть могущие открытия».

Для этого было изготовлено двести чугунных гербов с надписью на русском и латинском языках «Земля Российского владения», которые предписывалось укрепить на крестах или столбах на возвышенных местах или «по утесам, выдолбив гнездо», 1700 золотых, серебряных и медных медалей, которые следовало зарыть в землю, вложив в каменный засмолен-

ный сосуд с запиской, когда и кем из российских мореплавателей данная земля открыта. Часть медалей предписывалось вручать знатым туземцам для ношения на шее как представителям российской власти.

На протяжении 1787 года велась подготовка крупномасштабной экспедиции под руководством Муловского. Под начало капитана 1-го ранга было определено пять кораблей: «Холмогор» водоизмещением в 600 тонн на котором держал свой флаг капитан-лейтенант Муловский, «Соловки» — 530 тонн, под руководством капитана Кириевского, «Сокол» и «Турухан» — по 450 тонн; которыми командовали, соответственно, князь Трубецкой и Сиверс, а также транспортное судно «Смелый». В задачи экспедиции входило закрепление за Россией и охрана ее владений на Тихом океане. Для этих целей должна была быть осуществлена доставка крепостных орудий для Петропавловской гавани и других портов, основание русской крепости на Южных Курилах, доставка необходимых грузов в русские владения, домашнего скота для разведения и семян различных овощных культур, утверждение российских прав на земли, открытые русскими мореплавателями на Тихом океане (путем установки чугунных гербов и медалей с изображением императрицы), организация торговли с Японией и другими сопредельными странами, составление точных карт, проведение разнообразных научных исследований, изучение Сахалина, устья Амура и других объектов. При этом капитану Муловскому был дан приказ решительными действиями пресекать попытки захвата российских территорий иностранными государствами: «В отношении иностранных пришельцев предписывается принудить их по праву первее учиненных открытий к Российской державе принадлежащих мест, наискорее удалиться и впредь ни о поселениях, ни о торгах, также о мореплавании не думать; а ежели какие укрепления или поселения есть, то имеете вы право разорить, а знаки и гербы срыть и уничтожить. Равно поступать вам и с судами сих пришельцев, в тех водах, гаванях или на островах повстречаться могущими для подобных же покушений, принудив их оттуда

потому же удалиться. В случае же сопротивления или, паче, усиления, употребить вам силу оружия, так как суда ваши на сей конец столь достаточно вооружены».

Ученый отряд экспедиции был весьма авторитетен. Его возглавлял академик Петер Симон Паллас, а входили в него известные ученые того времени: астроном Бейли (участник третьего плавания Джеймса Кука), естествоиспытатель Форстер, ботаник Соммеринг и другие.

4 октября 1787 года пять кораблей Муловского, которые должны были стать основой нового Тихоокеанского флота, с пятьюстами членами экипажей в полной готовности к отплытию встали на Кронштадтском рейде. Но срочная депеша из Константинополя о начале войны с Турцией перечеркнула все планы и труды. 28 октября 1787 года был издан высочайший указ об отмене экспедиции Муловского. В итоге первая русская кругосветная экспедиция под руководством Крузенштерна покинула Кронштадт лишь шестнадцать лет спустя, и перед ней стояли куда более скромные задачи, да и состояла она всего из двух кораблей, построенных за границей. Кругосветных плаваний с таким размахом не планировалось ни прежде, ни потом.

Россия не ступила тяжелым увесистым шагом военноморской экспедиции на острова Южных Курил, а начала семенить мелкими шажками промышленных партий — смелых, но малочисленных, привыкших более к торговле и охоте, чем к борьбе за право на место под солнцем.

Любопытно отметить, что тогда в России в связи с тихоокеанской экспедицией Лаперуза власти больше всего опасались, что на Южных Курилах могут обосноваться... французы! И совершенно не думали об опасности со стороны Японии. В России хорошо знали, что японское правительство более полутораста лет назад строжайше запретило подданным микадо покидать пределы империи, а Курильские острова тогда считались лежащими вне этих пределов. И только в 1753 году, в нарушение запрета, на Кунашир изредка стали тайно наведываться японские торговцы. Некоторых из них айны убивали, но с кем-то они сумели наладить отношения.

Современная японская историография утверждает, что первым на земли Сахалина и Курильской гряды ступил мореход Хиранори Мураками, но по сути, если его путешествие состоялось в действительности, а не на бумагах, он нарушил запрет третьего сёгуна Измицу, который своими указами 1633, 1636 и 1639 годов под угрозой смертной казни запретил японцам покидать пределы своей родины, а также строить большие суда для дальнего плавания. Поэтому являются необоснованными нынешние притязания японцев на «неформальное» освоение «Северных территорий». Согласно действующим в то время японским законам купцы и промышленники, посещавшие Курилы и Сахалин, официально являлись преступниками, подлежащими смертной казни. Первым японским торговцем, ступившим на земли Курил, был купец Хидая Кюбэй, основавший на острове Кунашир первый японский магазин — «басе» в 1754 году. К тому времени русские уже пятнадцать лет как нанесли точные очертания всей группы островов Южных Курил. Однако японский магазин просуществовал недолго. Отношения айнов и японцев как-то не заладились с самого начала, и обитатели Курильских островов быстро выдворили ловкого предпринимателя восвояси.

Японские же правительственные разведчики на Южных Курилах впервые появились только в середине 80-х годов XVIII века. А произошло это следующим образом: в 1771 году бежавший с Камчатки авантюрист Мориц Беневский передал японцам послание, в котором умышленно клеветал на Россию, утверждая, что русские будто бы готовят нападение на Японию. Спровоцированному подозрению способствовало установление русской власти на всех Южных Курилах и отдельные попытки вступить в торговые сношения с японцами на севере Хоккайдо. Это дало повод японцу Хаяси (Рин Си-хею) в 1786 году даже издать книгу, в которой он впервые заговорил об опасности с севера. И хотя автора ее осудили за распространение панических настроений, японское правительство решило в том же году направить на Южные Курилы своего разведчика Могами Токунаю. Впоследствии Могами писал: «Я проплыл мимо первого острова Кунашир, чтобы до-

стичь следующего — Итурупа. Никогда и никто в истории не достигал этого острова. Я был первым японцем, вступившим на эту землю». Но, оказавшись на Итурупе, он тут же встретился с тремя русскими. Как рассказывал один из айнов, эта встреча для Могами оказалась большим испытанием: «Могами побледнел от волнения, но крепко сжал зубы и, как видно, был полон решимости не уронить своего достоинства в глазах русских».

Русские промышленники попытались наладить мирные контакты с японцами, не зная о том, что в глазах японцев они уже выглядят завоевателями. Оторванные от отечественных тылов, русские остро нуждались в торговле, причем им активно помогали племенные старейшины айнов. Так, «9 июня 1778 года несколько десятков русских с острова Уруп прибыли на двух судах к побережью Нокамапу... в восточной части Эдзо, — рассказывает японский историк и писатель Синъитиро Накамура. — Их сопровождало судно вождя айнов на Кунашире Цукиноэ. Русские пришли не воевать, а для встречи с японцами». Они привезли официальное письмо с Камчатки с предложением торговли. Японцы, взяв на год отсрочку решение вопроса, в конце концов ответили отказом. И это при том, что сами японцы подтверждали, что в те времена влияние русских на айнов южных Курильских островов было весьма сильным.

В это в время в Петербурге правительство России было убеждено, что Южные Курилы вошли в состав России. Екатерина II решила ради улучшения отношений с айнами Южных Курил полностью освободить их от уплаты ясака. Но эта гуманная мера неожиданно привела к негативным последствиям: русские ясачные сборщики перестали ездить на Южные Курилы, и это впоследствии стало аргументом для тезиса о слабости связей южнокурильских айнов и России на рубеже XIX века. Через несколько лет после удачного плавания Адама Лаксмана в Японию в 1792—1793 годах, известный иркутский купец Григорий Шелихов [будущий тесть Николая Резанова. — *Авт.*] решил создать свою факторию на Урупе. Он хотел «помаленьку завести Русь» в

урупской бухте Тавано (Алеутка). В 1793 году на это дала свое согласие Екатерина II. Возглавить русское поселение на Уруп было поручено передовщику¹ Василию Корниловичу Звездочетову, ранее уже бывавшему на Южных Курилах. Новое поселение — «Курилороссия» — возникло на Уруп («острове Александра») уже после смерти самого Григория Шелихова, в 1795 году. И сразу же русские поселенцы на Уруп нашли контакт с айнами Итурупа, Кунашира и даже жителями Хоккайдо. Между тем японцы приступили к более активным антирусским действиям. В 1799 году они запретили русским посещать северный берег Хоккайдо. В 1801 году японцы дошли до Урупа, поставили там столбы с надписью «Уруп» и приказали русским оставить остров. Звездочетовцы изгнали японцев с острова. Однако усиленное заселение в эти годы Русской Америки отвлекло внимание от Курил и связь с группой Звездочетова постепенно была утрачена. Начавшийся голод подкосил русскую факторию, последние жители которой, голодные и беззащитные, покинули остров в надежде добраться до России. В 1805 году Курилороссия прекратила свое существование.

Забегая наперед стоит отметить, что Резанов, снарядивший экспедицию к Южным Курилам, более всего заботился о судьбе самого Звездочетова и его людей. Тендер «Авось» под командованием Гаврилы Давыдова опоздал всего на год. Но этот год стоил России многого: до сих пор японцы претендуют на Южные Курилы, и юридически Россия находится в состоянии войны со Страной восходящего солнца.

По иронии судьбы в «Пространном землеописании Российского государства...» 1787 года издания приведен список принадлежащих России островов Курильской гряды, самым южным из которых назван... «Матсмай», нынешний Хоккайдо. Отсутствие четких государственных границ приводило к подобным политико-географическим конфузам. Хотя и конфузом это можно считать, исходя из нынешних границ Япо-

¹ Передовой человек в работе. На соболевом, куньем промысле избирается передовщик, старший, опытный ловец; на лодках, носовой или старший бурлак. — Толковый словарь Даля.

нии, а в XVII веке Хоккайдо был заселен айнами, только начавшими вступать в контакт с доблестными сынами Страны восходящего солнца.

В далеком же Петербурге, не ведавшем об истинном положении островов, продолжали считать все Курилы внутренним владением. В 1799 году в указе о создании Российско-Американской компании все они были официально переданы в ведение новой компании. А когда в 1803 году правительство направило в Японию особое посольство Николая Резанова, ему поручили утвердить русско-японскую границу по проливам около острова Хоккайдо.

Итак, Резанов плыл на кораблях Русско-Американской компании, чтобы поставить точку в закреплении за Россией новых границ. И Сахалин, и Курильские острова считаются русскими по праву их первооткрытия, то есть на тех же основаниях, на которых европейские государства закрепляли за собой свои новые колонии. Так уж исторически сложилось, что все самые теплые и благополучные земли распределили между собой представители Европы, поэтому России важно было твердой ногой встать на отдаленные восточные и северные земли в самых неприспособленных для жизни чело- века уголках мира, которые осваивались и разрабатывались русскими людьми, не боявшимися ни холода, ни голода, ни тяжелой работы. Русские промышленники сделали невозможное. Как некогда их отцы и деды осваивали суровую Сибирь, так и они, достойные дети своих отцов, взялись за покорение неприступного пространства Земли с самым суровым климатом. Александр I понимал, что средств на освоение дальних уголков своей страны у него нет, поэтому с таким упорством лоббировал проект промышленника Шелихова, который на собственные деньги взялся продвигать Россию на Восток, а его зять Резанов — закрепить дипломатическим путем границы завоеваний.

...Бобровое море встретило «Надежду» туманами и дождями. Судно двигалось вдоль берегов по картам, которые приходилось постоянно исправлять. Бурная, мрачная, холодная погода сильно осложняла плавание, постоянно свирепствовал

шторм. Как назло, в носовой части корабля вновь открылась течь, заделать которую на ходу оказалось невозможным. Усилия, потраченные на берегу по ее устранению, оказались напрасными — потрепанное многолетней службой судно чудом держалось на плаву. Люди, падая от усталости, были вынуждены беспрерывно откачивать воду. Бурная погода и шторм, как указывает Крузенштерн, вынудили забить быков, измученных качкой.

Первый погожий день наступил 24 сентября. Крузенштерн и Горнер произвели проверку хронометров, которые показали правильность хода. Научные изыскания ученых не останавливались даже в сложных метеоусловиях. Когда же появились первые бабочки и береговые птицы — свидетельство близости земли, Лангсдорф поселился на палубе. Горнер развернул на баке свою обсерваторию, и наблюдения приняли регулярный характер. К великой радости ученого, на нок гафеля села сова, которую Горнер поспешил срисовать. Сова, проспавшая целый день, стала заложницей обстоятельств, и ей пришлось путешествовать на «Надежде» до самого Нагасаки.

Два дня спустя Резанов, пользуясь властью, которой был наделен, решил устроить для матросов настоящий праздник. Формальным поводом стал день коронации Александра I на престол Российский. По сути же Николай Петрович хотел приободрить команду и поблагодарить за ратную службу вдали от родных берегов.

В девять часов утра Крузенштерн выстроил команду на шканцах. Все замерли в торжественном ожидании. Наконец двери каюты распахнулись и вышел сам Полномочный посол России в Японию — их сиятельство камергер Резанов. Когда он ступил на палубу, камчатские гренадеры стали во фронт и отдали ему честь. Команда приветствовала посла троекратным «ура». На специально установленном по случаю столике под пурпурным атласом лежали награды. Каждый член команды в этот день получил медаль с изображением императора и надписью: «Залог блаженства каждого — закон».

«Россияне! — обратился Резанов к команде, когда волнение спало. — Обошед вселенную, видим мы себя наконец в водах японских! Любовь к Отечеству, искусство, мужество, презрение опасностей, повиновение начальству, взаимное уважение, кротость суть черты, изображающие российских мореходцев, суть добродетели, всем россиянам вообще свойственные.

Вам, опытные путеводцы, принадлежит и теперь благодарность соотечичей. Вы стяжали уже ту славу, которой и самый завистливый свет никогда лишить вас не в силах. Вам, достойные сотрудники мои, предлежит совершение другого достохвального подвига и открытие новых источников богатства! А вы, неустрашимые чада морских ополчений, восхищайтесь успехами ревностного вашего содействия. Соединим сердца и души наши к исполнению воли Монарха, пославшего нас, Монарха, столь праведно нами обожаемого, но мы давно уже их соединили. И так благодарность к августейшему Нашему Государю да одушевляет все чувства наши!

День сей, друзья мои, знаменит в Отечестве, но он еще будет знаменитее тем, что сыны его в первый раз проникают в пространство Империи Японской и победоносный флаг России ознакамливают с водами Нагасацкими.

Уполномочен будучи от всемилостивейшего Государя нашего быть свидетелем великих подвигов ваших, столь же лестно было мне разделять с вами все труды и опасности, сколь приятно ныне торжественно изъяснить вам эту признательность, которая в недрах любезного нашего отечества всех вас ожидает. Празднуя в водах японских день высочайшей Его Императорского величества коронации, делаю я оной навсегда для заслуг ваших памятным.

Зрите здесь изображение великого Государя; примите в нем мзду вашу и украсьтесь сим отличием едиными беспредельными трудами и усердием приобретаемым. Помните повсечасно, что оно еще более обязывает вас к строгому хранению добродетелей, коими гордились предки наши, и в восторге славы благословляйте царствование, в которое заслуги

последнего подданного и в самых отдаленных пределах света пред монаршим престолом никогда незабвенны».

Матросы были в слезах, слушая речь камергера. Они, сыновья простых крестьян, обошли полмира и завтра должны были ступить на неизведанные земли с миссией доброй воли и любви к соседнему государству, к людям незнакомым. Русские открытые сердца внимали сейчас не чиновнику, а простому человеку, каждое слово которого лилось от души. Особенно трогательно для слуха моряков было само обращение Николая Петровича — «друзья мои».

Однако не все остались довольны самим фактом награждения матросов серебряными медалями. «Мог ли и должен ли был Резанов раздавать медали среди наших матросов, не спросив предварительно нашего капитана о том, заслуживают ли они ее?» — поделился своими размышлениями Левенштерн. Видимо, согласно логике курляндского дворянина награду заслуживали не простые работяги, на своих плечах вынесшие все тяготы трехлетнего плавания, а исключительно офицеры, равнявшиеся к славе. Но Резанов, знавший и любивший матросов, думал иначе. И награждал тех, кто действительно заслуживал награды больше всего. Исключение он сделал для доктора Сигама. И вовсе не потому, что тот отказался его лечить по пути от Маркизских островов до Камчатки, а потому, что считал награду с изображением русского православного царя наградой духовной, а не светской. Сигам же был атеистом, причем воинствующим, подрывавшим в матросах основы веры их предков.

В тот день по распоряжению Николая Петровича Резанова из казны Русско-Американской компании матросам было выдано по серебряному рублю. За обедом в кают-компании, разукрашенной оружием и флагами, Крузенштерн после поста посланника за здоровье государя пил за здоровье самого Резанова с пожеланием успеха посольству. Офицеры «Надежды» встретили тост в адрес посланника шумными овациями и с криками «ура!» стали качать его на руках. Только здесь, в Японском море, Резанов свято уверовал, что конфликт, воз-

никший между ним и офицерами и продолжавшийся более года, наконец-то исчерпан окончательно.

Два дня спустя, озабоченный показаниями барометров, Лангсдорф попросил Резанова постараться не выходить из своей каюты.

— Что случилось, Георг? — поинтересовался камергер у ученого.

— Такого, ваше сиятельство, я еще не видел: ртуть в барометре сократилась настолько, что скоро ее совсем не будет видно. Мы на пороге грандиозного атмосферного явления.

— Позвольте, доктор. Мне любопытно было бы лицезреть сии возмущения природы.

— Боюсь, что эти наблюдения опасны не только для здоровья, но и для жизни.

Как бы в подтверждение слов Лангсдорфа, судно качнуло так, что вся стоявшая на столе посуда рухнула на пол, а с пола посыпались книги.

На «Надежде» заранее спустили брам-реи и брам-стенги, оставив судно лишь с подрифленными марселями. Ветер усиливался с каждой минутой, заставив закрепить паруса. Порывы стихии играли «Надеждой», как щепкой. Оставшиеся штормовые стаксели позволяли хоть как-то управлять судном. А может быть, морякам просто казалось, что они управляют судном. Вскоре шкоты и лееры штормовых стакселей, не выдержав порывов крепчайшего восточного ветра, были изорваны. Лохмотья парусов безжизненно болтались на ветру, отданные на растерзание стихии. Вахтенные матросы и офицеры скопились под штормовым бизань-парусом, единственным уцелевшим, пытаясь с его помощью придать судну нужное направление.

К вечеру показания барометра упали настолько, что на протяжении трех вечерних часов ртуть находилась ниже крайней нижней отметки. Попавшему в тайфун кораблю грозила гибель как никогда ранее. Волны перекатывали через борта, унося все незакрепленные части за борт. Нагельные планки остались без половины нагелей, отчего ослабленный такелаж

с неимоверной скоростью пересекал палубу, осложняя и без того трудную обстановку на судне. Одна из волн накрыла ро-стры, с которых сорвало лежащий лисель с рейками. Их уда-рило в сетку подветренного шкафута и, выломав металличе-ские секции, унесло в море. Следующая волна смыла с кормы левую галерею.

Ветер гнал обреченное судно в сторону берега. И когда, ка-залось, что спасения уже нет, ветер стих так же неожиданно, как и начался. В девять часов вечера измученной штормом ко-манде открылись долгожданные берега Японии. Весь следую-щий день ушел на приведение корабля в порядок.

«Надежде» потребовалось несколько дней, чтобы, обойдя с восточной стороны острова Японского архипелага, добраться до Нагасаки. Все это время уставшей команде и потрепанному штормами судну сопутствовала удача: яркое солнце заливало палубу, отогревая тела и души матросов и вселяя надежду на успех плавания. Крузенштерн с Горнером были поглощены измерениями и нанесением на карты правильных очертаний японского побережья. Впоследствии эти карты станут пер-выми точными изображениями земель Страны восходящего солнца. Почти двести лет по этим картам будут ориентиро-ваться последователи Крузенштерна. Правда, Крузенштерн дал всем мысам, заливам и другим географическим объектам русские имена, совершенно не задумываясь о том, что они уже давно имеют японские названия. Так, на картах Страны вос-ходящего солнца появились заливы Румянцева, Мордвинова, Александра, императрицы Елизаветы. Не забыл мореплава-тель даже своего друга с английского приватира «Фетида», на котором он когда-то проходил морскую практику, Томаса Кокрейна.

26 сентября 1804 года с восходом солнца русские морепла-ватели встали в двадцати милях от входа в бухту Нагасаки. От японских рыбаков, лодки которых тут же окружили «На-дежду», мореплаватели узнали, что их в течение последних четырех дней уже ожидают японские чиновники, а сам На-гасаки переполнен войсками, которые были стянуты в город со всего архипелага.

По приказу Крузенштерна судно было приведено в парад-ный вид: все выдраено и начищено до блеска. В момент входа в гавань «Надежда» дала залп с обеих бортов всеми имею-щимися орудиями, произведя настоящий переполох среди японцев. К полудню к русскому судну причалила воору-женная лодка с двумя японскими офицерами. Первые японские официальные лица отнеслись к русским сдержанно и более чем осторожно. На корабль ни один из них не поднялся. Прочитав разрешение, данное Лаксману, японские офицеры сообщили, что необходимо известить губернатора Нагасаки. Пользуясь случаем, Резанов попросил передать записку на голландском языке: «От великого императора всея России к его тензинку-босскому величеству великому императору японскому камер-гер Резанов отправлен послом для поднесения его величеству даров и возвращения четырех человек его подданных. Отпра-вился из престольного города Петербурга июля 26 минувшего года и прибыл в японские воды сентября 27 настоящего года. Просит японское правительство о присылке лоцмана для про-вода корабля в Нагасакскую гавань».

На борту был оставлен переводчик Тадзуро. Он переводил с японского на несколько европейских языков, которыми вла-дели русский посланник и его окружение. Окончив знаком-ство с бумагами, японцы показали место стоянки. Согласно запискам европейских торговцев, ранее посещавших Нагаса-ки, в этом месте по японскому обычаю сжигали неприятель-ские корабли.

Но тем не менее, когда «Надежда» встала на якорь в ука-занном месте, посланник велел вручить отъезжавшим япон-ским чиновникам вторую записку следующего содержания: «Великого российского императора посланник благодарит правительство великой Японской империи за высылку на-встречу судна с чиновниками и показания якорного места, где фрегат по назначению и стал на якорь пополудни в 7 часов, а между тем покорнейше просит, чтобы завтрашнего утра ранее позволить втянуться в Нагасакскую гавань».

Хорошо зная о нынешнем месте стоянки, Резанов очень деликатно намекнул, что русские прибыли в Японию не для

того, чтобы их корабль был предан огню согласно местным ритуалам. Не менее учтивые и деликатные японские чиновники, как бы между прочим, сообщили, что в Японии уже двенадцать лет как ожидают прибытия русского судна, а в течение последних четырех лет особенно тщательно готовились к принятию русских. Резанов не мог знать, что в словах японцев скрыт сарказм, вызванный последним посещением Нагасаки пиратом Бениовским.

Сняв копию с разрешения на посещение Нагасаки, привезенное в Россию Лаксманом и забрав записку, японские офицеры направились к берегу.

В девять часов вечера весь рейд полыхнул разноцветными огнями. Довольно большое судно, освещенное бумажными фонариками, в окружении полусотни маленьких джонок двигалось к «Надежде». На этом судне прибыли уполномоченные губернатора. Первым поднялся переводчик и спросил разрешение на посещение русского судна одной важной особой. Получив согласие, он тут же ловко спустился по трапу, и уже через несколько минут палуба русского судна была заполнена японскими чиновниками и переводчиками. Последним поднялся седовласый японец, по-видимому, возглавлявший эту пеструю делегацию. По приказу Резанова был выстроен почетный караул из гренадеров и отбита барабанная дробь, напугавшая японцев. После того как баниосов и переводчиков провели в каюту, Резанов объяснил им, что торжественное построение вызвано посещением столь дорогих гостей и что по русским обычаям японцам оказана большая честь. Однако японские чиновники успокоились только тогда, когда камергер пообещал им, что без их ведома не будет произведен ни один выстрел.

Начались переговоры. Баниосы попросили показать грамоту, которую Александр I посылал императору Японии. Искусный дипломат Резанов разрешил им взглянуть лишь на дорогой отделанный золотом футляр, заявив, что с содержанием грамоты может ознакомиться лишь сам император Японии.

Раскурив трубку, старший баниос спросил:

— Согласен ли великий посол повиноваться обычаям Страны восходящего солнца?

— Согласен, — вежливо ответил Резанов, — но только если они не будут предосудительны для величия России.

Сменив тему, японский вельможа попросил переговорить со своими земляками, привезенными из далекой России. Все ответы японских рыбаков, вернувшихся на родину на «Надежде», тщательно записывались. Пока японцы общались между собой, в каюту посланника вошел капитан голландской морской службы и попросил разрешения у баниосов войти на русский корабль голландскому обер-гаупту, или главному директору, управляющему голландскими торговыми делами и факторией генералу Деффу, чтобы дать ему возможность познакомиться с русским великим послом.

Получив разрешение, вскоре в каюте появился Дефф. На французском языке он приветствовал посла и представил ему командира голландского корабля и своего секретаря.

— Рад приветствовать и вас, представителя страны, покрывшей все океаны мира! — ответил Резанов.

В это время один из японских переводчиков ткнул шестидесятилетнего Деффа в спину и прошипел на голландском:

— Кланяйтесь!

К удивлению Резанова, генерал Дефф сложился пополам перед баниосами, достав молитвенно сложенными руками до пола. То же самое проделали капитан голландского судна Паллет и секретарь. Неугомонный переводчик потребовал от Крузенштерна, чтобы и тот склонился в верноподданическом поклоне. К чести Крузенштерна стоит отметить, что он не стал прогибаться перед японскими чиновниками, объяснив переводчику на родном шведском, что голландский язык не понимает. Когда же переводчик попытался хлопками по спине разъяснить положения японского этикета, в его лопатки уперлись два русских штыка улыбающихся камчатских гренадеров. Чтобы не накалять обстановку, Крузенштерн занял место между окном и креслом, в котором величественно восседал

русский посланник. Здесь капитан был недосыгаем для японцев.

Пока же голландцы приветствовали японских сановников, старший из них обратился к Резанову со следующими словами:

— Господин посол! Вам странны обычаи наши, но всякая страна имеет свои, а голландцев мы издавна называем нашими друзьями, и вот доказательство их доброго к нам расположения. Согласны ли вы сему следовать?

— Нет! — резко возразил Резанов, намереваясь встать, но взгляд одного из переводчиков остановил его. — Я слишком почитаю японскую нацию, чтобы дружбу и работу с ней начинать с безделиц. А обычаи ваши несколько для меня не удивительны. Но они у нас другие, и притом они также непоколебимо сохраняются.

— Согласны ли вы отдать порох, ружья и шпаги, из коих одна вашей особе после предоставится? — задал следующий вопрос седовласый японский чиновник.

— Весьма охотно, — отвечал посол, зная правила нахождения иностранных судов в бухте Нагасаки, — кроме шпаг офицерских и ружей моему караулу.

— Мы не можем пойти на такую уступку, — замахал руками японский сановник. — Из уважения к нашим традициям вы обязаны выполнять все наши требования...

— Если они не лишены здравого смысла, — перебил японцев Резанов. — Посол является лицом, представляющим иностранного государя. Обезоружить его охрану — это все равно что посягнуть на жизнь государя, оставив его незащищенным, лишив самого государя оружия. Вряд ли император Японии допустил бы такое. Надеюсь, что уполномоченные передадут мои соображения губернатору, который, вероятно, сам найдет требования мои справедливыми.

— Губернатору будет передано ваше решение. Ожидайте ответ через три дня.

— Мы не можем в столь беспокойное время ждать ответ так долго. Сейчас сезон муссонов, а судно сильно потрепано

тайфуном, который настиг нас в пути. Ожидаю ответ от губернатора завтра.

Резанов хотел в завершение беседы добавить еще несколько слов на японском языке, но Дефф жестом остановил его, предупредив, что знатный японец может разговаривать с европейцем только через переводчика.

Пока обескураженные смелостью русского посланника японцы покидали каюту «Надежды», Дефф, потирая поясницу, рассказал, что ночью произошло сильное землетрясение, сорвавшее с якорей корабля и нанесшее большой урон голландской фактории на острове Десима.

Прощаясь с японскими чиновниками, Резанов просил их прислать свежую провизию. На следующий день рано утром губернатор прислал на корабль продукты. От денег японцы отказались, ссылаясь на приказ губернатора.

В полдень следующего дня церемониал прибытия баниосов на «Надежду» повторился. Первыми, как и в прошлый раз, на палубу русского корабля явились переводчики, потребовав, чтобы Резанов лично встретил высоких чиновников и склонился перед ними у трапа.

— Сделать этого не могу! — гордо ответил русский посланник. — Звание мое столь велико, что только губернатору решился бы оказать эту честь, и то только из почтения моего к японскому монарху, от которого сей чиновник управлением края удостоен.

Вернулись переводчики уже с баниосами. Жестами указав Резанову место на полу, где предусмотрительно были расстелены циновки, они попросили сесть Николая Петровича. Самим же баниосам циновки были расстелены на софе.

— Благодарствую за труд и любезность, оказанную вами! — улыбаясь, поблагодарил Резанов переводчиков. — Но мне в кресле моем лучше чувствуется.

Когда все расселись, первым заговорил седовласый представитель губернатора.

— Вам оказана великая честь: из особого уважения к российскому послу губернатор разрешает всем офицерам сохранить их шпаги, а караулу посланника — ружья.

— Передайте губернатору мою благодарность, — искренне обрадовался Резанов. — От вельможи, столь просвещенного, я иного и не ожидал!

Про себя же Николай Петрович отметил, что первая партия в налаживании отношений с японцами выиграна. Пребывая всего лишь сутки в Нагасаки, они, русские, уже сумели добиться больших привилегий, чем голландцы за все время существования своей фактории. Передав с почестями грамоту Александра I, адресованную Микадо, Резанов уверил баниосов, что японцы, доставленные на родину на борту русского корабля, будут переданы лично губернатору, который своей честью должен поклясться, что не причинит им вреда.

На палубе «Надежды» вновь появился Дефф, на этот раз он был при шпаге. Резанов язвительно шепнул Крузенштерну:

— На сей день, вероятно, шпага не дешево ему стала, ибо за все берут с них талеры.

Директор голландской фактории уважительно склонился перед русским, который с первого же своего визита отказался отдавать японцам шпагу. На протяжении трехсот лет голландцы не имели права в Японии находиться при оружии. Из голландцев, кроме директора фактории, на борт «Надежды» поднялись капитаны Мускетир и Бельмер и барон Папст — любознательный голландский путешественник. Дефф плакался посланнику, что разрешения на выход из Десимы он каждый раз должен просить как милость, которая только ему обходится ежедневно в шестнадцать талеров. Когда же он с голландским капитаном решил съездить за город на лодке, то этот день вылетел ему в копеечку: четыреста талеров пришлось уплатить за стражу, сопровождавшую их вельбот. При этом, естественно, деловые японцы представили ситуацию как оказание великой почести партнеру из Голландии. В общем, предприимчивые самураи обдирали европейцев совершенно бессовестно и безнаказанно. Резанова это насторожило.

После того как японские чиновники удалились, согласно договоренностям «Надежду» и весь морской офицерский

состав разоружили. Причем отобрали даже дорогие ружья, требовавшие особо тщательного ухода. Вряд ли стоит говорить о том, что полгода спустя оружие пришло в такую негодность, что его оставалось просто выбросить. После того как порох и ружья были погружены на джонки, японскими офицерами был составлен акт и подробный список отображенных предметов с переводом на голландский язык. Один экземпляр акта был вручен Крузенштерну. Капитан «Надежды» сумел настоять на том, чтобы не снимали пушки, заверив японцев, что без пороха орудия не причинят им вреда.

Вечером «Надежда» была отбуксирована к острову Папенберга. Русским сообщили, что их судно будет предоставлена лучшая стоянка, как только рейд Нагасаки покинут голландские корабли. Затем судно было окружено пятьюдесятью лодками с полутысячей вооруженных людей. Резанова уверили, что это не меры предосторожности, а одна из почестей, оказанная послу великой империи. Наслышанный о подобных «почестях» от голландцев, Резанов решил наладить дружеские отношения с солдатами. Стоит отдать должное Николаю Петровичу: своей простотой и знанием языка он сумел расположить к себе не только солдат, но и торговцев, поставлявших провиант на судно. Они-то тайком и рассказали о торговых нуждах Японии, желая скорейшего налаживания отношений и предвидя взаимный интерес от торговли с русскими.

Вечером того же дня на «Надежду» прибыли еще два баниоса. Они оказались гораздо разговорчивее и веселее приехавших ранее. В ответ на вопрос о размерах России на небольшом английском глобусе японцам показали Америку, Камчатку, земли, граничащие с Китаем, Персией, Турцией и европейскими государствами.

— А где же здесь Япония? — спросил один из баниосов.

Резанов показал небольшое пятнышко на глобусе. Радости японцев не было конца. Спросив, правильно ли на глобусе изображена Япония, баниосы и переводчики удивились ее ма-

леньким размерам, особенно в сравнении с Россией и Китаем, а затем, сконфуженно простившись, покинули судно. Оставшихся японцев Резанов пригласил поужинать с командой. Они вежливо отказали, попросив не стесняться их. И все же один из японцев не устоял и попросил Крузенштерна поужинать с офицерами. После ужина, вежливо попрощавшись, он ответил Резанову в сторону и сказал:

— Если вам что-нибудь понадобится, то обращайтесь прямо ко мне.

Однако, несмотря на то что с простыми японцами удалось наладить отношения достаточно быстро, официальная сторона приложила все усилия, чтобы сделать пребывание русских в японских водах несносным. Крузенштерн подчеркивал: «Мы не могли не только съезжать на берег, но и не имели даже позволения ездить на гребных судах своих около корабля «Надежда» в некоем расстоянии. Шесть недель переговоров смогли склонить японских чиновников выделить для россиян узенькую полоску каменистой земли на берегу». Российской дипломатической миссии удалось ступить на японскую землю только в конце декабря 1804 года в окрестностях поселка Мегасаки. Правда, японцы разрешили русским чинить корабль, предоставили медные листы для обшивки днища. Крузенштерн также отмечал хорошее качество пищи, которой снабжалась команда. Но дипломатическая задача миссии не решалась, так как японцы не хотели вступать с русскими в официальные контакты, ежедневно придумывая самые невероятные поводы. Резанов понял, что скорая встреча с японским императором ему не грозит, и избрал тактику осады, намереваясь своим упорством показать, сколь сильно Россия заинтересована в налаживании добрых отношений с государством-соседом.

Следуя избранной тактике, Резанов навязал свой стиль общения. Он вел себя, как представитель государства, знающий себе цену, при этом его замечания в адрес жизнеустройства японцев были преисполнены сарказма и всегда попадали в цель. Во время очередного визита, как бы между прочим, Николай Петрович заметил:

— Много же вы пустяков делаете и ребячитесь при виде иностранцев. Видел я ваши крепости из окон «Надежды». Зачем устраивать перед нами кукольный театр? Пушек-то в ваших крепостях нет ни одной!

Переводчики долго мучились, пытаясь смягчить услышанное, но верно передать содержание слов русского посланника. Тем не менее японские чиновники рассердились и гордо ответили:

— Наши пушки везде!

— Зачем же вы их завешиваете полотнами?

— Для того чтоб вы не приняли вооружение на свой счет.

— Уж ветер сколь непостоянен, но ваших слов справедливее.

В доказательство Резанов попросил японцев проследовать к окну. На глазах залившихся краской баниосов, изображавшие крепость колья с крышами, занавешенные тряпками, были разобраны, и наблюдателям открылась картина обыденного сельского быта. Обрадованный возвращением своего надела, крестьянин тут же принялся распахивать землю, готовя ее к зиме.

Наверное, в этот момент японские чиновники пожалели, что не сняли-таки пушки с «Надежды», ибо русские оказались не так просты, как могло показаться на первый взгляд. Не зная, какого подвоха еще ожидать, японцы в очередной раз поспешили удалиться. Резанов же продолжил давить на психику японцев, запретив команде и своей свите предоставлять баниосам какие-либо сведения о России как устно, так и письменно.

Пока тянулась переписка с Эдо — резиденцией японского императора в Нагасаки, находившиеся на борту русского корабля естествоиспытатели занялись своим делом. «Я поехал с Горнером в Кибачи, и там мы без помех вымерили базис мерной цепью и измерили большое число углов. Японцы сегодня не заметили, что мы сделали топографическую съемку окружающей местности. Они никогда этого и не узнают и уж совсем не ожидают того, что мы сделали топографическую съемку всей бухты. За короткое время нашего пребы-

вания здесь мы нарисовали и написали, измерили и наблюдали больше, чем голландцы за 300 лет», — записал в своем дневнике Левенштерн. Лангсдорф сделал несколько рисунков, один из которых перерисовал Тилезиус. Несмотря на запрет Резанова Тилезиус (считая, что слова посланника не относятся к ученым-иностранцам) показал баниосам рисунок с видом острова Папенберг. Неосторожность естествоиспытателя рассердила Резанова. Он пришел в кают-компанию и излил свой гнев на Тилезиуса, назвав его мошенником и грубияном. С одной стороны, Резанов продемонстрировал свою власть перед японцами, с другой — напомнил Тилезиусу, что «железный занавес», опущенный японцами, отныне двусторонний, с третьей — попрекнул ученого в том, что нехорошо заниматься плагиатом: Лангсдорф не давал разрешения на снятие копии с его художеств.

В середине октября Резанов начал жаловаться на здоровье. Внемля его просьбам, японцы выделили команде русского корабля и посольской миссии место для прогулок. «На левом берегу губы Кибач отведено было нам для прогулки морским тростником огороженное место. Длина онаго едва равнялась с длиною корабля нашего, следовательно, нимало не соответствовало оно своему назначению. Все украшение сего места состояло в одном дереве. Никакая травка не зеленела на голых камнях целого пространства», — отозвался об этом месте капитан «Надежды» Крузенштерн. Резанов не упустил случая съязвить по этому поводу в присутствии японцев.

Осень выдалась на редкость сырая, и через месяц Резанов слег, подкошенный простудой, полученной еще во время шторма — они вместе с Лангсдорфом задраивали трюмы внутренних помещений «Надежды», у которой волной повыбивало стекла кормовых кают. С каждым днем болезнь Резанова усиливалась. Видя это, японские чиновники от греха подальше пообещали переселить его в дом, к постройке которого, по словам баниосов, приступили немедленно.

— А когда будет выстроен этот дом? — недоверчиво поинтересовался Резанов.

— Через пять дней, — с вежливой улыбкой ответил переводчик. — Япония — маленький остров, и у нее маленькие обычаи. Россия — большая страна, и ей присущи большие обычаи. Поэтому с домом все так долго длится. Для японца дом был бы достаточно хорош, но для русского посла нужно было многое изменить. Милость губернатора выражается в почтении к русскому посольству. Теперь вы имеете все основания, чтобы жить на берегу.

— Милость губернатора распространяется так далеко, что я совсем и не знаю, что именно должен почитать за милость. Видимо, это в японских традициях — довести гостя до предсмертного состояния, чтобы наконец-то осчастливить его пребыванием на японской земле?

Тем не менее японские чиновники сдержали слово. Для постройки дома была избрана местность, называемая Мега-саки, напротив голландской фактории, где помещался рыбный базар. Будущую резиденцию русского посла окружили пятиметровым бамбуковым забором со всех сторон. Дом посланника и его свиты состоял из девяти комнат, отделявшихся друг от друга бумажными перегородками и ширмами. Сообщаться с кораблем люди Резанова могли по узкому коридору на воде, так же огороженному забором, как и его дом на земле. Японцы соорудили несколько ворот, которые запирались на замки.

К началу зимы, когда здоровье русского посланника ухудшилось настолько, что дальнейшее пребывание в сырости грозило осложнениями болезни, отделка посольского дома наконец-то была окончена, и 17 декабря Резанов с большой торжественностью переехал на берег. В этот день с раннего утра бухта Нагасаки приняла праздничный вид: залив заполнился множеством судов и лодок, украшенных флагами, на берегу были выстроены войска.

Около полудня показалось огромное, богато украшенное, японское судно — собственная двухпалубная джонка губернатора. По приказу Резанова был спущен баркас «Надежды» с паланкином в центре. Николай Петрович устроил собственную церемонию, приказав поставить у входа в паланкин двух

grenадер и поднять флаг чрезвычайного посла с двуглавым орлом посредине.

Расставленные Крузенштерном по реям и вантам матросы троекратным «ура!» приветствовали русскую посольскую миссию. С баркаса русским «ура!» ответили гребцы. Лодка отчалила от борта судна, унося Резанова к берегам долгожданной Японии.

На берегу посланника окружили вниманием и почетом, но в сущности это был почетный плен. Японцы старались замаскировать его вежливостью и ссылкой на древние традиции. Именно так — за высоким забором на крохотном клочке земли первое русское посольство в Японии прожило в Мегасаки четыре месяца. В течение этого времени Резанов мог видаться только с командой «Надежды» и изредка — с директором голландской фактории Деффом, которого подозрительные японцы ни на минуту не оставляли с посланником с глазу на глаз.

Голландцы, пораженные смелостью Резанова, поспешили завязать с ним дружбу. Директор фактории Дефф тайно послал через переводчика русскому послу голландские газеты за сентябрь и октябрь прошлого года. Из того, как осторожно и исправно были переданы эти газеты, стало очевидно, что переводчики охотно позволяют использовать себя для обмана и умеют это делать. Они и стали связующей ниточкой с внешним миром.

Стесненный обстоятельствами, больной Резанов не терял даром времени, стремясь с пользой употребить каждую минуту. Обладая большими лингвистическими способностями, он стал усердно продолжать свои занятия японским языком, начатые им еще во время путешествия с одним из находившихся на «Надежде» японцем, и настолько преуспел и этим, что составил даже краткое русско-японское руководство и словарь, в котором собрал более 5000 слов. Более того, Николай Петрович стал обучать японских переводчиков русскому языку. «Сейчас японцы изо всех сил учат русский. Некоторые приветствуют нас уже на нашем родном языке и задают много

вопросов, некоторые пишут уже русскими буквами. Эта понятливость в изучении языка является результатом недоверия и корыстолюбия. Они изучают русский язык, чтобы нас переводить и иметь возможность самим с нами разговаривать. Но в основном они изучают русский, чтобы получить выгодное место переводчика на русских кораблях, которые будут сюда приезжать торговать», — считал Левенштерн, отмечая при этом, что любопытство японцев и их жажда знаний не столько показывали высокую степень их культуры, сколько выявляли их корыстолюбие.

Резанов, как только японцы удалялись, снимал парик, камзол и, переодевшись в простую матросскую куртку, садился за стол и работал над записями до тех пор, пока организм не отказывался ему подчиняться. Прогуливаясь во дворике, погруженный в собственные мысли, Николай Петрович не утруждал себя переодеваниями в парадный мундир. Он знал, что за ним подглядывают через щели в заборе любопытные японцы и считал, что они оценят простоту и неприхотливость русского посланника.

Когда по просьбе Крузенштерна Резанов потребовал, ссылаясь на прежние обещания японцев, перевести «Надежду» в более безопасное место, чиновники ответили ему:

— Губернатор не в состоянии исполнить требования русского посла, не имея на то разрешения императора! Даже просьбы голландцев, с которыми Япония ведет торговлю триста лет, обязаны ожидать решения его величества по каждому вопросу, кающемуся европейцу незначительным.

Резанов, которого в определенной степени начала раздражать учтивость хозяев, не выдержал и прямо заявил:

— Требования русских невелики: мы желаем дружбы и свободы. Русские никогда не согласятся дать заковать себя в кандалы и управлять собой, как голландцы и китайцы.

Естественно, этот диалог немедленно стал достоянием агентов японского императора, который наконец смилиостивился и разрешил начать ремонт «Надежды». Насколько во-

время это было сделано, свидетельствует дата разрешения: 25 декабря. Видимо, для того чтобы не вспотеть русским матросикам под нежарким японским солнцем.

Разгрузив судно, Крузенштерн занялся его починкой. Повреждения оказались не столь значительны, как предполагал капитан. Тем не менее требовалась частичная замена медной обшивки. Присланные 500 листов меди из Нагасаки не годились, но и им нашли применение: этой медью были обиты днища баркаса и лодки.

В это время Резанов, человек деятельный и решительный, незадолго до Нового года решил сам втихаря наладить торговлю с простыми японцами. Вернувшись на «Надежду», он дождался случая, когда очередной поставщик провизии подплывет к судну. Несмотря на то, что каждый шаг торговцев контролировался солдатами, Николай Петрович сумел заманить торговца в каюту и подарил ему шкуру калана. Обрадованный японец поклонился и исчез в дверном проеме. Через несколько минут Резанов имел удовольствие наблюдать, как торговец оценивает шкуру. В том, что товар был первоклассный, Резанов не сомневался и ждал реакции. На следующий день целая флотилия из двенадцати джонок причалила к борту русского корабля. На этот раз начался настоящий торг. Резанов позвал Шемелина, коммерческие таланты которого сейчас оказались как никогда кстати. Приказчик спокойно, даже как бы нехотя, продал несколько шкур по семь талеров, сообщив, что пока шкур больше нет. Начался настоящий ажиотаж, и когда цена за шкуру калана превысила пятнадцать талеров, Шемелин смилостивился и продал еще три десятка шкурок. И это при том, что в китайском Кантоне лучшие шкуры стоили не более четырнадцати талеров. Камергер не знал, что голландцы скупали «мягкую рухлядь» по тридцать-сорок талеров за штуку. Вечером Шемелин отметил начало торговли грандиозной попойкой, за что от Резанова, ненавидящего алкоголиков, получил не менее грандиозную взбучку и угодил под домашний арест до полного протрезвления. Сам Николай Петрович, занявшись расчетами предполагаемой выгоды от торговли, лег, как обычно, в пять часов пополудни.

Пока Резанов подпольно проводил свои торговые эксперименты, экспериментами физического плана занялся Лангсдорф, первым нарушая тягостное настроение в российской миссии. Он решил познакомить японцев с достижением европейской науки — воздушным шаром. Шар диаметром около трех метров был изготовлен из тонкой, но очень прочной японской бумаги с нарисованным русским двуглавым орлом. Шар наполнили дымом от горящей соломы.

— Летит! — вбежал взволнованный матрос в каюту Крузенштерна.

— Кто летит? — спросонья удивился невыспавшийся после ночной вахты капитан.

— Шар летит!

Команда высыпала на палубу и наблюдала, как небольшой воздушный шар поднимается в воздух. У стартовой площадки возились двое: Резанов и Лангсдорф. Резанов переживал за последствия: как бы этот шар не стал поводом для преждевременного выдворения из страны. Лангсдорф не слышал его, а любовался своим творением.

— А все же молодец, Георг! — восторженно произнес Резанов, когда, сматывая нить, Лангсдорф опустил свое детище на землю. — Пусть знают, на что способны ученые России! Я рад за вас! Ваша настойчивость и терпение достойны высших похвал.

Удача воодушевила ученого, и на следующий день Лангсдорф снова запустил свой шар, но вернуть его на землю уже не смог. Он упал в воду — и был подобран японцами. Событие подняло дух всей команды корабля «Надежда». Многие офицеры стали мастерить свои шары — Ермолай Фридрици, братья-кадеты Отто и Мориц Коцебу, подштурман Василий Сполохов. Они даже попытались сами подняться в воздух в корзинах, привязанных к шарам.

Когда Лангсдорф запустил свой шар в третий раз, случился скандал. Вот как описал его Левенштерн в своем дневнике: «В 10 утра шар поднимался равномерно, но вдруг начал быстро спускаться в сторону, был отнесен ветром в город Нагасаки и там упал на жилой дом. И на крыше из шара повалил

дым. Люди же подумали, что шар и дом горят. Они подняли большой шум. Жаловались губернатору: «русские хотели поджечь город!» Однако губернаторский караул из Мегасаки сообщил иное — возгорания не было».

В дальнейшем переводчики рассказывали, что эксперимент с воздухоплаванием изменил общее отношение к русским в Нагасаки. Произошло потепление. Началась подготовка к переговорам. А Лангсдорф получил разрешение запускать воздушных змеев, свободно общался с японской охраной и постепенно составлял параллельно с Резановым лингвистический словарь. Лангсдорф увлеченно занимался новой для Европы наукой — ихтиологией. Ему удалось заручиться расположением японского повара, уговорить его привозить к обеду разнообразных рыб, обитавших в бухте Нагасаки. За полгода Лангсдорф собрал уникальную коллекцию из 400 видов, единственную в Европе. Неутомимый ученый был внимательным собеседником, много писал и делал зарисовки.

Однако радость была недолгой. 15 января 1805 года крик из дома — «Врача!» — прозвучал как удар колокола. Резанов с Лангсдорфом бросились к дому, но в дом пустили только камергера. Лангсдорф как ни пытался убедить, что лекарь — именно он, японская охрана оставалась безучастной. Через пятнадцать минут прибыл доктор Эспанберг. Но и ему было отказано в доступе. Доктора оставались в недоумении недолго — выглянувший из окна Резанов сообщил, что один из японцев, Тадзуро, доставленный ими на «Надежде», отрезав себе кухонным ножом язык, пытался было перерезать и шею, но помешала стража. Сипуку — ритуальное самоубийство — несчастному японскому рыбаку не удалось. Резанов своим платком закрыл рану, пережал сонную артерию и, по локоть в крови, ожидал японских эскулапов. К счастью, самоубийство оказалось неудачным и бедолага-японец выжил. Только спустя месяц несчастный, благодаря усилиям местного врача Косаи Йоши, вновь

обрел способность глотать пищу. Впоследствии он все не уставал повторять¹, обращаясь к соотечественникам: «Русские добры! Не причиняйте им и мне вреда!»

Пока велась починка корабля, научная работа не прекращалась ни на минуту. Горнер, Беллинсгаузен и Левенштерн работали над картой фарватера бухты Нагасаки. До сих пор европейцы, бывавшие в этих местах, так и не удосужились изготовить точных карт. Эта почетная миссия легла на плечи русских мореплавателей. С благодарностью впоследствии вспомнят этот труд англичане и американцы, французы и голландцы, испанцы и португальцы. Дневники путешественников источают ощущение счастья, которое они испытали, закончив свою нелегкую работу: «Многие господа поехали на берег, и доктор Горнер беспрепятственно измерил на берегу солнечные высоты. Совпадение наших измерений служит наградой за наши труды и приносит нам много радости. Мореплаватели, которые позже будут проделывать этот путь, будут благодарны нам за наши труды».

Но вскоре и эти занятия были прерваны надсмотрщиками. Дни потянулись однообразной чередой: «В 8 часов все на “Надежде” встают и являются к чаю и кофе. ...После чая до 11 часов каждый занят рисованием, писанием, чтением, переводом, обучением, исправлением и т.д. Только иногда тишина нарушается обменом мнениями и разговорами. Когда свистят “шабаш”, все идут на палубу. Эспанберг дает уроки фехтования, также учит прыгать и перепрыгивать через веревку. Это моцион для каждого. В час мы садимся за стол. В 3 часа все опять прилежны, и все работают до чая. После чая занятия не регулярны. Мы вынуждены слушать музыку и свист; пение, шум и игра в карты тормозят усердие. После ужина все исчезают один за другим и в половине 11 все уже спит — так идет день за днем», — записал в своем дневнике Левенштерн.

В конце января Резанову пообещали, что явится купец с японскими лаковыми комодами для осмотра перед предстоя-

¹ Речь через несколько месяцев вернулась к Тадзуро.

шей торговлей. Купец вовремя не прибыл, и раздосадованный вынужденным бездельем и напрасными надеждами Резанов, не выдержав, вспылil на глазах Горнера, производившего замеры:

— Да на черта нужны мне их комоды? Не затем я полмира, как утка плавая, обогнул! Мне нужны пшеница и медь, канифоль, овощи, стекло. Побрякушками нас не удивишь — сами можем поделиться!

В феврале Резанов слег окончательно. Японские врачи взялись лечить его с одним условием: если камергер подпишет бумагу, снимающую с них всякую ответственность. Только к концу месяца Николай Петрович пошел на поправку. По такому случаю его навестил Крузенштерн. Разговор зашел о подарках. Резанов рассказал не перестающему удивляться капитану о том, что японцы готовы на руках отнести большое императорское зеркало из Павловского дворца — подарок микадо от Александра I.

— Они даже хвастают, — в продолжение темы добавил Резанов, — что все подарки императору носятся на руках. Англичане слона подарили. Так и того завернули в красную парчу и несли на руках! Правда, несмотря на это англичан даже на берег не пустили.

— И это учитывая нация! Разве позволительно то, что японцы не сделали вам никакого подарка? Ведь эти же японцы подарили Лаксману несколько мечей!

— Бирюльки! Обычные мечи...

— Лаксман и был, по сравнению с вашим превосходительством, человек обыкновенный. Японцы должны были подарить вам красивый большой меч.

— Давайте лучше подумаем, как поддерживать связь с Японией, если мне придется здесь остаться. Отвезете донесение на имя императора, чтобы он распорядился впредь суда за провиантом для Америки сюда посылать. Если миссия удастся, мы накормим и населим Америку и Камчатку.

В комнату неспешно и, как всегда беззвучно, вошли переводчики: Сакисеймон, Саксабуро и Татикиро. Едва они успели переступить порог комнаты, как Резанов спросил:

— Ну, что? Большой господин прибыл? Дайме?

— Да! Да! — закивали головами японцы. — Теперь надо договориться насчет церемоний и этикета.

— Посол должен сесть и поклониться на японский манер большому господину, — предложил Сакисеймон.

— Нет, — сказал Резанов, — этого я не могу и не должен делать. Я слишком стар для этого. Мои колени меня не слушаются, даже если бы я этого и хотел.

Переводчик Татикиро встал и вкрадчиво произнес:

— Это не так трудно, это очень легко! — с этими словами он сел на пол, поджав ноги, показывая, как это должен сделать посол.

Резанов вступил в полемику, которая окончилась компромиссным решением: камергер может сесть на циновку как за-благо рассудится, только с условием, что он не протянет ноги прямо к дайме. Татикиро, человек очень язвительный, задал провокационный вопрос:

— Если посольство расстроится из-за того, что вы не хотите поклониться, то сможете ли вы об этом сказать вашему императору?

— Несомненно! — ответил Резанов.

Переводчики не поверили, и тогда Фридрици счел своим долгом уточнить:

— Если случится, что из-за такой важной мелочи посольство может постичь неудача, то, конечно, русский император не будет сердиться, что мы вернулись назад, не сделав дела.

Татикиро возненавидел Резанова. Гордый самурай нарвался на не менее гордого русского. Его начали раздражать эти прищельцы, и он ждал не дождался, когда они покинут берега его родины.

Резанов потребовал, чтобы на дороге от пристани до дома губернатора для каждого офицера были приготовлены носилки, так как при этой плохой погоде невозможно дойти пешком, не запачкавшись. Переводчики наотрез отказались выполнить это справедливое требование. Резанов спросил:

— Неужели у губернатора в городе имеются только одни единственные носилки? Император России приказывал про-

стых японцев возить в карете, а здесь вы отказываете русским офицерам в дрянных носилках? В таком большом городе, как Нагасаки, губернатор сыщет и пятьсот носилок! Неужто вы хотите, чтобы почетная стража русского посла своими грязными сапогами запачкала все залы императорского дворца?

— Не забывайте, — добавил Фридрици, — что мы — не японские баниосы, в передних ползающие, а российского императора офицеры!

На следующее утро под проливным дождем Резанов прибыл ко дворцу губернатора. Офицерам носилки не дали, но выделили зонтики.

— Сами виноваты! — заметил Фоссе. — Долго же им после нас паркеты драить придется!

У ворот губернаторского дома Резанов со своей свитой был встречен множеством переводчиков. В приемной посланнику и его свите предложили чай и трубки. Затем японцы просили посла перейти в комнату совещаний. Посольская свита осталась в приемной, а Резанов, в сопровождении Фридрици, несшего грамоту, последовал за баниосами. Перед церемониальным залом Резанова попросили снять шпагу, сообщив, что никто из вельмож на аудиенции не имеет права быть при оружии. Камергер, отдав шпагу переводчику, взял из рук сопровождавшего его поручика грамоту и вошел в зал один.

Японцы обманули Резанова. Комната была заполнена сидящими японскими чиновниками. У каждого из них на боку красовалась катана — японский меч. Шпага посла была здесь же, в руках лукавого переводчика. Резанов не выдержал наглости и, обращаясь к переводчикам, заявил:

— Не стыдно ли миссию великую с мелочного обмана начинать? Все при шпагах, и мою бы могли держать мои офицеры, раз ее наличие у рук моих вам не нравится!

По центру восседали губернаторы и посланник микадо — императорский комиссар. После обмена поклонами и обоюдных приветствий Резанов сел на приготовленное ему кресло, и японский комиссар начал говорить. По мере того как высокий японский сановник медленно произносил

отдельные слова, переводчики, почтительно сидевшие на полу с наклоненными головами, с заметным удивлением и беспокойством стали поглядывать на Резанова и, когда комиссар окончил, с видимым смущением стали переводить его слова.

— Повелитель японский крайне удивлен прибытием русского посольства, так как Лаксману уже было сказано, что никаких переписок с россиянами иметь нельзя, к тому же Лаксману указан был город Нагасаки лишь ввиду того, что в другие города Японии иностранцам вообще заходить запрещено. Посольства император принять не может и торговли не желает и просит, чтобы посол выехал из Японии.

— Удивляюсь сей дерзости! — не смог удержаться Резанов. — Может ли кто запретить писать моему государю, который через то еще более чести сделал кубосскому¹ величеству, нежели ожидать он мог; они оба императоры, но кто из них более, не нам решать здесь. Впрочем, нам торг их не нужен, и со стороны монарха моего это была относительно Японии милость, которая из единого человеколюбия к облегчению их недостатков последовала; но не думают ли они и россиян трактовать как португальцев?

Пока переводчики переводили, Резанов, нарушая запреты, уточнял и поправлял их по-японски, не давая исказить свои слова. Ответ последовал от одного из губернаторов Хидабунго-но-Ками-Сама:

— Скажите послу, что он сегодня обеспокоился и что лучше бы отсрочить нам заседание до другого дня.

— С превеликим удовольствием! — ответил Николай Петрович. Затем резко встал и, коротко кивнув, покинул аудиенцзал.

¹ Кубосское величество — искаж. обращение к правителю Японии (главе сегуната) из династии Токугава. В русских документах того времени подарки, полученные от сегуна, называются подарками «японского императора». Это объясняется недостатком сведений о Японии в то время. Поскольку фактически верховная власть находилась в руках сегуна, русское правительство считало его императором Японии, и в русских отчетах сегуна называли «Великого японского государства Его Генезин-кубосское величество».

Баниосы встретили русского посла за дверью чаем, табаком и конфетами, но Резанов отказался. Напоследок переводчики просили Резанова быть более сдержанным в выражениях, особенно на японском языке. На следующий день тон аудиенции изменился. Сановники говорили, что император не может принять посольства и даров потому, что по японским обычаям должен отвечать тем же, но это невозможно, так как торговля запрещена. Правда, японцев привезенных из России, император Японии готов принять с благодарностью.

— У нас общие правила для всех иностранцев. Если мы не пускаем суда за пределы нашего государства, то и чужие не должны посещать японских портов, — заключил императорский комиссар. — Официальный ответ императора ожидайте завтра.

Императорскую грамоту от Александра I японцы брать отказались, равно как и подарки русского царя своему японскому «брату».

16 апреля 1805 года, спустя полгода пребывания в Японии, Резанов получил грамоту с ответом японского правительства и ее перевод: «В древние времена корабли всех наций свободно приходили в Японию, и даже сами японцы посещали чужие страны. Но затем один из императоров завещал своим наследникам не выпускать японцев из империи и принимать одних лишь голландцев. С этого времени многие иностранные города и страны не раз старались завести дружеские отношения с Японией, но эти предложения всегда отвергались в силу издавна установленного запрета, да и весьма опасно заводить с неизвестной державой дружественные сношения, основанные на неравных правах. Тринадцать лет тому назад русский корабль под командой Лаксмана прибыл в Японию. Ныне является другой с посланником великого императора России. Первый был встречен недоверчиво, второй — дружелюбно. Японский властитель готов сделать все, что зависит от его воли, если это не противоречит законам империи. Могущественный государь отправляет к нему посланника и множество драгоценных подарков. Приняв их, властитель

японский должен был бы, по обычаям страны, отправить посольство к императору России с подарками, столь же ценными. Но существует формальное запрещение жителям и судам оставлять Японию. С другой стороны, Япония не так богата, чтобы ответить равноценными подарками. Таким образом, властитель японский не имеет возможности принять ни посланника, ни подарков. Япония не имеет больших потребностей, и поэтому иностранные произведения не могут быть ей полезны; излишняя же роскошь не должна быть поощряема...».

Читал это послание Резанов уже в каюте «Надежды», наблюдая в кормовое окно, как сжигают его ветхое пристанище на берегу — тростниковый домик, ставший первым русским посольством на японском берегу. В комнате с командором сидел переводчик Созаймон. Видя душевное состояние Резанова, с которым японец успел сдружиться, он произнес:

— Ризана-сан, укрепи свой дух. Здесь ты нашел друзей, познакомился с нашей культурой. Тело — это лишь инструмент духа. Все творения человечества — это творение прежде всего его мысли. Мысль сильна духом. А тело слабо. Помнишь, ты был болен и лежал в страшном состоянии, но продолжал писать. Даже больное тело, надломившийся инструмент, продолжало творить. Ты сможешь пройти свой путь до конца, укрепляя не тело, а дух. Тело же служит ровно столько, сколько нужно человеку для свершений, для того чтобы реализовать задуманное, чтобы воплотить в идею свою мысль. Я уверен, мы еще встретимся!

— Знаешь, Созаймон, я полюбил Японию всем сердцем. Но прежде всего мое сердце принадлежит тебе — человеку, открывшему мне вашу прекрасную страну! Я не причиню вреда вашему народу, но, думаю ты поймешь меня, с решением вашего императора я согласиться не могу! Я подготовил ответ вашему императору. Сегодня в последний раз ступлю на землю Японии.

Выйдя из каюты, Резанов встретил Шемелина, в глазах которого светился вопрос: «Что же дальше?» Ответ на беззвучный вопрос приказчика последовал незамедлительно:

— Я твердо уверен, что начнутся неприятности, ибо они ищут повод, чтобы начать ссору!

Таковым было отношение к недальновидному правительству Японии, но отнюдь не к самим японцам. В своих письмах к Баранову, директорам Российско-Американской компании и императору Александру I, камергер отзывался о национальных особенностях японцев с нескрываемым восторгом. Со слезами на глазах Николай Петрович прощался и с японскими рыбаками, ставшими благодаря ему первыми кругосветными путешественниками Страны восходящего солнца. 18 апреля 1805 года японские спутники и учителя камергера Цудаю, Гихэй, Сахэй, и Тадзуро оставили дом посланника, когда тот уехал из Нагасаки. На прощанье Рязанов произнес, обращаясь к ним:

— Наши желания и подарки, назначенные для японского императора, отвергнуты. Наш корабль «Надежда», поврежденный бурями, теперь готов опять для дальнего плавания. Делать нам здесь больше нечего. Поэтому простимся сегодня навсегда. Мы хотели бы на память сделать вам хороший подарок, но этого не позволят. Может быть, впрочем, неопасно, если что-нибудь маленькое. Чего вы хотите?

Шаг вперед сделал пожилой Цудаю. Взглянув в глаза камергеру, он улыбнулся:

— Мы не знаем, как вас отблагодарить и за те благодеяния, которые вы оказывали нам до сих пор. Каких еще подарков мы можем пожелать от вас?

Посланник переговорил с японскими чиновниками, и те позволили подарить на память рыбакам что-нибудь незначительное. Несмотря на протесты японских путешественников посланник подарил им кусок тонкого сукна, который впоследствии превратился во взятку для чиновника из Эдо, пообещавшего позаботиться о том, чтобы их выпустили из тюрьмы. Садясь на корабль, Николай Петрович обернулся и на прощание произнес:

— Ах! На этом свете мы уж не увидимся больше, разве что на том!

В интонации, с которой были сказаны эти слова, улавливались нотки отчаяния и какой-то безнадежности и горечи, а по щекам русского царедворца текли слезы. У директора гавани посланник просил выдать ему охранительную грамоту для японских берегов, но просьба была напрасна.

Не обошел Резанов вниманием и семерых японских переводчиков, помогавших ему. После настойчивых просьб и представлений ему было разрешено подарить каждому переводчику семь различных предметов — зеркало, кусок сукна, стеклянный фонарь, кусок газета, пару подсвечников, пару мраморных столов и мраморный умывальник.

Незадолго до отплытия «Надежды» Резанов направил ответ японскому императору, более подходящий на ультиматум. Не знаю, почему исследователи не обращают внимания на этот документ, но именно он оправдывает и объясняет все последующие события и действия Резанова, а также его подчиненных. Это письмо стало актом объявления войны Японии в случае нарушения целостности государственных границ Российской империи, означенной в письме. Вот его текст:

«Я, нижеподписавшийся всепресветлейшего государя императора Александра I-го действительный камергер и кавалер Николай Резанов объявляю японскому правительству:

1. Что в бытность мою в Нагасаки просил я именем всепресветлейшего государя о торге, на который посланному в 1792 году Лаксману японское правительство дало позволение и потом происками министра переменило слово свое и отказало.

2. Таковой поступок принудил меня показать японскому правительству, что российскому императору немного надобно способов привести сию империю в те правила, которых требует уважение к соседственной дружбе столь высокого лица, каково Всероссийского императора всемилостивейшего государя моего.

3. Известно мне, что неприятность между двумя империями произошла против воли Тензин-кубосского величества, а едиными хитростями сказанного министра, то, чтоб

остановить несчастные последствия, требую я, чтоб чиновник сей как нарушитель спокойствия народного был лишен места, примерно наказан, и чтоб японский двор посредством голландской фактории доставил в С.-Петербург немедленно ко всемилостивейшему государю моему извинение, в то же время назначило на Матмае порт, в который можно приходить для торга обоим подданным не возбранно, два места для учреждения российской фактории, обещая японской империи, что утвердя торг, к удовольствию обеих держав подданных, христианская религия не будет никакими наружными знаками отправляема и все указания японской империи строго будут соблюдаемы, что доказал я шестимесячным моим в Японии пребыванием.

4. Чтобы японская империя далее северной оконечности острова Матмая отнюдь владений своих не простирала, поелику все земли и воды к северу принадлежат моему государю.

5. Японское правительство должно принять умеренность мою единым уважением моим к высокому лицу Тензинкубосского величества.

6. В противном случае буде никакого отзыва в С.-Петербург доставлено не будет и бездельник... не будет наказан, то не может японское правительство ничего иного ожидать, как что вторичное неуважение заставит меня принять те меры, которые в народе будут гибельны и невозвратные произведут потери».

С этого документа началась первая Русско-японская война 1805—1807 годов. Ее нет в учебниках истории России. Но именно под таким названием действия, предпринятые Резановым по защите тихоокеанских границ нашего государства, фигурируют в японских учебниках истории.

А действия не заставили себя ждать. Несмотря на протесты и запрет огибать острова японского архипелага с западной стороны, Крузенштерн при полной солидарности с Резановым направил «Надежду» в Корейский пролив. Произведя в течение трех месяцев замеры глубин, привязки и картографические измерения, Крузенштерн стал первым из европейцев, кто

составил подробнейшую и очень точную карту Японии и обогнул архипелаг полностью.

Основной целью посольства Резанова было завязать торговлю между японцами и русскими. Однако этот шаг был скорее актом признания со стороны Японии факта торговли между русскими и японскими промышленниками посредством обитателей Курильских островов — айнов. Русским же необходимо было выйти на прямую торговлю и расширить ее объем для обеспечения нужд населения русского тихоокеанского Севера.

В срыве переговоров несомненно поучаствовал Дефф. Он, в отличие от японцев, знал размеры России, Японии и Голландии и прекрасно сознавал, что крошечная Голландия находится на другом конце Земли, а огромная Россия с ее неисчерпаемыми ресурсами — вот она, под боком! Естественно, в случае подписания договора с Россией, Голландия в Японии потеряет все. Товарооборот с русскими вырастет мгновенно до такой степени, что дорогие голландские товары станут японцам не нужны, в то время как русские дешевые товары, имеющие более короткое транспортное плечо, заменят их на рынках Страны восходящего солнца. Интриги японцев и голландцев зашли так далеко, что даже грамоту, дарованную Лаксману, самураи отказались отдавать.

Но простые японцы всей душой полюбили русских моряков. «Последние дни, — вспоминал Резанов, — приходили в караульни, через преданных нам офицеров, разного рода люди со мною прощаться; с искренностью уверяли, что никогда россиян не забудут, и приносили связки белых вееров, чтобы подписал я им имя свое и день прихода нашего, что будут они сохранять как драгоценность. Я писал им по-голландски и по-японски разные девизы, и они были весьма довольны; офицеры также на других веерах подписывали имя свое».

Стоя перед домом русского посланника, японские матросы наблюдали за тем, как «Надежда» выходит из гавани Нагасаки. Но едва за мысом скрылась кормовая галерея судна, как рыбаки, доставленные Резановым на родину, тут же были

посажены в тюрьму. Так как христианская религия была запрещена под страхом смертной казни, тюремный стражник, для проверки приверженности идеям новой религии, тотчас же велел топтать ногами распятие, зная, что для истинного христианина этот акт является смертельным грехом. Через полгода несчастных отправили в Эдо и там опять посадили в тюрьму. После многих проверок и взятки русским сукном их все же отпустили. Можно представить радость людей, пятнадцать лет не видевших родины и уже потерявших надежду ее увидеть, которые наконец-то попали в горячие объятия своих милых жен и детей.

Уже в заливе Лаперуза от японских моряков русские путешественники узнали две новости. Первая порадовала, добавляя уверенности в том, что ответ японских чиновников неокончательный и все может измениться. По сведениям рыбаков, на следующий день после отплытия «Надежды» в Нагасаки произошли уличные волнения, принявшие такой масштаб, что пришлось стягивать войска со всего острова для их подавления. Это давало надежду, что следующий визит русского посольства в Японию увенчается успехом. Вторая новость была менее веселой. Русские моряки узнали, что в заливе Анива на Сахалине и на островах Южной Курильской гряды хозяйничают японцы. Наверное, именно в этот момент Резанов и принял решение о проведении операции по выдворению названных гостей с земель Российской империи. Пункт шесть из письма японскому императору развязывал руки России и автоматически превращался в акт объявления Россией войны против японских захватчиков.

Чуть позже, исследуя северную оконечность острова Сахалин по распоряжению Резанова, Крузенштерн объявляет остров полуостровом. Разгорается новый конфликт между камергером и капитаном «Надежды». Резанов верит картам Сарычева и доказывает, что Сахалин — остров. Крузенштерн, стремящийся поскорее добраться хоть куда-нибудь, утверждает, что Сахалин — полуостров и что нечего тратить время и силы на поиски пролива между Сахалином и материком. К этим обвинениям добавляются и другие. По мнению Сгиб-

нева, Крузенштерн распространял между своими офицерами слух, что неудача переговоров с японским правительством произошла из-за того, что Резанов, прежде всего, заботился о выгодах Российско-Американской компании, а не о интересах правительства.

Выводы историка, видимо, правильные, а слова Крузенштерна в оценке провала русской миссии в Японии просто поражают своей близорукостью: «Впрочем, не могу я думать, чтобы запрещение сие причинило великую потерю российской торговле». И это пишет человек, записки которого о торговле со странами Тихоокеанского региона легли в основу экспедиции! Когда Резанов услышал подобное, он вручил Крузенштерну инструкцию графа Румянцева, столь много усилий приложившего для осуществления этого плаванья. Первое, что бросилось в глаза капитану, были строчки: «Важнейший предмет обязанности Вашей — в открытии торгова с Японией. Разведывая и прилагая к тому все пристойные с обычаями их средства, представьте им, сколь для обоих Государств выгодно производить торг непосредственно; что от нас будут они получать из первых рук пушные товары, мамонтовую и моржовую кость, рыбу, кожи, сукна и проч., каковых товаров ни от которого народа столь выгодно не получают, а мы взамен получать от них можем: пшено, штыковую медь, шелк и проч.».

Оппонентом капитана Крузенштерна выступил и Георг Лангсдорф. В «Заметках о путешествии русских вокруг света», опубликованных в Германии, он указывал на ошибку в интерпретации итогов визита в Японию Адама Лаксмана. По мнению Лангсдорфа, никаких условий наибольшего благоприятствования для России Лаксман добиться не смог. Экспедицию Лаксмана направляло в Японию не российское правительство, а иркутский генерал-губернатор Иван Пиль. Следовательно, государственного значения той экспедиции не придавалось, в отличие от экспедиции 1803 года. Крузенштерн считал, что Япония не была готова к диалогу с Западом. А Резанов и Лангсдорф видели такие возможности, доказывали их перспективность.

Но Япония осталась позади. Теперь предстояло выяснить, насколько далеко на север зашли японцы и что творится на Сахалине и Курильских островах.

Глава 12 ВСТРЕЧА

Смешно с всемирной тупостью бороться,
Свобода потеряла первородство.
Ее нет ни здесь, ни там.

Куда же плыть?... Не знаю, капитан...

А. Вознесенский

А летом 1804 года Хвостов и Давыдов вновь были в Иркутск. В доме губернатора Сибири Пестеля произошла встреча с отцом Володи Штейнгеля — бароном Иоганном Готфридом фон Штейнгелем. Однако Володин отец меньше всего походил на барона. Битва с казнокрадами за Русский Север совершенно истощила силы немца, бросившегося когда-то в Россию искать свое счастье и нести людям свет справедливости. Счастье старый Штейнгель, которого Пестель называл по-русски просто Иван, так и не нашел. Зато практически утратил веру в людей, и если бы в свое время всемогущий губернатор Сибири не вступился за почтенного, но гордого и честного старика, письма из далекого Охотска писать мичману Владимиру Штейнгелю было бы некому. Гаврила и Николай застали барона больным и обессиленным. Он сидел на кровати и что-то писал. Мичман Давыдов приблизился к старику, который, не отрываясь от записей, указал юноше на стоявшее рядом с кроватью кресло.

— Разрешите представиться. Гаврила Давыдов, друг и одноклассник вашего сына, Володи!

— О, молодой человек! Как я рад вас видеть! — веселым голосом произнес Штейнгель, отрываясь от бумаг — Как там мой Володенька?

— Состоит в морской команде Охотского порта. Служит капитаном на судах Русско-Американской компании! На хорошем счету...

— А что за человек у вас за спиной, Гаврило?

— Лейтенант Хвостов! — отрекомендовал Николай мичман. — Совместно направляемся в Охотск. Будем видеть Володю!

— Прекрасно, дорогие мои! У меня тут есть заметки, — старый барон потряс пачкой бумаг, лежавших на бюро рядом с кроватью.

— Завещание?

— Называйте его так. Денег и имений сыну оставить не могу — не наворовал, а император не обеспечил, зато вот мысли для завещания имеются.

Старик Штейнгель аккуратно сбил в пачку исписанные листочки и с немецким педантизмом уложил в папку, перевязав ее синей лентой. В папку попал даже недописанный лист, над которым бывший управитель Камчатки работал еще несколько секунд назад. Протянув папку с бумагами Давыдову, Штейнгель обессиленно рухнул на подушки.

В комнату вошел четырнадцатилетний сын сибирского губернатора Паша Пестель. Он поднес Штейнгелю таз с холодной водой и сделав компресс, попросил юношей покинуть комнату. Ни Николай Хвостов, ни Гаврила Давыдов не знали, что переданные умирающим стариком бумаги лягут в основу «Манифеста русскому народу»; что парнишка, ухаживающий за стариком, — Павел Иванович Пестель, равно как и сын старика, Владимир Иванович Штейнгель, в 1825 году выведут половину Петербургского гарнизона на Сенатскую площадь и войдут в историю как декабристы. Молодые люди даже представить не могли, что на этого белокурого мальчишку Пашу Пестеля повесят всю тяжесть совершенных им и его товарищами поступков, а затем повесят и его самого по указу императора. И уж точно то, о чем не могли догадаться морские офицеры, так это о том, что за спиной декабристов будет стоять несколько раз спасенная ими, Хвостовым и Давыдовым, окрепшая и всемогущая Русско-Американская ком-

пания. А старик Штейнгель в тот же день простился с этим прекрасным миром, который был к нему не очень уж ласков и, покинув грешную и многострадальную землю, отошел в мир иной.

Юноши вышли из гостеприимного дома Пестеля, нагруженные бумагами и посылками. Зря ли Иван Борисович Пестель был начальником почты и наладил почтовую службу России? Морским офицерам пришлось почувствовать себя в роли курьеров, но это новое и неизвестное дело Хвостов с Давыдовым взялись выполнить, не ропща и не требуя платы.

Давайте задержимся на секунду у порога дома Пестелей и попробуем представить себе картину, в которой Хвостов и Давыдов, уже капитан-лейтенанты, а то и капитаны 1-го или 2-го рангов, с абсолютным авторитетом среди моряков вовремя приводят Морской корпус на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года. Горячий Хвостов, ни секунды не колеблясь, посылает роковую пулю в грудь так и не ставшему императором Великому князю Николаю Александровичу. Давыдов, не дожидаясь приезда малодушного Трубецкого, берет на себя руководство восстанием. Ход русской истории меняет свое направление, но... История, как известно, не любит сослагательных наклонений. Единственное в чем я как автор произведения ничуть не сомневаюсь, так это в том, что «старожилы» Российско-Американской компании обязательно находились бы в рядах декабристов, а то и возглавили бы восстание.

Но вернемся к бесконечным дорогам матушки Сибири. К сожалению, Давыдов не оставил воспоминаний об очередном путешествии через всю Россию. Не будем придумывать того, что скрыто от нас пеленой веков. Уверен, оно было наполнено событиями и приключениями не меньше первого. Давай лучше, дорогой читатель, погрузимся в предновогоднюю атмосферу зимнего Охотска, где и застанем наших героев, в очередной раз пересекших всю Россию с запада на восток.

В комнатке конторской казармы тихо похрапывал Хвостов. Коля за день изрядно устал, провозившись с семьей лайками, которых он полюбил всей душой. Уход за собаками был тем

занятием, которое не позволяло Николаю спать в унылом, Богом забытом, уголке земного шара — в порту Охотска. Точнее, он пробовал, но собаки пьяного Хвостова к себе не подпустили. Когда же он решил проучить их силой, вожак бросился на грудь и повалил лейтенанта. Доказывать свою правоту оскаленной собаке лежа на спине Николай не стал, а отправился проспать. С того дня Хвостов начал присматриваться к Сулою (так он назвал вожака), и вскоре собака и человек подружились.

Гаврила Давыдов занимался своими записями годовой давности, посвященными первому путешествию через всю Россию к Алеутским островам, когда дверь отворилась и в комнату ввалился человек в медвежьей парке.

— Вам поручено прибыть к начальнику Охотского порта капитан-лейтенант Башуцкому! — в проеме в клубах пара стоял Володя Штейнгель. — Гаврила, буди Николая — и живо за мной.

— Что за спешка у Василия Яковлевича? — не отрываясь от бумаг, спросил Гаврила. — Володь, сядь — выпей хвойной настойки. От цинги помогает. Прошлой зимой на Кадьяке только ею и спасались.

— «Надежда» уже в Японии! — выпалил новость Штейнгель.

— А мы тут при чем?

— А вот об этом вам Башуцкий пусть рассказывает.

— Бумаги отца перечитал? Что в них?

— Политика... Потом расскажу. Начальник порта заждался. Дело неотложное.

Когда Штейнгель произнес последние слова, Хвостов уже одевался. Так уж сложилось, что Николай недолюбливал немцев. Он считал, что все беды России от них. Может быть, именно поэтому с Володи Штейнгелем он так и не смог подружиться и крепко ревновал, когда Гаврила предпочитал компанию своего однокашника его особе.

Когда через полчаса вся троица, оглушенная дружным воем пяти сотен собак, вошла в дом к начальнику порта, на столе уже закипал самовар.

— Из самого Китая! — похвастался Башуцкий гостям, указывая на кисет с чаем. — Присаживайтесь, господа, разговор будет серьезный.

Разлив каждому темной дымящейся жидкости в английский чайный сервиз, начальник порта выложил на стол два письма.

— Что это? — полюбопытствовал Давыдов.

— Бумаги из Петербурга, мичман. Впрочем, не буду вас томить загадками. Первое — это письмо, привезенное вами же от графа Румянцева. В нем он просит посодействовать с вашей помощью русской миссии в Японии. Каким образом — расскажу позже. Второе — письмо от Чичагова. В нем изложено требование к весне подготовить новостроящийся куттер с опытным командиром, снабдив всем необходимым для отправки в Японию. Более опытного капитана, чем вы, господин Хвостов, в этих водах пока что не наблюдалось.

— Готов принять судно и выйти, как только погода позволит! — радостно выпалил Николай.

— Не торопитесь, лейтенант! — остановил моряка Башуцкий. — От господина Чичагова пришла еще одна бумага. Вам, Хвостов, министр просит не поручать командование судами, припоминая какую-то вашу горячность и крамолу.

— А-а, это, наверное, Баннер постарался! — весело ответил лейтенант. — Это вас-то, любезнейший Василий Яковлевич, можно крамолкой удивить? Да, здесь одни только крамольники, ссыльные, каторжане, вольнодумцы. Все здесь собраны. Только с одной разницей — я, в отличие от государевых преступников, законы не нарушал. А крамола, как изволил высказаться господин Чичагов, есть не что иное, как поправки в организации морских служб, которые я предоставил в Морское ведомство.

— Это лучшая рекомендация, Николай! — мягким, почти домашним тоном произнес начальник порта, наливая очередную порцию чая в чашку Хвостову. — Считайте, что я подписал ваше назначение капитаном куттера.

Эта неожиданная новость подняла настроение Хвостову. Он оживился.

— В помощники себе возьмете толкового офицера, лоцию проложите сами. Пройдете вдоль острова Сахалин проливом между Урупом и Итурупом и доберетесь до города Нагасаки вдоль восточного побережья Японии. Помочь могу картой Сахалина, составленной Сарычевым. Снимите с нее копию и вернете мне. Есть еще карта Шпанберга по островам Курильским, а далее как Бог на душу положит. Плывите вдоль Японии и ищите этот Нагасаки. По сведениям голландцев, город положен на юге. Там поступите в распоряжение его превосходительства камергера Резанова.

— Я не ослышался? — удивился Хвостов. Новость о Резанове радовала его не меньше новости о предстоящем плаванье. — Николай Петрович в Японии?

— Полномочный посол Его Императорского Величества. Поступаете под начало камергера. — Башуцкий подвинул ближе к свече лежащую на столе бумагу. Хвостов впился глазами в знакомый почерк. Письмо, адресованное Башуцкому, раскрывало дальнейшие планы камергера: «Петропавловская гавань. 16 августа 1804 г. Милостивой государь мой Василий Яковлевич! Свершив путешествие кругом света, прибыл я благополучно в Камчатку июля 4-го числа и теперь отправляюсь в Японию. Недостаток для будущего года провизии останавливает подвиг наш. Я предписал Охотской конторе заготовить разных потребностей до 1350-ти пуд и выслать сюда с первой навигацией, и как надеемся мы прибыть сюда из Японии в июне будущего года и отсюда выйти или на Кадык, где забрав рухлядь идти для меня в Кантон, а оттуда возвратиться в Санкт-Петербург, или буде в Японии посольство мое увенчается желаемым успехом, то идти еще в Японию и открыть торговлю, на каковой конец предписал я выслать товаров. Но как легко быть может, что компания судов не имеет, то призываю к вашей помощи, чтобы снабдить тогда транспортным судном, как к исполнению дела государственного. Ежели же компания имеет суда, то покорнейше прошу вас, милостивого государя моего, снабдить искусным офицером и штурманом, а притом не оставить пособием вашим, чтоб судно при первой навигации вышло

сюда непременно, и чтоб мы не принуждены были голодать здесь, а особливо бесполезно потерять время. Хотя и дал я Охотской компанейской конторе достаточное предписание, но вас, милостивого государя моего, как начальника области покорнейше прошу содействовать к исполнению высочайше возложенных на меня поручений. Пребываю к истинным почтением вам. Милостивому государю моему покорнейший слуга Николай Резанов». Ниже рукой Башуцкого была сделана приписка: «Получено 21-го января 1805-го года».

— План таков, — продолжил начальник охотского порта. — Мы нагрузим компанейскими товарами судно для торга с Японией. В независимости от того, потерпит ли посольство неудачу или нет, весной доставите мягкую рухлядь в Кантон и там осуществите торг. Если Резанов останется в Японии, по дороге в Китай заберете его из Нагасаки. Николай Петрович и приказчик Компании Шемелин возьмут на себя хозяйскую часть. Кого берете в помощники?

Хвостов ответил не раздумывая:

— Мичмана Давыдова! Не Штейнгеля же вашего брать! Слышал о подвигах его на Олонецких мелях. Тот еще лоцман!

— Вы забываетесь, лейтенант! — резко ответил Владимир.

— Давай еще подуэлируем! Полноте, барон! С Давыдовым мы трижды Сибирь пересекли, в Америке побывали! Я себе так не верю, как мичману! А что помянул вашу весеннюю посадку на мель — так с кем не бывает! Мы, вон, тоже «Елизавету» нашу по незнанию три дня с мелей в порту Охотском сволакивали! Не злитесь и не ревнуйте, но пойду только с Гаврилой!

— Похвальна ваша преданность другу. Что ж, так тому и быть, — заключил Башуцкий. — Ожидаете весны.

Однако без дела морским офицерам долго сидеть не пришлось. Еще зимой на стапелях были заложены новые суда. Спущенная 26 июня 1804 года на воду бригантина «Святой Феодосий» стала первым в Охотске судном корабельного типа, вооруженным как бриг. До этого все суда имели по две

мачты. Но у бригов было прямое парусное вооружение и гафель на гроте, а у галиотов — косое вооружение. Строить суда по новому образцу предложил подмастерье Попов — русский самородок, пьющий до чертиков, изобретатель, помогавший главному корабелю Охотска — корабельному мастеру 12-го класса Вашуткину. Вникая в имеющиеся чертежи, они пришли к выводу, что устаревшие галиоты с их малой скоростью и грузоподъемностью следует заменить более новыми конструкциями по чертежам, доставленным из столицы, что и было осуществлено.

Судоверфь была любимым местом Хвостова. Его завораживал процесс постройки судов. На его глазах еще вчера стоявшие неподалеку вековые деревья превращались в корабль — верх совершенства людской мысли. А у кораблей возился ловкий парнишка. Подойдя к нему, Хвостов увидел несколько грязных эскизов, прижатых по углам камнями.

— Что это? — рассматривая бумаги, спросил Хвостов

— Машина для очистки воды, — ответил парень. — Я слышал про такую и вот придумал.

— Расскажи-ка о ней...

— Не стоит тратить время на рассказы этого каторжанина, — послышался голос за спиной.

Обернувшись, Хвостов увидел Башуцкого. Начальник порта тоже был здесь не редким гостем. Дело в том, что до него порт только назывался портом, и суда строились нерегулярно, а лишь по нуждам — то государственным, то частным. Как не раз бывало в истории России, в самый критический момент к власти, пусть ненадолго, приходили небезразличные люди. Башуцкий по прибытии в Охотск как-то попытался изменить ситуацию, но перелома сумел добиться только тогда, когда к делу охотского судостроения подключился Кошелев. Человек честный и деятельный, новый губернатор Камчатки обнаружил массу нарушений в процессе постройки судов Охотской транспортной флотилии и их эксплуатации при перевозке грузов на Камчатку. Кошелев рапортом донес императору Александру I, что командир порта не имеет возможности заботиться о снабжении продоволь-

ствием жителей и войск Камчатки. На судах Охотской флотилии отправляются грузы РАК, продающиеся на Камчатке по явно завышенным ценам. Суда РАК строятся казенными людьми на Охотской верфи за один год, а суда флотилии — в течение трех лет. Поэтому положенного числа военных транспортов для доставки своих грузов постоянно не хватает. Кошелев также сообщил, что обращался со своими претензиями в Охотскую контору РАК, но получил ответ, что «за сношением ея с главным командиром Охотского порта, не считает она обязанною входить с ним в условия». В заключение генерал-майор предложил во избежание подобного рода беспорядков подчинить Охотский край камчатскому коменданту. Именным указом императора это и было сделано в августе 1803 года. С тех пор непосредственным начальником честного Башуцкого стал не менее честный Кошелев. Надо ли говорить о том, что за прошедших два года ситуация поменялась коренным образом. Кошелев с Башуцким накормили Камчатку и дали мощнейший импульс порту. Для укрепления флота приступили к постройке 9 судов (4 бригантины по 60 футов длиной и 5 галиотов — по 50 футов). Для укомплектования их командами Башуцкий потребовал выслать в Охотск еще 78 моряков, в том числе 9 штурманов. Были приняты меры по размещению людей. Часть казенных зданий с портовой кошки, которую все время беспокоили то наводнения, то штормы, приводившие иногда к жертвам и разрушениям, перенесли в село Булгин.

Хвостов не узнавал то место, где он с Полевым высматривал строящуюся «Екатерину». Теперь здесь кипела работа, привлекая все новые умы и руки.

— А чем вам этот малец не нравится? — поинтересовался Хвостов у Башуцкого

— Много ли вы видели, лейтенант, каторжан, высланных из Сибири в Сибирь?

— Пожалуй, не видел вообще.

— Полюбуйтесь тогда: подмастерье Попов! Когда не пьян — просто золотой человек, но как унохает водку... Верфь на неделю останавливается. Так еще в подвал прихо-

дится сажать — народ мутит. Предлагает республику на манер французской организовать. Многие его поддерживают. Опасный человек. Держитесь от него подальше!

— Значит, выпить, говорите, любит... — как бы про себя произнес Хвостов.

Башуцкий указал Хвостову на судно, качающееся на волнах реки Охоты.

— А вот и ваш куттер. Как назовете его, капитан? — спросил Башуцкий у Хвостова.

Сзади послышались шаги.

— А можно «Америка»? — произнес кто-то.

Капитан Башуцкий и лейтенант Хвостов обернулись. Перед ними стоял улыбающийся Гаврила.

— Нельзя, — спокойно ответил Башуцкий. — Политическое название. Есть Северо-Американские Штаты. Есть Русская Америка, есть Французская. Какую предпочтете в наименовании? И что за привязанности?

— Это прошлогодний вояж тому виной. Гаврила влюблен в Кадьяк и его обитателей.

— А вот «Кадьяк» — хорошее название! Наш остров, русский, — согласился Башуцкий.

На том и порешили. А вечером в избу, где поселились морские офицеры, ввалились в стельку пьяные Попов и Хвостов.

— Можно местоположение города сего назвать одним из несчастнейших на свете! — с порога заявил Хвостов.

— Да! — согласился Давыдов. — Припаршивейшее место — поселение располагается на открытой, пропитанной водой отмели в речном устье. Ежегодно разрушаются подмываемые водой строения, и жители тонут в речных и морских волнах. Но Башуцкий — молодец: много делает для порта. Только приказчики Компании на «нет» все его старания сводят. За деньгой, Николай, мы с тобой погнались. Хотели благородством своим на морях славу стяжать, а вышло...

— Не за «деньгой», Гаврила, мы пошли! — резко перебил его друг. — За морем! Совесть велела хоть на купецких судах государству служить, а не по салонам столичным пудру с девичьих носиков сдывать!

— Смотрю я на тебя, Гаврила, и думаю: кем стать тебе суждено? И кем мне?

— ... и мне! — вмешался пьяный Попов.

— Сдается мне, — глядя на Хвостова, произнес мичман, — быть тебе, батюшка Николай Александрович, адмиралом флота российского. Баталиями славу сыскать и примером потомкам служить.

— Да и ты, Гаврила, прославишься! С твоей страстью к открытиям, глядишь, и знаменитым исследователем станешь. Может, тебя «русским Куком» назовут! А, как тебе титул? Ты будешь плавать там, где не плавал никто, и, может быть, откроешь остров или даже континент! Во славу царя и отечества!

— Во славу царя? — скривился Попов. — Что сделал наш царь для Родины? Все на западный манер повторяет. А что простому мужику достается?

Споры о политическом устройстве России, последовавшие после этого, закончились нескоро. Трое суток заядлые оппоненты не просыхали. А к полудню четвертых суток Гаврила Давыдов, которому политически подкованные спорщики не дали выпастся, вышвырнул за двери проспавшегося подмастерья. Растолкав Хвостова, мичман ошарашил друга новостью:

— Николай, начальник порта арестован!

— Какой начальник? — не понимая, о ком речь, просипел Хвостов.

— Башуцкий! — уточнил Давыдов.

Хвостов сел на край кровати и протер глаза. Придя в себя, он попросил рассказать, что случилось, и Давыдов поведал ему историю о том, что, пока Коля валялся пьяным, в Охотске фактически сменилась власть. В город прибыл некто Бухарин, покрывший впоследствии себя неувядающей «славой». Охотск помнил, как пять лет назад тогда еще капитан-лейтенант Бухарин привел сюда 88 солдат для камчатского гарнизона. Ходили слухи, что вышло их сто, но не все дошли. Также поговаривали, что выделенные для перевозки солдат десять тысяч рублей осели в карманах Бухарина. Косвенно это подтверждалось тем, что солдаты прибыли пешком, а не

на лошадях. За этот поход Бухарин как радетель о пользах государства получил очередной чин и был обласкан Военно-морским министерством.

И вот летом 1805 года уже в чине капитана 2-го ранга Бухарин вновь появился в Охотске с командой разного звания морских служителей из 173 человек. Самое трагичное в последовавших за этим событиях было то, что он привел тех самых солдат, о которых так просил Башуцкий, позже им арестованный. А произошло это так: через четыре дня Башуцкий сдал Бухарину порт и начал готовиться к отъезду в столицу, как вдруг неожиданно был задержан, якобы за то, что намеревался покинуть Охотск без специального разрешения. Башуцкий угодил в трюмы полузатопленного корабля с издевательски прекрасным названием «Доброе намерение», ставшего для него тюрьмой. Новый начальник порта по приезде тут же завел свои порядки: почти построенные корабли за большие взятки от приказчика РАК Полевого Бухарин перевел в разряд судов, принадлежащих Компании. Далее он начал ежедневные допросы Башуцкого, состоявшие только из одного вопроса: «Где деньги?» Бухарин, с его воровским сознанием, никак не мог поверить бывшему начальнику порта, что при таких возможностях тот ничего не украл и не накопил. Только через полтора года, 9 декабря 1806 года, после строжайшего предписания сибирского генерал-губернатора тайного советника Ивана Борисовича Пестеля Башуцкий смог выехать в Петербург. А что же солдаты и промышленники, прибывшие с Бухариным? Новый начальник порта их попросту бросил на произвол судьбы. Как следствие треть из них умерли в ближайшую зиму от голода и цинги. А что для Бухарина люди? — на новом сибирском путешествии он нажил еще одно состояние, фактически ограбив две сотни человек.

Но самое неприятное случилось позже. Деятельный Бухарин, наложив свою лапу на все, с чего только можно было содрать хоть копейку, решил расширить географию своих подачей. Для вояжей по окрестным островам было выбран куттер «Черный орел» — прославленное судно экспедиции Сарычева. Естественно, значившийся на нем капитаном Хвостов, а с

ним и Давыдов получили возможность ближе познакомиться с сатрапом. Недолго Хвостов терпел выходки нового начальника, и когда Бухарин фактически отстранил Николая от командования куттером, разозленный Хвостов, стоявший вахту у штурвала, направил «Черного орла» к берегу и выбросил судно на песчаную отмель. Здесь и окончил свой недолгий морской век прекрасный и знаменитый корабль.

Естественно, Хвостов с Давыдовым тоже угодили под арест. От перспективы быть заключенными в полузатопленный корабль, ставший охотской тюрьмой, их спасло известие о возвращении «Надежды» в Петропавловск. Дело в том, что в Охотске залежалась свежая имперской значимости корреспонденция, которую срочно необходимо было доставить на Камчатку. Уже готовящееся отплытие «Марии» под командованием капитана Машина было задержано. Бухарин вовремя сообразил, что указ императора о посылке судна Резанову никто не отменял. «Черный орел», предназначенный для этого, стоял разбитым, но его капитан Хвостов был целехонек. То ли это была месть Хвостову, то ли необдуманное решение отправить капитана Хвостова без корабля с надеждой, что подходящее судно отыщется в Петропавловске, но так или иначе, Хвостов и Давыдов оказались на «Марии», плывшей на Камчатку. Незадолго до отплытия «Марии» Охотск покинула «Елизавета» — первое судно, которым довелось командовать Хвостову. Оно было отдано в командование лейтенанту Сукину, имевшему какое-то мутное прошлое. Вместе с ним на борту оказался и недавний собутыльник Хвостова — подмастерье Попов. Его по требованию Кошелева отправили в Петропавловск «завести собственный флот в Бобровом море». Капитан «Марии» лейтенант Машин оказался неплохим капитаном, но характер его был невыразителен. Машин соглашался со всеми по всем вопросам, часто противореча самому себе, и был чрезвычайно подвержен чужому влиянию.

Накануне прибытия «Марии» в Петропавловскую гавань вошел галиот «Охотск». Им командовал Володя Штейнгель. Юноша тоже поспешил покинуть ставшие негостеприим-

ными берега одноименного порта и планировал как можно больше времени провести в Петропавловске. Он даже не мог догадаться о том, что это не входит в планы генерал-майора Кошелева, который стремился за короткую навигацию наполнить Камчатку товарами. Поэтому Кошелев при первой же оказии постарался выдворить Штейнгеля, но мичман, не сумев пробиться сквозь льды Охотского моря, вернулся на Камчатку и, посадив «Охотск» на мель, остался зимовать в порту.

Штейнгель на своем «Охотске» привез корреспонденцию из Санкт-Петербурга. Едва «Охотск» успел бросить якоря, как на борту судна появился офицер с «Надежды» Фаддей Беллинсгаузен, с которым Володя Штейнгель учился в Морском кадетском корпусе. Судьбе угодно было разбросать их по разным концам необъятной России и неожиданная встреча здесь, на Камчатке, стала необыкновенным событием. После жарких объятий друзья, согласно распоряжениям Крузенштерна, сели в присланную шлюпку и отбыли на «Надежду».

Письма, полученные офицерами кругосветки, наполняли души моряков домашним уютом и надеждой. Крузенштерн торопливо читал письма от жены, в которых она рассказывала о его первенце и просила не беспокоиться за нее. Настроившись на добрый лад, Иван Федорович вскрыл конверты, опечатанные гербовым сургучом. Из письма императора Александра I он узнал, что за успешное преодоление половины пути он жалован орденом Святого Владимира на ленте. Чичагов в своих письмах поблагодарил Крузенштерна за то, что тот назвал в его честь остров в архипелаге Сандвичевых островов, и попросил собирать и, несмотря на издержки, где есть возможность, скупать предметы морской старины для недавно организованного Морского музея. Крузенштерн с удивлением отметил, что письмо датировано 29 апреля, а получил он свою корреспонденцию 4 июля, то есть письма из Петербурга в Охотск были доставлены всего за два месяца! Такой вот образчик работы курьерских служб образца начала XIX века. С такой скоростью письма доставлялись только в России! Нам есть чем гордиться. Система фельдьегерской

службы, налаженная Иваном Борисовичем Пестелем, была на тот момент лучшей в мире и стала образцом для подражания в странах Европы после окончания Наполеоновских войн. Однако это тема для отдельного исследования... Вернемся на борт «Надежды».

Крузенштерн, резонно решив, что в опасном плаванье, которое предстояло совершить русским морякам кругосветки, весь собранный материал: карты, рисунки, дневники, заметки — подвергается риску быть испорченным или утерянным, распорядился отправить его в Петербург сухим путем. Крузенштерн считал этот маршрут более безопасным и попросил Штейнгеля доставить материалы в Охотск, откуда почтовой службой переправить в столицу. На следующий день закипела работа: бумаги, упакованные в кожаные мешки и смоляные бочки, перегружались на борт «Охотска». Кроме того, судно кругосветчиков освобождалось от ценных экспонатов. Мистический страх вызывали у матросов мумии с Тенерифа, доставшиеся Резанову в качестве подарка. Чучела и гербарии последними покинули борт «Надежды». Забегая наперед, скажу, что «Охотск», зажатый льдами, едва не погиб в Охотском море и вынужден был вернуться для зимовки в Петропавловск. А вся коллекция экспедиции была отправлена окружным путем через Чукотку и Якутию. Остается только гадать, сколько ценных экспонатов не доехало до столицы.

Следующим пунктом назначения в Охотске для Штейнгеля был дом, в котором остановился Резанов. Из рук мичмана Николай Петрович получил письма от Александра и Румянцев, из которых камергер узнал, что награжден бриллиантовой табакеркой. «Вот уж бесполезнейшая из вещей в этих местах», — подумал Резанов. Мичмана, вручившего ему письма, он поблагодарил, но не запомнил, а между тем год спустя им предстояло еще встретиться. Примечательна судьба табакерки. Она прибыла на Камчатку со следующим транспортом, когда Резанов в Петропавловске уже не было. Драгоценная вещь стоимостью 2500 рублей, так и не попав в руки камергера, пропутешествовала через всю Сибирь в оба конца и

наконец-то в октябре 1806 года была вручена матери Резанова, оставшись самым дорогим воспоминанием о сыне.

Вечером внимательно перечитывая содержание полученных писем, Резанов понял, что, полагаясь на его дипломатическое искусство, царь Александр и министр Румянцев развязывают ему руки в дальнейших начинаниях, заранее соглашаясь на все его действия. «Намерения ваши я одобряю и не нахожу нужды по отдаленности снабжать вас новыми предписаниями, поручив, впрочем, министру коммерции подробнее отнестись к вам, если он в том найдет надобность», — было писано рукою Александра, а Румянцев в своем письме к этому добавил: «По твердости, с какою вы совершаете путешествие, и вообще по образу ваших мыслей, примечая, что дух ваш ищет славы, я думаю, что вы, действуя одни в Америке, без товарищества, проложите новой путь к личной славе и, конечно, не выедете из Кадыка, по крайней мере не отправив туда при себе надежных людей под вашими наставлениями. Впрочем, не стесняйтесь моими мыслями, а руководствуйтесь пользами компании».

Я не зря привел отрывки из писем, которые Резанов получил на Камчатке. Многие исследователи деятельности Резанова упрекнули его в самоуправстве при организации его «секретных экспедиций», но эти письма высших сановников российского руководства заранее оправдывают действия камергера. А мнение о том, что Резанов действовал без ведома двора и императора, ошибочно по двум причинам. Во-первых, при той скорости доставки корреспонденции уже примерно через два месяца Александр знал, что происходит даже в самых отдаленных уголках империи. Из этого вытекает второй вывод: знать и не остановить действие — все равно что молча ему способствовать. Именно так и поступил Александр, узнав о готовящейся Резановым военной экспедиции против японцев. Императору точно были известны планы камергера, но Александр не остановил своего посланника в том намерении, о котором Резанов доложил ему лично. Видимо, эти письма и стали отправной точкой, когда план по освобождению Курильских островов и Сахалина от японского влияния начал приобретать свои очертания...

Не став задерживать Штейнгеля, Резанов, любивший работать в тишине, остался наедине со своими мыслями.

Покончив с делами, Штейнгель и его однокашник Беллинсгаузен решили отпраздновать в кабаке свою встречу. Радости обоих не было предела. Еще бы — свидание на задворках империи кругосветного путешественника и охотского капитана, которые дружили с детства и сидели за одной партой в Морском кадетском корпусе, было неожиданным и приятным событием. Но когда в кабак вошел Давыдов, третий их сокурсник, тут уж началось настоящее веселье. Хвостов же, выяснив фамилию будущего открывателя Антарктиды, напрочь отказался сесть за один стол с еще одним немцем.

— Беллинсгаузен не немец, а швед, — попытался переубедить друга Давыдов. — Он родился на острове Эзель, на Балтике!

— Еще лучше! — через плечо ответил Хвостов. — Давно ли я шведов бивал? Вы, наверное, мичман, глядя на корабли под шведским флагом, проплывавшие мимо вашего острова, желали им победы? А я вот за эти бои «Владимира святого» ношу. Да чтоб я с врагом за один стол сел! Никогда! Пошли, Машин! Нам, русским, всегда есть о чем поговорить. Пусть великие мореплаватели французскую водку пьют, а мы здесь нашу, можжевелевую!

Хвостов и капитан «Марии» Машин сели за дальний стол и не слышали, о чем говорят мичманы, иначе, зная крутой нрав Хвостова, вряд ли право первооткрывателя шестого континента принадлежало бы Беллинсгаузену. Поведая о Японии, мичман с «Надежды» наябедничал Штейнгелю о Резанове. Живописав в подробностях конфликт камергера с Крузенштерном, Беллинсгаузен вышел на улицу проветриться. В тот же вечер Штейнгель передал все услышанное в письме Бухарину, своему непосредственному начальнику, наградив Резанова эпитетами «смешной и ничтожный». Давыдов же, не желая слушать дурное о человеке, подарившем ему возможность отправиться в Америку, перевел разговор в другое русло и все-таки познакомил однокашников со своими друзьями, подсев за стол, где

вовсю «наливался» Хвостов со своей флотской компанией. Не сдержавшись, Давыдов все-таки рассказал друзьям о приключениях Резанова.

Тем временем к кабаку подтянулись все офицеры «Надежды». После сытного обеда Головачев, Беллинсгаузен, капитан Кошелев, Хвостов, Давыдов и Левенштерн вышли на прогулку. Вечером возвращаясь домой, компания прогуливалась по Кошке, по берегу которой бежало множество собак. Давыдов, увидев животных, предложил посвятить их в моряки, для чего начал загонять собак в воду у самого крайнего выступа косы. Собаки не хотели прыгать в воду и, не зная как спастись, начали прорываться сквозь строй морских офицеров. Они пробивались с такой силой, что опрокинули Головачева. Давыдов бросил свою палку в последнюю собаку, и так неудачно ее задел, что та упала. Чувственный Давыдов подбежал к ней и, взяв на руки, донес до поселка, где животное пришло в себя. Все разговоры этого вечера были посвящены этому нелепому случаю, вызванному неосторожностью, шалостью и ребячеством.

Капитан брига «Мария» Машин, ускользнув под благовидным предлогом от веселой компании, по приглашению Крузенштерна отправился на «Надежду», где и провел всю ночь, рассказывая о жизни на Кадьяке и в Новоархангельске. Крузенштерн под впечатлением от слов обиженного лейтенанта излил на бумаге свое негодование по поводу правления Баранова, которого и в глаза не видел: «На Кадьяке, Уналашке и Ситхе¹ я не был, — говорит Крузенштерн в описании своего путешествия, — но судя по всему, виденному мною на судне «Мария» и слышанному от людей, бывших там и достойных всякой доверенности, об учреждениях компании в их американских селениях ясно представить себе можно бедственное состояние живущих в ее владениях. Самой прекраснейшей, ущедренной всеми дарами природы земли будет убежать каждый, если господствует в ней незаконная власть единого и грубого человека, и где нельзя ожидать никакого правосудия».

¹ Орфография Крузенштерна.

Не будучи знакомым с Барановым напрямую, Крузенштерн тем не менее осмелился очернить в своих дневниках этого воистину великого для Русской Америки человека. При этом он умолчал, что это самое правосудие, о котором он так печется, должно было бы свершиться, если бы не гордость самого капитан-лейтенанта. Ведь первоначально обер-прокурор Резанов, представлявший собой судебную власть, должен был быть доставлен к Баранову именно на борту его «Надежды». Но еще в Охотском море Резанов отказался от мысли следовать в Русскую Америку с Крузенштерном, чему последний был несказанно рад. Настроение капитана подняло и переполненное радостью письмо от жены — долгожданной весточки из дома, согревающей сердце: «О, мой любимый Крузенштерн, у меня письма от Вас с Камчатки! Вы живы, Вы здоровы! Позавчера я получила эти письма, но еще не могу поверить своему счастью, язык не слушается и нет слов, которые могут это выразить — письма с Камчатки!.. Я наполовину утратила рассудок... оглушена неожиданным счастьем, лишь к одной и той же мысли возвращаюсь постоянно — Вы были на Камчатке, Вы прошли мыс Горн, ах, мой боже, как я тебе благодарна... Боже мой! Как изменилось вся жизнь вокруг меня с позавчерашнего дня; правда, все еще по-прежнему — мы разлучены. Чудовищное пространство лежит между нами, мне придется еще полтора года жить вдали от Вас, только теперь у меня есть надежда, мужество и вера. Я буду вознаграждена за все...» Любящее сердце не ошиблось.

И все же, что же вызвало очередной конфликт между камергером и капитаном «Надежды»? Обратимся к истории, рассказанной Беллинсгаузенем. Покинув Нагасаки, Резанов, играя на самолюбии Крузенштерна, предложил ему обогнуть Японию с западной стороны, мало исследованной и запрещенной японцами для плаваний. Крузенштерн направил «Надежду» по указанному пути.

В Сингарском проливе «Надежда» едва не подверглась нападению местных пиратов. Однако джентльмены удачи, осмотрев судно, предпочли не связываться с пушками большого корабля неизвестной им европейской страны и удалились

восвояси. Между тем, обойдя Японию, «Надежда» встала на рейде города Матсмай у берегов Хоккайдо. Крузенштерн, Резанов и часть команды сошли на берег, где были любезно приняты гостеприимными японцем. Но уже на следующий день на «Надежду» прибыл японский офицер, который стал жестами объяснять опрометчивость вчерашнего визита. Каково же было его удивление, когда русский, по всей видимости, очень важный чиновник, заговорил с ним на его родном языке. Когда Резанов узнал, что этот офицер был дружен с Лаксманом, настало его время удивляться познаниям японцев в географии России. Однако следующие новости совершенно расстроили Резанова. От японского офицера Николай Петрович узнал, что южную часть Сахалина, а также четыре ближайших к Матсмаю острова — Уруп, Кунашир, Шикотан и Итуруп — жители Страны восходящего солнца причисляют к своим владениям. Между японцем и Резановым завязался спор о принадлежности островов и Сахалина. Последним аргументом камергера стала копия переведенного на японский язык его ответа японскому императору. Внимательно изучив документ, японец пригрозил мифическим Великим флотом и поспешил отплыть к берегу. Крузенштерн и Резанов, понимая, что переводить конфликт интересов с дипломатических на военные рельсы не время, поспешили к южной оконечности Сахалина, в бухту Анива, где действительно обнаружили японские магазины и склады.

На следующее утро, 8 мая 1805 года, естествоиспытатель Лангсдорф и первый помощник капитана Макар Ратманов ступили на берег Сахалина. Левенштерн поделился подробностями этого события в своем дневнике: «Мы не могли причалить из-за прилива, пока наконец маленькая лодка с айнами не доставила нас на берег. Только усиленные жесты не побудили наконец айнов оказать нам эту услугу. Японцы были очень напуганы нашим прибытием. Два самых знатных из них побледнели и долго не могли вымолвить ни слова. Они скоро пришли в себя, но страх их не совсем покинул. Айны в деревянных домах еще не поселились. Они поставили только летние жилища из древесной коры, кустарника и циновки. Айны

всю зиму находятся внутри страны. Мы вернулись вечером на корабль к чаю... Здесь имеется бесчисленное количество рыбы и диких уток. Киты дюжинами плавают в бухте, так что плавание на маленькой лодке делается опасным. Здесь очень плохо стоять на якоре. В бухте, где Ратманов высадился на берег, японцы воздвигли храм и две виселицы. Первый — для себя, а виселицы — для айнов, которые на вид кажутся очень добродушными людьми, услужливыми и скромными».

В то же время Крузенштерн с Резановым высадились в соседней бухте, где были встречены японскими офицерами, функция которых сводилась к надзору за поработщенными ими айнами, ведшими промысел в этих местах. Поднявшись на небольшой утес, Резанов водрузил русский флаг, заявив японцам, что их пребывание здесь незаконно, после чего получил... приглашение в дом, где у камергера появилась возможность проявить весь свой талант в познании японского языка, но убедить японцев он так и не сумел.

Уже на «Надежде», взбешенный провалом дипломатической миссии и наглостью японцев, Резанов высказал мысль о том, что неплохо бы начать военные действия и выдворить незваных гостей. Крузенштерн был удивлен горячностью камергера и произнес слова, ставшие новым яблоком раздора:

— А, собственно, зачем России эти острова?

— Как это «зачем»? Курильская гряда естественным образом ограждает Охотское море от океана, делая его морем внутренним, только России принадлежащим, равно как и Алеутские острова, отделяющие Бобровое море от океана. К тому же, по словам Шпанберга, проливы между этими островами — единственные незамерзающие проливы всей Курильской гряды. Это ворота России в Тихий океан!

— Неужто только о России печетесь? — съязвил Крузенштерн. — А о своей Компании и не вспомнили? Из ваших слов, Николай Петрович, вы более о ее интересах заботитесь, чем об интересах России. Эти острова безлюдны и ни от кого они Россию не прикрывают, а вот промысловый интерес в них большой... для вашей Компании. Что до острова Сахалин,

то заведение японских магазинов, наоборот, помогло бы торговле. Лаперуз пишет, что Сахалин не остров, а полуостров. В этом случае дорога, проложенная из Охотска в бухту Анива решила бы все проблемы с обеспечением Камчатки и Русской Америки японскими продуктами. Организация дорогих кругосветных плаваний для обеспечения колоний была бы не уже не столь необходима. А уж из Охотска суда, нагруженные японскими товарами, могли бы их доставлять и на Кадык. Для этого только и надо было, что добиться милости японского императора.

— Ба, милостивый государь, да вы — политик! И ваши умозаключения позволяют вам обвинить меня в том, что я провалил дипломатическую миссию в Японию? — еле сдерживая гнев, уточнил Резанов.

— Понимайте как знаете, сударь! — спокойно ответил Крузенштерн. — Однако я считаю, что если бы не географическое исследование Японии, то вся поездка туда была бы пустой тратой времени.

— Вы только что назвали дипломатическую миссию самодержца всероссийского «пустой тратой времени». Кем же считаете самого императора, раз идеи его столь пусты? Извините, Иван Федорович, но о нашем разговоре вынужден буду доложить через министерство.

— До министерства еще доплыть надо! — резко заключил Крузенштерн, после чего отправился в свою каюту.

Разговор капитана «Надежды» с послом его величества был достаточно громкий и состоялся он на палубе на глазах у всего экипажа. Слова своего капитана матросы восприняли как угрозу, после чего до самого прибытия в Петропавловск установили негласное дежурство у каюты Резанова. Наверное, в эти минуты у Николая Петровича, который понял, что военное вмешательство при помощи Крузенштерна невозможно, и начал созреть план отдельной военной экспедиции на Сахалин и к Южным Курилам. Но для этого нужны были корабли...

А между тем двигавшаяся вдоль восточного побережья Сахалина «Надежда» попала в ледовые ловушки, не позво-

лившие Крузенштерну продолжить плавание на север. Он развернул свое судно на 90 градусов и направился на восток к Курильской гряде. Пройдя проливом, ныне носящем его имя, он вышел в океан и открыл четыре острова (острова-ловушки). Шторм вынудил капитана повернуть свое судно обратно в Охотское море, а затем оно вновь вышло в Тихий океан, направившись к берегам Камчатки. 5 июня «Надежда» бросила свои якоря в бухте Святых Петра и Павла. Так завершился начальный период обследования первой русской кругосветной экспедицией Курило-Сахалинского региона.

Едва ступив на берег, Резанов встретился с Кошелевым и рассказал о нелिцеприятном разговоре с Крузенштерном. В руках камергера было зажато письмо Александру I, в котором доведенный до отчаяния Резанов подробно изложил императору все обиды, которые учинили над ним офицеры судна. Но письмо так и осталось неотправленным. Великодушные Резанова не знали границ. Неотправленное послание было найдено среди вещей Николая Петровича после смерти. Видимо, Кошелев и в этот раз сумел сгладить ситуацию.

А дел у Резанова и на Камчатке оказалось невпроворот. То сбор жалоб и принятие срочных мер по обустройству людей и порта, то сбор описаний полуострова со слов местных егерей для анализа общего положения на полуострове. Да еще все осложнял так не вовремя разыгравшийся ревматизм. Но Резанов работал. Уже были готовы проекты по благоустройству края, разосланы письма по министерствам с четко изложенной программой действий по заселению Камчатки, в дневниках камергера нашли отражение ключевые моменты политики по отношению к местному населению и природным ресурсам. В эти дни мучимый болезнью камергер позволял себе спать не более пяти часов. Через несколько дней от одного из солдат он узнал о нескольких японских рыбаках, потерпевших крушение на Курилах и доставленных в Петропавловск. Резанов встретился с ними. На просьбу вернуться на своем утлом беспалубном суденышке домой в Японию японцы получили отрицательный ответ. Резанов не хотел подвергать их жизни

опасности и предложил отправиться с ним на Кадык. Японцы, услышав родную речь, дали согласие, но на следующий день их и след простыл. Только через несколько лет благодаря рассказам Хвостова уже не Резанов, а Крузенштерн узнает, что эти японцы благополучно достигли берегов Страны восходящего солнца. Николай Петрович, конечно, расстроился, однако вскоре он вновь вынужден был вернуться к своим мыслям по поводу обозначения и закрепления дальневосточных границ России. А для этого нужно было точно удостовериться, что Сахалин — это остров.

На следующий день неутомимый Резанов, неудовлетворенный результатами исследования Сахалина, направил Крузенштерну инструкцию о повторном плаванье к острову и изучении его западной части. Главной задачей, которая вменялась капитану «Надежды», было нахождение пролива между материком и Сахалином. Инструкция Крузенштерному была выполнена, однако пролив он так и не нашел, отодвинув дату этого географического открытия на долгих пятьдесят лет. Эта ошибка и измышления Крузенштерна по поводу торга с обосновавшимися на Сахалине японцами впоследствии дорого стоили России. Это была своеобразная месть Резанову, считавшему Сахалин исключительно русской территорией, да и называвшему его не иначе как остров.

В этот же день, 6 июня 1805 года, Резанов официально передал руководство экспедицией Крузенштерну: «Как бы я ни был огорчен тем, что болезнь лишила меня удовольствия завершить путешествие, в научном отношении столь же интересное для всего мира, сколько и полезное для человечества, я утешаюсь тем, сударь, что вижу во главе экспедиции человека, заслуги и талант которого уже создали ему известность в образованном мире.

Доверяя вам, сударь, паспорта, выданные мне иностранными державами, я льшу себя, что в том, что касается прогресса в новых открытиях, они будут способствовать цели экспедиции.

Что касается меня, то, будучи полностью убежденным, что вы и ваши достойные коллеги прославите ваши имена в

анналах нашего века, я ничего другого более не могу вам сообщить, кроме особого и совершенного уважения, с которым имею честь, сударь, быть вашим нижайшим и покорнейшим слугой. Резанов».

Не успел Николай Петрович дописать свою последнюю инструкцию в составе первой русской кругосветной экспедиции, как в его комнату в доме майора Крупского кто-то постучал. Отворив дверь, Резанов никого не обнаружил. Только подброшенное кем-то письмо белым пятном выделялось на полу. Это была кляуза на Кошелева от поручика Кузьмы Ермолинского. Поручик, зная, что в их края приехал обер-прокурор (а Резанов занимал эту должность при Сенате), в письме обвинил губернатора в том, что тот выселил Ермолинского из казармы за то, что поручик отказался участвовать в общественных работах. В общем, барчук жаловался на то, что его заставляют приносить людям пользу. Естественно, Резанов хода делу не дал, но Кошелева вызвал.

Показав губернатору жалобу, Резанов попытался выяснить, почему на Кошелева, человека честного и уважаемого простым народом, пишут кляузы его подчиненные офицеры.

— И что здесь, народу не хватает! Откуда только такие бумаги берутся? — сетовал Резанов.

— А как им, жалобам, не быть, ежели двое камчадалов одного солдата кормят!

Потом Кошелев объяснил Резанову, за что выселил дармоеда, пьяницу и дебошира.

— У нас очень много проблем, Николай Петрович!

— Я здесь для того и есть, чтобы с этими проблемами ознакомиться и донести государю императору.

— Что ж, извольте выслушать. Солдаты, отправленные на поселение, никаких служб не несут, а казну проедают. Народонаселение от этого только страдает и уменьшается. Женщин нет, чтобы солдаты женами и хозяйством обзаводились. В общем, как и все у нас на Руси: на бумаге гладко, а в жизни гадко. Не солдаты тут, а крестьяне нужны.

— А кто ж защитит эти земли, ежели неприятель какой или приватир нагрянет?

В ответ Кошелев только развел руками.

— Рассуждения ваши, Петр Иванович, правильны, но недальновидны. Но отчаиваться не стоит. Выход есть. Казаки могут решить этот сложный вопрос. Сибирь и Кубань служат тому примером. И жен им найдем. По прибытии в столицу подам я проект императору о том, чтобы со дворов тех дворян, что не отбывают воинскую повинность, молодых собирать и к вам отправлять на поселение. Но ненасильно. Кто будет иметь желание отправиться сюда на поселение — вольную дадим. А чтобы заохотить их еще больше — и родителям их дадим вольную с условием поселения на Камчатке.

— Проект хороший. Да только, боюсь, сюда пол-России двинется!

— И хорошо! Часть оседет в Сибири, часть на Сахалине, а кто-то и сюда доберется!

— Тогда уж всем вольную давать придется!

— Император рассматривал такие перспективы, да вот рано, говорит.

— Рано? Кабы поздно не оказалось. Казачество сибирское пример собой являет, как вольный человек может развиваться. Ведь казак — он кто? И хлебопашец, и строитель, и воин. А мои вояки только хлеб казенный проедают да убытки несут. Офицеры совсем обнаглели. Снюхались с конторщиками, простите, вашей Компании и ясаком своим коренные народы грабят. Вот не станет камчадалов, кто тогда кормить их будет? Кого здесь защищать останется?

— Милостивый государь мой, извольте все это излить на бумаге, а я попробую преподнести ваши идеи, Петр Иванович, императору Александру. Думаю, что смогу его убедить и определить краю сему и всей американской Руси особое положение.

В разговор вмешался вошедший Лангсдорф:

— А мне можно, господин Резанов, свои мысли изложить? Хочу быть полезен этому благословенному краю!

— От вас, профессор, — ответил Резанов, — ожидаю живейшую оценку увиденному! Меня радует ваше рвение и желание послужить России.

Отложив в сторону недописанное письмо о результатах японского посольства, адресованное российскому императору, и набросав планы инспектирования Русской Америки, Резанов, отказавшийся продолжить совместное с Крузенштерном плавание, задумался о необходимости своего визита к Баранову в Русскую Америку. Мрачные мысли не давали ему покоя. Когда Резанов по возвращении из Японии съехал на берег Камчатки, ни Крузенштерн, ни его офицеры ни разу не навестили больного посланника. Только лейтенант Головачёв, находившийся постоянно в приятельных отношениях с Резановым, не изменил этой дружбе.

Сидя в доме Кошелева, больной Резанов делился с губернатором и Лангсдорфом своими невеселыми мыслями:

— Не хватило мне духа, чтобы переломить японцев. Я грех против императора и России-матушки совершил. В разорение страну ввергаю. Опять через полмира самое простое — муку и зерно возить! Да и то не на чем! Мне в Америку надо, к Баранову. Но нет ни судна, ни капитана.

— Куттер «Черный орел», предназначенный для вас, не придет, — поделился новостью Кошелев. — Вчера прибыл лейтенант Штейнгель на «Охотске» и сообщил, что начальник Охотского порта Башуцкий заменен Бухариным. Ходят слухи, что Бухарин — первейший вор. А воров я быю. Вот с чем надо разобраться, Николай Петрович.

— Что с «Черным орлом»?

— Что-то этот Бухарин не поделил с капитаном куттера, и тот нарочно повредил судно на отмелях Охты.

— Под суд таких капитанов нужно! Как фамилия этого капитана?

— Вечером узнаем у Штейнгеля. А может, вы, господин Резанов, воспользуетесь «Охотском»? А то капитаны что-то в последнее время взяли за моду корабли на мели сажать. Штейнгель-то тем же отличился у нас. Но судно не повреждено. Авось дойдете...

— Надо быть сумасшедшим, чтобы отправляться осенью на Кадьяк! — заверил Лангсдорф. — Согласно запискам Ванкувера, Кука и других мореплавателей Алеутские

острова почти круглый год скованы льдом, и только пара летних месяцев позволяет осуществлять плавание. Нужно быть либо смельчаком, либо безумцем, чтобы решиться на это! Вряд ли в гавани найдется капитан, готовый на подобную авантюру.

Резанов хитро посмотрел на Лангсдорфа.

— А что бы вы предпочли, милый профессор: посетить Русскую Америку с ее неисследованными землями или завершить путешествие на «Надежде»?

— Вы же знаете, господин Резанов, — я служу науке! Южные моря уже достаточно исследованы, да и Тилезиус вздохнет с облегчением без меня, а новые, практически девственные земли таят в себе море тайн.

— Тогда предлагаю вам, Лангсдорф, новый контракт. Я удваиваю ваше жалованье, если вы согласитесь сопровождать меня к берегам Нового Света!

Удивленный таким оборотом дела, Лангсдорф хотел еще что-то возразить, но, махнув рукой, радостно ответил:

— Почту за честь совершать свои открытия в столь прекрасной компании, как ваша, господин Резанов!

«Мой выбор, — отметит впоследствии Лангсдорф, — был наконец решен в пользу Америки, так как я считал своим долгом перед наукою и не пропустить столь необычное и редкое путешествие, да еще в столь благоприятных, казалось, условиях».

Не успел Лангсдорф договорить, как в комнату шумно вошла парочка морских офицеров. Кошелев выглянул в окно. В бухте, едва покачиваясь на волнах, стоял на якоре бриг «Мария». Губернатор вспомнил, что начальник Охотского порта Башуцкий обещал прислать еще одно судно в летнюю навигацию. Выходит, что выполнил обещание. Кошелев взглянул на офицеров, видимо, что-то припоминая. Ему показалось, что пару лет назад он их где-то встречал. И вдруг его осенило! Он вспомнил короткую встречу в доме Башуцкого в Охотске. Юного мичмана, записки которого, разбросанные по столу, помешали ему позавтракать. А второй — его друг, лейтенант с «Ретвизана»...

С веселой улыбкой губернатор обратился к Резанову:

— Кажется, ваше превосходительство, я нашел для вас судно и сумасшедшего капитана, готового довести это судно осенью до Кадьяка за одну навигацию! По крайней мере я знаю единственного морского офицера на всем побережье от Охотска до Ново-Архангельска, который сможет довести судно в целости до американских берегов в это время года.

Рязанов оживился и резко обернулся. Перед ним стояли улыбающиеся мичман Давыдов и лейтенант Хвостов.

Так, всего лишь через неделю после того, как Резанов покинул «Надежду», он оказался уже на другом судне, уносившем его от родных берегов к далекой и пока еще загадочной Америке.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1	
ХВОСТОВ, ДАВЫДОВ И ТОЛСТОЙ.....	7
Глава 2	
РЕЗАНОВ ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КРУГОСВЕТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ	31
Глава 3	
СИБИРСКОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ МОРСКИХ ОФИЦЕРОВ.....	75
Глава 4	
РУССКИЙ ФЛАГ НАД АТЛАНТИКОЙ.....	103
Глава 5	
БРОСОК В АМЕРИКУ	147
Глава 6	
НА РАЙСКИХ БЕРЕГАХ	178
Глава 7	
У ПОСЛЕДНЕГО РУБЕЖА ИМПЕРИИ.....	205
ГЛАВА 8	
В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ	239
Глава 9	
ЗНАКОМСТВО С КАМЧАТКОЙ	265
Глава 10	
ПЕРВАЯ РУССКО-ИНДЕЙСКАЯ	300
Глава 11	
ЯПОНСКАЯ МИССИЯ.....	337
Глава 12	
ВСТРЕЧА.....	384

СЕРИЯ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

В СЕРИИ ПЛАНИРУЕТСЯ:

Г. Эмар. Короли океана (Грозный Олоннэ)

Д. Володихин. Царь Гильгамеш

М. Загоскин. Аскольдова могила

А. де Кок. Последние из Валуа

Ю. Андреева. Фридрих Барбаросса

П. Феваль. Шевалье Фортюн

М. Алексашин. «Надежда» и «Нева»

М. Зевако. Трибуле

Б. Васильев. Вещий Олег

В. Пронин. Завещание мессера Марко

С. Булыга. Железный волк

В. Гладкий. Ассасины

Т. Беспалова. Последний бой Пересвета

Б. Сушинский. Жребий викинга

М. Алексашин. «Юнона» и «Авось»

А. Майборода. Последняя амазонка

А. Гурин, И. Ассе. Русский Ришелье

П.-А. де Понсон дю Террайль. Западня

КАКИЕ ГЕРОИ? КАКИЕ ЭПОХИ? КАКИЕ СТРАНЫ?

Присоединяйтесь к читательской редколлегии,
присылайте свои предложения!

Ваше участие определит состав серии
исторических романов.

E-mail: history@lovetoread.ru

Следующая книга серии исторических романов: *М. Зевако. Трибуле*

Король Франции Франциск I спятил. Шутка ли, в свои пятьдесят влюбиться в семнадцатилетнюю! Все придворные готовы кивать и поддакивать нестарющему монарху, лишь шут Трибуле не весел. На его всегда улыбающемся лице за- таился страх.

Пока в Лувре решают, кто больший дурак — король или его шут, в Париж, город своего детства, возвращается шевалье де Рагастен. Его цель — найти и вернуть то, что он потерял. Рагастен знает, где искать, но при всей своей силе и отваге понимает — сделать это в одиночку практически невозможно. Есть в Париже место, проникнув в которое, любой смертный может обрести бессмертие, если о нем будет кому вспоминать. За помощью Рагастен решает обратиться к королю...

Роман французского писателя Мишеля Зевако, владевшего пером так же легко, как и шпагой, погружает читателей в бурную эпоху Ренессанса. На свой особый манер он рассказывает историю, которая стара как мир. Историю, прославленную когда-то в пьесе Гюго и воспетую в бессмертной опере Верди. На русском языке публикуется впервые.

Литературно-художественное издание

Серия исторических романов

Алексашин Максим Иванович

«НАДЕЖДА» И «НЕВА»

Выпускающий редактор *В.Ф. Матющенко*

Художник *П.Л. Парамонов*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *И.В. Хренов*

Художественное оформление и дизайн обложки *Е.А. Забелина*

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 10.09.2014. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13. Тираж 5000 экз. Заказ № 9481.

ООО «Имидж Принт»

300041, г. Тула, ул. Ф. Энгельса, д. 70, оф. 129.

Отпечатано в ООО "Тульская типография"
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Неудержимое желание служить России сводит вместе камергера двора Его Величества Николая Петровича Резанова и соленого морского волка Николая Хвостова, морского офицера Ивана Крузенштерна и его однокашника Юрия Лисянского, молодого мичмана-поэта Гаврилу Давыдова и эксцентричного авантюриста Федора Толстого. Душа их живет среди волн и ветра. Впереди — Атлантика и Бразилия, Камчатка и Япония, Америка и Алеутские острова. Роман Максима Алексашина повествует о сложной драматической судьбе участников первого русского кругосветного путешествия.

ISBN 978-5-4444-2391-2

9785444423912